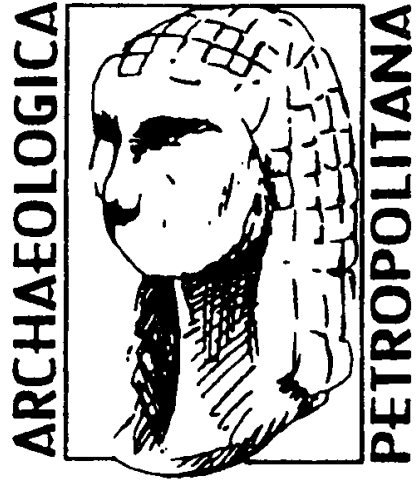

**М. П. ГРЯЗНОВ, М. Н. КОМАРОВА,
И. П. ЛАЗАРЕТОВ, А. В. ПОЛЯКОВ,
М. Н. ПШЕНИЦЫНА**

**МОГИЛЬНИК
КЮРГЕННЕР
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ**

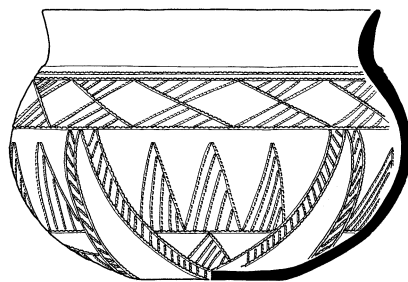

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MEMOIRS. VOLUME XXXI

**Mikhail P. Gryaznov, Mariya N. Komarova,
Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov,
Margarita N. Pshenitsyna**

KYURGHENNER — A LATE BRONZE AGE CEMETERY IN THE MIDDLE YENISEI REGION

Edited by Margarita N. Pshenitsyna

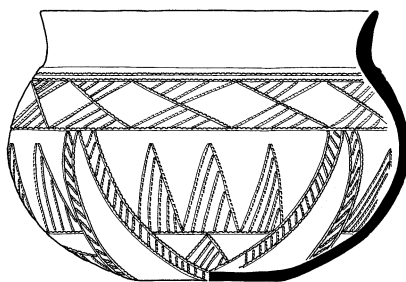
**St. Petersburg
2010**

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

ТРУДЫ. ТОМ XXXI

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова,
И. П. Лазаретов, А. В. Поляков,
М. Н. Пшеницына

МОГИЛЬНИК КЮРГЕННЕР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Под общей редакцией М. Н. Пшеницыной

Санкт-Петербург
2010

УДК 903(571.151)
ББК Т4(2)225.1

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-16017 д)*

*Утверждено к печати Ученым советом Учреждения Российской Академии наук
Института истории материальной культуры РАН*

Ответственный редактор: канд. ист. наук М. Н. Пшеницына
Рецензенты: канд. ист. наук В. А. Алёкшин, канд. ист. наук Н. А. Боковенко

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея / Под общей ред. М. Н. Пшеницыной. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 200 с. (Archaeologica Petropolitana; Труды ИИМК РАН. Т. XXXI).

Книга представляет собой коллективную монографию, основанную на материалах раскопок могильника Кюргеннер (126 курганов). Исследование этого памятника проводилось М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой в процессе работ Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1965—1966 гг. Были получены ценные и в ряде случаев уникальные материалы, датируемые классическим этапом карасукской культуры. Они сразу поступили на постоянное хранение в фонды Государственного Эрмитажа, но, в силу ряда обстоятельств, не зависящих от авторов раскопок, до сих пор не были введены в научный оборот.

В первой главе представлены материалы могильника, а также некоторые предварительные выводы М. П. Грязнова, содержащиеся в его полевых отчётах и отдельных кратких публикациях. Остальные четыре главы, написанные А. В. Поляковым и И. П. Лазаретовым, посвящены исследованию этого памятника и определению его места в рамках современных представлений об относительной хронологии эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее. К монографии приложена работа С. В. Хаврина, в которой рассматривается вопрос о химическом составе бронзовых изделий могильника.

Монография представляет большой интерес для археологов, антропологов, этнографов, историков и краеведов.

На первой странице обложки: глиняный сосуд (Кюргеннер I, курган 2, могила 2).

ISBN 978-5-85803-427-8

9 785858 034278

© М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына
С. В. Хаврин, 2010
© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Петербургское Востоковедение, 2010

Оглавление

Предисловие. М. Н. Пшеницына.	6
Глава I. М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, М. Н. Пшеницына. Материалы могильников Кюргеннер I и II.	9
Глава II. А. В. Поляков. Общая характеристика материалов могильников Кюргеннер I и II	43
Глава III. А. В. Поляков. Относительная хронология погребений могильника.	60
Глава IV. А. В. Поляков. Типология керамики из погребений классического этапа карасукской культуры	70
Глава V. И. П. Лазаретов. Группа атипичных погребений могильника Кюргеннер I	83
Приложение I. М. Н. Пшеницына, А. В. Поляков. Архивные материалы	95
Приложение II. А. В. Поляков. Статистические данные.	97
Приложение III. С. В. Хаврин. Металл могильника Кюргеннер.	102
Иллюстрации	107
Summary	191
Список литературы.	192
Список сокращений	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более пятидесяти лет назад, в 1958 г., в Ленинградском отделении Института Археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) была организована Красноярская археологическая экспедиция, руководство которой было поручено доктору исторических наук заслуженному деятелю науки РСФСР лауреату Государственной премии СССР (1983) члену-корреспонденту Германского археологического института (1984) — выдающемуся российско-

Михаил Петрович Грязнов

му археологу, одному из ведущих специалистов по древней истории Сибири и кочевых племен степного пояса Евразии Михаилу Петровичу Грязнову. В течение почти 20 лет (по 1977 г. включительно) экспедиция в количестве от шести до девяти отрядов работала ежегодно по берегам Енисея и по некоторым его притокам в ложе проектируемого водохранилища Красно-

ярской ГЭС, а с 1970 г. — по берегам Красноярского «моря». Большая часть зеркала будущего водохранилища располагалась в пределах Минусинской степной котловины. В этом наиболее полно и детально исследованном в археологическом отношении районе Сибири никогда ранее не производилось столь обширных раскопок. По некоторым периодам было исследовано столько же (а иногда и в несколько раз больше) памятников, сколько их было раскопано за все предшествующее время археологических исследований на Енисее.

Результатом работы экспедиции стало обогащение сибирской археологии огромным новым материалом по всем периодам истории древних племен Минусинской котловины, превышающим по своему объему все то, что было известно прежде. Было спасено для науки, открыто и изучено свыше 2500 памятников разных исторических эпох от палеолита до позднего средневековья. Только могил карасукской культуры было исследовано почти 1500 (Прилож. II, табл. 1), что позволило М. П. Грязнову предложить схему последовательной смены двух самостоятельных этапов: собственно карасукского и каменоложского [Грязнов, 1965, с. 62; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968; Максименков, 1975].

Успех работы экспедиции во многом был определен новым подходом к изучению различных погребальных памятников, предложенным М. П. Грязновым. Экспедиции удалось разработать методику реконструкции и изучения первоначального вида каменных надмогильных сооружений. То, что прежде представлялось каменной насыпью или круглыми и прямоугольными выкладками, теперь предстает перед нами в виде каменных надмогильных оград точно установленных формы и размеров; иногда эти сооружения удавалось реконструировать на месте. Сплошное вскрытие могильников при детальном исследовании всей площади памятника позволило не только значительно увеличить объем фактического материала и углубить полноту представления о памятнике, но и поставить некоторые новые в археологии вопросы.

В силу ряда обстоятельств, не зависящих от руководителя экспедиции М. П. Грязнова, научная обработка и издание материалов Красноярской экспедиции растянулись на долгие десятилетия. На сегодня опубликованы и включены в научный оборот отдельные памятники, не отражающие всего объема проведенных раскопок ([Грязнов, 1999; Максименков, 1978; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980; Максименков, 2003; Завитухина, Морозов, 2003] и др.). Материалы

карасукской культуры представлены единственной монографией Л. П. Зяблина, посвящённой исследованию могильника Малые Копёны III [Зяблин, 1977]. Другие, не менее значительные комплексы — Сухое Озеро II, Кюргеннер I и II, Карасук I, IV, VI, VIII, Каменный Лог I и II, а также десятки небольших памятников по-прежнему известны только специалистам, непосредственно занимающимся карасукской проблематикой. Публикация и тщательная научная обработка этих материалов позволит совершенно по-новому взглянуть на многие ключевые вопросы эпохи поздней бронзы Южной Сибири.

В этом ряду могильник Кюргеннер (184 могилы), исследованный М. П. Грязновым в 1965—1966 гг., занимает особое место. Этот комплекс третий по величине из раскопанных на сегодня памятников после могильников Сухое Озеро II (550 могил) и Малые Копёны III (287 могил). Вместе они составляют примерно третью часть всех исследованных карасукских могил. Г. А. Максименковым по результатам раскопок могильника Сухое Озеро II подготовлена весьма интересная рукопись, которая пока ещё не опубликована. Материалы могильника Малые Копёны III изданы Л. П. Зяблиным [Зяблин, 1977]. И только могильник Кюргеннер прошёл лишь первичную обработку, перед тем как на четыре десятилетия лечь в архивы. Были сделаны и опубликованы только отдельные рисунки и фотографии наиболее интересных вещей (см., например: [Грязнов, 1966; Грязнов, Комарова, 1966; Грязнов, Комарова, 1967; Членова, 1972, табл. 16, рис. 17—19]). Именно наименьшая изученность и предопределила выбор этого могильника в качестве «отправной точки» для начала публикации очень широкого круга источников по карасукской культуре.

Предлагаемая читателям книга является коллективным монографическим исследованием. Основу ее составляет подробная публикация всех материалов могильников Кюргеннер I и II.

При подготовке публикации были тщательно изучены материалы, хранящиеся в архивах ИИМК РАН (Прилож. I). Чертежи воспроизведены с негативов фототаблиц, подготовленных к отчётам М. П. Грязновым. Отдельные детали были уточнены с привлечением полевых чертежей (миллиметровок), хранящихся в рукописном фонде. Кроме того, в отдельных случаях были привлечены полевые дневники участников раскопок (Л. Л. Барковой, М. Н. Комаровой, Хуана Дуке Ибарече, Е. В. Лапиной, В. П. Пяткиной), что позволило уточнить некоторые весьма существенные детали.

Значительный объём работ был проведён в фондах Государственного Эрмитажа в отделе археологии Восточной Европы и Сибири, куда 28.12.1966 г. по акту № 757 и 7.12.1967 г. по акту № 804 с приложением описей были переданы на постоянное хранение все вещевые материалы могильников Кюргеннер I и II. Составлением описей и передачей всех материалов в Государственный Эрмитаж по поручению М. П. Грязнова занималась младший научный сотрудник ЛОИА АН СССР М. Н. Пшеницына (Архив ЛОИА АН СССР,

ф. 35, оп. 1/1965, ед. хр. 78; то же, ф. 35, оп. 1/1966, ед. хр. 121).

Впервые все материалы могильника Кюргеннер были полностью зарисованы и сфотографированы. Рисунки вещей выполнены М. В. Никитиной (рис. 31, 14 и 32, 9 сделаны В. Г. Ефимовым). Химический состав бронзовых изделий, а также части предметов из других материалов был проанализирован старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным. Результаты этих исследований изложены отдельно (Прилож. III). А. В. Поляковым были составлены все таблицы оград и могил, а также вещей и горшков могильника в компьютерном варианте (рис. 1—55). При сверке текстов отчетов с чертежами и полевыми дневниками, хранящимися в рукописном архиве ИИМК РАН, и непосредственно с вещевыми коллекциями Государственного Эрмитажа А. В. Поляковым и М. Н. Пшеницыной были отмечены некоторые расхождения, в процессе работы они были устранены. В таблицах к первой главе (рис. 31—40, 52—53, 55) представлены находки, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. В некоторых случаях фрагменты отдельных сосудов и мелкие вещи из могил в отчетах не отмечены, однако в коллекциях они присутствуют. В таких случаях возле номера этого предмета в таблицах поставлена звездочка, а в тексте при описании могилы, к которой данный предмет относится по коллекционным описям Государственного Эрмитажа, сделана соответствующая сноска.

Отчёты М. П. Грязнова (глава I) содержат данные о 126 раскопанных курганах (184 могилы). Все они относятся к собственно карасукскому, или классическому, этапу культуры (по периодизации М. П. Грязнова). При анализе и сопоставлении материалов могильников Кюргеннер I и II с данными других могильников и среднестатистическими цифрами использовалась база данных А. В. Полякова, в которой собраны сведения по 1483 курганам (2483 погребения) классического этапа карасукской культуры. На сегодня это примерно 97 % от числа всех исследованных памятников. Чтобы избежать терминологической путаницы, следует сразу оговориться, что во всех случаях термин «карасук» (карасукская, карасукский и т. д.) относится только к классическому этапу культуры. В тех ситуациях, когда будет необходимо обратиться к материалам позднего каменоложского этапа, это будет оговариваться отдельно.

Глава I монографии представляет собой полевые отчёты карасукского отряда Красноярской экспедиции за 1965 и 1966 гг. При этом редакцией был максимально сохранён авторский текст, посвящённый общей характеристике могильника, отдельным деталям проведения работ и описанию каждой могилы. Три следующие главы написаны А. В. Поляковым. Глава II посвящена общей характеристике материалов могильника. Глава III даёт читателям представление об относительной хронологии погребений этого памятника, а также классического этапа карасукской культуры в целом. В главе IV представлена новая типология кера-

мики, позволяющая систематизировать, в том числе, и материалы могильников Кюргеннер I и II. Глава V, написанная И. П. Лазаретовым, посвящена уникальной группе атипичных погребений, вероятно, сыгравшей очень важную роль в процессе формирования и развития карасукской культуры. И, наконец, глава VI, написанная С. В. Хавриным, характеризует химический состав металлических изделий этого памятника.

Коллектив авторов выражает свою признательность за активную помощь в изучении коллекций хранителю материалов могильника старшему научному сотруднику доктору культурологических наук Л. С. Марсадолову, а также сотрудникам отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа кандидату исторических наук Н. Н. Николаеву и О. С. Емелиной.

М. Н. Пшеницына

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, М. Н. Пшеницына

Глава I

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКОВ КЮРГЕННЕР I и II

Главные усилия карасукского отряда в 1965 г. были направлены на поиски и раскопки памятников карасукской культуры. Поскольку работы на прежних объектах отрядом были завершены, предстояло избрать для раскопок новые памятники. С этой целью в начале работ была предпринята небольшой группой (кроме М. П. Грязнова, в ней приняли участие М. Н. Пшеницына, Б. Н. Пяткин и А. С. Загородний) шестидневная поездка с целью осмотра и проведения разведочных раскопок ранее виденных памятников, а также возможного открытия новых. Во время этой поездки были произведены разведочные раскопки карасукских могил у горы Тепсей [Грязнов, 1979, с. 12, 38, 39] и в могильнике Кюргеннер. В результате могильник Кюргеннер был избран в качестве одного из основных объектов раскопок на 1965 г. Работы на нём велись в течение полутора месяцев (с 12 июля по 26 августа), сначала небольшой группой, а затем и всем составом отряда.

Начальником карасукского отряда официально была назначена М. Н. Комарова. Практически же работами отряда, как и в прежние годы, она руководила совместно с М. П. Грязновым. Настоящий отчёт о раскопках также составлен ими совместно, причём большая часть текста написана М. Н. Комаровой.

Работавшие в составе отряда старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. П. Завитухина и младший научный сотрудник ЛОИА АН СССР М. Н. Пшеницына вели самостоятельные работы на расположенных поблизости двух могильниках тагарской культуры, имея каждая свой отдельный открытый лист на раскопки. М. П. Завитухина исследовала курганы в могильнике Кичик-Кюзюр I [Завитухина, Морозов, 2003, с. 100—116], М. Н. Пшеницына — в могильнике Улуг-Кюзюр I [Пшеницына, 1966, с. 18—19; 1967, с. 143—145].

В работах отряда приняли участие: старший научный сотрудник ГЭ канд. ист. наук Е. И. Лубо-Лесниченко; старший научный сотрудник Института истории АН Узбекской ССР А. Аскар; младший научный сотрудник ЛОИА АН СССР канд. ист. наук А. А. Гаврилова; младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа Л. Л. Баркова; аспирант Института исто-

рии АН Узбекской ССР Хуан Дуке Ибаречче; лаборант ЛОИА АН СССР Б. Н. Пяткин. Все они вели раскопки на отдельных участках и объектах, и каждый на своем объекте производил расчистку могил, руководил работами, вёл дневник и сам в свободное время копал землю. Е. И. Лубо-Лесниченко, кроме того, вёл фотографические работы по всему отряду. Вся основная масса полевых фотографий выполнены им.

В отряде работали также студенты-археологи из Ленинградского государственного университета А. С. Загородний, В. П. Пяткина и Е. В. Лапина. В ряде случаев они участвовали в раскопках отдельных объектов с ведением дневников. В. П. Пяткина, кроме того, вела полевую камеральную обработку всех материалов отряда (первичная чистка, упаковка, описи). Из Среднеазиатского университета (Ташкент) в отряде работал В. Я. Бутанаев; из Томского университета — Г. Сулев, А. Тырбылев, М. Старцев, В. Серебрянникова и другие. Работы по графической документации раскопок вели архитектор В. Г. Лазарева, художник С. И. Славкова и студенты художественных вузов Ленинграда В. Ларионов и Э. Сазонова. Чистовые чертежи к отчету выполнены В. Г. Лазаревой.

Первичное определение костных останков производилось в поле. Определение пола и возраста погребённых и отбор антропологического материала сделаны М. П. Грязновым. Определение костей животных произведено палеозоологом ЛОИА АН СССР Н. М. Ермоловой. Основная масса определённых ею костей затем уничтожались, привезены в г. Ленинград лишь кости, представлявшие интерес для постоянного хранения, а также кости, нуждавшиеся в дополнительной обработке в лабораторных условиях.

Могильник открыт во время разведки в 1964 г., находится он на левом берегу Енисея около посёлка Советская Хакасия, в 45 км ниже города Абакана (рис. 1), расположен могильник на первой надпойменной террасе в 800—1200 м от современной протоки реки Енисей, между двумя сухими низинками, называемыми Кичик-Кюзюр и Улуг-Кюзюр, что значит малый и большой солончаки (рис. 2). Это высохшие русла прежних протоков, возможно, и тогда уже бывших сухими. Мы насчитали тогда в могильнике до 200 пло-

ских земляных курганов. В отчетном году, прежде чем окончательно остановить на нём свой выбор, мы раскопали в нём две могилы (курган 1 и курган 2, могила 1) и увидели обычную для карасукских могильников картину — могилы разграблены, но в них находятся различные вещи. В могиле кургана 2 мы нашли каменный брусок с отверстиями на концах и два хорошо орнаментированных горшка, один из них с белой инкрустацией.

Могильник состоит из двух групп курганов, названных нами Кюргеннер I и Кюргеннер II. Именем Кюргеннер, что значит «курганы», хакасы называют здесь всю площадку, где кроме карасукских могил расположены еще несколько групп курганов тагарской культуры с высокими камнями в их каменных оградах. В северной группе (Кюргеннер I) мы нанесли на план 431 курган, в южной группе, отделенной от северной свободным от курганов пространством ширины всего 20—30 м (Кюргеннер II) — 157 курганов (рис. 3). Всего в обеих группах насчитывается 588 курганов. В 80 м к северо-востоку от группы Кюргеннер II, параллельно ей, расположена на протяжении 500—600 м вдоль края низинки Кичик-Кюзюр группа тагарских курганов подгорновского этапа, названная нами Кичик-Кюзюр I. В ней насчитывается 15 курганов. В 50 м к юго-востоку от неё располагается ещё одна группа курганов, отнесённых нами к сарагашенскому этапу, эту группу мы назвали Кичик-Кюзюр II. За ней находятся еще группы курганов тагарской культуры, расположенные близко одна к другой и чётко не разграничиваемые. На юго-запад от могильника Кюргеннер I, в 400 м от него, у края низинки Улуг-Кюзюр располагается группа курганов сарагашенского этапа, названная нами Улуг-Кюзюр I. Кроме того, небольшие группы курганов, вероятно раннетагарского времени, находятся все на той же площадке к западу и северо-западу от Кюргеннер I.

Площадь могильника почти совершенно ровная. Лето 1965 г. было жарким и сухим. Трава здесь совершенно выгорела на солнце. Карасукские могилы благодаря этому были отчетливо видны на степной поверхности, и мы насчитали их в Кюргеннер I не 200, как в прошлом году, а вдвое с лишним больше и вскоре же обнаружили второй могильник, Кюргеннер II, ранее нами не замеченный. На ровной степной поверхности могилы заметны прежде всего по небольшим возвышениям, которые курганами мы называем, конечно, лишь условно. Только некоторые из них достигают высоты 60—70 см при диаметре 10—15 м. Основная же масса их возвышаются над уровнем степи всего на 10—20 см или же совсем не имеют насыпи, многие могилы совершенно плоские. При описании отдельных могил высота насыпи отмечалась лишь в тех случаях, когда она была достаточно хорошо заметна. Диаметр насыпи указывался только в случае, если граница ее была хотя бы приблизительно определена. Почти на всех могилах за редкими исключениями (10 из 588) видна хотя бы частично каменная ограда. Обычно это прямоугольные оградки из вертикально поставленных тонких плит (фото 1). Наземные части их разрушены почти полностью. Видны лишь заглаженные временем верхние края плит на уровне поверхности земли или возвышающиеся над ней на 2—3 см, в редких случаях до 10 и даже 15 см. Большая часть плит ограды вообще не видны на поверхности. Форма и размеры оград во многих случаях определяются лишь по трем-четырем видимым на поверхности плитам. Часто на поверхности видны плиты лишь одной или двух стенок ограды.

Есть и круглые ограды. В могильнике Кюргеннер I мы насчитали 19 круглых оград (фото 2), семь из которых раскопали (№ 2, 23, 31, 32, 33, 40, 59). В могильнике Кюргеннер II одна круглая ограда, ее мы тоже раскопали (№ 5). Это, как правило, более крупные

Фото 1. Кюргеннер I, курган 45 (вид с востока)

Фото 2. Кюргеннер I, курган 32 (вид с юга)

и, как увидим ниже, более богатые курганы. Ограды их сооружены из уложенного плашмя друг на друга плитняка. На поверхности кургана такая ограда имеет вид лишенной растительности кольцевой «дорожки» шириной 20—30 см, местами на ней видны и отдельные плашмя лежащие плитки.

В 1965 г. нами раскопано в могильнике Кюргеннер I — 62 кургана, содержащих 94 могилы, и в могильнике Кюргеннер II — 5 курганов, содержащих 7 могил (фото 3). Из них только 15 курганов были исследованы полностью, с расчисткой всего надмогильного сооружения (№ 31, 32, 34, 42—52). В одном кургане была расчищена снаружи вся стена круглой ограды, а пространство внутри ограды, кроме самой могилы, оставлено неисследованным (Кюргеннер I, курган 33). В остальных курганах раскапывались только могила и остатки ее покрытия, а остальное пространство внутри ограды и сама ограда оставались неисследованными. Используя такой способ, мы значительно увеличили число исследованных могил при совершенно незначительных в данном случае потерях в научной ценности исследуемых памятников. Мы решили пойти на это, поскольку конструкция могильных оград карасукской культуры нам хорошо известна по сотням ранее исследованных могил. Красноярской экспедицией ранее уже было исследовано около 300 могил карасукской культуры, в том числе лично нами более 150 могил в разных местах по реке Енисею. Во всех случаях могила (иногда две и очень редко несколько) занимает в ограде центральное положение и ничего другого там не находится. Следовательно, исходя из опыта всех прежних раскопок, можно быть уверенным, что при частичном вскрытии памятника будут найдены все имеющиеся в ограде могилы, пропустить могилу невозможно. Может быть пропущена

лишь детская могилка в виде небольшого ящика, приставленного к ограде снаружи, но такие могилки, встречающиеся очень редко, обычно никаких остатков погребения не содержат. Может быть пропущена оставшаяся незамеченной небольшая оградка, обычно с детской могилкой, пристроенная к основной ограде.

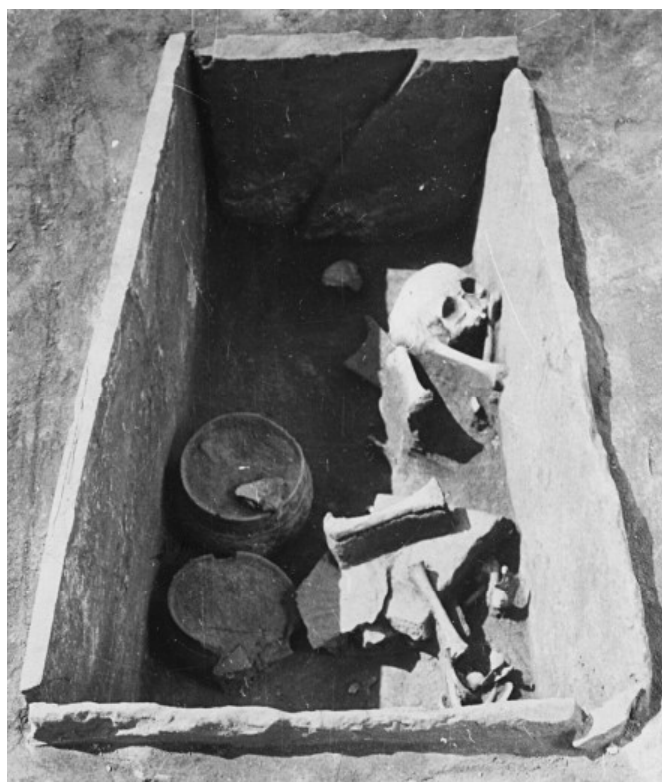

Фото 3. Кюргеннер I, курган 2, могила 2 (вид с северо-востока)

Но ведь подобные пропуски при раскопках любых могильников случаются постоянно, так как большая часть могильников исследуются не полностью, при этом в каждом могильнике всегда могут быть незаметные на поверхности и потому пропускаемые при исследовании памятника могилы. Ни один археолог, исследующий могильник не сплошным раскопом, а по отдельности каждую могилу или курган, никогда не может быть уверен, что раскопал все могилы данного могильника.

Опыт прежних раскопок показывает, что конструкция оград, сооруженной из вертикально поставленных плит, всегда одинакова, поэтому нет необходимости расчищать ограду каждой раскапываемой могилы. В конструкции оград, стены которых сложены из плитняка, как показали наши раскопки в могильнике Карасук I в 1960—1963 гг., наблюдаются различные вариации, поэтому при раскопках таких оград необходимы контрольные раскопки с расчисткой хотя бы части ограды.

Для того чтобы быть уверенным, что и могильники Кюргеннер I и II не отличаются по устройству надмогильных сооружений от других могильников карасукской культуры, мы произвели ряд контрольных раскопок с полным исследованием всего памятника. Более того, мы на небольшом участке площадью около 700 кв. м исследовали могильник Кюргеннер I сплошным раскопом (фото 4). На этом участке до раскопок мы видели 11 курганов, в двух случаях плоские едва заметные насыпи их слились попарно (курганы 47 и 51, 48 и 49), в трёх случаях были видны пристроенные одна к другой ограды (курганы 43, 45, 52). После раскопок выяснилось, что кроме замеченных нами трёх пристроенных оград имелись ещё две (курганы 43 и 47) — курганы 48 и 49 на самом деле представляют собой один курган с тремя пристроенными одна к другой оградками (им присвоен № 49), а также что одна детская могила в виде маленького каменного ящика без ограды была нами на поверхности не замечена (этой могиле дан № 48).

Фото 4. Кюргеннер I. Полигональный раскоп (курганы 42—52)

Из 8 раскопанных нами курганов с круглой оградой два исследованы полностью (№ 31, 32), в одном ограда расчищена только с наружной стороны (№ 33), в остальных пяти исследовались только могилы с их каменным покрытием. К оградкам курганов 31 и 32 с северной стороны были приставлены маленькие каменные ящики. Возможно, это могилки младенцев. Никаких остатков погребения в них не обнаружено. К оградке кургана 32 с юго-западной стороны приставлена вертикальная каменная плита неясного назначения. Возможно, что подобного рода детали устройства ограды и приставленные к ней каменные ящики имелись и в других курганах, полностью нами не раскопанных.

Однако мы предпочли раскопать, вскрыв только могилы, еще 5 курганов, нежели исследовать один или два кургана полностью, обогатив тем наши материалы лишь одним или двумя пустыми маленькими ящиками.

Раскапывая курганы с круглой оградой, мы применили бульдозер для удаления земли с наружной стороны ограды. Раскопка велась так: сначала бульдозером удалялась земля за пределами ограды до уровня основания стен, затем ограда зачищалась с внешней стороны. Курган приобретал вид плоского круглого цилиндра, заполненного внутри землей, задернованной по поверхности. Такой вид курган имел, очевидно, и в один из начальных моментов его разрушения, только

ограда его была иногда выше, соответственно, выше был и сам курган. Затем раскапывалась насыпь внутри ограды с оставлением посередине бровки, зачищались внутренняя сторона ограды и каменное перекрытие могилы и наконец расчищалась сама могила.

При раскопках в Кюргеннере мы отказались от системы геометрически правильных раскопов (прямоугольных или круглых), применив систему названных нами полигональных раскопов. Очень удобная при раскопках культурного слоя стоянок и поселений, грунтовых могильников и других аморфных памятников система квадратной сетки совсем не обязательна, а иногда и просто непригодна при раскопках объектов с четко выраженными формами, таких, например, как дома или ограды. Избранный нами для сплошной раскопки участок могильника по обычной системе мы должны были заключить в какой-то прямоугольник, стороны которого обязательно перерезали бы несколько оград, включая их в раскоп только частично, или должны были бы придать раскопу сложную форму со многими прямоугольными прирезками. Мы же ограничили наш раскоп (Кюргеннер I, курганы 42—52), применительно к положению оград, прямыми, расположенными под разными углами одна к другой (рис. 9). Преимущества такой формы раскопа заключались, на наш взгляд, в некоторой экономии труда, в удобстве расположения отвалов и, главное, в удобстве фотографирования и в возможности обозревания всего комплекса раскопанных памятников. При такой форме раскопа вскрытый памятник хорошо виден со всех сторон, на фотографии не мешают углы прямоугольных прирезок и кучи отвалов на вдающихся в раскоп углах.

Иначе получали полигональную форму раскопа при раскопках могил внутри оград. В центре ограды лопатой убиралась земля до плит могильного покрытия, а там, где их нет, — до уровня верхней поверхности материка. Целью раскопок здесь было открытие надмогильного сооружения. Земля убиралась только с плит покрытия. Когда же убеждались, что покрытие полностью открыто, то за его пределами земля убиралась минимально (на 30—50 см). После этого ранее бесформенному раскопу придавалась форма многоугольника (иногда четырехугольника путем выравнивания и спрямления стенок раскопа). В данном случае преимущества полигонального раскопа по сравнению с прямоугольным с прирезками те же, что и в первом случае.

Как уже сказано, первые две могилы (курган 1 и курган 2, могила 1) были раскопаны в начале работ отряда во время разведочной поездки. Планомерные же раскопки начались с полигонального раскопа. Одновременно велись раскопки и отдельных курганов, в частности, пока раскрывались и расчищались ограды и надмогильные сооружения в полигональном раскопе, за его пределами раскапывался уже курган 41. Затем курганам полигонального раскопа были даны порядковые номера (№ 42—52) и началась расчистка их могил.

Хотя обе группы курганов могильников Кюргеннер I и II расположены совсем рядом, образуя как бы один могильник с небольшим перерывом, и курганы этих групп по внешнему виду мало чем различаются, мы решили все же рассматривать их по отдельности, присвоили им отдельные наименования и в каждом из них дали свою нумерацию курганов. Основанием для этого послужило то, что топографически эти группы четко обособлены и что в известном могильнике Карасук I также наблюдается деление могильника на близко расположенные одна к другой группы. Социальных различий в погребениях этих двух групп ни в Карасуке I, ни в Кюргеннере отметить нам не удалось. Может быть, дальнейшие раскопки со временем разъяснят этот вопрос. Быть может, это является отражением каких-то родоплеменных или других этнических делений.

Поскольку все прямоугольные ограды в могильнике сооружены из вертикально поставленных плит, а круглые ограды представляют собой сухую кладку из плитняка, уложенного горизонтальными рядами, в дальнейшем при описании курганов устройство ограды указываться не будет, лишь в нужных случаях будут отмечаться наблюдавшиеся отклонения или интересные детали. Не будет указываться ориентировка прямоугольных оград и могил, так как во всех случаях они ориентированы по линии ЮЗ—СВ с разными отклонениями, которые можно уточнить по планам. Так как все могилы в обоих могильниках ограблены, то в дальнейшем это обстоятельство также не будет указываться.

Все исследованные могилы могильников Кюргеннер I и II во всех отношениях представляются совершенно однородными. Среди них нет могил, различающихся хронологически. Может быть, пользуясь только более тонкими методами анализа, удастся разделить их на более ранние и более поздние группы. Нет среди них и могил, различающихся по их социальной или этнической принадлежности. Правда, одни могилы несколько богаче по инвентарю и монументальнее по сооружениям, другие несколько беднее и с более скромными надмогильными сооружениями, но эти различия скорее порядка количественного, а не качественного. Могил инокультурных, принадлежащих представителям других этнических групп, в могильнике нет. Всё это указывает на то, что могильник функционировал относительно короткое время, в течение которого в культуре оставившего его населения не произошло сколько-нибудь заметных изменений, и что принадлежал он небольшой этнически однородной группе населения. В двух могилах в почвенном слое встречены черепки сосудов более позднего времени (каменноложского и подгорновского этапов), но эти находки, очевидно, прямого отношения к могильнику не имеют. Принадлежность могильника к карасукской культуре настолько очевидна, что нет надобности на этом останавливаться. По всем своим особенностям это типичный могильник карасукской культуры.

Могильник Кюргеннер — самый большой из известных нам карасукских могильников по количеству

курганов в нём. Он один из самых крупных и по числу исследованных в нём могил. Только в исследованных Красноярской экспедицией карасукских могильниках Карасук I (М. П. Грязнов и М. Н. Комарова), Сухое Озеро II (Г. А. Максименков) и Малые Копёны III (Л. П. Зяблин) число раскопанных могил приближается к сотне или несколько превышает её. Во всех остальных могильниках карасукской культуры исследовано лишь по несколько могил, редко до двух-трёх десятков. Раскопки оставшихся двух лет работ на Енисее значительно увеличат эту серию могил в Кюргеннере, и тогда в нашем распоряжении будет большой массовый материал, который позволит более конкретно и убедительно рассмотреть вопросы социальной структуры и палеодемографии родовой общины, оставшей нам этот могильник.

Раскопки могильника дали в основном уже известный по прежним раскопкам материал, но есть и новое или то, что было известно лишь по единичным находкам. Так, интересна находка целой зернотёрки в кургане 48. Это уже третий случай в наших раскопках. Теперь уже совершенно определённо можно говорить о зерновом хозяйстве карасукцев, что рядом прежних исследователей не признавалось. Интересна находка брусковидного предмета в кургане 2 (Кюргеннер I). Н. Л. Членова неправильно трактовала этот предмет как часть узды в одной из её начальных форм, делая отсюда соответствующие выводы. Между тем наша находка хотя и не решает вопроса о назначении этого предмета, но с несомненностью показывает, что он не имеет никакого отношения к узде и что пути развития узды, намеченные Н. Л. Членовой, в этой части неверны. Интересны также первые находки бронзовой накладки на ножны ножа (Кюргеннер I, к. 28, м. 1) и бронзовой копии игральной кости — сточенного астрагала косули (Кюргеннер I, к. 43). Наконец, интересно новое наблюдение в конструкции надмогильных сооружений. Это, как мы ее назвали, плита-«указатель» могилы. В целом ряде случаев за могильной оградой, с юго-западной её стороны, против могил ставились вертикально плиты, как бы указывающие на местонахождение могилы в ограде. Назначение этих плит нам пока неизвестно.

Наиболее важным результатом исследования могильника является нахождение в нём большой серии нарядно украшенных горшков с геометрическим орнаментом, в ряде случаев инкрустированных белой пастой. В отчётном году в Кюргеннере, а также в могильниках Сухое Озеро II и Малые Копёны III найдено необычно большое количество сосудов с орнаментами, которые, как никогда, наглядно показывают генетическую связь карасукской орнаментики с андроновской. Ещё С. А. Теплоухов и С. В. Киселёв отмечали их преемственность. С. В. Киселёв прямо говорил, что «геометрические узоры карасукской посуды являются результатом дальнейшего развития местных древнеандоновских орнаментов», что можно «считать характерную карасукскую сферическую посуду местной, а

не принесённой извне» [Киселёв, 1949, с. 82]. Но С. А. Теплоухов и С. В. Киселёв в своё время не располагали еще материалами, имеющимися теперь. Сейчас об этом можно говорить с большей определённо-стью. Наши раскопки 1965 г. дали особенно много материала, позволяющего говорить о несомненной преемственности этих культур не только в керамике, но и в ряде других явлений культуры, в частности таких существенных для суждения о культурном родстве, как погребальный обряд и конструкции могильных сооружений. К сожалению, ряд исследователей последних лет забыли об этом и стали отрицать наличие какой-либо связи между андроновской и карасукской культурами. Посмотрев на наши сосуды с орнаментами в виде пирамидок из заштрихованных треугольников, сложных фестонов с оторочкой по краю и другими, вряд ли они смогут продолжать отстаивать своё мнение об отсутствии связи между этими культурами.

«В устройстве надмогильных сооружений Кюргеннера также отражена преемственная связь карасукской и андроновской культур. Если в могильниках андроновской культуры преобладают круглые ограды и кладка стен из плитняка, то в Кюргеннере, как и в других карасукских могильниках, ограды большей частью прямоугольные, а стены их сложены из вертикально поставленных плит. Позднее же, на каменноложском этапе, плитняковые стены и круглые ограды составляют редкое исключение, а еще позже они вообще исчезают» [Грязнов, Комарова, 1966, с. 14].

Карасукская керамика из раскопок 1965 г. имеет и более широкое значение, выходящее за пределы Енисея. Серия сосудов с богатым геометрическим орнаментом находит себе очень близкие аналогии в керамике Центрального Казахстана из памятников типа Дандыбай-Бегазы и в керамике Южного Казахстана из могильника Бегазы. Параллели настолько близки и множественны, что не может быть сомнений в синхронности этих памятников. Поскольку же хронологическое положение карасукской культуры на Енисее устанавливается прочно, то и памятники Казахстана надо датировать по памятникам Енисея. Значит, памятники типа Дандыбай и Бегазы надо относить не к предскифскому времени, как это принято сейчас рядом исследователей, а к концу 2-го тысячелетия до нашей эры. Надо предполагать существование в конце 2-го тысячелетия до нашей эры на широких пространствах степной полосы ряда родственных культур карасукского типа.

Карасукский отряд в 1966 г. продолжил свои работы в районе посёлка Советская Хакасия на левом берегу реки Енисея примерно в 50 км ниже городов Абакана и Минусинска. Основными объектами раскопок были, как и в 1965 г., два смежных могильника карасукской культуры Кюргеннер I и II. Как и в предыдущие годы, раскопками отряда руководили совместно М. П. Грязнов и М. Н. Комарова. Ближайшими их помощниками были научный сотрудник Государственного Эрмитажа Л. Л. Баркова, которая вела наблюдения и дневник на раскопках могильника Кюргеннер II,

* На момент написания отчета за 1965 г. (примеч. ред.).

и аспирант ЛОИА АН СССР Хуан Дуке Ибарече, который вёл дневник и наблюдения на могильнике Кюргеннер I. Раскопки велись в течение двух месяцев с 29 июня по 30 августа.

Чертёжно-рисовальные работы в поле выполнены студентами ЛВХПУ им. В. И. Мухиной (в настоящее время Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица) А. Абрамовичем и С. Косниковским. Они же изготовили чертежи и для отчёта. В некоторых случаях чертежи-зарисовки в поле выполняли Б. А. Тарантул и А. Г. Сулоев, в основном работавшие на раскопках М. П. Завитухиной и М. Н. Пшеницыной на расположенных рядом памятниках Улуг-Кюзюр I и Кичик-Кюзюр I. Фотографировали в поле М. П. Грязнов и, частично, К. К. Шилик. Серия снимков сделаны Я. А. Шером и В. Н. Рябовым-Бельским. Все определения пола и возраста погребённых, а также определения костей животных сделаны М. П. Грязновым. Первичную камеральную обработку вещевого материала из раскопок (первая чистка, описи, упаковка) вела студентка Ленинградского государственного университета Л. А. Скалина. В раскопках принимали участие, выполняя более или менее ответственные поручения, студенты-археологи Е. Филиппова (Московский государственный университет), В. Посредников (Томский государственный университет) и В. Я. Бутанаев (Средне-Азиатский государственный университет), а также школьники, члены археологических кружков Ленинградского государственного университета и Государственного Эрмитажа В. Герасимов, А. Грабаренко и В. Богданов.

Два могильника, расположенных совсем рядом, начали исследоваться в 1965 г. В первом из них (Кюргеннер I) было раскопано 62 кургана, во втором (Кюргеннер II) — 5. В 1966 г. в первом могильнике раскопано 38 курганов, во втором — 21, а всего за два года в первом исследовано 100 курганов, во втором — 26, в них содержалось в общей сложности 184 могилы.

В 1965 г. значительная часть разных курганов в этих могильниках были вскрыты полностью, и устройство могильных сооружений в разных их вариантах было изучено во всех деталях. В одном случае была полностью вскрыта значительная площадь могильника сплошным раскопом (курганы 42—52), что позволило нам в 1966 г. значительно упростить работы по вскрытию могил. Мы не снимали курганную насыпь (хотя она и была совсем незначительна, иногда приближаясь к нулю) и не расчищали ограду, вскрывали только самую могилу. Площадь нашего раскопа иногда не превышала площадь могилы (например, курганы 79, 80, 83 и другие в могильнике Кюргеннер I). Только в четырёх случаях ограды могил были вскрыты полностью (Кюргеннер I, курган 74 и Кюргеннер II, курганы 12, 13, 19). В одном случае (Кюргеннер I, курган 67), круглая ограда могилы была вскрыта только в юго-восточной её половине, а вторую половину оставили нетронутой, чтобы показать на одном снимке вид ограды до раскопок и ограду, раскрытую в результате раскопок. Наконец, в кургане 25 могильника Кюргеннер I,

чтобы не упустить ни одной могилы, ограды могил вскрывали узкими канавками вдоль их стен, а промежутки между могилами и стенками ограды оставляли нетронутыми.

Как это отмечалось и в отчёте 1965 г., вполне возможно, что при упрощённом способе раскопок, когда ограда могилы не раскапывалась, отдельные могилы, ограды которых на поверхности земли не видны, могли быть нами пропущены и не раскопаны. Так, нами обнаружено, что в курганах 37 и 40 могильника Кюргеннер I в предыдущем году остались незамеченными оградки с детскими могилами, пристроенные к основным оградкам в кургане. Эти могилки раскопаны нами в 1966 г.

В группе Кюргеннер I в 1966 г. раскопаны курганы 61, 64—100 и, кроме того, не замеченные в прошлом году могилы в пристройках к оградкам курганов 37 и 40. В 1966 г. было вскрыто 45 могил, а всего в могильнике за два года — 146 могил. Если в предыдущем году раскапывались курганы преимущественно в западном углу могильника, то в 1966 г. исследовались его северо-западная и центральная части.

Как отмечено выше, каменные могильные ограды в 1966 г. нами, как правило, не вскрывались, а вычерчивались лишь их видимые части. Ограды двух видов — круглые, стенки которых сложены из плитняка, и прямоугольные со стенками, сооружёнными из вертикально поставленных тонких плит. На поверхности курганов с круглыми оградками плитки ограды редко бывают видны. Эти ограды обычно прослеживаются по едва видимым как бы дорожкам или мало натоптанным тропинкам — трава здесь растёт плохо или совсем не растёт, так как слой земли над плитами измеряется часто всего лишь долями сантиметра. Там же, где ограда совсем не видна, она легко прощупывается лопатой или ножом. На чертежах уловимые глазом части круглой ограды показаны косой штриховкой, а невидимые, предполагаемые — пунктирной линией (например курганы 61, 67 и др.). Прямоугольные ограды прослеживаются труднее. Часто на поверхности видны края лишь нескольких вертикальных плиток по одной или двум сторонам ограды, поэтому размеры ее в ряде случаев определены нами лишь предположительно, исходя из тех соображений, что могила занимает в ограде центральное положение. На чертежах предполагаемые стенки оград показаны пунктиром, а границы насыпи кургана (приблизительные, так как точно границы и размеры насыпи определить невозможно) — сплошной тонкой линией. Тонкой же линией, проведённой по линейке, показаны границы раскопа.

Все могилы ограблены, поэтому покрытие их всегда в большей или меньшей мере нарушено. Многие плиты покрытия обычно разбросаны или вообще отсутствуют. Большие тонкие плиты часто бывают расколоты на части. На чертежах такие плиты изображены монолитно с указанием мест раскола (например, курганы 78 и 80). Иногда бывает нарушен и каменный ящик — отсутствуют некоторые из его вертикально поставленных плит.

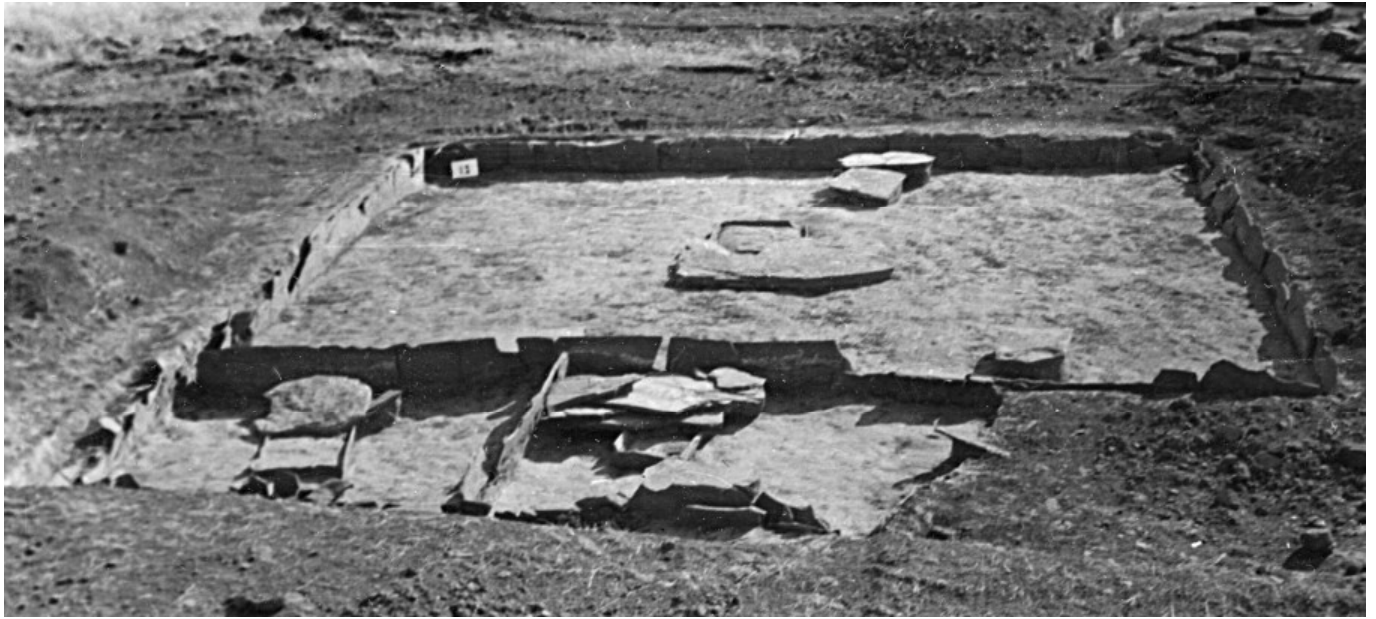

Фото 5. Кюргеннер II, курган 13 (вид с северо-востока)

Каменные ящики устроены так, что верхние края их вертикально поставленных плит находятся на уровне поверхности погребённой почвы. Следовательно, указываемая ниже в описаниях могил высота ящика

соответствует также и глубине могилы от древней поверхности земли. Глубина могилы указывается от современной поверхности кургана. В описании могил указываются длина и ширина каменного ящика, измеренные по дну могилы, а также его высота. Размеры ящика в верхней части обычно больше. Если ящик трапециевидный, то указывается ширина его наибольшей головной части, а цифра наименьшей ширины даётся в скобках. То есть если указано, что размер ящика равен 185×75 (60) см, это значит, что длина ящика — 185 см, ширина в изголовье — 75 см, а в ногах — 60 см. На планах могил зарисованы только те кости и предметы, которые находились на дне могилы или оставались на месте при окончательной ее расчистке. Всё, что находилось в заполнении могилы в беспорядке, на план не наносилось.

Фото 6. Кюргеннер I, курган 91, могила 1 (вид с запада)

В составе группы Кюргеннер II в 1966 г. раскопаны курганы 6—26 (фото 5). В 20 курганах вскрыто 38 могил, а всего за 2 года — 45 могил. Раскопки велись точно так же, как и в могильнике Кюргеннер I, с той лишь разницей, что раскопки в центре ограды делались несколько шире, поэтому в ряде случаев остатки покрытия могилы выявлены полностью. Общие планы курганов и их разрезов выполнены в поле частью в масштабе 1:20, частью в масштабе 1:40. Раскапывались курганы, как и в прошлом году, в средней части могильника.

Могильник Кюргеннер в обеих его частях дал материал, в общем аналогичный полученному в 1965 г. По-прежнему все раскопанные курганы принадлежат классическому типу карасукских памятников. Новым явилось лишь то, что в ряде могил встретились сосуды несколько необычного типа. Это банкообразные сосуды с плоским дном, украшенные в верхней части одним или несколькими наклепными валиками в сочетании с рядом круглых ямок и несколькими рядами коротких насечек, в том числе и рядом насечек по обрезу

венчика (рис. 38, 20, 24; 39, 5, 11, 12 и др.). Такие сосуды уже встречались в единичных случаях, например в могильниках Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 5, IV тип], Сухое Озеро II, Ужур [Членова, 1966, рис. 4, 1], но здесь они составили целую серию. При этом встречены они в могилах, по другим признакам ничем не отличающихся от обычных карасукских могил (фото 6). Вместе с тем встречены и такие сосуды, которые занимают промежуточное место между этим новым типом карасукской керамики и широко распространённой формой карасукской посуды с плавным изгибом венчика, украшенного рядом крупных ямок (рис. 37, 20). Такими переходными формами можно считать сосуды на рисунках 38, 1 и 39, 2. Совершенно своеобразен и сосуд из кургана 90 могильника Кюргеннер I (рис. 39, 8), напоминающий в какой-то мере острорёберные горшки срубной культуры.

Чтобы точнее представить картину сооружения каменных ящиков в карасукских курганах, мы удалили плиты двух могильных ящиков в курганах 67 и 70 могильника Кюргеннер I (рис. 54). Выяснилось следующее. Плиты ставились в могилу так, чтобы их ровный верхний край находился на уровне древней поверхности степи. Нижний же край обычно был неровный, и

выступающие его участки погружались в землю ниже дна могилы. Особенно тщательно подбирались плиты для торцевых стенок могилы. Эти плиты часто оказывались обработанными с двух сторон. Обработка производилась приёмами каменного века — частыми ударами по обрабатываемому краю плиты её как бы ретушировали. Края плиты выравнивали мелкими сколами, и она принимала форму правильного прямоугольника или, если это было нужно, правильной трапеции.

«В северо-западной части могильника оказалась группа могил, отличающихся от остальных некоторыми деталями устройства, погребального обряда и керамики. Особенно интересны характерные для этой группы могил плоскодонные горшки с плавным переходом от шейки к плечикам, с необычным орнаментом из сочетания налепных валиков, рядов круглых ямок, косых насечек и других несложных узоров. Некоторые горшки этого нового на Енисее варианта карасукской керамики настолько необычны, что кажутся относящимися к какой-то другой культуре. Принадлежат ли эти могилы особой этнической или социальной группе в составе карасукского общества, решать пока затруднительно» [Грязнов, Комарова, 1967, с. 137].

КЮРГЕННЕР I

Курган 1. Насыпь незначительна. Прямоугольная ограда $7,0 \times 6,5$ м (рис. 5, 1). На поверхности видны верхние края плит каменного ящика (рис. 17, 1). Покрытия нет. Раскопка велась только в пределах ящика. Ящик размером 170×90 см из 6 плит. В заполнении его находились в беспорядке кости неполного скелета взрослого человека, на дне в непо потревоженном положении — кости обеих голени покойного. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль северо-западной стенки ящика головой на СВ. Также в беспорядке обнаружены кости двухлетней лошади (лопатка, 4 ребра, грудина, плечевая, большая берцовая, астрагал) и козули (лопатка, большая берцовая). Среди костей обломки бронзового четырехгранного стерженька, вероятно шила (рис. 31, 1), и тонкой бляшки (не сохранилась).

Курган 2. Диаметр насыпи 13 м, высота 60 см. Круглая ограда диаметром 10 м (рис. 5, 2). В центре две могилы в ряд на расстоянии 2,5 м одна от другой. Покрытия их слились воедино (на плане кургана над могилой 1 показан лишь нижний ряд плит покрытия).

Могила 1. Северная. Ящик размером $200 \times 90(75) \times 70$ см из 6 плит (рис. 17, 2). Глубина могилы 120 см¹. Покрытие из 5 поперечно положенных брусковидных плит. Поверх них несколько рядов плит, куполообразно покрывающих могилу. Грабителями плиты верхнего покрытия посередине разбиты и разбросаны. В нижнем покрытии пробито отверстие во второй с востока плите. В могиле скелет мужчины 40—45 лет. Сохранились на месте кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль северной стенки на спине, головой на СВ. В могиле фрагменты двух нарядно орнаментированных горшков (рис. 31, 3, 4)². Один из горшков — с белой инкрустацией (рис. 31, 4). Брусковидный предмет из мягкого серого камня, с круглыми отверстиями на концах (рис. 31, 5). Кости овцы (плечевая, лопатка, бедренная), теленка (плечевая, большая берцовая) и двух щенят в возрасте 1,5—2,0 месяца (2 нижние челюсти, 2 плечевые, локтевая, бедренная, большая берцовая).

Могила 2. Ящик размером $95 \times 50(40) \times 45$ см из четырех плит (рис. 17, 3). Покрытие из тонких плит,

¹ В данном случае и далее по тексту глубина могилы указывается от уровня современной дневной поверхности (примеч. ред.).

² В фондах ГЭ к этой могиле относится еще один венчик от неорнаментированного глиняного сосуда (рис. 31, 2) (примеч. ред.).

уложенных в несколько слоев, посередине они разбросаны грабителями и пробиты. Глубина могилы 90 см. На дне в беспорядке кости ребёнка трехлетнего возраста. Вдоль южной стенки два горшка с нарядным орнаментом, один из них целый (рис. 31, 6), другой — во фрагментах (рис. 31, 7). В одном из них — два кусочка грудины овцы.

Курган 3. Диаметр насыпи около 8 м, высота 10 см. Квадратная ограда $4,3 \times 4,1$ м (рис. 5, 3). На поверхности видны отдельные плиты всех четырех сторон ограды. По центру юго-западной стенки установлена снаружи вертикальная плитка — «указатель» могилы. В центре ограды трапециевидный ящик размером $230 \times 90(65) \times 50—55$ см из 6 плит. Покрытие из больших толстых плит, которые в юго-западном конце опустились вниз, в ящик. Глубина могилы 70 см. На дне в беспорядке разрозненные кости стопы и 2—3 ребра взрослого человека. Среди них черепки одного сосуда (не сохранились).

Курган 4. Диаметр насыпи 5 м, высота 15 см. Прямоугольная ограда $4,2 \times 4,0$ (?) м (рис. 5, 4). На поверхности видны отдельные плиты трёх сторон ограды. В центре ограды ящик из шести (?) плит (рис. 17, 4). Сохранились три плиты северо-восточной половины ящика, плиты юго-западной его половины, видимо, выброшены грабителями (?). Размеры ящика $175 \times 70 \times 50$ см. От покрытия осталось несколько обломков плит. Глубина могилы 75 см. В заполнении её и на дне в беспорядке несколько разрозненных костей женщины 25—30 лет. В юго-западном конце в анатомическом порядке найдены только крупные кости стоп. Судя по их положению, погребенная лежала головой на СВ. На втором шейном позвонке заметны следы окиси меди. Среди костей человека кости овцы старше пяти месяцев (лопатка, плечевая, бедренная, большая берцовая, пяточная). В могиле найдены обломки бронзового колечка (не сохранились).

Курган 5. На современной поверхности степи видны края отдельных плит. Ограда квадратная $5,0 \times 5,0$ м (рис. 5, 5). К юго-западной стенке её построена вторая, меньшая, оградка размером $2,1 \times 2,4$ м.

Могила 1. Основная. В центре ограды трапециевидный ящик размером $195 \times 100(75) \times 65$ см из шести плит (рис. 17, 5). От покрытия остались отдельные обломки плит, лежащие вокруг ящика и поверх него. Глубина могилы 90 см. В могиле в полном беспорядке

кости женщины 30—35 лет, многих недостаёт. На дне, около южной стенки, 5 бронзовых пронизок (рис. 31, 8). В восточном углу обломок бронзового колечка (рис. 31, 9). Кроме того, в разных местах еще один обломок пронизки, обломок бронзового стерженька, вероятно шила (рис. 31, 10), и несколько фрагментов от двух горшков (рис. 31, 11, 12). На затылочной части черепа, шейных позвонках и на локтевой и лучевой костях следы окиси меди. Среди костей человека кости коровы двухлетнего возраста (шесть рёбер, плечевая, лучевая, большая берцовая, бедренная, пяточная, коленная чашечка, членики грудины) и молодой овцы (бедренная).

Могила 2. В центре мелкой ограды ящик размером 110×45×40 см из 5 плит (рис. 17, 6). От покрытия осталось несколько плит. Глубина могилы 60 см. На дне в беспорядке несколько костей ребенка. У южной стенки найден бронзовый «гвоздик» (не сохранился), в восточном углу — фрагмент венчика от глиняного сосуда с орнаментом (рис. 31, 13).

Курган 6. Прямоугольная ограда 2,4(?)×1,4(?) м. В центре ящик размером 160×75×70 см из 4 плит (рис. 17, 7). Края плит ящика видны на поверхности. Покрытие не сохранилось. Глубина могилы 70 см. На дне обломки черепа и большой берцовой кости человека. Под обломками черепа роговой гребень (рис. 31, 14) и, неподалеку, половинка большой голубой бусины (рис. 55, 2). В юго-западной половине могилы раздавленный горшок с обломанным верхом (рис. 55, 1)³. Большой фрагмент от его венчика лежал посередине могилы. Найдены также кости овцы (ребра и большая берцовая).

Курган 7. Прямоугольная ограда 2,0×1,5(?) м (рис. 5, 6). В центре ящик размером 80×50×40 см из четырех плит (рис. 17, 8). Покрытие не сохранилось. Глубина могилы 50 см. На дне в восточном углу раздавленный череп ребенка 1,5 года. На втором шейном позвонке следы окиси меди. В других местах несколько его косточек. Около черепа маленький горшочек (рис. 31, 15). В противоположном конце могилы крупный черепок от другого сосуда (рис. 31, 16). Встречено несколько черепков ещё от одного сосуда (рис. 31, 17). В заполнении найден астрагал овцы (рис. 31, 18).

Курган 8. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. На поверхности видны края плит прямоугольной ограды (рис. 5, 7) размером 5,5×6,0(?) м. В центре ящик размером 220×85×65 см из 5 плит (рис. 17, 9). От покрытия сохранилась большая плита на юго-западной половине ящика и несколько обломков плит. Глубина могилы 100 см. Небольшое количество костей скелета женщины 40—50 лет находилось в беспорядке кучками в разных местах могилы. На локтевой и лучевой костях следы окиси меди. В заполнении в 10 см от дна

найлены 2 белокаменные бусины (рис. 31, 19). Среди костей человека кости молодой овцы (лопатка, ребра, большая берцовая, предплюсневая, фрагменты грудины).

Курган 9. Диаметр насыпи 5 м, высота 15 см. На поверхности видны верхние края плит прямоугольной ограды (рис. 5, 8) размером 4,0(?)×3,5 м. В 40 см от юго-западной стенки, перпендикулярно к ней, напротив могилы вертикально вкопанная плита. (В дальнейшем эти плиты будут называться «указателями» могилы). В центре ограды трапециевидный ящик размером 145×60(40)×55 см из четырех плит (рис. 17, 10). Края ящика находились на уровне современной почвы. Покрытие не сохранилось. В могиле в беспорядке незначительное количество костей скелета женщины старше 30 лет, среди них большая берцовая, возможно мужчины. Около южной стенки обломок бронзовой пластинки (рис. 31, 20). На шейном позвонке следы окиси бронзы. Найдены кости овцы в возрасте от 4 до 15 месяцев (плечевая, большая берцовая, лопатка).

Курган 10. Диаметр насыпи 6—7 м, высота — 10—15 см. На поверхности видны верхние края трех плит на трех сторонах прямоугольной ограды (рис. 5, 9) размером 5,0×5,0(?) м. В центре трапециевидный ящик размером 190×90(75)×60 см из четырех плит (рис. 18, 1). От покрытия сохранилась одна плита над юго-западным краем ящика. Вокруг ящика на уровне его верхнего края уложены плашмя в два ряда плитки. Глубина могилы 85 см. Полный скелет мужчины 40—45 лет находился в беспорядке. Среди костей черепки от одного горшка и часть венчика от другого (рис. 31, 21, 22), а также кости овцы в возрасте до 4 месяцев (плечевая, бедренная, большая берцовая) и коровы (5 ребер, пяточная, астрагал и 2 кости предплюсны).

Курган 11. Едва заметное повышение диаметром 5—6 м. На поверхности видны верхние края четырех отдельных плит прямоугольной ограды (рис. 5, 10). Предполагаемые ее размеры 3,0×3,5 м. В центре ящик размером 55×35×35 см из четырех плит, покрытый одной большой плитой, пробитой в северном углу грабителями. Глубина могилы 45 см. Сохранилось несколько костей младенца в возрасте около одного года. Над могилой найдены два черепка и на дне, в северном углу, еще два (рис. 31, 23)⁴. Здесь же найдены две бронзовые пронизки (рис. 31, 24). На дне кости овцы в возрасте 4—11 месяцев (2 фрагмента грудины, эпифизы плечевой, большой берцовой и пяточной, 3 кости предплюсны).

Курган 12. Диаметр насыпи 6—7 м, высота 25 см. Прямоугольная ограда размером 4,0×5,0(?) м (рис. 5, 11). К ней с северо-восточной стороны пристроена другая, меньшая, ограда размером 2,0×2,5(?) м. В цен-

³ Судя по форме сосуда и типу бусины, есть основания полагать, что в могиле было сделано впускное захоронение тагарской эпохи (примеч. ред.).

⁴ В фонды ГЭ поступил только один фрагмент венчика сосуда (примеч. ред.).

тре первой ограды сооружены 2 смежные могилы — IA и IB. Одна стенка ящиков общая.

Могила IA. Прямоугольный ящик размером 230×75×75 см из четырех плит (рис. 18, 2). От покрытия осталось несколько плит, лежащих поверх южного конца обеих могил. Глубина могилы 90 см. Стенка ящика между смежными могилами пробита грабителями. Кости и черепки сосудов могли быть частично перемещены из одной могилы в другую. Кости мужчины 30 лет лежали беспорядочной кучей посередине могилы, только кости обеих голеней находились в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребенный был уложен вдоль северо-западной стенки головой на СВ. В могиле находились два черепа — мужской и женский. По-видимому, череп женщины был переброшен сюда грабителями из смежной могилы, на височных костях обоих черепов следы окиси меди. В ногах, в южном углу могилы, обнаружены кости коровы в возрасте около 3 лет (лопатка, плечевая, большая берцовая, пяточная, кость предплюсны, астрагал, 7 ребер и 5 сегментов грудины). В других местах могилы — кости овцы (головка бедра и фаланга II).

Могила IB. Ящик размером 190×70×70 см, сооруженный из трех плит, пристроенных к северо-западной стенке предыдущей могилы, так что юго-восточная стенка его общая с могилой IA. В южном конце ящика одна плита покрытия свалилась в могилу и стояла вертикально. Глубина могилы 85 см. Кости скелета женщины 40 лет находились в беспорядке. Череп отсутствует (переброшен в смежную могилу). В северной половине ящика на дне много черепков от разбитого сосуда, в восточном углу еще один сосуд — горшок (рис. 32, 1, 2). В западной части могилы кости козы в возрасте старше трёх лет (лопатка, 2 ребра, плечевая, большая берцовая, астрагал, кость предплюсны, 2 нижние челюсти, 3 сегмента грудины).

Могила 2. Расположена в центре меньшей ограды. Ящик размером 110×55×45 см сооружен из 4 плит (рис. 18, 3). От покрытия сохранилось несколько плит над южной частью ящика. Глубина могилы 60 см. В могиле фрагменты черепа ребенка, фрагменты большого горшка с орнаментом (рис. 32, 3) и кости козы 4—15 месяцев (лопатка, бедренная, большая берцовая, астрагал, пяточная, предплюсневая).

Курган 13. Прямоугольная ограда размером около 2,5×1,5 м (края плит видны только на двух ее сторонах) (чертежа нет). В центре ящик размером 85×45×45 см из четырех плит (рис. 18, 4). От покрытия сохранилось несколько мелких плит. Глубина могилы 55 см. На дне фрагменты черепа и два обломка трубчатых костей ребенка. В северо-восточном конце большой черепок от горшка с геометрическим орнаментом (рис. 32, 4). В заполнении фрагменты костей овцы (?) (плечевой, бедренной, большой берцовой, локтевой). Точно определяется только плечевая кость.

Курган 14. Прямоугольная оградка размером 2,5×2,0 м (рис. 5, 12). В центре ящик размером 90×40×40 см из четырех плит (рис. 18, 5). Покрытие наруше-

но, сохранилось несколько плиток в заполнении могилы. Вокруг ящика на уровне верхнего его края положен ряд плиток, которые сохранились не полностью. Глубина могилы 55 см. На дне в беспорядке незначительное количество костей ребенка полутора лет, кольцо из бронзовой проволоки (рис. 32, 5) и пяточная кость овцы.

Курган 15. Прямоугольная ограда 5,0×5,0 м (рис. 6, 1). Верхние края плит видны по всем четырем ее сторонам. К южной стене пристроена ограда размером 4,0×4,0 м.

Могила 1. В центре первой ограды. Трапециевидный ящик размером 175×90(65)×60 см из 5 плит (рис. 18, 6). Нарушенное покрытие из плит частично сохранилось лишь в восточном конце ящика. Глубина могилы 85 см. Скелет женщины 30—35 лет почти полный. В первоначальном положении сохранились кости ног ниже колена. Судя по их положению, погребенная была уложена головой на восток вдоль северной стенки. Остальные кости скелета лежали кучей в восточном конце могилы. В юго-восточном углу найден большой фрагмент глиняного сосуда (рис. 32, 13). На черепе на левой височной кости находилось бронзовое кольцо из 3 витков (рис. 32, 7). Под черепом роговой гребень (рис. 32, 9), белокаменная цилиндрическая бусина, бронзовая пронизка (рис. 32, 11) и обломок бронзовой бляшки (не сохранился). Здесь же неподалеку найдены еще 33 белокаменные бусины (рис. 32, 6), 4 бронзовые двояковыпуклые бляшки (рис. 32, 10), бронзовый «гвоздик» со шляпкой (рис. 32, 12) и два бронзовых кольца из проволоки (рис. 32, 8). На обеих сторонах височно-челюстной части черепа и на обоих предплечьях фиксируются следы окислов бронзы. Обнаружены кости двух овец в возрасте одна — 4—5 месяцев, другая — одного года. От обеих сохранилось по лопатке, плечевой, лучевой, бедренной, большой берцовой и пяточной кости и по астрагалу. Кроме того, найдены 4 ребра и сегменты грудины овцы.

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 4,0×4,0(?) м, пристроена к южной стенке основной ограды. В центре трапециевидный ящик размером 170×65(50)×55 см из 6 плит (рис. 18, 7). Покрытие нарушено, плиты отброшены к краям ящика. Глубина могилы 130 см. Несколько разрозненных костей женщины 25—30 лет лежат в беспорядке. Среди них две бронзовые пронизки (рис. 32, 14) и кости козы старше 5 лет (плечевая, головка бедренной, нижний эпифиз лучевой и кость предплюсны).

Курган 16. Диаметр насыпи 6 м, высота 10—15 см. Прямоугольная ограда размером, вероятно, около 5,0×5,0 м (рис. 6, 2). Края плит видны только на северо-восточной стороне ограды. Посередине ящик размером 180×60(50)×40 см, трапециевидной формы, из 6 плит. От покрытия сохранились обломки плиты, сброшенные к северо-восточному краю ящика. Глубина могилы 70 см. В могиле в беспорядке несколько

костей женщины 25—30 лет. На дне найдена бронзовая пластинка (рис. 32, 15).

Курган 17. Прямоугольная ограда размером 4,0×3,5(?) м (рис. 6, 3). На поверхности по двум сторонам ограды видны в некоторых местах плиты. У юго-западной стенки ограды стоит плита-указатель могилы. Внутри ограды трапециевидный ящик размером 175×75(55)×55 см из 4 плит (рис. 18, 8). Покрытие нарушено. Сохранились лишь мелкие обломки в заполнении могилы и одна большая плита, стоявшая в могиле наклонно. Глубина могилы 83 см. Кости неполного скелета, без черепа, мужчины старческого возраста находились в куче в западной половине ящика. Среди них кости коровы 12—15 месяцев (плечевая, лучевая, бедренная, астрагал, пяточная и два ребра).

Курган 18. Высота насыпи 10 см. На поверхности видны верхние края плит четырех сторон прямоугольной ограды размером 5,0×4,5 м (рис. 6, 4). В центре трапециевидный ящик размером 190×75(60)×55 см из 6 плит (рис. 18, 9). От покрытия сохранились две плиты, сброшенные грабителями по сторонам ящика. Глубина могилы 85 см. Кости неполного скелета женщины 25—30 лет, без черепа, найдены в беспорядке в северо-восточном конце ящика. В юго-западном конце — кости ног ниже колена в полном анатомическом порядке. Судя по ним, погребенная лежала на левом боку, головой на СВ. На левой ключице и левой ветви нижней челюсти следы окиси меди. В южном углу ящика, в ногах женщины, плохо сохранившиеся кости младенца. В разных местах найдены черепок горшка с нарядным орнаментом (рис. 32, 16) и кости овцы старше 4 месяцев (лопатка, две большие берцовые, пяточная, два ребра и сегменты грудины).

Курган 19. Диаметр насыпи 12 м, высота 40 см. Края плит заметны на поверхности только в двух местах на смежных сторонах ограды. Ограда прямоугольная, предположительно, размером 7,0×7,0 м (рис. 6, 5). Внутри ограды трапециевидный ящик размером 150×80(50)×50 см из 6 плит (рис. 19, 1). На уровне верхних краев плит ящика вплотную к нему уложен ряд плиток. Покрытие нарушено. Сохранился куполообразный навал крупных и мелких плит, набросанных в несколько слоёв. Над северным углом плиты отсутствуют, так как они выброшены грабителями, проникшими в этом месте в могилу. На дне ее, вдоль северо-западной стенки, скелет взрослого человека молодого возраста, на левом боку, со слабо согнутыми ногами, головой на СВ. Череп отсутствует. Кости плечевого пояса смещены, правая тазовая кость отброшена в сторону. Остальные кости скелета более или менее сохранили первоначальное положение. Около ключицы, в северном углу могилы, три бронзовых проволочных кольца (рис. 32, 21, 22), а около другой ключицы три бронзовые пронизки, одна из которых разломана (рис. 32, 20). Следы окиси меди видны на всех шейных позвонках, обеих ключицах и на верхних ребрах. В восточном углу ящика, в изголовье, стоят три горшка

(рис. 32, 17—19). Один из них с нарядным орнаментом. Под горшками и рядом с ними кости коровы (лопатка, 6 ребер, сегменты грудины, бедренная, большая берцовая).

Курган 20. Диаметр насыпи 13 м, высота 40 см. Прямоугольная ограда 7,5×7,5(?) м (рис. 6, 6). В центре ее прямоугольный каменный ящик размером 200×65×70 см из 6 плит (рис. 19, 2). Покрытие из нескольких слоев толстых плит, имевшее вид большого панциря над могилой, в центре нарушено грабителями, и над серединой ящика плиты отсутствуют. Глубина могилы 105 см. На дне и в заполнении могилы в беспорядке отдельные кости взрослого мужчины без признаков старения, а также костяное орудие в виде длинного осколка, заостренного и залощенного на обоих концах (рис. 32, 23), и кости коровы (ребро и бабка).

Курган 21. Едва заметная насыпь высотой около 10 см. Прямоугольная ограда размером 3,5×3,0 м (рис. 6, 7). В центре ящик размером 160×50×40 см из 6 плит (рис. 19, 3). Одна плита у северной стенки отсутствует. Покрытие нарушено. Плитки покрытия отброшены на северный угол могилы и за юго-восточную ее стенку. Глубина могилы 65 см. На дне в беспорядке череп и небольшое количество костей женщины 15 лет. Среди них — плохой сохранности бронзовый стерженек и 3 или 4 пронизки (не сохранились). Следы окиси меди обнаружены на левой височной кости и на верхних шейных позвонках погребенной.

Курган 22. Прямоугольная ограда размером 2,6×2,0 м (рис. 6, 8). В центре ящик размером 75×45×35 см из 4 каменных плит (рис. 19, 4). Покрытие не сохранилось, мелкие плитки от него встречены в заполнении могилы. Глубина могилы 45 см. В заполнении и на дне обломки черепа и разрозненные косточки скелета ребенка 1 года.

Курган 23. Диаметр насыпи 14 м, высота 50 см. Круглая ограда диаметром 9,5 м (рис. 6, 9). В центре большой развал плит от покрытия могил 1 и 2. Над могилами плит мало, так как они выброшены грабителями.

Могила 1. Относительно северная, трапециевидный ящик размером 160×90(70)×60 см из 5 плит (рис. 19, 5). Покрытие нарушено. Состояло, по-видимому, из нескольких толстых плит, положенных поперек могилы. Одна из них сохранилась на месте в северо-восточном конце могилы, глубина могилы 125 см. На дне, посередине, в беспорядке кости мужчины 35 лет. Скелет неполный. От черепа сохранились фрагмент затылочно-височной части и нижняя челюсть. Среди костей найдены черепки пяти сосудов, в том числе от горшка с нарядным геометрическим орнаментом с белой инкрустацией (рис. 33, 1—5), пять бронзовых «бус-пластинок» — обоймочки (рис. 33, 6). Здесь же обнаружены кости овцы старше 4 месяцев (левая лопатка, плечевая и бедренная) и коровы в возрасте до двух лет (лопатка, большая берцовая, пяточная, сегменты грудины и позвонок).

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 155×50×50 см из 4 плит (рис. 19, 6). Покрытие из толстых плит нарушено. Восточная часть ящика покрыта одной большой плитой. Глубина могилы 90 см. На дне в беспорядке кости подростка 13 лет. Скелет неполный, нет черепа, на обеих ключицах и шейных позвонках следы окиси меди. Среди костей обломок височного кольца из бронзовой проволоки, бронзовая пронизка (не сохранилась), черепки от глиняного сосуда (рис. 33, 7) и части черепа взрослого человека (не из соседней ли могилы переброшен грабителями?).

Курган 24. Диаметр насыпи 8 м, высота 40 см. Прямоугольная ограда размером, предположительно, 6,0×7,0 м (рис. 6, 10). На поверхности видны верхние края двух стенок ограды. В ограде трапециевидный ящик размером 170×70(50)×65 см из 6 плит (рис. 19, 7). Покрытие из плит разбито и отброшено грабителями. На концах ящика сохранились в первоначальном положении покрывающие их большие плиты. Глубина могилы около 1 метра. Вдоль северо-западной стенки лежал скелет женщины старше 40 лет, на левом боку, головой на СВ. Черепа нет. В анатомическом порядке сохранились кости ног с частью таза, кости правой руки и части грудной клетки. Остальные кости смещены и разбросаны грабителями. Среди разбросанных костей найдены бронзовая бляшка с петелькой (рис. 33, 11), 9 пронизок (рис. 33, 13) и четырехгранное шило (рис. 33, 14). Вдоль юго-восточной стенки стояло 3 горшка: 2 в изголовье против лица, третий против колен (рис. 33, 8—10). В последнем найден кончик клинка бронзового ножа (рис. 33, 12). Рядом с третьим горшком лежали кости овцы в возрасте до 2 лет (плечевая, бедренная, большая берцовая). Четыре ребра и лопатка той же овцы находились среди разбросанных костей человека.

Курган 25. Высота насыпи 10 см. На поверхности видны края нескольких плит, по которым довольно ясно прослеживаются три ограды, пристроенные одна к другой в направлении с ЮЗ на СВ (рис. 7, 1).

Могила 1. Прямоугольная ограда размером 4,0×3,0 м, по-видимому, сооруженная первой в этой группе, самая большая в ней. В центре прямоугольный ящик размером 180×80×50 см из 4 плит (рис. 19, 8). Покрытие нарушено. Сохранилась, видимо на месте, большая плита, покрывающая юго-западную часть ящика. Глубина могилы 80 см. В могиле найдены в беспорядке фрагменты и мелкие кости скелета взрослого мужчины без признаков старения, черепки от двух разных сосудов (рис. 33, 15, 16) и кости коровы в возрасте до 3 лет (лопатка, 2 ребра, 3 сегмента грудины, головка бедра, кость предплюсны).

Могила 2. Квадратная ограда, 1,5×1,5 м, пристроенная к первой с СВ. В центре прямоугольный ящик размером 65×35 см из 4 плит (рис. 19, 9). Покрытие не сохранилось. На дне несколько фрагментов черепа новорожденного младенца.

Могила 3. Прямоугольная ограда, 2,5×2,0 м. В центре ящик размером 150×70×50 см из 4 плит (рис. 19,

10). Покрытие из больших плит смещено. Глубина могилы 95 см. На дне в беспорядке кости подростка 12 лет. Черепа и многих костей нет. Окись меди на 2 фалангах. В восточном углу ящика четыре горшка, один из них целый (рис. 33, 17—20), около них бронзовое зеркало (рис. 33, 21) и бронзовая пуговица (рис. 33, 22). Найдены кости овцы старше 4 месяцев (лопатка, плечевая, астрагал, кость предплюсны). Также найдены обломки мелких бронзовых предметов (не сохранились).

Курган 26. Высота насыпи 45 см. На поверхности видны верхние края плит прямоугольной ограды размером 7,0×6,0 м (рис. 7, 2). В центре прямоугольный ящик размером 195×75×60 см из 6 плит (рис. 20, 1). Покрытие из 5 больших плит частично нарушено. Глубина могилы 95 см. На дне полный скелет мужчины 30—35 лет. В анатомическом порядке находились кости ног ниже колена. Судя по их положению, погребенный был положен вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. Остальные кости скелета в беспорядке. Среди них большие фрагменты горшка с геометрическим орнаментом (рис. 33, 23) и кости овцы старше одного года (4 ребра, бедренная, большая берцовая, астрагал, пяточная, кость предплюсны, коленная чашечка).

Курган 27. Высота насыпи 60 см, диаметр 13 см. На поверхности видны верхние края отдельных плит прямоугольной ограды размером 7,0×8,0(?) м (рис. 7, 3). Внутри ограды прямоугольный ящик размером 175×70×80 см из 8(?) плит (рис. 20, 2). В юго-западной части его недостает двух плит, выброшенных грабителями(?). Покрытие нарушено. Вокруг ящика большое нагромождение плит. В заполнении ящика в северо-восточном его конце на глубине 35 см от верхнего края на плите было сооружение в виде треугольника из трех плиток. Высота треугольника 19—20 см, длина сторон 23, 20 и 15 см. Было ли это искусственное сооружение или случайно образовавшаяся комбинация брошенных плиток — сказать трудно. Глубина могилы 120 см. На дне разрозненные кости скелета мужчины 40—45 лет (нет черепа и многих костей), среди них обнаружены кости овцы старше 4 месяцев (спинные позвонки, 2 поясничные, ребро и лучевая кость).

Курган 28. Прямоугольная ограда размером 4,0×3,5 м (рис. 7, 4). К ее юго-западной стенке пристроена другая, меньших размеров (предположительно 3,5×3,0 м). На поверхности видны верхние края нескольких плит первой ограды, место и размеры второй ограды угадываются лишь по положению могилы.

Могила 1. Находилась в большой ограде. Трапециевидный ящик размером 120×65(50)×50 см из 4 плит (рис. 20, 3). Плиты южной стенки посередине пробиты грабителями. От покрытия сохранились 2 большие плиты, сдвинутые грабителями. Глубина могилы 75 см. В заполнении у дна могилы в беспорядке кости ребенка 3 лет. Скелет полный. На ключицах, нижней челюсти и на шейных позвонках следы окиси

меди. Около южной стенки у пролома 2 бронзовых височных кольца (не сохранились) и 3 бронзовые пронизки (рис. 34, 3). На самом дне могилы, в средней ее части, бронзовый нож с бронзовой накладкой на ножны (рис. 34, 1, 2). Среди костей человека кости двух овец, обе в возрасте до 4 месяцев (8 ребер, 3 лопатки, 2 плечевые, 2 бедренные, локтевая).

Могила 2. Располагалась в малой ограде. Прямоугольный ящик размером 75×50 см из 4 плит. На дне незначительные остатки костей младенца, лежащие без видимого порядка, а также 3 глиняных черепка (рис. 34, 4)⁵.

Курган 29. Диаметр насыпи 11 м, высота 40 см. На поверхности насыпи видны верхние края плит ограды по трем ее сторонам (рис. 7, 5). Ограда прямоугольная размером 6,5×8,5(?) м. Посередине ограды две могилы, расположенные в ряд на расстоянии 1,5—2,0 м одна от другой. Их покрытия состояли из нескольких положенных на края каменных ящиков больших толстых плит, поверх которых были уложены в два-три слоя мелкие плиты. К моменту раскопок развал плит имел вид куполообразного панциря над могилой, средняя часть которого была разобрана грабителями. Эти купола двух могил слились воедино, но на разрезе можно видеть, что сначала было сооружено покрытие над могилой 1, а при последующем сооружении покрытия могилы 2 его плиты были наложены на покрытие первой могилы.

Могила 1. Северная. Трапециевидный ящик размером 190×85(55)×65 см из 6 плит (рис. 20, 4). От покрытия остались на месте две большие плиты по концам могилы. Средняя часть покрытия ящика и западная половина куполообразного покрытия над могилой разобраны грабителями. Здесь среди разбросанных плит обнаружен череп человека, выброшенный из могилы. Глубина могилы 95 см. Полный скелет мужчины (?) 16—17 лет. Кости обеих ног сохранились на месте в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребенный лежал на левом боку, головой на СВ. Остальные кости скелета находились в беспорядке. Около коленных суставов скелета найден горшок с нарядным орнаментом (рис. 34, 5). В заполнении могилы обнаружено бронзовое височное кольцо (не сохранилось). Среди костей человека кости двух овец, обе в возрасте около 2 лет (2 лопатки, большая и маленькая бедренные, 2 большие берцовые, 6 ребер, сегменты грудины, пяточная, астрагал, кость предплюсны).

Могила 2. Более южная. Трапециевидный ящик размером 165×65(50)×40 см из 7 плит (рис. 20, 5). Покрытие из толстых плит. На месте сохранились две большие плиты, положенные поперек ящика в его северо-восточной части. Юго-западная часть покрытия сдвинута, плиты разбиты и в большом количестве лежат вокруг ящика. Глубина могилы 90 см. На дне кости скелета мужчины 16—17 лет. Кости в беспорядке, многих недостает. Следы окиси меди на шейных по-

звонках и затылочной кости. За пределами ящика около его южного угла находились бедренная и большая берцовая кости того же скелета. Около них найдена бронзовая литая двояковыпуклая бляшка с остатками петель на обороте (не сохранилась). В могиле в разных местах обнаружено 6 бронзовых пронизок (рис. 34, 6), обломок бронзовой бляшки (не сохранился), бронзовый гвоздик (рис. 34, 7) и кости коровы (сегмент грудины и диафиз большой берцовой).

Курган 30. Высота насыпи 15—20 см. На поверхности видны верхние края отдельных плит прямоугольной ограды размером 5,5×5,5(?) м (рис. 7, 6). В центре ящик размером 180×80(70)×50 см из 9 или более плит (рис. 20, 6). Верхние края плит отбиты. В юго-западной части могилы плиты отсутствуют. От покрытия в восточном конце могилы осталось несколько обломков плит. Глубина могилы 80 см. На дне в беспорядке кости — скелет мужчины 25—30 лет, неполный, череп отсутствует. В восточном углу могилы найдены черепки от глиняного сосуда (не сохранились) и кости двух овец (пяточная, 4 ребра).

Курган 31. Диаметр насыпи 15 м, высота 60 см. Круглая ограда диаметром 11 м (рис. 7, 7). Стенки ограды шириной 70 см сохранились в восточной части на высоту до 5 рядов плиток, в западной — до 3—4 рядов. Курган раскопан полностью вручную. Разобрана вся насыпь, расчищена вся ограда, только отвалы убрались бульдозером.

Могила 1. Основная. В центре ограды трапециевидный ящик размером 210×90(75)×60 см из 6 плит (рис. 20, 7). Покрытие состояло из трех (?) больших плит, положенных на края ящика. Сохранились две крайние плиты и небольшое количество разбросанных обломков плит. Глубина могилы 130 см. На дне в беспорядке полный скелет мужчины 40—45 лет. Здесь же кости крупной взрослой овцы (лопатка, сегменты грудины, плечевая, бедренная, большая берцовая, коленная чашечка, пяточная, астрагал, кость предплюсны)⁶.

Могила 2. К северному краю ограды примыкал маленький ящик размером 60×50 см из вертикально поставленных плиток. Вероятно, это могилка младенца, хотя остатков погребения не сохранилось.

Курган 32. Диаметр насыпи 13 м, высота 50 см. Раскопан полностью с помощью бульдозера. Сначала удалена земля за пределами ограды и расчищена наружная сторона ограды. Затем вручную разобрана насыпь внутри ограды (посередине оставлена бровка) и расчищены ограда и могильное покрытие. Ограда круглая (рис. 8, 1). Диаметр ограды 9,5 м, ширина стены 50—60 см, высота в северо-восточной части 40 см (7—8 рядов плит), в юго-западной — 20 см (3—4 ряда плит). Стена сложена из плит различной величины — от 170×70 см до самых мелких. В юго-западной части

⁵ В фондах ГЭ хранится только один фрагмент венчика (примеч. ред.).

⁶ В фондах ГЭ хранится склеенный глиняный сосуд с нарядным орнаментом (рис. 34, 8). В отчете он не указан (примеч. ред.).

стены врыта плита, поставленная вплотную к ней вертикально.

Могила 1. В центре ограды трапециевидный ящик из 6 (?) плит (рис. 20, 8). В северо-восточном конце ящика две плиты отсутствуют. Размеры могилы 225×95(70)×60 см. Покрытие нарушено. Плиты разбросаны, на месте осталась только одна, покрывавшая юго-западный конец ящика. Глубина могилы 120 см. Скелет мужчины 23—25 лет, полный, но без черепа, находился в беспорядке. Среди костей черепки от трех сосудов (рис. 34, 9, 13)⁷. В юго-западном конце могилы найдены 3 бронзовые пронизки (рис. 34, 12), обломок височного кольца (рис. 34, 11) и маленькая бронзовая бляшка с петелькой (рис. 34, 10). На атланте следы окиси меди. Кости овцы в возрасте до 20 месяцев (ребро, большая берцовая, астрагал, кость предплюсны).

Могила 2. Маленький каменный ящик размером 60×45 см, приставленный снаружи к стене ограды в северной ее части. Сложен из 4 плит, пятой плитой прикрыт. Плиты покрытия и двух стенок повалились внутрь. Остатков погребения не обнаружено. Вероятно, это могилка младенца.

Курган 33. Диаметр насыпи 11 м, высота 70 см. Раскопан не полностью. С помощью бульдозера удалена земля за пределами ограды, затем зачищена наружная сторона ограды. Внутри ограды вскрыта лишь небольшая площадь с двумя могилами. Ограда круглая, диаметром 10,5 м (рис. 8, 2). Стена сохранилась на высоту 50 см (5 рядов плитняка) в северо-восточной части и на 20 см — в юго-западной, могилы расположены в ряд на расстоянии 1,5 м одна от другой. Их покрытия, нарушенные грабителями, слились воедино.

Могила 1. Юго-восточная. Трапециевидный ящик размером 220×70(55)×65 см из 6 плит (рис. 21, 1). Северо-западная стенка проломлена грабителями. Покрытие из толстых плит нарушено. Плиты разбросаны по сторонам и перемещались с плитами покрытия второй могилы. Глубина могилы 115 см. В заполнении могилы, на глубине 30 см от краев ящика, скелетик новорожденного, погребенный сюда после разграбления могилы. На дне в беспорядке кости скелета мужчины 25 лет, многих недостает. На нижней челюсти, на шейных позвонках и на фалангах пальцев руки имеются следы окиси меди. Среди костей найдены черепки от трех сосудов. Один из них, с нарядным геометрическим орнаментом, красный, весь рассыпался и не был взят (рис. 34, 14, 15). Здесь же обнаружены роговая рифленая застежка (рис. 34, 16), обломок бронзового предмета (не сохранился) и кости двух овец — одной 3 года, другая моложе (лопатка, плечевая, 2 бедренные, большая берцовая, коленная чашечка, 3 сегмента грудины, ребро).

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 170×70×50 см из 7 плит (рис. 21, 2). Покрытие из нескольких рядов плит, как и в соседней могиле, нарушено. Глубина могилы 110 см. На дне в беспорядке кости

неполного скелета юноши 17 лет, 2 бронзовые обоймочки (рис. 34, 17), черепки от двух сосудов (рис. 34, 18)⁸, кости овцы в возрасте около одного года (лопатка, плечевая, большая берцовая, бедренная, астрагал, 2 кости предплюсны, 5 сегментов грудины, 4 ребра).

Курган 34. Прямоугольная оградка размером 3,0×2,5 м (рис. 8, 3). Раскопана полностью. В юго-западной половине расчищена вся ограда, в северо-восточной половине — только с внутренней стороны. В центре ограды прямоугольный ящик размером 55×30×50 см из 4 плит (рис. 21, 3). Покрытие нарушено, осталось лишь несколько смещенных плиток около южного угла. В заполнении несколько косточек скелета младенца одного года.

Курган 35. Квадратная ограда размером 2,2×2,2 м (рис. 8, 4). Внутри ограды каменный ящик размером 105×50(40)×40 см из 6 плит (рис. 21, 4). От покрытия сохранились лишь отдельные плитки около северного угла ящика. Глубина могилы 55 см. Скелет ребенка 3 лет, в беспорядке неполный. Среди костей черепок сосуда без орнамента (не сохранился) и кости овцы в возрасте до 3 лет (обломки предплечья, бедра).

Курган 36. Диаметр насыпи 6 м, высота 25 см. На поверхности видны отдельные вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды размером 4,0(?)×4,0 м (рис. 8, 5). В центре могильная яма (рис. 21, 5) размером 220×90 см, глубина ямы 95 см. Каменного ящика нет. В яме сохранились мелкие осколки плит. На дне могилы в беспорядке кости скелета взрослого человека.

Курган 37. Насыпь высотой 10 см, на поверхности видны края отдельных плиток прямоугольной ограды размером 3,5×3,0 м (рис. 8, 6).

Могила 1. В 1965 г. была раскопана основная могила. В центре прямоугольный ящик размером 60×40×55 см из 4 плит (рис. 21, 6). Покрытие из плит нарушено, только часть плит прикрывали края могилы, остальные лежали вне ящика. Глубина могилы 75 см. На дне фрагменты черепа и других костей новорожденного младенца, два бронзовых височных кольца (рис. 35, 1) и черепки небольшого горшочка (рис. 35, 2).

Могила 2. В 1966 г. исследована пристройка, в которой находилась могила 2. К западной стенке основной ограды пристроена ограда размером 5,5×? м из вертикально поставленных плит (рис. 21, 7). В центре трапециевидный ящик размером 60×35×45 см из 4 вертикально поставленных плит. Ориентировка СВ—ЮЗ. Покрытие из плит нарушено, сохранилось частично лишь в северо-восточном конце. Глубина могилы 65 см. Погребение ребёнка разграблено. В заполнении отдельные кости скелета в полном беспорядке. Вещей нет.

⁷ В фонды ГЭ поступили фрагменты от двух сосудов (примеч. ред.).

⁸ В фондах ГЭ хранится фрагмент венчика от одного из сосудов (примеч. ред.).

Курган 38. Насыпь едва заметна. Только вдоль юго-западной стороны ограды видны края двух вертикально поставленных плит прямоугольной ограды размером, предположительно, 4,5×4,5 м (рис. 8, 7). Внутри ограды сильно разрушенный прямоугольный ящик размером 165×80×50 см (рис. 21, 8). Сохранились плиты на северо-восточном конце могилы, остальные выброшены грабителями. Плиты покрытия разбросаны по краям могилы. Глубина могилы 70 см. На дне кости от двух скелетов — мужчины 40 лет и женщины 45—50 лет. Черепов и многих костей нет. На ключице и атланте скелета женщины следы окиси меди. Найдены черепки сосуда (рис. 35, 3), кости коровы в возрасте около одного года (2 сегмента грудины, лопатка, плечевая, бедренная, большая берцовая, астрагал, кость предплюсны, 4 ребра), а также кости овцы зрелого возраста (лопатка, плечевая, 2 ребра) и козы в возрасте от 5 до 20 месяцев (2 лопатки, 2 большие берцовые, лучевая, плечевая, 2 ребра).

Курган 39. Высота насыпи 10—15 см. На поверхности видны края вертикально врытых плит ограды неправильной прямоугольной, вернее, трапециевидной формы (рис. 8, 8). Размер ограды 5,5×5,0 м. В центре ее трапециевидный ящик размером 170×70(55) см из 6 плит (рис. 21, 9). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие отсутствует, на дне могилы отдельные немногочисленные кости скелета, возможно мужчины 16—17 лет, в беспорядке, на шейном позвонке следы окиси меди. Среди костей найден черепок горшка (не сохранился) и кости овцы (4 спинных позвонка, сегмент грудины).

Курган 40. Диаметр насыпи 14 м, высота 50 см. Под насыпью круглая ограда диаметром 9 м (рис. 8, 9).

Могила 1. Основная могила раскопана в 1965 г. В центре ограды ящик размером 200×75(60)×40 см из 9 плит (рис. 21, 10). На юго-западном конце могилы одна большая плита покрытия лежала на месте, остальные разбиты и разбросаны вокруг ящика, около северо-западного конца ящика лежал выброшенный из могилы череп. Глубина могилы 95 см. На дне в беспорядке кости неполного скелета мужчины 35—40 лет. Кости сломаны и плохой сохранности. Кости овцы взрослой (обломки таза, лопатки, бедренной и грудины, пяточная кость, ребро) и овцы в возрасте до одного года (фрагменты плюсневой кости и фаланги I).

Могила 2. В 1966 г. исследована могила 2. К северо-западной стенке основной ограды пристроена прямоугольная ограда размером 3,0×3,0 м из плит, поставленных на ребро. В центре трапециевидный ящик размером 105×55(45)×50 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 21, 11). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из толстых плит нарушено. В северо-западной половине ящика плита разбита. Глубина могилы 85 см. Скелет ребёнка 4—6 лет. В первоначальном положении в анатомическом сочленении сохранились кости ног и тазовые, остальные кости скелета в заполнении могилы в беспорядке. Судя по положению

костей ног, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ.

Курган 41. Высота насыпи 15—20 см. Верхний край плиты ограды виднелся только на одной её стороне. Плиты другой стороны открылись в процессе раскопки. Ограда прямоугольная размером 4,5×4,5(?) м (рис. 8, 10). В центре ограды прямоугольный ящик размером 165×65×70 см из 6 плит (рис. 21, 12). От покрытия остались только две плиты, лежащие на концах ящика. Глубина могилы 95 см. На дне отдельные разрозненные кости женщины 45—55 лет. Череп без нижней челюсти. Найдены черепки от нарядного горшка с геометрическим орнаментом (рис. 35, 4) и обломок бронзового стерженька (рис. 35, 5). Плечевая и бедренная кости овцы или козы (ягненок).

Курганы 42—52. Эти курганы, как уже было отмечено, исследованы полностью — одним сплошным раскопом (рис. 9). Этим преследовались две цели. Первая — контрольная. Нам хотелось знать, что мы теряем при неполном вскрытии памятников, принятом нами при раскопках могильника Кургеннер. Вторая цель — исследовать площадь могильника между могильными сооружениями, чтобы обнаружить возможные следы похоронных и поминальных тризн, каких-нибудь дополнительных к могилам сооружений и других следов деятельности человека на кладбище.

О том, что потери при неполном исследовании курганов карасукской культуры незначительны, говорилось выше. Ими вполне можно пренебречь, особенно в условиях археологических раскопок на новостройках, когда нет возможности раскопать все памятники, подлежащие уничтожению или затоплению. Что же касается исследования межмогильного пространства на кладбище, то наши раскопки подтвердили наши наблюдения, сделанные при первой попытке подобного исследования. В 1961 г. в могильнике Карасук I мы исследовали сплошным раскопом три ограды, расположенные недалеко одна от другой. Тогда было исследовано несколько десятков квадратных метров площади межмогильного пространства. Никаких находок при этом не было сделано. Здесь же, на могильнике Кургеннер I, исследовано около 500 кв. м межмогильного пространства. Определенных остатков каких-либо обрядовых действий или чего-либо другого нами не обнаружено. Встречено совершенно незначительное количество костей овцы и коровы. Происхождение их остается неясным — они могли быть выброшены грабителями из могил или случайно попали в почвенный слой в любую из предшествующих или последующих эпох, могли быть и остатками тризн, но определенных указаний на последнее мы не получили. Между курганами 43 и 45 при зачистке материка мы получили некоторое углубление или понижение верхней поверхности материка, имевшее чашеобразную форму, глубиной около 15—20 см, диаметром 3—4 м. В средней части этого понижения мы увидели нечто вроде могильного пятна прямоугольной формы размером 180×90 см. Однако ни могилы, ни ямы здесь не

оказалось, но в нижней части почвенного заполнения найдено бронзовое зеркало — круглое, с петелькой на обратной стороне (рис. 55, 7).

Курган 42. Прямоугольная ограда 3,5×3,5 м (рис. 9). У юго-западной стенки находится «указатель» могилы. В центре трапециевидный ящик размером 170×70(60)×55 см из 6 плит (рис. 22, 1). Верхние края плит сильно обломаны. От покрытия осталось несколько обломков плит в беспорядке. Глубина могилы 80 см. На дне в незначительном количестве в беспорядке кости скелета взрослой женщины, без признаков старения. В юго-западном конце могилы в первоначальном положении сохранились кости голени и стоп. Судя по их положению, погребенная лежала головой на СВ. На дне могилы обломки горшка плохой сохранности (не сохранились), клинок бронзового ножа (рис. 35, 6), обломки пластинчатого бронзового украшения и бронзовая обоймочка (не сохранились), а также кости двух овец старше 15—30 месяцев (2 бедренные, верхние эпифизы двух плечевых и двух больших берцовых, пяточная и лопатка).

Курган 43. Три ограды с могилами 1, 2, 3, примыкающими одна к другой в направлении с северо-востока на юго-запад (рис. 9). В восточном углу ограды в почвенном слое найден отлитый из бронзы астрагал косули (рис. 35, 10). По определению Н. М. Ермоловой, это механическая копия астрагала взрослой косули, сточенного с одной стороны.

Могила 1. Прямоугольная оградка 3,5×2,5 м. В центре трапециевидный ящик размером 180×70(50)×65 см из 5 плит (рис. 22, 2). Покрытие не сохранилось. Глубина могилы 85 см. На дне кости скелета взрослой женщины без признаков старения, в малом количестве, в беспорядке. Кости левой ноги, начиная от бедра (сломан верхний эпифиз), находились в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребенная лежала головой на СВ. Стопа несколько нарушена. Около стопы обнаружена бронзовая пуговица (не сохранилась).

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 3,5×3,0 м, пристроенная к северо-восточной стенке основной ограды. В центре прямоугольный ящик размером 140×70×65 см из 4 плит (рис. 22, 3). От покрытия осталось несколько обломков плит, разбросанных вокруг могилы. Глубина могилы 85 см. На дне в беспорядке незначительное количество костей ребенка 9 лет. Среди них 4 аргиллитовые бусинки (рис. 35, 7), черепки одного горшка с орнаментом (рис. 35, 8), обломки бронзового колечка и ещё какого-то предмета (не сохранились). На атланте и нижней челюсти следы окиси меди. Здесь же кости козы старше одного года (лопатка, плечевая, большая берцовая, верхняя часть бедра).

Могила 3. Прямоугольная оградка размером 1,5×1,2 м, пристроенная около южного угла к юго-западной стенке первой ограды. В центре маленький прямоугольный ящик размером 65×35×25 см из 4 плит (рис. 22, 4). Покрытие отсутствует, глубина могилы 30 см. На дне кости скелета ребенка 3 лет. Многих

костей и черепа нет. Кости левой ноги с прилегающей тазовой и правой голени сохранились на месте. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль северо-западной стенки головой на СВ. У юго-восточной стенки ящика против грудной клетки стоял горшок (рис. 35, 9). Среди разбросанных костей ребенка найдены обломки бронзовых бляшки и височного кольца (не сохранились), а также лопатка овцы (ягнёнка).

Курган 44. Прямоугольная ограда размером 4,2×4,2 м, плохо сохранившаяся (рис. 9). За юго-западной стенкой имеется «указатель» могилы. В центре трапециевидный ящик размером 195×90(70)×40 см из 4 (?) плит (рис. 22, 5). Значительная часть плиты в его юго-восточной стенке выломана и выброшена. От покрытия сохранилось небольшое количество разбросанных по сторонам ящика плит. Глубина могилы 60 см. На дне в беспорядке отдельные кости скелета женщины 30—50 лет. Среди костей человека бронзовый «гвоздик» (рис. 35, 12), обломок бронзовой пластинки (не сохранился), несколько черепков от одного горшка без орнамента (рис. 35, 11) и кости коровы в возрасте от 20 месяцев до трёх лет (фрагмент лопатки, 4 ребра, 2 сегмента грудины, бедренная, коленная чашечка, астрагал).

Курган 45. Две ограды — основная (могила 1) и маленькая (могила 2), пристроенная к ее северо-восточной стенке (рис. 9).

Могила 1. Прямоугольная ограда 3,5×3,5 м. У юго-западной стенки «указатель» могилы. В центре трапециевидный ящик размером 175×75(60)×40 см, сложенный из 6 плит (рис. 22, 6). От покрытия сохранилось несколько плит около юго-западного конца ящика. Глубина могилы 70 см. На дне в беспорядке незначительное количество костей скелета взрослой женщины, без признаков старения. Следы окиси меди на локтевой кости. В заполнении 2 черепка горшка (рис. 35, 13). В западном углу среди костей две бронзовые выпуклые бляшки и обломок бронзового стержня (возможно шила) (не сохранились), а также кости лошади (15 фрагментов черепа и нижней челюсти, шейный позвонок, фаланга I, ребро).

Могила 2. Прямоугольная оградка размером 1,5×1,0 м. В центре маленький ящик размером 70×25×40 см, частично разрушенный (рис. 22, 7). Покрытие отсутствует. Глубина могилы 50 см. Остатков погребения не обнаружено.

Курган 46. Прямоугольная ограда 3,5×3,0 м (рис. 9). У юго-западной стенки «указатель» могилы. В центре трапециевидный ящик размером 140×70(55)×40 см из 6 плит (рис. 22, 8). Покрытие разрушено. Несколько плит лежат около ящика. Глубина могилы 45 см. На дне в беспорядке кости скелета подростка 13 лет, в малом количестве. В заполнении найдена бронзовая выпуклая пуговица (рис. 35, 15), часть бронзовой пронизки (не сохранилась) и черепки от горшка (рис. 35, 14). Кости коровы (6 рёбер) и фаланга овцы.

Курган 47. Две прямоугольные ограды (рис. 9). В большой размером 4,5×3,0 м две могилы (могилы 1 и 2). В маленькой пристроенной — одна (могила 3). Около юго-западной стенки большой ограды против могилы 1 — «указатель» могилы.

Могила 1. Ящик размером 160×70×50 см из 4 плит (рис. 22, 9). Северная стенка проломана грабителями. Покрытие нарушено. Плиты сброшены около западного конца ящика. Глубина могилы 70 см. В заполнении и на дне найдено несколько костей взрослого человека, несколько черепков сосуда (не сохранились), кости коровы в возрасте до 2 лет (2 ребра, большая берцовая, астрагал, пяточная).

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 110×45×40 см из 4 плит (рис. 22, 10). Северо-западная плита разбита грабителями. Покрытие разрушено, обломки плит разбросаны. Глубина могилы 60 см. В северном углу ящика скопление костей ребенка 7 лет. Многих костей нет. В заполнении черепки сосуда (не сохранились). Кости овцы в возрасте около одного года (лопатка, плечевая, большая берцовая, два сегмента грудины).

Могила 3. Оградка размером 2,0×1,5 м пристроена к северо-восточной стенке большой ограды. В центре прямоугольный ящик размером 70×45×45 см из 4 плит (рис. 22, 11). Покрытие отсутствует. Глубина могилы 65 см. На дне в беспорядке кости младенца одного года. В восточном углу ящика в изголовье против лица были помещены два маленьких горшка с геометрическим орнаментом (рис. 35, 16, 17). Среди костей младенца находилось бронзовое колечко с бирюзовой бусинкой (рис. 35, 19, 20). В заполнении ящика найдены три бронзовые пронизки (рис. 35, 18).

Курган 48. Ограды нет. Трапециевидный ящик размером 60×40(30)×30 см из 4 плит (рис. 22, 12). Плиты покрытия отсутствовали. Глубина могилы 40 см. Ближе к дну лежала небольшая плита, оказавшаяся нижним камнем ручной зернотёрки, положенным в могилу рабочей поверхностью вниз. Размеры ее 50×30 см. Под ней незначительные остатки скелета младенца. В северо-восточном углу ящика находилась маленькая бронзовая бляшка (не сохранилась).

Курган 49. Три ограды, пристроенные последовательно одна к другой в направлении СВ—ЮЗ (рис. 9). В каждой ограде по одной могиле. Первой, судя по наклону плит, была сооружена средняя ограда с могилой 1, а затем к ней пристроена с СВ могила 2 и с ЮЗ могила 3.

Могила 1. Квадратная ограда размером 4,0×4,0 м. В центре трапециевидный ящик размером 200×95(65)×55 см из 6 плит (рис. 23, 1). Плиты сброшены в юго-западный конец ящика, частично прикрывая его. Глубина могилы 80 см. На дне незначительное количество костей скелета мужчины 18—19 лет. В анатомическом порядке сохранились кости ног ниже колен.

Поверх них лежали два горшка (рис. 35, 21, 22)⁹. Судя по положению костей ног, погребенный лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. На левой лучевой кости следы окиси меди. В заполнении и среди костей обломки бронзовой пластинки и пронизки (не сохранились). На левой лучевой кости следы окиси меди. Кости коровы в возрасте до 2 лет (пяточная кость, 2 ребра, астрагал, кость предплюсны, эпифизы, большая берцовая и плечевая, сегмент грудины).

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 3,5×3,0 м. В центре трапециевидный ящик размером 165×70(55)×50 см из 6 плит (рис. 23, 2). Покрытие нарушено. Несколько обломков плит разбросано по бортам могилы. Глубина могилы 75 см. Незначительные остатки костей взрослого человека.

Могила 3. Квадратная оградка 1,5×1,5 м, пристроенная к юго-западной стенке первой ограды. В центре прямоугольный ящик размером 60×45×34 см из 4 плит (рис. 23, 3). Покрытия нет. Глубина могилы 55 см. На дне незначительные остатки скелета младенца, обломки бронзовых кольца, пластинки и других мелких предметов (не сохранились).

Курган 50. Прямоугольная ограда размером 5,0×3,3 м. Юго-западная стенка ее частично разрушена (рис. 9). В центре ограды две могилы. За юго-западной стенкой, против могилы 1, установлен «указатель» могилы.

Могила 1. Трапециевидный ящик размером 160×50(40) см из 6 плит (рис. 23, 4). Покрытие нарушено. Плиты разбросаны по бортам могилы. Немногочисленные кости скелета юношеского возраста (15 лет) разбросаны в беспорядке. В заполнении найдены мелкие черепки сосуда (рис. 36, 1)¹⁰ и большая берцовая кость взрослой козы.

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 115×45×35 см из 4 плит (рис. 23, 5). Покрытие нарушено. Плиты разбросаны по бортам могилы, частично покрывают северо-восточный конец ящика. На дне и в заполнении в беспорядке кости подростка 10 лет. Скелет неполный. В восточном углу ящика найдены два горшка (рис. 36, 4, 5). Среди костей ребенка кости козы в возрасте до пяти месяцев (плечевая, лопатка, большая берцовая, ребро).

Курган 51. Прямоугольная ограда размером 10,5×4,5 м (рис. 9). Внутри ограды 4 могилы, расположенные в ряд. За западной стенкой ограды, против могилы 2, находится плита «указатель» могилы.

Могила 1. Прямоугольный ящик размером 170×60×40 см из 5 плит (рис. 23, 6). Покрытие нарушено. Разбитые плиты лежат по краям ящика, глубина могилы 60 см. На дне в беспорядке несколько костей скелета женщины (?).

⁹ В фондах ГЭ хранится еще один фрагмент орнаментированного глиняного сосуда, см. рис. 35, 23 (примеч. ред.).

¹⁰ В фондах ГЭ к этой могиле отнесены еще два фрагмента от разных сосудов, см. рис. 36, 2, 3 (примеч. ред.).

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 95×30×30 см из 6 плит (рис. 23, 7). Плиты покрытия разбиты, обломки их лежат вокруг ящика, глубина могилы 50 см. На дне и в заполнении в беспорядке несколько костей ребенка 4 лет и кости овцы в возрасте до 15 месяцев (большая берцовая, астрагал).

Могила 3. Прямоугольный ящик размером 100×40×30 см из 5 плит (рис. 23, 8). Покрытие нарушено. Плиты лежали вокруг ящика. На дне в беспорядке полный скелет, без черепа, ребенка 9 лет. В восточном углу ящика в изголовье горшок с обломанными краями и черепок от венчика другого горшка (рис. 36, 6, 7). Среди костей обломки бронзового колечка и пластинки (не сохранились).

Могила 4. Прямоугольный ящик размером 185×60×50 см из 6 плит (рис. 23, 9). Покрытие нарушено, плиты лежат вокруг ящика. Глубина могилы 70 см. На дне в беспорядке малое количество костей взрослого человека 20 лет. Левая голень и стопа лежат в анатомическом порядке на первоначальном месте. Судя по их положению, погребенный был положен головой на СВ. Кости двух овец в возрасте до 15—20 месяцев (2 плечевые, 2 лопатки, бедренная, большая берцовая, 2 ребра)¹¹.

Курган 52. Три ограды (рис. 9). Первая ограда, размером 6,5×4,0(3) м, подпрямоугольной формы. Ориентирована длинной осью с СЗ на ЮВ. Содержит три могилы, расположенные в ряд (могилы 1, 2, 3). Вторая ограда, размером 3,0×4,0 м, пристроена к северо-западной стенке первой. Содержит одну могилу (могила 4). К северо-восточной стенке второй ограды пристроена третья ограда, размером 3,0×3,0(?) м. В центре ее одна могила (могила 5). У юго-западной стенки первой и второй оград поставлены против могил 1, 2, 3, 4 плиты-«указатели» могил.

Могила 1. Ящик из 6 (?) плит (рис. 24, 1). Северо-восточная и почти вся юго-восточная стенки лишены плит. Сохранились только 3 плиты северо-западной и юго-западной стенок. Размеры могилы — 160×50×45 см. Покрытие не сохранилось. Глубина могилы 70 см. На дне несколько мелких костей человека в возрасте 17—18 лет. Среди них 2 аргиллитовые бусинки (рис. 36, 9) и кости овцы или козы (фрагмент лопатки) и коровы (фрагмент метаподии).

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 100×50×25 см из 6 плит (рис. 24, 2). Покрытие могилы из тонких плит пробито посередине грабителями. Глубина могилы 50 см. Почти полный скелет ребёнка 4 лет частично нарушен. Только длинные кости ног и часть позвоночника сохранили своё первоначальное положение. Погребенный лежал вдоль северо-западной стенки головой на СВ. В изголовье, против лица, небольшой горшок с геометрическим орнаментом, плохой сохранности (рис. 36, 10). Ближе к северному углу, где находилась голова погребенного, лежало бронзо-

вое колечко, а около позвоночника — бронзовая бляшка (не сохранились). В других местах найдены одна кость коровы и одна овцы или козы.

Могила 3. Прямоугольный ящик размером 170×65×55 см из 5 (?) плит (рис. 24, 3). По юго-западной и частично по юго-восточной стенке от плит сохранились мелкие осколки, плиты покрытия отброшены грабителями в северо-восточный конец могилы. Глубина могилы 90 см. На дне и в заполнении в беспорядке незначительное количество костей взрослого и ребенка. В юго-западном конце могилы сохранились в первоначальном порядке кости обеих стоп и малая берцовая. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль северо-западной стенки головой на СВ. В заполнении найден обломок бронзового кольца (не сохранился) и черепки от двух сосудов с геометрическим орнаментом, один из них орнаментирован белой пастой (рис. 36, 11, 12).

Могила 4. Трапециевидный ящик размером 175×75(60)×45 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 24, 4). Покрытие нарушено. Плиты сброшены на юго-западный конец ящика. На дне в беспорядке кости неполного скелета женщины 35—40 лет, на левой ветви нижней челюсти и левой лопатке следы окиси меди. В юго-западном конце в анатомическом порядке находились кости стопы. Судя по их положению, погребенная была положена головой на СВ. Найдены черепки от двух сосудов (не сохранились); кости коровы моложе 10 месяцев (лопатка, плечевая, бедренная, большая берцовая, пяточная, астрагал, 2 сегмента грудины) и лошади (фрагмент лучевой кости).

Могила 5. Трапециевидный ящик размером 145×65(50)×40 см из 6 плит (рис. 24, 5). Покрытие нарушено. Плиты разбиты и отброшены. Глубина могилы 60 см. На дне в беспорядке кости неполного скелета ребенка 9 лет. В восточном углу в изголовье стоял сосуд (не сохранился). Слабые следы окиси меди на нижней челюсти и позвонках. Среди костей обломки бронзового кольца (рис. 36, 13), пронизки и перстня плохой сохранности (не сохранились), а также кости коровы (нижняя часть плюсневой кости) и лошади (фаланга III).

Курган 53. Две ограды — основная и пристроенная к ней (рис. 10, 1). В каждой ограде по одной могиле, в первой — могила 2, во второй — могила 1.

Могила 1. Квадратная оградка-пристройка размером 2,0×2,0 м. В центре трапециевидный ящик размером 135×55(50)×40 см из 6 плит (рис. 24, 6). Могила прикрыта большой плитой (170×65×6 см). Глубина могилы 70 см. Могила, возможно, не ограблена. На дне скелет юношеского возраста (15—16 лет), на спине, головой на СВ. Частично смещены, может быть зверьками, позвонки и мелкие кости стопы и кисти. В изголовье, перед черепом и грудной клеткой, два горшка (не сохранились), рядом с ними кости овцы в возрасте 15—20 месяцев (3 ребра, плечевая, большая берцовая, пяточная) и обломок бронзового ножа (не сохранился). Около височных костей по два бронзовых височных кольца (рис. 36, 14, 16). Около нижней

¹¹ В фондах ГЭ хранится фрагмент стенки глиняного сосуда с орнаментом из этой могилы, см. рис. 36, 8 (примеч. ред.).

челюсти 5 цилиндрических аргиллитовых бусин (не сохранились). Около черепа бронзовая бляшка с петелькой на обратной стороне (рис. 36, 17) и в разных местах 6 бронзовых пронизок (рис. 36, 15).

Могила 2. Квадратная ограда 3,5×3,5 м. В центре ящик размером 185×75(60)×45 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 24, 7). Покрытие нарушено. Плиты отброшены, частично покрывают западный конец ящика, глубина могилы 80 см. На дне в беспорядке кости неполного скелета юношеского возраста (15—16 лет). Среди них черепки одного горшка (не сохранились). В восточном конце ящика обнаружены 2 бронзовых проволочных кольца (рис. 36, 18). Одно в обломках.

Курган 54. Высота насыпи 30 см. На поверхности видны вертикально врытые плиты четырехугольной ограды размером 5,0×4,1 м (рис. 10, 2). В центре прямоугольный ящик размером 155×60×90 см из 6 плит (рис. 24, 8). Покрытие из плит нарушено. Плиты сброшены по сторонам могилы. Глубина могилы 110 см. В заполнении много сброшенных обломков плит, на дне и в заполнении кости двух детских скелетов и их черепа. Вдоль юго-восточной стены в первоначальном положении, на правом боку, головой на СВ, верхняя часть скелета ребенка.

Курган 55. Четырехугольная ограда из вертикально врытых плиток размером 2,5×2,5(?) м (рис. 10, 3). В центре прямоугольный ящик размером 60×40×35 см из 4 плит (чертежа нет). Покрытие отсутствует. Несколько плиток лежат около ящика. Глубина могилы 55 см. В могиле несколько косточек младенца.

Курган 56. Высота насыпи 15 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты прямоугольной ограды размером 5,5×4,0 м (рис. 10, 4). Внутри могилы 1 и 2. У юго-западной стенки ограды против могил врыты плиты-«указатели» могил.

Могила 1. Ящик размером 130×60×45 см из 5 плит (рис. 24, 9). Покрытие из больших плит насколько смещено. В центре плиты пробиты грабителями. Глубина могилы 70 см. Кости полного скелета, но без черепной коробки, ребенка 7 лет, в беспорядке. На левой ветви нижней челюсти следы окиси меди. В восточном углу ящика (в изголовье, перед лицом) стоял глиняный сосуд (рис. 36, 19). Среди костей ребенка кости взрослой овцы (лопатка, плечевая и 6 ребер).

Могила 2. Трапециевидный ящик размером 165×70(60)×45 см из 6 плит (рис. 24, 10). Покрытие из двух больших плит в центре пробито грабителями. Глубина могилы 65 см. На дне кости неполного скелета женщины в возрасте около 16 лет. В юго-западном конце могилы находились в анатомическом порядке кости ног, начиная от колен. Судя по их положению, погребенная лежала на левом боку вдоль северо-западной стенки головой на СВ. На височных костях, нижней челюсти и двух шейных позвонках следы окиси меди. Среди костей человека встречены 2 ребра лошади и 2 ребра овцы.

Курган 57. Высота насыпи 25 см, диаметр 8 м. На поверхности видны верхние края отдельных плиток прямоугольной ограды размером 5,0×5,0 м (рис. 10, 5). В центре трапециевидный ящик размером 165×75(60)×75 см из 6 плит (рис. 24, 11). Покрытие отсутствует. Только рядом с могилой к СВ от нее осталась одна сброшенная плита. Глубина могилы 100 см. Почти полный скелет мужчины 25—40 лет нарушен. Кости верхней части скелета находились в заполнении юго-западной половины могилы, а все кости ног — на дне в северо-восточной половине в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребенный был положен головой не на СВ, как это обычно, а в обратном направлении, головой на ЮЗ. Лежал он также необычно — на правом, а не на левом боку, но вдоль той же юго-западной стенки. В заполнении найдены обломки височного кольца и какого-то украшения из бронзы (не сохранились) и большой горшок в черепках (рис. 36, 20).

Курган 58. Две прямоугольные ограды (рис. 10, 6), основная (могила 1) и пристроенная к ней с юго-западной стороны маленькая (могила 2).

Могила 1. Прямоугольная ограда размером 4,0×4,5(?) м из вертикально врытых плиток. В центре прямоугольный ящик размером 180×60×50 см из 6 плит (рис. 25, 1). Покрытие нарушено грабителями. На северо-восточном конце ящика сохранилась большая плита. На дне и в заполнении в беспорядке несколько отдельных костей скелета взрослой женщины (?).

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 1,8×1,2(?) м. В центре ящик размером 75×40×35 см из 4 вертикально поставленных плиток (рис. 25, 2). Покрытие не сохранилось. В могиле в беспорядке отдельные косточки младенца.

Курган 59. Высота насыпи 35 см. На поверхности видны отдельные плашмя положенные плитки круглой ограды (рис. 10, 7). Диаметр ограды 6,5 м. В центре ее трапециевидный ящик размером 150×70(55)×55 см из 7 плит (рис. 25, 3). Покрытие состояло из толстых плит до 22 см толщиной. На обоих концах ящика сохранились плиты покрытия, в центре они разбиты грабителями и выброшены. Глубина могилы 90 см. На дне и в заполнении скелет подростка 12 лет. Многих костей нет. Кости обеих голеней остались на месте, остальные в беспорядке. Судя по положению костей ног, погребенный был уложен вдоль северо-западной стенки головой на СВ. В заполнении и на дне найдены черепки сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 36, 22). В северном углу, где находилась голова погребенного, найдены 8 фрагментов бронзовых пронизок (рис. 36, 21). Среди костей подростка кости молодой овцы (лопатка, плечевая, бедренная, большая берцовая, пяточная, таранная и пять ребер).

Курган 60. Высота насыпи 15 см, диаметр 7,5 м. На поверхности видны верхние края отдельных вертикально врытых плит двух прямоугольных оград (рис. 10, 8). Могила 1 основная и могила 2 в пристройке.

Могила 1. Квадратная ограда размером 4,3×4,3 м. В центре трапециевидный ящик размером 160×75(40)×40 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 25, 4). Покрытие из плит разбито и сброшено грабителями. Часть плит лежали в ящике. На дне и в заполнении в беспорядке небольшое количество костей скелета женщины (?) старческого возраста. На костях предплечья следы окиси меди. В заполнении найдены два черепка от двух разных сосудов (не сохранились) и кости коровы (плечевая, три сегмента грудины).

Могила 2. Квадратная ограда пристроена к юго-западной стенке основной ограды. Размеры 3,0×3,0 м. В центре трапециевидный ящик размером 110×50(30)×40 см из 4 плит (рис. 25, 5). Покрытие разбито грабителями, юго-западный конец могилы прикрывают две большие плиты. На дне и в заполнении несколько костей скелета подростка в беспорядке. На 5 шейных позвонках и первом ребре обильные следы медной зелени. Кости молодой овцы (бедренная, большая берцовая, пяточная, астрагал).

Курган 61. Диаметр насыпи 16 м, высота 45 см. Круглая ограда, сложенная из плитняка (рис. 10, 9). Диаметр 11 м, в центре трапециевидный ящик размером 185×75(60)×70 см из 12 вертикально поставленных плит (рис. 25, 6). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из двух больших и двух малых плит, покрывающих щель между большими плитами. Северо-восточная плита разбита и нарушена. Глубина могилы 115 см. Скелет юношеского возраста (17—18 лет), на левом боку, головой на СВ, вдоль северной стенки. Частично нарушен, череп отсутствует. Среди костей черепки от двух сосудов с геометрическим орнаментом. Большой фрагмент сосуда лежал на уровне тазовых костей. Один сосуд реставрирован полностью, другой — крупными частями (рис. 37, 1, 2). Здесь же бронзовая игла (?) и обломки бронзового изогнутого стерженька (рис. 37, 3)¹². Перед скелетом около коленных суставов кости, возможно целого скелета молодой овцы, и две лопатки от двух разных овец — молодой и ягнёнка.

Курган 62. Квадратная ограда размером 2,4×2,4 м (рис. 10, 10). В центре трапециевидный ящик размером 165×65(50)×40 см из 6 плит (рис. 25, 7). Тонкие плиты покрытия сброшены по сторонам могилы. На дне и в заполнении в беспорядке кости неполного скелета юноши (?) 14—18 лет. Над могилой под дерновым слоем найдено несколько черепков от сосуда тагарской культуры (не сохранились), на дне обломки карасукской керамики (не сохранились) и кости молодой овцы (плечевая, бедренная, большая берцовая, 4 ребра).

Курган 63. Высота насыпи 35 см, диаметр 12,5 м. На поверхности видны верхние края отдельных плит трех смежных оград (рис. 10, 11). Ограда большая (могила 1), к юго-восточной стенке ее пристроена прямо-

угольная ограда (могила 2) и рядом — маленькая (могила 3).

Могила 1. Прямоугольная ограда размером 5,0×5,5 м. В центре трапециевидный ящик размером 170×80(50)×60 см из 4 плит (рис. 25, 8). Тонкие плиты покрытия сброшены по сторонам могилы. Края плит ящика выступали на поверхности. На дне и в заполнении в беспорядке несколько мелких костей скелета женщины (?) старческого возраста. В заполнении найдены бронзовый ножичек (?) (рис. 37, 4), черепки сосуда (не сохранились) и кости молодой овцы (большая берцовая, пяточная, 2 таранных, 4 ребра).

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 5,0×3,3 м. В центре прямоугольный ящик размером 145×45×40 см из 6 (?) плит (рис. 25, 9). В северо-восточном конце могилы плиты отсутствовали. Плиты покрытия разбросаны по сторонам. Глубина могилы 70 см. Скелет женщины (?) 18—25 лет. Неполный, кости в беспорядке, найдено несколько черепков от сосуда (не сохранились). На эпистрофее следы окиси меди. Кости овцы (плечевая, бедренная, ребро).

Могила 3. Квадратная ограда размером 2,0×2,0 м. В центре ящик размером 100×35×45 см из 5 плит (рис. 25, 10). Покрытие из плит разбито грабителями. Часть тонких плит покрытия сохранились на северо-восточном конце ящика. Глубина могилы 70 см. В заполнении её несколько ребер и длинных костей младенца 2 лет.

Курган 64. Диаметр насыпи 11 м, высота 30 см. Квадратная ограда размером 6,0×6,0 м из вертикальных плит (рис. 11, 1). В центре трапециевидный ящик размером 185×75(60)×75 см из шести вертикально поставленных плит (рис. 25, 11). Ориентировка В—З. Покрытие из плит нарушено и отброшено на края могилы. Одна толстая плита свалилась в могилу в вертикальном положении. Глубина могилы 95 см. Отдельные кости рук и ребра взрослого человека находились в беспорядке. В западном конце — кости правой стопы в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки головой на В. Среди костей в заполнении и на дне найдены разрозненные черепки двух орнаментированных сосудов (рис. 37, 5, 10), 25 белых аргиллитовых бусин (рис. 37, 6), 2 бронзовые гвоздиковидные заклёпки (рис. 37, 7), 6 бронзовых обоймочек (рис. 37, 8) и височное кольцо (рис. 37, 9). Следы окиси меди отмечены на трёх первых грудных позвонках, на двух ключицах, грудной кости, на двух-трёх первых рёбрах и двух предплечьях. Перед скелетом на уровне костей ног находились и кости овцы (лопатка, три ребра, плечевая, бедренная, большая берцовая, крестец). В заполнении ящика на глубине 5 см от верхнего края плит обломок верхней челюсти лошади.

Курган 65. Диаметр насыпи 8 м, высота 25 см. Квадратная ограда размером 4,0×4,0(?) м из вертикальных плит (рис. 11, 2). В центре прямоугольный ящик размером 120×45×45 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 25, 12). Ориентировка — СВ—

¹² Скорее всего, это фрагменты височного кольца (примеч. ред.).

ЮЗ. Покрытие из плит отброшено по сторонам. Глубина могилы 80 см. Кости ног ребенка (8 лет) в порядке у северной стенки ящика. Предположительно, он был положен головой в северо-восточном направлении. Череп отброшен в юго-восточный угол. Найдены кости овцы — берцовая и астрагал.

Курган 66. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. Прямоугольная ограда размером 5,0×4,0 м из вертикальных плит (рис. 11, 3). В центре трапециевидный ящик размером 180×60(50)×70 см из 8 вертикально поставленных плит (одна отсутствует) (рис. 26, 1). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Вокруг ящика положен ряд плит. Покрытие в северо-восточной части нарушено. Глубина могилы 1 м. В заполнении, в средней части, ближе к юго-западному концу могилы, в беспорядке кости ребёнка 2—6 лет (фрагменты черепной коробки, лопатка и ребра) и небольшой горшок баночной формы тагарской культуры (рис. 55, 3). В северо-восточной половине могилы, в заполнении и на дне, в беспорядке кости неполного скелета мужчины (?) 20—25 лет. Среди них черепки сосуда карасукской культуры (рис. 37, 11), 2 бронзовые бляшки (рис. 37, 12), 3 бронзовые бусины (рис. 37, 13)¹³ и кости овцы: сегменты грудины, 2 ребра, эпифиз большой берцовой. Окись меди отмечена на правой височной кости, на левой локтевой, одном ребре и на середине левой берцовой кости. Кости стоп взрослого находились в юго-западном конце могилы. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки могилы на левом боку, головой на СВ. Найдены кости овцы: сегменты грудины, два ребра, эпифиз большой берцовой, лучевая, малая берцовая, крестец. Вторичное погребение ребёнка 2—6 лет тагарской культуры разграблено.

Курган 67. Диаметр насыпи 15 м, высота 40 см. Круглая ограда сложена из плитняка (рис. 11, 4). Диаметр 8 м. В центре трапециевидный ящик размером 200×85(65)×65 см из 6 поставленных на ребро плит (рис. 26, 2). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из плит сохранилось на концах ящика. Глубина могилы 1 м. Незначительное количество мелких костей взрослого человека находилось в заполнении и на дне могилы, среди них: бронзовое зеркальце (рис. 37, 17), бронзовый стержень или шило (рис. 37, 18) и фрагмент сосуда с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой (рис. 37, 19). Следы окиси меди обнаружены на нижней челюсти, шейных позвонках и ребре.

Курган 68. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Видны отдельные вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды только по северо-восточной её стенке (рис. 11, 5). Размеры, предположительно, 5,0×5,0 или 6,0×6,0 м. Прямоугольный ящик размером 180×65×55 см из 4 вертикально поставленных плит

(рис. 26, 3). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Покрытие из плит сохранилось по концам ящика. Средняя часть покрытия разбита и отброшена. Глубина могилы 75 см. На дне и в заполнении обнаружены в полном беспорядке кости от скелета мужчины (?) 40—60 лет, на месте сохранились все кости голеней и стоп. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки ящика на левом боку, головой на ВСВ. Одна кисть шестипалая. Отмечены патологические изменения на грудных позвонках и в тазобедренных суставах. Следы окиси меди на шейных позвонках. В восточном углу ящика (в изголовье) на дне большой фрагмент сосуда (рис. 37, 20) и обломки височного кольца (не сохранились). Отдельные черепки этого сосуда находились в заполнении. В разных местах кости взрослой овцы: лопатка, лучевая с локтевой, бедренная, большая берцовая, сегменты грудины.

Курган 69. Диаметр насыпи 14 м, высота 30 см. Судя по отдельным вертикально поставленным плитам, видимым на поверхности, ограда прямоугольная, размер ее 12,5×9,0 м (рис. 12, 1). В центре две могилы, расположенные в ряд с ЮВ на СЗ.

Могила 1. Северная. Трапециевидный ящик размером 180×65(50)×55 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 26, 4). Ориентировка — В—З. Покрытие из плит сохранилось на концах ящика, остальные плиты разбиты и разбросаны вокруг него. Глубина могилы 95 см. На дне и в заполнении нижняя челюсть и мелкие кости мужчины 35—40 лет. Среди них кости коровы — фрагменты грудины, большая берцовая, таранная и пяточная, овцы — эпифиз бедренной и таранная, а также две половинки нижних челюстей двух мелких хищников. Вещей нет.

Могила 2. Южная. Трапециевидный ящик размером 190×80(70)×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 26, 5). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились над юго-западной половиной ящика, остальные разбиты и отброшены. Глубина могилы 110 см. В её заполнении в беспорядке немногие кости человека преклонного или старческого возраста. Среди них: черепки от двух сосудов — чернолощёного и краснолощёного (рис. 37, 21, 22), обломки бронзовых пронизок (рис. 37, 25), бронзовых височного кольца (рис. 37, 24) и гвоздиковидной бляшки (рис. 37, 23), а также кости молодой коровы — большая берцовая и ребра.

Курган 70. Насыпь размером 15,5×10,0 м овальной формы, вытянута с СЗ на ЮВ. На поверхности видны отдельные вертикально поставленные плиты двух смежных оград (рис. 12, 2) размером в направлении с СЗ на ЮВ по 6,5 м.

Могила 1. Трапециевидный ящик размером 170×80(55)×60 см из 6 вертикально поставленных плит, одна плита отсутствует (рис. 26, 6). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Плиты покрытия разбиты и отброшены. Глубина могилы 95 см. Кости мужчины (?) юношеского возраста (16 лет), начиная от нижних эпифизов бедренных костей, лежат в западном конце могилы в ана-

¹³ В фундаментах ГЭ к этой могиле отнесены бронзовые фрагмент височного кольца, обломок кончика шила и шесть пронизок (рис. 37, 14—16) (примеч. ред.).

томическом порядке. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки на левом боку, головой на СВВ. Остальные кости находились в беспорядке на дне могилы и в её заполнении в незначительном количестве. В северном углу ящика (в изголовье) найдены бронзовые бусы (рис. 37, 27) и височное кольцо (рис. 37, 26)¹⁴. У южной стенки черепки горшка (выброшены). На шейных позвонках следы окиси меди. Кости молодой овцы (сегмент грудины, 6 рёбер, плечевая и большая берцовая) находились в куче около колен скелета.

Могила 2. Прямоугольный ящик размером 165×70×55 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 26, 7). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из плит разбито и отброшено. Глубина могилы 95 см. Немногие кости взрослого человека в полном беспорядке. На месте находилось несколько костей правой стопы. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки головой на СВ. Череп и многие кости отсутствуют. Следы окиси меди отмечены на левой лучевой кости. В центре на дне могилы находились кости овцы и черепки горшка (не сохранились). В заполнении найдены обломки предмета из листка меди (не сохранился).

Курган 71. Диаметр насыпи 12 м, высота 30 см. На поверхности видны отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды (рис. 11, 6) размером 8,0×8,0 м. В центре трапециевидный ящик размером 210×65(40)×50 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 26, 8). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из плит разбито и отброшено. Глубина могилы 85 см. В заполнении отдельные кости скелета мужчины старческого возраста очень высокого роста, на дне несколько позвонков. Среди костей человека найдены большая берцовая и плечевая кости молодой овцы. Вещей нет.

Курган 72. Диаметр насыпи 16 м, высота 45 см. На поверхности видны вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды (рис. 13, 1). Размеры ящика 190×75(65)×70 см (рис. 27, 1). Ориентировка — СВ—ЮЗ. В юго-западном конце сохранилось покрытие из плит, остальные плиты разбиты и отброшены, глубина могилы 130 см. В заполнении её в небольшом количестве в беспорядке кости двух скелетов: мужчины 40—60 лет и мужчины 25—30 лет. На левой височной кости молодого мужчины следы окиси меди. Среди костей человека черепки сосуда (рис. 38, 1) и кости молодой овцы (лопатка, 9 позвонков) и коровы (обломок ребра). Вещей нет.

Курган 73. Диаметр насыпи 6 м, высота 15 см. Квадратная ограда размером 4,0×4,0 м из вертикально поставленных плит (рис. 12, 3). Каменный ящик размером 140×60×45 см из 6 вертикально поставленных

плит несколько смещён к восточному углу (рис. 27, 2). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Покрытие сохранилось в западном конце ящика. Остальные плиты покрытия разбиты и отброшены. Глубина могилы 55 см. Кости почти полного скелета ребенка 9 лет в беспорядке. Среди костей находились черепки сосуда (рис. 38, 2)¹⁵. У южной стенки ящика обнаружены два височных кольца (одно сломано) (рис. 38, 4). Следы окиси меди видны на нижней челюсти, двух шейных позвонках и на лопатке барана. Лопатка и эпифиз большой берцовой кости молодой овцы.

Курган 74. Диаметр насыпи 6 м, высота 15 см. Квадратная ограда размером 3,0×3,0 м из вертикально поставленных плит раскопана полностью (рис. 12, 4). Прямоугольный ящик размером 160×60×45 см из 7 вертикально поставленных на ребро плит несколько смещён от центра к восточному углу ограды (рис. 27, 3). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Плиты покрытия отсутствуют. Глубина могилы 80 см. В заполнении ящика в полном беспорядке кости скелета мужчины 19—20 лет. Некоторых костей недостаёт. Следы окиси меди на правой лодыжке. Кости овцы (лопатка, 3 ребра, сегменты грудины, плечевая и астрагал), лошади (фаланга II), коровы (диафиз метаподии).

Курган 75. Насыпь овальной формы размером 14,0×10,0 м, высотой 25 см вытянута с СВ на ЮЗ. Две ограды круглой формы (рис. 13, 2). Основная ограда диаметром 9 м сложена из плитняка. С северо-восточной стороны к ней пристроена такая же ограда меньшего размера — диаметром 5 м.

Могила 1. В центре большой ограды трапециевидный ящик размером 215×90(80)×70 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 27, 4). Ориентировка — В—З. От покрытия сохранились на месте две большие плиты. В центре покрытие отсутствовало. Глубина могилы 140 см. В заполнении могилы в беспорядке нижняя челюсть юноши до 18 лет и кости взрослого мужчины (немногие части трубчатых и мелкие кости). В заполнении же один черепок (не сохранился), а на дне в северном углу (в изголовье) обломки височного кольца (рис. 38, 5)¹⁶. Здесь же кости овцы (3 ребра, обломки лопатки и бедра).

Могила 2. Трапециевидный ящик размером 150×60(50)×50 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 27, 5). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие сохранилось над восточной половиной ящика. Остальные плиты разбиты и разбросаны. Глубина могилы 80 см. Вдоль северной стенки ящика сохранились в первоначальном положении грудная клетка и кости ног женщины 25—40 лет, лежавшей на левом боку головой на СВ. Остальные кости и череп в беспорядке на дне могилы и в заполнении. Следы окиси меди наблюдались на ключице и на лучевой кости. Около южной

¹⁴ В фондах Государственного Эрмитажа хранится обломок литой ярусной бляшки из этой же могилы (рис. 37, 28) (примеч. ред.).

¹⁵ В фондах ГЭ хранится фрагмент от ещё одного сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 38, 3) (примеч. ред.).

¹⁶ В фондах ГЭ хранится небольшой фрагмент бронзовой пронизки из этой могилы (рис. 38, 6) (примеч. ред.).

стенки находился целый горшок (рис. 38, 7), а у северо-восточной стенки (в изголовье) — обломок бронзовой пронизки (не сохранился). Кости молодой овцы — пяточная и три ребра.

Курган 76. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. На поверхности прослеживалась сложенная из плитняка круглая ограда диаметром 7 м (рис. 12, 5). В центре могила, выложенная на поверхности погребённой почвы плашмя положенными плитами. В западной части плиты отсутствуют. Покрытие разрушено, отмечены мелкие обломки от плит в заполнении могилы. Высоту стенок могилы установить не удалось. Ширина могилы 75 см, длина не менее 150 см. В заполнении найдены: осколок трубчатой кости человека, кости овцы (астрагал и два эпифиза трубчатых костей) и черепки от двух сосудов (рис. 38, 8, 9).

Курган 77. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. Круглая ограда диаметром 5 м сложена из плитняка (рис. 12, 6). В центре ящик размером 110×45×45 см из четырёх вертикально поставленных плит (рис. 27, 6). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Покрытие ящика из больших плит. С юго-восточного угла плиты отброшены за пределы ящика. Глубина могилы 70 см. Кости ребенка 8 лет в незначительном количестве в беспорядке находились в заполнении и на дне могилы. В заполнении среди костей найдены черепки орнаментированного сосуда (рис. 38, 10), бронзовая пуговица (не сохранилась), две бронзовые бусинки (одна сломана, не сохранились), кости молодой овцы: коленная чашечка, эпифиз бедра, таранная и пяточная.

Курган 78. Диаметр насыпи 9 м, высота 15 см. Круглая ограда диаметром 6,5 м сложена из плитняка (рис. 13, 3). В центре ящик размером 175×75(65)×60 см из 5 плит, поставленных на ребро (рис. 27, 7). Одна плита у северной стенки отсутствует. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из тонких плит сохранилось только над юго-западным краем могилы. Глубина могилы 100 см. На дне в беспорядке незначительное число костей женщины 25—40 лет. Среди костей — черепки сосуда (рис. 38, 11). Следы окиси меди отмечены на ребре. Кости молодой овцы — сегменты грудины, плечевая.

Курган 79. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. Прямоугольная ограда размером 5,5(?)×5,5(?) м из вертикально поставленных плит (рис. 13, 4). В центре прямоугольный ящик размером 180×60×60 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 27, 8). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие не сохранилось. Глубина могилы 1,0 м. В заполнении и на дне могилы в беспорядке незначительное количество костей женщины 18 лет. Найдены: костяная буса (рис. 38, 15), бронзовая обоймочка (рис. 38, 14), бронзовая тройковыпуклая бляшка (рис. 38, 12) и бронзовые бусы (рис. 38, 13). На левом предплечье следы окиси меди. Кости молодой овцы: лопатка, 3 ребра, большая берцовая, пяточная.

Курган 80. Диаметр насыпи 12 м, высота 30 см. Верхние края нескольких вертикально поставленных плит четырёхугольной ограды размером 6,5×6,5 м видны с трёх сторон (рис. 13, 5). В центре прямоугольный ящик размером 175×55×70 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 27, 9). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились на северо-восточной половине ящика. Глубина могилы 1,0 м. В юго-западном конце ящика находились кости правой стопы в анатомическом порядке. В заполнении найдены рёбра, позвонки и кости неполного скелета человека. Судя по размерам и рельефу костей, это скелет взрослой женщины. Следы окиси меди отмечены на нижней части предплечья и на запястье. В заполнении найдены: бронзовое шило (рис. 38, 16), большая двояковыпуклая бляшка (рис. 38, 17) и фрагмент горшка (не сохранился). Кости взрослой овцы: 3 ребра, большая берцовая, таранная, пяточная и кости предплюсны.

Курган 81. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 6,5×6,5 м видны с четырёх сторон (рис. 14, 1). В центре трапециевидный ящик размером 170×80(60)×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 28, 1). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие нарушено. Остаток большой разбитой плиты покрывал северо-восточный конец ящика. Глубина могилы 85 см. Кости части скелета женщины старческого возраста (кости правой ноги, включая тазовую кость, и кости левой ноги, начиная от колена) найдены в анатомическом порядке. Судя по положению этих костей, погребённая лежала вдоль северо-восточной стенки на левом боку, головой на СВ. Остальные кости находились в беспорядке на дне и в заполнении могилы. Черепа нет, но сохранилась нижняя челюсть. У южной стенки лежали черепки от сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 38, 18). Кости молодой овцы: 5 рёбер, тазовая, большая берцовая, астрагал, пяточная и таранная.

Курган 82. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. На поверхности видны с трёх сторон отдельные вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды размером 5,0×5,0 м (рис. 14, 2). В центре трапециевидный ящик размером 170×60(35)×60 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 28, 2). Ориентировка — В—З. В отличие от остальных карасукских могил, он широким концом обращён на запад, а не на восток. Покрытие из тонких плит сохранилось на восточном конце ящика. Глубина могилы 90 см. Значительное число костей мужчины 25—30 лет находились в беспорядке в восточном конце ящика. В заполнении черепки двух горшков (рис. 38, 19, 20).

Курган 83. Диаметр насыпи 12 м, высота 30 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 8,0×6,5 м видны с 4 сторон (рис. 14, 3). В центре прямоугольный ящик размером 175×75×100 см из четырёх вертикально поставленных

плит (рис. 28, 3). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия отброшены. В заполнении мелкие плитки, за пределами ящика к югу от него скопление больших плит. Глубина могилы 135 см. В заполнении и на дне могилы кости мужчины (?) 25—40 лет. На дне находились в анатомическом порядке кости голеней. Судя по их положению, погребённый лежал посередине могилы на левом боку, головой на СВ. Скелет почти полный. На височных костях следы окиси меди. На черепе находилась крупная бронзовая бляшка — пуговица с петлей на обороте (рис. 38, 23). В заполнении в разных местах черепки сосуда (рис. 38, 24)¹⁷. Кости молодой овцы: лопатка, 2 ребра, плечевая; кости молодой коровы: 3 позвонка, 2—3 ребра.

Курган 84. Диаметр насыпи 3 м, высота 10 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 5,0×5,0 м видны со всех сторон (рис. 14, 4). В центре прямоугольный ящик размером 180×70×90 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 28, 4). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрывали юго-западную часть ящика. Глубина могилы 1,0 м. В заполнении и на дне в беспорядке кости скелета взрослого мужчины. Череп в обломках. Кости ног в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребённый был положен вдоль северо-западной стенки головой на СВ. В заполнении среди костей мужчины найдены тазовая и две бедренные кости взрослой женщины. На дне в восточном углу ящика (в изголовье погребённого) находился разбитый горшок (рис. 39, 1). Кости коровы: 3 ребра, на одном ребре следы окиси меди.

Курган 85. Диаметр насыпи 10 м, высота 20 см. На поверхности видна одна вертикально поставленная плита четырёхугольной ограды (рис. 14, 5). Около центра кургана трапециевидный ящик размером 190×75(65)×75 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 28, 5). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие сброшено. Глубина могилы 115 см. Разрозненные кости мужчины преклонного или старческого возраста. Недостаёт голени и черепа. В юго-западном конце могилы, на дне, кости обеих стоп в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. В заполнении кости овцы (плечевая, лучевая, лопатка), обломки рёбер мелкой овцы (?) (лучевая, локтевая, метаподия) и лошади (2—3 ребра). Вещей нет.

Курган 86. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 5,0×5,0 м видны на поверхности с четырёх сторон (рис. 14, 6). В центре трапециевидный ящик размером 145×95(90)×80 см из 9 вертикально поставленных высоких плит (рис. 28, 6). Ориентировка — В—З. Покрытие из плит нарушено.

¹⁷ В фондах ГЭ хранятся фрагменты венчиков с орнаментом еще от двух глиняных сосудов из этой могилы (рис. 38, 21, 22) (примеч. ред.).

Части плит остались в западном конце ящика. Отдельные плиты лежали за пределами ящика. Глубина могилы 115 см. Кости скелета мужчины старческого возраста, частично нарушенные. Первоначальное положение сохранили кости левой ноги и правой ноги от колена, рёбра, кости правой стороны грудной клетки и правой руки. Положение погребённого необычно — вдоль юго-восточной стенки, на правом боку, головой на СВ. Около грудной клетки бронзовый нож (рис. 39, 3). В северо-восточном углу ящика (против лица) крупные фрагменты горшка (рис. 39, 2). Кости молодой овцы (4 ребра, плечевая, метаподия, 2 фаланги) и коровы (2 ребра, обломки эпифиза плечевой).

Курган 87. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 5,5×5,5 м видны с четырёх сторон (рис. 14, 7). В центре прямоугольный ящик размером 165×80×70 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 28, 7). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие сброшено. Плиты видны за пределами ящика. Глубина могилы 110 см. На дне и в заполнении в беспорядке кости полного скелета мужчины старческого возраста, среди них черепки двух сосудов (рис. 39, 4)¹⁸ и кости овцы (лопатка, 10 рёбер и тазовая).

Курган 88. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 4,5×4,5 м видны с четырёх сторон (рис. 15, 1). В центре прямоугольный ящик размером 160×70×85 см из 9 вертикально поставленных на узкое ребро плит (рис. 29, 1). Ориентировка — В—З. На узких концах ящика сохранились частично плиты покрытия. Глубина могилы 115 см. Скелет мужчины 40—60 лет, на правом боку, головой на восток. Черепа и некоторых костей нет. Напротив грудной клетки скелета стоял глиняный горшок с валиковым орнаментом (рис. 39, 5). У северной стенки против колен находились кости взрослой овцы (лопатка, плечевая, 6 рёбер).

Курган 89. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 6,5×6,5 м видны с четырёх сторон (рис. 15, 2). В центре прямоугольный ящик размером 180×65×80 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 29, 2). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Покрытие разбито и сброшено. Вокруг ящика отдельные плиты. Глубина могилы 120 см. На дне и в заполнении, преимущественно посередине, кости взрослого мужчины в беспорядке. Недостаёт одного бедра и тазовой кости. Среди костей в заполнении и на дне черепки двух горшков (рис. 39, 6, 7). Кости овцы (лопатка, 2 ребра, сегменты грудины).

Курган 90. Диаметр насыпи 8 м, высота 15 см. Отдельные вертикально поставленные на ребро плиты

¹⁸ В фондах ГЭ хранится только один орнаментированный венчик из этой могилы (примеч. ред.).

квадратной ограды размером 5,0×5,0 м видны на поверхности по всем сторонам (рис. 15, 3). В центре трапециевидный ящик размером 170×80(60)×85 см из 13 вертикально поставленных высоких плит (рис. 29, 3). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Широким концом ящик ориентирован на ЮЗ. На концах ящика сохранилось покрытие из плит. Глубина могилы 1,0 м. На дне в беспорядке кости взрослой женщины (черепа нет). Среди них найден диафиз большой берцовой кости мужчины (?). В анатомическом порядке и, по-видимому, на своём первоначальном месте остались лежать лишь кости обеих рук. Судя по их положению, погребённая лежала на левом боку, головой на ЮЗ. В сочленении же часть позвонка с крестцом и обеими тазовыми костями. Эта часть тела погребённой перевернута животом вниз и, по-видимому, смещена на ЮЗ. В западном углу ящика (перед лицом погребённой) глиняный горшок (рис. 39, 8). В центре на дне находились бронзовый нож с обломанным кончиком (рис. 39, 9) и сломанное бронзовое шило (рис. 39, 10).

Курган 91. Диаметр насыпи 10 м, высота 20 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 7,0×7,0 м видны на поверхности по всем сторонам (рис. 15, 4). В центре прямоугольный ящик размером 180×100×75 см из четырёх вертикально поставленных плит (рис. 29, 4). Ориентировка — В—З. Плиты покрытия сохранились над восточной половиной ящика. Глубина могилы 110 см. На дне скелет взрослого мужчины, прислонённый к северной стенке ящика (слегка повернут на левый бок), головой на В. На месте сохранились только нижняя (ниже колена) и верхняя (до уровня локтей) части скелета. Остальные кости частью находятся в заполнении могилы, частью — отсутствуют. Против лица погребённого — целый горшок с валиковым орнаментом (рис. 39, 11), против колен — кости телёнка и овцы. В заполнении найдены кости птицы и верхняя челюсть мелкого грызуна.

Курган 92. Диаметр насыпи 10 м, высота 30 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 7,0×7,0 м видны на поверхности со всех сторон (рис. 15, 5). В центре прямоугольный ящик размером 180×75×80 см из 7 вертикально поставленных плит (рис. 29, 5). Ориентировка — ЮЗЗ—СВВ. В центре разбитая на части большая плита, покрывавшая ящик. Глубина могилы 105 см. Скелет мужчины старческого возраста потревожен. У южной стенки кости ног в анатомическом порядке. Череп и остальные кости частью — в заполнении, частью — смещены. У северной стенки против грудной клетки стоял глиняный горшок (рис. 39, 12). Кости крупной овцы (лопатка, 6 рёбер с одной стороны и 7 рёбер — с другой, большая берцовая, пяточная).

Курган 93. Диаметр насыпи 8,5 м, высота 25 см. Отдельные вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды размером 7,0×6,0 м видны на поверхности со всех сторон (рис. 16, 1).

Могила 1. В центре трапециевидный ящик размером 165×100(85)×100 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 29, 6). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились в северо-западном конце ящика. За пределами ящика лежали отброшенные плиты. Глубина могилы 130 см. На дне у северной стенки находились в порядке кости правой ноги с тазовой костью и кости левой ноги, начиная от колена. Остальные кости скелета — в беспорядке в заполнении могилы. Погребённый лежал на левом боку, головой на СВ. Скелет принадлежит мужчине старческого возраста, но крепкого сложения. У южной стенки против колен находились два больших фрагмента глиняного горшка (рис. 40, 1). В заполнении встречена фаланга (копыто) лошади.

Могила 2. К северной стороне ограды пристроен ящик размером 120×55×40 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 29, 7). Остатков погребённого в ящике не обнаружено.

Курган 94. Диаметр насыпи 8 м, высота 10 см. Круглая ограда, сложенная из плитняка (рис. 16, 2). Плиты ограды на поверхности не видны. В центре ящик трапециевидной формы размером 200×80(70)×65 см из 5 или 6 вертикально поставленных плит (рис. 30, 1). Плиты западной стенки ящика отсутствуют. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие разбросано. С северо-восточной и северной сторон за пределами ящика лежали разбитые плиты. Глубина могилы 100 см. В заполнении и на дне могилы в беспорядке кости неполного скелета мужчины старческого возраста, среди них черепки двух сосудов (рис. 40, 2, 3) и кости взрослой овцы (лопатка, 4 ребра, плечевая, бедренная, большая берцовая, пяточная) и коровы (ребро).

Курган 95. Диаметр насыпи 12 м, высота 50 см. Вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 7,0×? м видны на поверхности по юго-восточной и северо-западной сторонам (рис. 15, 6). В центре трапециевидный ящик размером 200×80(60)×70 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 30, 2). По юго-восточной стенке плиты частично отсутствуют. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились над северо-восточным концом ящика, за его пределами лежали разбитые плиты. Глубина могилы 115 см. В заполнении ящика в беспорядке небольшое число костей женщины старческого возраста, среди них черепки сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 40, 4) и кости взрослой овцы (2 лопатки, 8 рёбер, бедро, астрагал, пяточная) и лошади (ребро).

Курган 96. Диаметр насыпи 12 м, высота 50 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 7,0×7,0 м видны по четырём сторонам (рис. 15, 7). В центре трапециевидный ящик размером 190×75(60)×70 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 30, 3). Ориентировка — ССВ—ЮЮЗ. Плиты покрытия сохранились на юго-западном конце ящика, за пределами которого видны отдельные

плиты. Глубина могилы 100 см. В заполнении могилы в беспорядке небольшое число костей женщины 20—25 лет. На дне в юго-западном конце могилы сохранились в анатомическом порядке часть костей стопы. Судя по их положению, погребённая лежала вдоль западной стенки, на боку, головой на ССВ. Среди костей человека в заполнении черепки сосуда (рис. 40, 5) и одна бронзовая бляшка с петелькой (рис. 40, 6). Следы окиси меди на левой половине нижней челюсти и на шейных позвонках. Кости молодой овцы (лопатка, 3 ребра, сегменты грудины, плечевая, большая берцовая, таранная, пяточная) и коровы (обломки одного или двух рёбер).

Курган 97. Диаметр насыпи 12 м, высота 40 см. Ограда из вертикально поставленных плит (рис. 16, 3). Края некоторых из них видны по северной стенке. В центре трапециевидный ящик размером 115×60(50)×50 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 30, 4). Ориентировка — В—З. Покрытие отсутствует. Глубина могилы 120 см. В заполнении и на дне могилы в беспорядке кости полного скелета, без черепа, ребенка 7 лет. В разных местах найдены черепки орнаментированного сосуда (рис. 40, 7). На дне находилось бронзовое зеркало (рис. 40, 8). Следы окиси меди на обеих ветвях нижней челюсти и на шейном позвонке. Кости овцы — атлант.

Курган 98. Диаметр насыпи 12 м, высота 36 см. Отдельные вертикально поставленные плиты прямоугольной ограды размером 7,5×? м видны по трём сторонам (рис. 16, 4). В центре трапециевидный ящик размером 190×80(60)×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 30, 5). Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Плиты покрытия сохранились на северо-восточном конце ящика, за пределами которого видны отдельные раскиданные плиты. Глубина могилы 80 см. Полный скелет женщины 25—40 лет нарушен грабителями. В западном углу на дне ящика в первоначальном положении сохранились кости ног — берцовые и

правой стопы. Судя по их положению, погребённая лежала вдоль северной стены на левом боку, головой на СВВ. В заполнении обнаружены сильно окислившиеся мелкие обломки бронзовых предметов (не сохранились). Следы окиси меди видны на левой височной кости, ключице, позвонках и на нижней половине левого предплечья. Кости взрослой овцы (тазовая, бедренная, большая берцовая, пяточная, астрагал, таранная и 2 ребра), овцы молодой (лопатка, 2 ребра, бедро, большая берцовая, таранная, пяточная, тарзальная) и коровы (ребро).

Курган 99. Диаметр насыпи 12 м, высота 40 см. Отдельные вертикально поставленные плиты квадратной ограды размером 7,0×7,0 м видны на поверхности по всем сторонам (рис. 16, 5). В центре прямоугольный ящик размером 200×70×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 30, 6). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились на юго-западном конце ящика. Глубина могилы 80 см. На дне и в заполнении могилы в беспорядке полный скелет, без черепа, взрослой женщины. На дне могилы в западном углу горшок (рис. 40, 9), кости молодой овцы (3 лопатки, 6 рёбер, 2 плечевые, берцовая, астрагал, пяточная и тарзальная).

Курган 100. Диаметр насыпи 14 м, высота 50 см. Отдельные вертикально поставленные плиты четырёхугольной ограды размером 9,0×9,0(?) м видны на поверхности по трём сторонам (рис. 16, 6). В центре прямоугольный ящик размером 120×65×60 см из вертикально поставленных плит (рис. 30, 7). Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие отсутствует. За пределами ящика видны разбросанные плиты покрытия, одна из них упала в могилу и находится почти в вертикальном положении. Глубина могилы 100 см. Скелет мужчины 25—40 лет, полный, но без тазовых костей, в беспорядке. В разных местах встречены черепки двух сосудов (рис. 40, 10, 11). Кости взрослой овцы (сегменты грудины, пяточная и таранная).

КЮРГЕНЕР II

Курган 1. Диаметр насыпи 16 м, высота 15—20 см. Прямоугольная ограда размером, предположительно, 7,0×8,0 м (края плит ограды видны только по двум сторонам) (рис. 42, 1). В центре прямоугольный ящик размером 180×90×60 см из 4 плит (рис. 48, 1). Верхние края плит ящика частично видны на поверхности. Покрытие отсутствует, но в заполнении могилы находится часть обломков его плит. В восточном углу ящика на глубине 30 см в заполнении скелет младенца полутора лет, погребенный сюда, очевидно, после разграбления могилы (на спине, головой на СВ). Ниже, в заполнении и на дне, мелкие кости двух взрослых человек, судя по размерам костей, мужчины и женщины. Здесь же кости коровы (фрагменты лопатки и двух ребер). В заполнении черепки горшка (не сохранились).

Курган 2. Диаметр насыпи 14 метров, высота незначительна. По нескольким видимым на поверхности краям вертикально врытых плит можно предполагать наличие двух оград — большой и малой, пристроенной к ней с ЮЗ (рис. 42, 2).

Могила 1. Большая прямоугольная ограда размером 10,0×8,5(?)×0,7 м. В центре прямоугольный ящик из 4 плит, на нем 3 большие сдвинутые грабителями плиты покрытия, глубина могилы 80 см (рис. 48, 2). На дне в беспорядке кости скелета мужчины 40—45 лет. Только кости ног ниже колена сохранились в порядке на своем первоначальном месте. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. На основании его черепа и на нижней челюсти следы окиси меди. Среди костей взрослого найдены: бедренная кость ребенка 4 лет, черепки горшка без орнамента (рис. 52, 1)¹, обломки бронзовой бляшки (рис. 52, 3), кости овцы (сегменты грудины и 6 ребер) и коровы (обломки двух ребер). В верхней части заполнения копыто лошади (фаланга III).

Могила 2. К первой ограде пристроена малая прямоугольная ограда размером 4,0×3,0 м. В центре прямоугольный ящик размером 100×40×50 см (рис. 48, 3). От покрытия сохранилась расколотая грабителями на части большая плита, покрывающая северо-восточный конец ящика. Глубина могилы 70 см. В заполнении ее обломки трех костей ребенка.

¹ В фондах ГЭ хранится венчик еще от одного сосуда с орнаментом из этой могилы (рис. 52, 2) (примеч. ред.).

Курган 3. Диаметр насыпи около 10 м, высота незначительна. На поверхности в восточной части насыпи видны края плит прямоугольной ограды (рис. 42, 3). В центре ее расположена могила 2. В западной половине, вероятно, также есть ограда, полностью скрытая под землей, и в предполагаемом центре ее находится могила 1.

Могила 1. Прямоугольный ящик размером 180×100×70 см из 4 плит (рис. 48, 4). Покрытие из толстых плит, положенных поперек могилы, сохранилось на концах ящика, а средняя плита сброшена грабителями. Глубина могилы 100 см. В заполнении и на дне в беспорядке кости скелета женщины 35 лет. В западном углу остались непо потревоженными кости обеих ног ниже колена. Судя по их положению, погребенная лежала вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. Череп ее, выброшенный грабителями, лежал за могилой, в 40 см от ее северо-восточной стенки. Под черепом оказалось несколько бронзовых бусин (не сохранились). Следы окиси меди, кроме черепа, имелись также на ключице и плечевой кости. В заполнении могилы, около южной стенки, горшок с нарядным геометрическим орнаментом (рис. 52, 4). В разных местах заполнения кости овцы старше 20 месяцев (лопатка, плечевая, 4 ребра, бедренная, большая берцовая).

Могила 2. Прямоугольная ограда размером 5,0×4,0 м. В центре прямоугольный несколько деформированный ящик размером 150×60×60 см из 6 плит (рис. 48, 5). От покрытия осталась лишь одна большая плита, закрывающая значительную часть могилы в восточной её половине. В заполнении могилы и на дне в беспорядке несколько костей подростка 12—13 лет, бронзовое шильце (рис. 52, 5) и бусины (не сохранились), фрагменты двух тоненьких пластинок из перламутра (рис. 52, 6) и кости овцы моложе 15—20 месяцев (три сегмента грудины, эпифиз бедренной, большая берцовая, пяточная).

Курган 4. Диаметр насыпи 12 м, высота 35 см. Прямоугольная ограда размером 5,0×6,0(?) м. На поверхности по трем сторонам ограды видны верхние края плит (рис. 42, 4). В центре прямоугольная могила, в которой, несомненно, был каменный ящик. Плиты ящика и его покрытия сломаны и выброшены. Часть их находится у края могилы к ЮЗ от нее. Одна плита (северо-восточная) осталась на месте, в могиле. Размеры могилы 200×100×100 см. В заполнении кости неполного скелета взрослого человека. На шейных по-

звонках и височной кости следы окиси меди. В заполнении же кости овцы (нижняя челюсть, обломок таза, ребро), коровы (обломки трёх рёбер) и черепки горшка подгорновского этапа тагарской культуры и двух карасукских горшков (рис. 55, 4, 5)². Возможно, что кости животных необычного для заупокойной пищи состава и черепки не относятся к основному погребению.

Курган 5. Диаметр насыпи 12—14 м, высота 50 см. Круглая ограда диаметром 10 м (рис. 42, 5). В центре трапециевидный ящик размером 200×100(60)×60 см из 7 плит (рис. 48, 6). Покрытие нарушено. Плиты и их обломки разбросаны по сторонам. В заполнении и на дне, сброшенные в кучу посередине могилы, кости двух скелетов: женщины 40 лет и человека юношеского (14 лет) возраста (пол?). На лопатке и левых ребрах юношеского скелета следы окиси меди. В заполнении могилы найдены также кости взрослой овцы (бедренная и большая берцовая), бронзовая бляшка подгорновского типа (рис. 55, 6) и два черепка от сосуда (не сохранились).

Курган 6. Диаметр насыпи 12 м, высота 20 см. Ограда на поверхности не видна (рис. 43, 1). В центре насыпи 2 могилы, расположенные в ряд.

Могила 1. Трапециевидный ящик размером 170×60(50)×60—65 см из 8 вертикально поставленных плит (рис. 48, 7). Глубина могилы 85—90 см. Покрытие из больших толстых плит. В центре оно разбито, плиты разбросаны в беспорядке вокруг ящика. Ориентировка — СВ—ЮЗ. В заполнении и на дне могилы разрозненные кости неполного скелета юноши 18 лет. На шейном позвонке, правом ребре, на ключице и верхней части плечевой кости следы окиси меди. В заполнении обломок стенки горшка, на дне обломок венчика (рис. 52, 7). Среди костей человека найдены кости коровы (обломки рёбер).

Могила 2. Трапециевидный ящик размером 170×60(50)×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 48, 8). Глубина могилы 80 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из плит разбито, плиты сохранились только над юго-западной и юго-восточной стенками ящика. В заполнении и на дне кости неполного скелета взрослого человека. В заполнении найдены: обломок стенки орнаментированного горшка (рис. 52, 8), обломки бронзового височного кольца (рис. 52, 9), обломок бронзового изогнутого стерженька (рис. 52, 10), а также кости коровы (три ребра) и молодой овцы (лопатка).

Курган 7. Диаметр насыпи 10 м, высота 10—15 см. На поверхности кое-где видны верхние края отдельных вертикально врытых плит прямоугольной ограды размером, предположительно, 7,0×6,0 м (рис. 43, 2). В ограде неправильно прямоугольный ящик размером 175×65(55)×65 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 48, 9). Глубина могилы 80 см. Ориентиров-

ка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия в центре отсутствуют, а на концах ящика и вокруг него они образуют куполообразное покрытие насыпи. В заполнении отдельные кости, на дне тазовая кость взрослой женщины (20—30 лет?). Следы окиси меди на шейных позвонках, первых грудных, первых рёбрах, на груди и верхней половине левого плеча. В заполнении бронзовые пронизки (рис. 52, 11), бронзовая пуговка (рис. 52, 12) и кости молодой овцы (лопатка, большая берцовая, сегменты грудины).

Курган 8. Диаметр насыпи 6 м, высота 15 см. На поверхности видны верхние края отдельных вертикально врытых плит квадратной ограды размером 3,0×3,0 м (рис. 43, 3). В центре прямоугольный ящик размером 140×60(50)×50 см из 4 или 6 вертикально поставленных плит (сохранилось только три плиты). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — ЮЗ—СВ. Плиты покрытия сброшены, лишь небольшая тонкая плита перекрывает ящик в изголовье. Ниже в ящике на разной глубине мелкие обломки плит покрытия. В заполнении полный скелет подростка 12 лет, недостаёт лишь черепа и нижней челюсти. Следы окиси меди на ключице и шейных позвонках. В заполнении же обломки стенок двух орнаментированных горшков (рис. 52, 13, 14) и кости коровы (окостеневшие части рёберных хрящей, астрагал).

Курган 9. Диаметр насыпи 10 м, высота 30 см. На поверхности видны верхние края отдельных вертикально врытых плит прямоугольной ограды размером, предположительно, 5,0×6,0 м (рис. 43, 4). В центре трапециевидный ящик размером 180×80(55)×60 см из 6 вертикально поставленных плит, одна из которых не сохранилась (рис. 49, 1). Глубина могилы 85—90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены, частично раздроблены и в виде мелких обломков заполнили могилу. В заполнении разрозненные кости полного скелета взрослой женщины. В заполнении же и на дне обломки одного орнаментированного горшка (рис. 52, 15). Среди костей человека кости овцы (два ребра, сегмент грудины, правое бедро).

Курган 10. Диаметр насыпи 10 м, высота 20 см. На поверхности кое-где видны отдельные вертикально врытые плиты ограды (рис. 43, 5), размеры и форма которой не устанавливаются. В ограде прямоугольный ящик размером 165×70(60)×60 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 49, 2). Глубина могилы 85—90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены, в северо-восточном конце большая плита (220×145 см) осталась на месте, покрывая собой половину могилы. В заполнении отдельные кости женщины старческого возраста: 2 ключицы, лопатки, 2 плечевые, лучевая, крестец, тазовая, бедренная и малая берцовая, на дне лопатка и бедренная. Следы окиси меди на шейных позвонках, лопатке, левой ключице и на головке левой плечевой кости. Среди костей человека 10 бронзовых пронизок (рис. 52, 16) и кости взрослой

² В фондах ГЭ хранятся только два венчика от тагарских сосудов (рис. 55, 4, 5) (примеч. ред.).

овцы (обломки плечевой и пяточной), ягнёнка (лопатка, два ребра, берцовая) и коровы (обломки рёбер).

Курган 11. Диаметр насыпи 10 м, высота 16 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты прямоугольной оградки размером 5,0×5,0 м (рис. 43, 6), в центре которой находится трапециевидный ящик размером 155×80(70)×55 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 49, 3). Глубина могилы 75—80 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Могила ограблена, плиты покрытия сброшены, сохранились лишь над юго-западной половиной могилы. В заполнении и на дне череп, длинные кости ног. Неполный скелет человека юношеского возраста (14—15 лет). Следы окиси меди на нижней челюсти, ключице, локтевой и лучевой костях. В заполнении обломки бронзового височного кольца (рис. 52, 19), две бронзовые гвоздико-видные бляшки (рис. 52, 17), мелкие обломки пронизок (скорее обоймочек) (рис. 52, 18). Среди костей человека найдены кости взрослой овцы (большая берцовая, лопатка, два ребра, пяточная).

Курган 12. Диаметр насыпи 12 м, высота 30 см. На поверхности видны верхние края вертикально врытых плит квадратной оградки размером 8,5×8,0 м (рис. 44, 1). Курган вскрыт по всей площади оградки. К основной оградке с северо-западной стороны пристроены 3 оградки (оградки 3, 4, 5), с юго-западной — две (оградки 2 и 6)³.

Могила 1. В центре основной оградки трапециевидный ящик размером 185×90(70)×70 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 49, 4). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие из больших массивных плит сохранилось, но большое количество плит, которые покрывали, вероятно, ящик, сброшены в восточную часть оградки. На дне могилы вдоль северо-западной стены полный скелет мужчины (старше 60 лет), на левом боку, головой на СВ. Часть костей и череп смещены. В изголовье найден орнаментированный горшок (рис. 52, 20).

Могила 2. Находится в оградке размером 2,2×2,1 м, пристроенной в южном углу к основной оградке. Стены её сохранились плохо, западная отсутствует. В центре оградки трапециевидный ящик размером 95×45(30)×35 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 49, 5). Глубина могилы 65 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены и сохранились лишь в северо-восточной части ящика. На дне полный скелет младенца 1,5 лет. В изголовье горшок (рис. 52, 21), у нижней челюсти бронзовое кольцо, в заполнении бронзовое колечко (рис. 52, 23) и бронзовая двояковыпуклая бляшка (рис. 52, 22). В ногах кости молодой овцы (лопатка, пять рёбер, бедро и большая берцовая).

Могила 3. К основной оградке с северо-западной стороны пристроена оградка 3 размером 2,1×2,0 м, со-

оруженная из вертикально поставленных плит. Своей южной стороной она примыкает к оградке 2. Стенки оградки 3 сохранились хорошо, за исключением юго-западной стороны. В центре оградки трапециевидный ящик размером 80×45(30)×40 см (рис. 49, 6). Глубина могилы 65 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие нарушено, плиты сброшены. Остатков погребений не обнаружено.

Могила 4. К основной оградке с северо-западной стороны пристроена оградка 4 размером 2,0×1,8 м, сооруженная из вертикально поставленных плит. Своей южной стороной она примыкает к оградке 3. В центре оградки 4 прямоугольный ящик размером 60×35×40 см из вертикально поставленных плит (рис. 49, 7). Глубина могилы 65 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились только в юго-западной части ящика. В заполнении кости новорожденного младенца — 2 плечевые и бедро, на дне — большая берцовая.

Могила 5. К основной оградке с северо-западной стороны пристроена оградка 5 размером 3,3×2,0 м, которая своей южной стороной соприкасается с оградкой 4. В центре прямоугольный ящик размером 80×35×40 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 49, 8). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия не сохранились. В заполнении кости младенца двух лет: лопатка, плечевая, локтевая, обломки костей, на дне 3 поясничных позвонка, тазовая, бедренная и большая берцовая в анатомическом порядке. Судя по их положению, младенец лежал головой на СВ. В ногах горшок (рис. 52, 24).

Могила 6. К основной оградке с юго-западной стороны пристроена оградка 6 размером около 1,5×1,5 м, своей западной стороной примыкающая к оградке 2. Все стенки сохранились плохо. В центре прямоугольный каменный ящик размером 70×30×30 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 49, 9). Глубина могилы 50 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия не сохранились. Кости новорожденного младенца: в заполнении — 2 плечевые, на дне — обломки черепа, лопатка, бедро. В заполнении и на дне обломки горшка (не сохранились).

Курган 13. Диаметр насыпи 16 м, высота 30 см. На поверхности видны вертикально врытые плиты квадратной оградки размером 7,8×7,6 м (рис. 44, 2). С северо-восточной стороны к ней пристроены оградки 2 и 3. Стенки оградки сохранились полностью и расчищены полностью.

Могила 1. В центре основной оградки трапециевидный ящик размером 200×90(75)×60 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 49, 10). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Тонкие плиты покрытия сохранились только над северо-восточной половиной могилы, остальные разбиты и сброшены. В заполнении и на дне в беспорядке почти полный скелет мужчины старческого возраста. В восточном конце могилы (в изголовье?) горшок в обломках (рис. 53, 1).

³ В фундаментах ГЭ к кургану 12 отнесен фрагмент стенки с орнаментом от глиняного сосуда (рис. 52, 25). Номер могилы не указан (примеч. ред.).

Могила 2. К основной ограде с северо-восточной стороны пристроена оградка 2 размером 2,2×2,5 м из вертикально поставленных плит. В центре четырёхугольный ящик размером 90(85)×50×45 см из четырёх вертикально поставленных плит (рис. 49, 11). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Покрытие нарушено, сохранилась только одна плита над юго-западной частью ящика. В заполнении в беспорядке кости ребенка 7 лет (кости руки, большая берцовая, обломки рёбер), на дне 3 спинных позвонка. Среди костей человека кости коровы (обломки рёбер).

Могила 3. К основной ограде рядом с предыдущей пристроена оградка 3, западная стенка её сохранилась плохо. В ограде прямоугольный ящик размером 50×30×25 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 49, 12). Глубина могилы 50 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены на юго-западный конец ящика. Костяк не сохранился. На дне, у восточной стены ящика, обломок венчика орнаментированного горшка (рис. 53, 2).

Курган 14. Диаметр насыпи 10 м, высота 25 см. На поверхности кое-где видны отдельные вертикально врытые плиты ограды размером, предположительно, 5,5×5,5 м (рис. 45, 1). В центре кургана прямоугольный ящик размером 250×75×70 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 49, 13). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сохранились над северо-восточным концом могилы, и одна большая плита толщиной 15 см перекрывает ящик в центре. В заполнении кости взрослого человека (пол?) (крестец, локтевая, височная часть черепа, плечевая, лучевая, лопатка, позвонок, рёбра, большая и малая берцовые). Вдоль юго-восточной стенки скопление обломков одного горшка (рис. 53, 3). Среди костей человека кости взрослой овцы (лопатка, две пятые, эпифиз плечевой и большой берцовой).

Курган 15. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты ограды размером приблизительно 5,0×5,0 м, отчётливо видна её южная сторона (рис. 45, 2). В центре ограды прямоугольный ящик размером 180×65(60)×45 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 50, 1). Глубина могилы 65 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены. Сохранилась на месте лишь одна большая плита над юго-западным концом ящика. В заполнении кости неполного скелета юноши 19 лет (пол?). На дне кости его левой ноги, ниже колена в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. На ключице — следы окиси меди. В заполнении черепки одного горшка (рис. 53, 4).

Курган 16. Диаметр насыпи 10 м, высота 30 см. На поверхности видны отдельно стоящие вертикально врытые плиты ограды размером, предположительно, 5,5×5,5 м (рис. 45, 3). В ограде прямоугольный ящик размером 200×70×70 см из 6 вертикально поставлен-

ных плит (рис. 50, 2). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены и сохранились лишь у юго-восточной стенки. В заполнении кости неполного скелета взрослой женщины 25—40 лет: ключица, локтевая, бедренная, берцовые, обломки черепной крышки; на дне тазовая кость. В заполнении обломки горшка (рис. 53, 5). Среди костей человека кости молодой овцы (лопатка, плечевая).

Курган 17. Диаметр насыпи 7 м, высота 15 см. На поверхности виден один край вертикально врытой плиты ограды размером, предположительно, 4,0×4,0 м (рис. 45, 4). В ограде прямоугольный ящик размером 135×55×50 см из 7 вертикально поставленных плит (рис. 50, 3). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены, сохранились только над северо-восточной и юго-западной стенками ящика. В заполнении кости подростка 12 лет (диафиз бедра, обломки крестца, малая берцовая, пяточная), на дне обломки таза. Следы окиси меди на первом позвонке. В заполнении обломок бронзовой пронизки (рис. 53, 7) и бронзового кольца (рис. 53, 6).

Курган 18. Диаметр насыпи 6 м, высота 30 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты ограды размером 3,5×? м (рис. 45, 5). В центре трапециевидный ящик размером 195×80(50)×40 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 50, 4). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия в центре пробиты и сброшены, на месте они сохранились только в изголовье и в ногах. В заполнении кости неполного скелета юноши 16 лет (кости обеих рук, две ключицы, эпифизы бедренной и большой берцовой, кости стопы, нижняя челюсть). Среди них кости молодой овцы (лопатка, ребро, эпифиз бедра).

Курган 19. Диаметр насыпи 9 м, высота 30 см. Курган раскопан полностью, в нём прямоугольная ограда размером 6,0×5,5 м (рис. 45, 6), посередине которой, ближе к южному углу, трапециевидный ящик размером 210×90(75)×60 см (рис. 50, 5). Глубина могилы 90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия пробиты в центре и сохранились лишь в изголовье и в ногах. В заполнении неполный скелет мужчины 20—25 лет (нижняя челюсть, лопатка, ключица, две плечевые, две лучевые, обломки таза, большая берцовая, малая берцовая, кости стопы, рёбра, позвонки). В заполнении обломки горшка (рис. 53, 8). Среди костей человека кости молодой овцы (лопатка, три ребра, плечевая, бедренная, большая берцовая) и лошади (фаланга II).

Курган 20. Диаметр насыпи 8 м, высота 20 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты ограды размером приблизительно 6,0×5,5 м (рис. 45, 7). В ограде трапециевидный ящик размером 210×80(65)×70 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 50, 6). Глубина могилы 90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия пробиты посередине. В заполнении кости почти полного скелета мужчины

20—25 лет (нет черепа с нижней челюстью и некоторых других костей). На дне в анатомическом порядке кости обеих ног ниже колена. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки на левом боку, головой на СВ. Кроме того, в могиле найдены тазовая кость взрослой женщины и левая локтевая кость юношеского скелета со следами медной зелени на ней. В заполнении: две бронзовые пуговицы (рис. 53, 12), пронизки (рис. 53, 10) и обоймочка (рис. 53, 11), половинка горшка (рис. 53, 9) и эпифиз большой берцовой кости молодой овцы.

Курган 21. Диаметр насыпи 9 м, высота 25 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты трёх пристроенных одна к другой смежных ко-соугольных оград размером приблизительно: первая — 4,0×5,0 (?) м; вторая — 4,0×3,5 м; третья — 3,0×2,0 м (рис. 46, 1). В каждой ограде по одной могиле.

Могила 1. В центре ограды прямоугольный ящик размером 155×70×55 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 50, 7). Глубина могилы 80 см. Ориентировка — ССЗ—ЮЮВ. Плиты покрытия пробиты посередине и частично сдвинуты. В заполнении и на дне обнаружены кости полного скелета подростка. Вдоль северо-западной стенки находились несколько сдвинутые с места длинные кости его ног. Судя по их положению, погребённый лежал на левом боку, головой на ССВ. Среди костей подростка найдены также кости молодой овцы (лопатка, 7 рёбер, лучевая, локтевая, большая берцовая).

Могила 2. В центре ограды трапециевидный ящик размером 140×75(45)×45 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 50, 8). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Над северным углом ящика плиты покрытия раздвинуты. В заполнении могилы кости неполного скелета ребенка 9 лет (нет черепа, лучевой и двух локтевых). На дне все длинные кости ног в анатомическом порядке. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северной стенки на левом боку, головой на СВВ. В головной части могилы горшок в обломках (рис. 53, 15). В заполнении два бронзовых височных кольца (рис. 53, 17) и пуговка (рис. 53, 16), а также кости овцы (лопатка, бедренная, большая берцовая, пяточная).

Могила 3. В центре ограды трапециевидный ящик размером 120×65(55)×40 см из 4 или 6 вертикально поставленных плит (сохранилось только 3) (рис. 50, 9). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. В заполнении и на дне кости неполного скелета ребёнка 4 лет. Кости молодой овцы (лопатка, ребро, сегменты грудины, эпифиз большой берцовой, таранная и пяточная) и обломок черепа собаки (?).

Курган 22. Диаметр насыпи 14 м, высота 40 см. На поверхности видны отдельные вертикально врытые плиты квадратной ограды размером 5,5×5,0 м и пристроенной к ней с северо-восточной стороны небольшой оградки размером приблизительно 2,5×3,5 м (рис. 46, 2).

Могила 1. В центре основной ограды трапециевидный ящик размером 200×50(55)×60 см из 7 плит (рис. 50, 10). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Плиты покрытия сброшены, остались лишь небольшая плита над северным углом ящика в изголовье и плита над юго-западной частью ящика. В заполнении кости женщины 25—30 лет (?), недостаёт черепа с нижней челюстью и большой берцовой кости. На дне в анатомическом порядке длинные кости левой ноги и левой же руки. Судя по их положению, погребённая лежала вдоль северо-западной стенки головой на СВВ. В заполнении обломок бронзового кольца (рис. 53, 14), на дне и в заполнении обломки горшка (рис. 53, 13). Среди костей человека кости молодой овцы (лопатка, два ребра, сегменты грудины, большая берцовая, плечевая).

Могила 2. В пристройке трапециевидный ящик размером 120×55(40)×50 см из 4 вертикально поставленных плит (рис. 50, 11). Глубина могилы 90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены с ящика. В заполнении кости неполного скелета младенца двух лет (ключица, лучевая, локтевая, большая и малая берцовые), на дне его череп. В заполнении две бронзовые гвоздиковидные бляшки (рис. 53, 19), два бронзовых височных кольца в обломках (рис. 53, 20), обломок бронзовой пластинки (не сохранился). На дне 5 бронзовых лапчатых подвесок (рис. 53, 18). Среди костей человека кости овцы (четыре ребра, лопатка, сегменты грудины, астрагал).

Курган 23. Диаметр насыпи 12 м, высота 45 см. С юго-западной стороны видны отдельные вертикально стоящие плиты ограды размером, предположительно, 5,0×5,0 м (рис. 46, 3). В ней трапециевидный ящик размером 165×80(50)×50 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 51, 1). Глубина могилы 90 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены и сохранились лишь над юго-западной половиной могилы. В заполнении кости почти полного скелета женщины 20—22 лет. В заполнении и на дне обломки горшка (не сохранились), на дне бронзовая ребристая пронизка (рис. 53, 21). В заполнении и на дне кости взрослой овцы (обломки таза, бедренная, большая берцовая, таранная, пяточная) и коровы (сегменты грудины).

Курган 24. Диаметр насыпи 12 м, высота 40 см. На поверхности кое-где видны отдельные вертикально стоящие плиты двух пристроенных одна к другой оград (рис. 46, 4).

Могила 1. В юго-западной ограде прямоугольная яма размером 180×70 см (рис. 51, 2). Ящик не сохранился. Глубина могилы 80 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Над могилой плиты покрытия не сохранились. Лишь к северу от могилы лежат две плиты, и одна небольшая плита свалилась в яму. В заполнении неполный скелет человека юношеского возраста (14—15 лет). На дне в анатомическом порядке кости голени и стопы одной ноги и стопы другой. Судя по их положению, погребённый лежал головой на СВ. Следы

окиси меди отмечены на левом виске, ключице и шейных позвонках. Среди костей человека кости молодой овцы (лопатка, ребро, бедро, большая берцовая, пятая, сегменты грудины).

Могила 2. В ограде трапециевидный ящик размером 165×70(60)×50 см из 5 вертикально стоящих плит (рис. 51, 3). Глубина могилы 90 см. Ориентировка — СВВ—ЮЗЗ. Плиты покрытия сброшены, сохранилось лишь по одной плите на северном углу и на юго-западном конце ящика. В заполнении и на дне полный скелет юноши 14—15 лет. В заполнении обломки бронзовых пронизок (не сохранились). Следы окиси меди на шейных позвонках, левом предплечье, на грудной кости, на нижней челюсти и на височной кости, а также на найденных среди костей человека костях молодой овцы (лопатка, пять рёбер, сегменты грудины, бедренные и большая берцовая).

Курган 25. Диаметр насыпи 18 м, высота 20 см. Курган раскопан упрощённым способом. Вся площадь кургана не вскрывалась, а лишь прокапывались узкой канавкой стенки ограды. В центре основная ограда размером 6,0×4,5 м (рис. 47, 1). К северо-восточной стенке её пристроена оградка размером 4,0×3,0 м с могилой 3. Дальше на СВ к ней пристроена оградка размером 3,0×3,0 м с могилой 4. С юго-западной стороны к основной ограде пристроена оградка размером 2,5×2,5 м с могилой 5, а к ней, в свою очередь, пристроена оградка размером 3,5×3,0 м с могилой 6.

Могила 1. В основной ограде, несколько ближе к северо-западной её стороне, трапециевидный ящик размером 145×55(50)×50 см из 5 вертикально поставленных плит (рис. 51, 4). Глубина могилы 75 см. Плиты покрытия нарушены и сдвинуты, лишь юго-западная часть ящика покрыта ими. В заполнении немногие разбросанные кости подростка 12 лет (ключица, локтевая, бедренная, большая берцовая, плечевая, позвонки, рёбра). Среди них тарзальная кость овцы.

Могила 2. Находится в основной ограде, ближе к северо-восточной стенке. Могильное пятно не прослеживалось. Признаков ящика не обнаружено. На поверхности древней погребённой почвы скелет женщины (?) 25—40 лет, на левом боку, с поджатыми ногами, головой на СВ (рис. 51, 5). Следы окиси меди на виске, ключице, шейных позвонках. Перед руками погребённой лопатка овцы.

Могила 3. В центре ограды трапециевидный ящик размером 230×85(65)×60 см из 7 вертикально поставленных плит (рис. 51, 6). Глубина могилы 80 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия частично сброшены. Большая толстая плита покрывает северо-восточную часть ящика. В заполнении и на дне кости почти полного скелета мужчины 40—60 лет. Среди

них обломок бронзового колечка (рис. 53, 22) и кости взрослой овцы (три ребра, большая берцовая). На рёбрах овцы следы окиси меди.

Могила 4. В ограде трапециевидный ящик размером 180×70(50)×55 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 51, 7). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия сброшены, и лишь две толстые плиты покрывают ящик в юго-западной части. В заполнении кости неполного скелета человека юношеского возраста (14—15 лет). На дне в анатомическом порядке кости обеих его голеней и эпифизов бедренных костей, а также длинные кости левой руки. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки головой на СВ. Среди костей человека кости молодой овцы (бедренная и большая берцовая).

Могила 5. В центре ограды трапециевидный ящик размером 120×50(45)×50 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 51, 8). Глубина могилы 70 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия выброшены, сохранилась небольшая плитка на юго-восточном краю ящика. В заполнении несколько костей ребёнка 5 лет (плечевая, бедренная, большая и малая берцовые). Там же обломок бронзового колечка (рис. 53, 23), небольшой обломок бронзовой пластинки (рис. 53, 24) и ребро овцы.

Могила 6. В ограде прямоугольный ящик размером 150×75×50 см из 6 вертикально поставленных плит (рис. 51, 9). Глубина могилы 80 см. Ориентировка — СВ—ЮЗ. Плиты покрытия выброшены, сохранилась лишь одна над северо-восточной частью ящика. В заполнении в беспорядке кости подростка 12 лет. На шейных позвонках следы окиси меди. Среди костей человека кости молодой овцы (бедренная, большая берцовая).

Курган 26. Диаметр насыпи 13 м, высота 40 см. На поверхности видны отдельные вертикальные плиты прямоугольной ограды размером 5,5×7,0 м (рис. 47, 2). В центре трапециевидный ящик размером 200×90(70)×55 см из 6 вертикально стоящих плит (рис. 51, 10). Глубина могилы 100 см. Ориентировка — ССВ—ЮЮЗ. Плиты покрытия сброшены, только в юго-западной части остались над ящиком, частично покрывая его, две большие плиты. В заполнении в беспорядке кости полного скелета мужчины преклонного возраста. На дне в анатомическом порядке кости обеих голеней и обе таранные. Судя по их положению, погребённый лежал вдоль северо-западной стенки головой на ССВ. Среди костей человека кости молодой коровы (лопатка, 5 рёбер, сегменты грудины, бедренная и большая берцовая). На лопатке и двух рёбрах коровы следы окиси меди.

А. В. Поляков

Глава II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКОВ КЮРГЕННЕР I и II

Размещение и планиграфия могильника. Ареал памятников классического этапа карасукской культуры имеет чётко очерченные границы (рис. 1). Все могильники и поселения известны исключительно в пределах Хакасско-Минусинских межгорных котловин, расположенных в среднем течении реки Енисей. С трёх сторон — востока, юга и запада — эти котловины окружены невысокими, но довольно обширными горными системами: Восточным и Западным Саяном, а также Кузнецким Алатау. И только в северо-западной части этот изолированный район примыкает к Томско-Чулымскому лесостепному коридору, который связывает его с Западно-Сибирской равниной [Вадецкая, 1986, с. 3]. При этом все известные памятники сконцентрированы только в трёх южных котловинах: Минусинской, Сыда-Ербинской и Чулымо-Енисейской. Севернее, на территории Назаровской котловины, памятники классического этапа культуры не зафиксированы [Вадецкая, 1986, с. 51—76; Лазаретов, 2001, с. 104].

Могильное поле Кюргеннер расположено практически в самом центре этого ареала на левом берегу Енисей к югу от устья реки Кокса. Этот район на географических картах относится к пограничному участку между Сыда-Ербинской и Минусинской межгорными котловинами. В настоящее время это территория Боградского района Республики Хакасия вблизи посёлка Советская Хакасия. Более детально местоположение могильника указано в отчёте: «...в районе старого посёлка совхоза Советская Хакасия...» (рис. 2). К сожалению, уточнить эти данные уже невозможно, так как эта местность затоплена водами Красноярского водохранилища.

Кюргеннер относится к числу наиболее крупных погребальных памятников. В его составе удалось учесть и нанести на план 588 сооружений. И это только сохранившаяся часть, так как большинство курганов группы Кюргеннер II были, по всей видимости, распаханы, а их внешние признаки уничтожены. Большинство крупных могильных полей классического этапа карасукской культуры, состоящие из нескольких сотен курганов, расположены вблизи крупных водных источников. Часть из них связаны с руслом реки Енисей и наиболее полноводными её притоками (могильные поля Сухое Озеро, Карасук, Малые Копё-

ны, Мохов, Тесь), часть — с крупными озёрами в северной части ареала культуры, такими как Шира, Белё или Орак. Менее значительные памятники (100—150 насыпей) расположены вблизи водных источников среднего размера — небольших рек и озёр (Терт-Аба, Сабинка II, Белоярск II, Итколь, Ефремкино и др.). Могильники, содержащие в своём составе менее 50 курганов, явление для классического этапа культуры совершенно уникальное.

Как уже отмечалось, в составе могильников Кюргеннер I и II полностью отсутствуют погребения, которые можно было бы отнести к более позднему хронологическому горизонту — каменноложскому этапу. Согласно схеме М. П. Грязнова, классический и каменноложский этапы относятся к единой археологической культуре и последовательно сменяют друг друга. Однако при этом представители двух групп населения обычно использовали различные могильные поля. На сегодня исследовано более 100 собственно карасукских могильников и свыше 70 памятников, относящихся к каменноложскому этапу. В результате зафиксировано только 12 случаев размещения их на единой площади. Наиболее характерный случай иллюстрирует могильник Арбан I, в составе которого выделяются две расположенные рядом, но не смешивающиеся группы погребений [Савинов, Поляков, 2007]. Идентичные схемы взаимного размещения зафиксированы неоднократно (Сабинка II; Карасук I, IV; Хара-Хая). Иногда каменноложский этап бывает представлен единственным погребением, расположенным обычно на периферии карасукского кладбища (Малые Копёны III, к. 138; Подкунинские Горы, м. 1). Не отмечено ни одного случая расположения одиночной карасукской могилы в составе каменноложского могильника. Таким образом, отсутствие каменноложских погребений в составе могильников Кюргеннер I и II является вполне закономерным.

Также вполне типичной выглядит и схема размещения курганов по территории могильника. Здесь можно выделить некоторые ключевые особенности. В первую очередь, это существование обособленных групп погребений. Не случайно М. П. Грязнов разделил могильник на две части Кюргеннер I (431 курган) и Кюргеннер II (157 курганов). Они действительно от-

делены друг от друга небольшой полосой свободного пространства (рис. 3). К сожалению, вклинивающийся участок пашни не позволил в своё время уточнить этот вопрос. Однако М. П. Грязнов совершенно справедливо провёл аналогию с могильником Карасук I, который тоже состоит из двух примерно равных по численности групп курганов (северной и южной), разделённых 50-метровой полосой свободного пространства. Учитывая полностью идентичный характер материалов обеих групп могильников как Карасук I, так и Кюргеннер I и II, М. П. Грязнов предположил, что это «...является отражением каких-то родоплеменных или других этнических делений». С подобной трактовкой можно согласиться. Вполне вероятно, что на одном кладбище одновременно совершали захоронения представители двух разных посёлков или родов.

К сожалению, в силу ряда причин материалы двух групп могильника Кюргеннер имеют различную степень значимости для исследователей. В северо-западной группе (Кюргеннер I) раскопано ровно 100 курганов, а в юго-восточной (Кюргеннер II) почти в 4 раза меньше (26 курганов). Кроме того, по каким-то причинам на план группы Кюргеннер II не были нанесены номера курганов, раскопанных за 1966 г. (курганы 6—26). Их нет ни на белом плане в отчёте, ни на полевых миллиметровках, которые хранятся в рукописном архиве ИИМК РАН. В результате точное местоположение курганов № 6—26 могильника Кюргеннер II не может быть установлено достоверно. Всё это в сумме заставляет при анализе материала делать основной упор на могильник Кюргеннер I, курганы которого представляют значительную серию материалов для анализа, и, вполне вероятно, отражают в комплексе основные тенденции развития карасукских погребальных памятников.

Можно попытаться в общих чертах сопоставить планиграфические особенности группы Кюргеннер I (рис. 4) с другим карасукским могильником — Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 1]. В первую очередь обращает на себя внимание расположение в рамках могильников более редких оград круглой формы. В обоих случаях они явно тяготеют к центральному положению, в то время как прямоугольные ограды размещаются по периферии. Также можно отметить, что наиболее крупные по своим размерам сооружения встречаются в центральной части кладбища, в то время как расположенные по окраинам имеют весьма небольшие стандартные размеры. И, наконец, расстояния между курганами в центре больше, а на периферии, особенно южной части, курганы сооружены вплотную один к другому. Таким образом, эти могильники демонстрируют очень схожие тенденции в их формировании. Наиболее вероятно, что это связано с определёнными хронологическими стадиями в их развитии, что будет более детально проиллюстрировано в следующей главе.

Конструкции курганов. К сожалению, большая часть наземных конструкций были раскопаны по «упрощённой методике» (~88 %), т. е. вскрывались и изучались только сами могилы (фактически шурфом), а огра-

ды курганов не раскапывались или работы проводились частично (например траншеей). Сами погребения исследовались с полным соблюдением методических требований. Причины подобного подхода изложены самим М. П. Грязновым в тексте отчёта, и комментировать их нет никакой необходимости. Однако нужно охарактеризовать итоги этого решения, чтобы определиться, каким образом оно могло повлиять на полученные результаты.

Специфика погребальных сооружений эпохи поздней бронзы заключается в том, что большинство наземных конструкций прослеживаются очень слабо. Этому есть много причин, в частности: использование для оград очень тонкого плитняка (толщиной 3—5 см); минимальный размер надмогильных насыпей; активное разрушение курганов распашкой в советский период и другое. В результате без проведения раскопок всей площади кургана зачастую невозможно установить число пристроенных оград или количество могил, а также наличие некоторых особенностей в конструкциях оград («указатели могил», пристроенные ящики), т. е. при использовании «упрощённой методики» некоторые элементы сооружения могут быть пропущены. Отражается это в первую очередь на статистических данных по конструкциям курганов. Например, число пристроек может быть занижено. На участке, где курганы были раскопаны полностью (Кюргеннер I, курганы 42—52), все они сооружены из нескольких пристроенных друг к другу оград. На этом участке также удалось проследить установку «указателей могил», которые невозможно обнаружить при «упрощённой методике» раскопок. Таким образом, часть информации могла быть утрачена. Это ограничивает проведение некоторых видов статистических исследований. К примеру, невозможно установить точную связь «указателей могил» с другими элементами погребального обряда, так как зафиксировано минимальное их число. Однако всё это не означает, что данные могильников Кюргеннер I и II в чём-то ущербны. В целом можно сказать, что информация недополучена, но не искажена. М. П. Грязнов чётко осознавал все последствия своего шага и уже в отчёте указал основные проблемы данного подхода.

Традиционно карасукские курганы представлены либо одиночной оградой (рис. 5, 1—4, 6—9, 12), либо системой пристроек (рис. 5, 5, 10, 11). Не являются исключением и могильники Кюргеннер I и II. Из 126 раскопанных курганов 97 представляют собой одиночную ограду (77 %), а 29 — систему пристроек (23 %). В последнем случае курганы чаще всего состоят из двух или трёх оград (Прилож. I, табл. 2). Больше количество пристроек зафиксировано лишь дважды (Кюргеннер II, к. 12 и к. 25). Как ни странно, но, с учетом вышеописанной ситуации с «упрощённой методикой», эти цифры не очень далеки от среднестатистических для культуры в целом (73, 2% курганов — из одиночных оград).

Земляная насыпь сооружалась только непосредственно над могилой и её размеры были, по всей видимости, невелики. Такой вывод вытекает из очень не-

значительной высоты сохранившихся земляных сооружений (обычно 0,2 м). Кроме того, в отдельных случаях исследователями фиксируется облицовка поверхности насыпи плитами — «купол». Есть пример подобного сооружения и в рассматриваемых могильниках (рис. 7, 5). Хорошо заметно, что над плитами перекрытия могилы сделана небольшая насыпь, которая сверху облицована ещё одним слоем плит. При этом каждая из двух расположенных в одной ограде могил имеет собственное сооружение. Только впоследствии в результате действия естественных природных процессов эти две насыпи были задернованы и слились.

Ограды вокруг погребений возводились либо из тонких вертикально вкопанных плит песчаника (рис. 5, 1, 3—12), либо из аналогичных плит, сложенных горизонтально на уровне погребённой почвы (рис. 5, 2; 7, 7; 8, 1). Причём в материалах исследуемого могильника устанавливается чёткая взаимосвязь между формой ограды и способом сооружения (Прилож. I, табл. 3). Всего зафиксировано 169 оград (125 — Кюргеннер I, 44 — Кюргеннер II). Из них 146 прямоугольных из вертикально вкопанных плит и 16 круглых из плит, положенных плашмя (в 7 случаях способ сооружения и форма ограды не установлены). Подобное устойчивое сочетание характерно для всех карасукских памятников в целом. Редкие нарушения этого правила составляют в общей сложности менее 4 %. Можно отметить одну важную деталь. В качестве пристройки к прямоугольной ограде могут сооружаться только аналогичные прямоугольные ограды. У оград круглой формы пристройки могут быть и круглыми (Кюргеннер I, к. 75), и прямоугольными (Кюргеннер I, к. 40). Это правило касается не только данного могильника, но прослеживается и по статистике всей карасукской культуры.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе о высоте стенок ограды. К настоящему времени их сохранность такова, что на уровне современного дёрна наблюдаются только едва выступающие верхние края плит. Однако в рамках работ Красноярской экспедиции на других памятниках (Карасук I и Малые Копёны III) удалось установить первоначальную высоту стен ограды [Зяблин, 1977, с. 14]. Она, вероятно, составляла от 0,5 до 0,9 м. Это подтверждают и ограды, сложенные из горизонтально положенных плит. Высота наиболее хорошо сохранившейся кладки кургана 33 могильника Кюргеннер I составляла на момент раскопок 0,5 м, следовательно, на момент сооружения она была ещё выше. Причина столь сильного разрушения карасукских оград заключается в характере использованного материала. В отличие от массивных плит тагарских курганов, для карасукских конструкций использовались очень тонкие плиты (обычно 3—5 см толщиной), которые легко ломались, оставляя в земле только «корни».

Размеры оград варьируются в очень значительных пределах. Круглые ограды могильника Кюргеннер имеют диаметр от 5 (Кюргеннер I, к. 77) до 11 м (Кюргеннер I, к. 31, 61), в среднем — 8 м. Для культуры в

целом этот разброс заметно шире (от 1,6 до 22,0 м в диаметре). Но среднестатистическая цифра несколько ниже — 6,6 м. То есть, по меркам карасукских памятников, круглые ограды могильника Кюргеннер были относительно крупными, хотя разница и не столь ощутима. Прямоугольные ограды обычно ориентированы углами по сторонам света и чаще всего близки к квадратной форме. Вытянутые ограды редки и обычно связаны с размещением в пределах одной ограды сразу нескольких могил. Отчасти влияет размер сооружения. Самая большая из раскопанных в составе могильника прямоугольных оград (Кюргеннер I, к. 69 — 12,5×9,0 м) как раз и сооружена для двух могил. При этом статистические данные показывают, что средний размер оград могильника составляет всего 4,7×4,0 м. Это тоже несколько выше, чем для культуры в целом (4,5×3,6 м). Как будет показано в следующей главе, размер ограды является важным хронологическим индикатором. На протяжении всей карасукской культуры шёл процесс постепенного уменьшения размера оград. Превышение в приведенном примере данных могильника над среднестатистическими объясняется значительным числом ранних сооружений.

В каждой из оград может находиться различное количество могил (Прилож. II, табл. 4). Для карасукской культуры наиболее характерно размещение одной могилы в центре ограды (92,8 %). В редких случаях это могут быть две могилы, расположенные рядом в совершенно равноправном положении (5,8 %). Размещение в одной ограде больше двух могил встречается как исключение (1,4 %). Почти идентичные цифры зафиксированы для могильников Кюргеннер I и II: одна могила — 92,9 %, две могилы — 5,9 %, три могилы и более — 1,2 %. Это свидетельствует о том, что даже раскопки «упрощённым методом» не оказали существенного влияния на количество учтённых сооружений в одной ограде. Особо хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что для могильников Кюргеннер I и II и культуры в целом характерно равноправное размещение могил в пределах одной ограды, т. е. если могил две, то обе они равно удалены от центра сооружения, если же могил больше, то они равномерно распределены по всей его ширине.

Отдельным элементом, связанным с оградой могильника, являются «указатели могил». Это одиночная плитка песчаника, которая вкапывалась за юго-западной стенкой ограды в вертикальном положении перпендикулярно к стенке ограды, причём строго напротив конкретной могилы (рис. 5, 3, 8; 6, 3; 9; 10, 4). В тех случаях, когда в одной ограде находилось несколько могил, ограда могла устанавливаться для каждой из них отдельно (рис. 9; 10, 4). Так как в этих могилах все погребённые положены головой в северо-восточном направлении, можно сказать, что «указатель» устанавливался «в ногах». Всего в рамках могильника было зафиксировано 16 случаев, причём 11 из них на участке, который вскрывался сплошным раскопом (Кюргеннер I, к. 42—52, см.: Прилож. I, табл. 4). Это позволяет предположить, что количество «указателей» было значительно больше, но прослеже-

ны из них только единицы, так как ограды не вскрывались. Несмотря на это, могильник Кюргеннер по-прежнему остаётся единственным памятником, где этот конструктивный элемент зафиксирован в массовом количестве. В некоторых близлежащих могильниках с определённой долей осторожности могут быть отмечены аналогичные плитки, но всегда в крайне малом числе (Малые Копёны III, к. 64, 138, 141; Тагарский Остров IV (Лысуха I), огр. 47, 51; Мохов I (1938 г.), к. 1). То, что все названные могильники расположены в непосредственной близости от могильников Кюргеннер I и II, наводит на мысль о строгой локальности этого элемента, тем более что примерно в 100 других карасукских могильниках ничего подобного не обнаружено.

Ещё один элемент, вызывающий большой интерес исследователей, — это пристроенные к ограде небольшие ящички размером приблизительно 0,5×0,5 м. В составе могильников Кюргеннер I и II они были зафиксированы всего дважды (Кюргеннер I, к. 31; к. 32 — рис. 7, 7; 8, 1). М. П. Грязнов в отчёте квалифицировал их как разграбленные детские погребения, однако накопленные за последнее время факты противоречат подобной трактовке. На сегодня в рамках карасукской культуры (в том числе и каменоложского этапа) выявлено уже более 30 случаев обнаружения подобных конструкций: Мара, к. 1, 2 [Паульс, 2000, с. 104—106, рис. 1, 2]; Чазы, к. 1, 2, 7, 8; Ярки I, к. 4; Сухое Озеро II, к. 56; Барсучиха I, огр. 10; Усть-Бюрь IV, к. 3, м. 1—2; Тюрим, к. 3, м. 1—6 [Лазаретов, 2008, рис. 8, с. 45—48]; Июсский, к. 4, м. 1 [Боковенко, Смирнов, 1998, с. 47, рис. 44]; Карасук I, к. 61; Карасук IV, к. 7, 9, 13, 19, 21; Анчил-Чон, к. 2, 5 [Vokovenko, Legrand, 2000, p. 224, 237, abb. 10, 21] и др. И ни в одном из них не зафиксировано следов погребения. Более того, исследователи отмечают, что эти ящички сооружались выше уровня погребённой почвы, плитки только вкапывались в неё для придания устойчивости. В то же время сами могилы в этих курганах находятся ниже уровня древнего горизонта. Всё это противоречит трактовке пристроенных к ограде ящичков как детских могил, что уже неоднократно отмечалось исследователями в отчётах. Предположение Е. Д. Паульса о том, что все пристроенные ящички связаны с погребениями женщин, не находит подтверждения [Паульс, 2000, с. 108—109]. Мужские захоронения, сопровождаемые подобными ящичками, обнаружены в могильниках Чазы (к. 2), Усть-Бюрь (к. 3, м. 2), Кюргеннер I (к. 31, 32), Июсский (к. 4, м. 1). Таким образом, вопрос о роли этого конструктивного элемента остаётся открытым.

Так же как и «указатели могил», пристроенные к ограде ящички соотносятся с определённой могилой. Например, в центральной ограде кургана 3 могильника Тюрим сооружены три могилы в ряд и за северо-восточной стенкой напротив каждой из них по пристроенному ящичку [Лазаретов, 2008, рис. 8, с. 45—48]. В материалах культуры размещение ящичков относительно сторон ограды варьируется. Более распространено расположение за северо-восточной стенкой (судя по ориентировке погребённого — «в изголовье»). Од-

нако известно несколько случаев помещения их с северо-запада, то есть сбоку от могилы. Именно к этим редким случаям относятся оба кургана из могильников Кюргеннер I и II, а также Сухое Озеро II, к. 56, Карасук I, к. 61. В чём причина подобных вариаций, пока неясно. Ответы на многие вопросы могут быть получены, если будет установлено их предназначение. Пока же приходится только вслед за Е. Д. Паульсом обратить внимание исследователей на существование аналогичных конструкций среди памятников Центрального Казахстана — мавзолеев Бегазы I и Бугулы III [Маргулан, 1979, с. 104—108, рис. 70].

Особый технический элемент (Кюргеннер I, к. 27), который традиционно считается связанным с карасукскими погребениями, это «треугольники» из плит (рис. 20, 2). Впервые на них обратил внимание А. Н. Липский при публикации своих раскопок в городе Абакане. Им была предложена трактовка этих сооружений как места захоронения «или последа, или же выкидыша» [Липский, 1949, с. 79—81]. В качестве аналогии приводится погребение ребёнка в треугольном ящичке, относящееся к таштыкской эпохе. На сегодня вопрос о связи подобных сооружений с карасукскими погребениями отчасти потерял свою актуальность. Всего известно семь подобных случаев, что очень мало: Абакан II, п. 7, 9 [Липский, 1956, с. 122—126]; Малые Копёны III, к. 96, м. 2; к. 118 [Зяблин, 1977, с. 73, 81]; Июсский, к. 2, м. 1 [Боковенко, Смирнов, 1998, с. 42, рис. 38] и Кюргеннер I, к. 27 (рис. 20, 2). Причём дважды (Кюргеннер I, к. 27 и Малые Копёны III, к. 96, м. 2) эти «треугольники» были сооружены в заполнении могилы, в тот момент, когда она уже была полностью засыпана землёй. Это не позволяет связывать их сооружение с эпохой бронзы. По всей видимости, они были сделаны значительно позднее, в период тагарской или таштыкской культур.

Конструкции могил. Традиционно для карасукской культуры выделяется несколько типов погребальных сооружений: ящички (91,3 %), цисты (6,2 %), грунтовые ямы (2,5 %) (Прилож. II, табл. 5). Как и в случае с оградой, эти типы очень чётко взаимосвязаны с методикой сооружения. Грунтовые ямы всегда вписаны в уровень древнего горизонта. В подавляющем большинстве случаев именно в таких ямах сооружались каменные ящички, причём так, чтобы на уровне древней поверхности только немного выступали верхние края плит. Цисты, наоборот, складывались на уровне погребённой почвы или с небольшим заглублением в неё (до 0,2 м). В результате погребальное сооружение фактически находилось в теле насыпи. Иногда подобные сооружения называют «зимними могилами», хотя доказательств подобной трактовки нет [Максименков, 1978, с. 73]. В составе могильников Кюргеннер I и II зафиксированы 181 каменный ящик (98,5 %), одна наземная циста (0,5 %) и две грунтовые ямы (1 %).

Наземные цисты отчётливо связаны с северной частью ареала культуры. Подавляющее большинство этих сооружений отмечено в могильниках Сухое Озеро II (93 цисты), Черновой Лог I (13 цист), Барсучиха I

(12 цист), Карасук I (9 цист), Варча I (7 цист), Тюрим (3 цисты). В относительно более южных районах зафиксировано только несколько единичных случаев — Окунев Улус I (м. 14); Есинская МТС I (м. 5), каждый из которых оставляет некоторые сомнения в верности трактовки сооружения. Подобная узкая локализация как раз и является одним из важных контрдоводов против отнесения подобных сооружений к «зимним могилам». Единственная наземная циста, которая зафиксирована в кургане 76 могильника Кюргеннер I (рис. 12, 5), настолько сильно разрушена, что кроме констатации самого факта её существования, никаких сведений о ней привести невозможно. На момент раскопок от неё сохранился только самый нижний слой плит, лежащих на погребённой почве.

Ещё более сложная проблема стоит в отношении погребений в грунтовых ямах. С одной стороны, в большинстве случаев это результат полного уничтожения каменного ящика, находившегося в могиле. К примеру, в отчёте П. Г. Павлова о раскопках могильника Сабинка II в отношении кургана 45 указано, что ящик, от которого остались только следы в виде канавок, был разобран грабителями так, что часть костяка сохранила своё первоначальное положение. Вероятно, значительную роль сыграла распашка степей в советский период, когда мешающие плиты выдёргивали с помощью трактора.

С другой стороны для относительно более поздних погребений каменноложского этапа грунтовые ямы становятся одним из ведущих типов погребальных сооружений [Вадецкая, 1986, с. 55]. Следовательно, наиболее поздние карасукские могилы вполне могли отражать процесс перехода к новым типам сооружений. Весьма показательным, что в составе могильников Кюргеннер I и II присутствуют только два погребения, которые могут быть отнесены к этой спорной группе. Одно из них (Кюргеннер I, к. 36) очень сильно разрушено, и в его заполнении фиксировались мелкие обломки плит, возможно от уничтоженного каменного ящика. Второе (Кюргеннер II, к. 25, м. 2) отнесено к этой категории условно, так как совершенно на уровне древней поверхности. К сожалению, полное отсутствие сопроводительного инвентаря не позволяет с полной уверенностью датировать это погребение карасукским временем. Не исключено, что погребение в грунтовой яме было впущено уже позднее в насыпь кургана.

Наиболее распространённым типом карасукских погребальных сооружений являются каменные ящики. Их размеры и форма варьируются в очень широких пределах и, по всей видимости, непосредственно зависят от физических данных покойного и набора сопроводительного инвентаря. По своей форме они традиционно делятся на две группы: прямоугольные и трапециевидные. Долгое время этому фактору придавали решающее значение, некоторые исследователи даже связывают напрямую этот признак с более сильным андроновским влиянием в северной части ареала культуры [Паульс, 2000, с. 108]. Однако статистическое исследование показывает отсутствие каких-либо значи-

мых различий. По материалам культуры, количество каменных ящиков различных форм примерно равно: 52,8 % прямоугольных ящиков, 47,2 % — трапециевидных (Прилож. II, табл. 6). Аналогичные результаты получены и другими исследователями [Филиппова, 1982, с. 13]. Причём если это соотношение может несколько нарушаться в отдельных памятниках, то анализ по регионам показывает, что они одинаково распространены как на севере, так и на юге. Не даёт результатов и сопоставление этого признака с полом, возрастом и предполагаемым социальным статусом погребённого. Для могильника Кюргеннер получены очень близкие цифры соотношения ящиков различных форм: 53 % — трапециевидных, 47 % — прямоугольных. Колебания находятся в пределах статистической погрешности.

Анализ размеров каменных ящиков тоже не выявил принципиальных отличий (Прилож. II, табл. 7). Сооружения могильника Кюргеннер несколько скромнее по размерам, чем в целом по культуре, зато немного больше по высоте. В обоих случаях деление по полу погребённого демонстрирует чуть более крупные размеры конструкций, в которых похоронены мужчины. Это ещё раз подчёркивает строгую индивидуальность каждой могилы. По размерам ящика можно даже определять приблизительно возраст погребённых в них детей.

Отдельно необходимо остановиться на такой редкой конструктивной особенности, как «спаренные» ящики. Они представляют собой два отдельных каменных ящика, имеющих одну общую длинную стенку. Именно такой случай представлен в центральной ограде кургана 12 могильника Кюргеннер I (рис. 18, 2). Необходимо сразу отметить, что могилы имеют различную длину. Юго-восточная, в которой содержалось погребение мужчины, гораздо больше по размерам (230×75 см). Северо-западная могила с останками женщины заметно скромнее (190×70 см). Как уже отмечалось, по две могилы в одной ограде встречается довольно часто, однако они всегда достаточно разнесены в пространстве, чтобы не иметь общих стенок (например, рис. 5, 2; 6, 9; 7, 5 и др.). Чем в данном случае вызвано изменение традиции — не очень понятно. К сожалению, стенки ограды детально не прослежены, и потому судить о причинах конструктивного характера не приходится.

Аналогичные спаренные ящики известны ещё в одном случае — могильник Хара-Хая, могилы 3 и 4 [Кызласов, 1971, с. 174—175, рис. 2]. Хотя различия в размерах ящиков минимальны, чётко устанавливается, что сооружались они последовательно. Сначала соорудился более длинный ящик, и только затем к нему пристраивался относительно короткий. В случае, зафиксированном в могильнике Кюргеннер, ситуация обратная. Первым был сооружён малый ящик с женским погребением. Каждая из его длинных стенок была сделана из одной большой плиты. При сооружении большой мужской могилы юго-восточная стенка тоже была сделана из целой плиты, а вот северо-западную (смежную) стенку строителям пришлось нарастить с

помощью небольших дополнительных плит. Из этого следует вывод, что могилы сооружались последовательно, с некоторым перерывом. При одновременной постройке было бы логичнее смежную стенку тоже сделать из одной плиты, как в могильнике Хара-Хая. К сожалению, могилы сильно ограблены, и проследить рамки хронологического разрыва на основе изменения сопроводительного инвентаря не удаётся. Можно отметить, что в материалах культуры довольно распространены случаи сооружения единого, более широкого каменного ящика для двух погребённых. Внутри такой ящик разделялся на две секции специальной плитой, обычно весьма условно (Каменка II, огр. 9, м. 2; Барсучиха I, огр. 14, м. 1; Окунев Улус, м. 3 (1927); Сухое Озеро II, к. 142, м. 7; к. 277; 296; 387; к. 493, м. 3; Терт-Аба, к. 22; 23a1; 23б; 59a и др.). Во всех известных случаях в подобных могилах погребены мужчина и женщина.

Перекрытия могил очень сильно потревожены грабителями, поэтому информация об их конструкции минимальна, однако их устройство можно примерно реконструировать по материалам других карасукских могильников. Традиционно карасукские ящики перекрывались сверху несколькими каменными плитами, опирающимися на торцы плит ящика. Обычно толщина их очень невелика, и грабители просто пробивали в них небольшое отверстие (до заполнения могилы грунтом) и через него извлекали наиболее ценные вещи (рис. 17, 2).

Чаще всего в карасукских могилах погребено по одному человеку. В материалах могильников Кюргеннер I и II отмечено десять случаев, когда в могиле зафиксированы кости нескольких человек (Кюргеннер I, к. 33, м. 1; к. 38; 54; 66; 72; к. 75, м. 1; к. 84; Кюргеннер II, к. 1; 5; 20). М. П. Грязнов ещё в отчёте отметил, что в четырех случаях (Кюргеннер I, к. 33, м. 1; к. 66 и Кюргеннер II, к. 1; 5) это связано с последующим подзахоронением, произведённым в более позднюю эпоху. Действительно, традиция использования карасукских каменных ящиков для совершения повторного погребения была очень распространена. На сегодня для почти 2500 карасукских могил известно свыше 50 документированных случаев подобных действий. Обычно в карасукские ящики клали своих покойников представители тагарской и тесинской культур (см., например: [Павлов, 1999, табл. 68, 69, 76, 105]).

Во всех десяти случаях могильника Кюргеннер наблюдается очень схожая картина. На дне погребения практически ничего не сохранилось, а все малочисленные материалы зафиксированы в заполнении. Для карасукских могил, подвергавшихся неоднократному ограблению, ситуация типична. Однако конструкция этих каменных ящиков подразумевает размещение только одного погребённого, если же в одну могилу необходимо было положить двух умерших, то каменный ящик сооружался заметно шире обычного (см., например: [Павлов, 1999, табл. 49, 54, 117]). Исходя из этого, можно предположить, что все десять случаев могильника Кюргеннер, когда в одной могиле были обнаружены кости нескольких человек, не связаны с

карасукской погребальной практикой, а являются результатом более поздних действий, таких, например, как совершение в более позднюю эпоху подзахоронения, которое затем тоже было ограблено, или перебрашивание костей из соседних могил при их одновременном ограблении. Подобные случаи известны и даже отмечены М. П. Грязновым в отчёте о раскопках могильника Кюргеннер I (к. 12, м. 1, к. 23, м. 1—2).

Антропологические определения. Определения пола и возраста погребённых в могильнике Кюргеннер сделаны автором раскопок М. П. Грязновым. В результате по числу подобных определений этот памятник занял одно из ведущих мест. Возраст погребённых был установлен 177 раз. Однако примерно в 30 % случаев, когда количество костей в могиле было минимальным, определение указано в очень широких пределах — «взрослый» или «ребёнок». В результате проведения статистического подсчёта удалось сформировать только пять возрастных групп: младенцы — до 2 лет, дети — от 2 до 10 лет, подростки — от 10 до 16 лет, взрослые — от 16 до 50 лет и те, чей возраст превышает 50 лет (Прилож. II, табл. 8).

При сравнении данных широкого круга памятников с материалами могильника Кюргеннер можно выделить две его особенности. Это более высокое число младенческих погребений (до двух лет) и захоронений людей преклонного возраста (свыше 50 лет). Наиболее вероятно, что это связано с меньшей детализацией антропологических определений для большого числа могильников. Очень часто исследователи в отчётах просто указывают «погребение ребёнка» или «погребение взрослого», не называя точный возраст. В более детальных определениях М. П. Грязнова чётче выделены возрастные группы младенцев и пожилых людей. В какой-то мере этот могильник можно считать опорным при сопоставлении с другими памятниками.

Количество в составе могильника детских погребений (в возрасте до 16 лет) (38,4 %) практически соответствует аналогичному показателю по культуре в целом (38,5 %), что ещё раз подчёркивает случайность заметного преувеличения захоронений младенцев. Эти данные хорошо соотносятся с общими представлениями о возрастной структуре могильников эпохи поздней бронзы Сибири. Например, для андроновской части второго Еловского могильника (ЕК-II) детские погребения составляют 33 %, для еловской — 31,1 % [Матюшенко, 2004, с. 347]. При этом необходимо учитывать, что В. И. Матюшенко ограничивал возраст детей 12 годами. Если подсчитать аналогичную возрастную группу для могильника Кюргеннер, то она составит 30 % от общего числа погребений. То есть детская смертность находилась на одинаковом уровне.

Антропологические определения пола для погребённых старше 16 лет демонстрируют интересную картину (Прилож. II, табл. 9). В составе могильника Кюргеннер II число погребений мужчин и женщин идентично (по 9 случаев). А вот в другой части могильника (Кюргеннер I) наблюдается заметный перекося в сторону преобладания погребений мужчин (43 случая) по сравнению с захоронениями женщин (31 случай). Для

объяснения указанной диспропорции необходимо привести одно важное наблюдение. В ходе дальнейшего описания материалов могильника в его составе будет выделена обособленная группа погребений, выделяющаяся из общего ряда практически по всем элементам погребального обряда (особенно по керамике). Её суммарная характеристика будет приведена в главе V, написанной И. П. Лазаретовым. На фоне собственно карасукских материалов эта группа выглядит совершенно «инородной», весьма вероятно, что она связана с пришлым населением. В десяти погребениях этой группы (из 11) похоронены взрослые мужчины и только в одном женщина. Если вычленив из общей статистики данные этой группы, то соотношение собственно карасукских погребений мужчин и женщин станет вполне сопоставимым (33 к 30). Очень близкие данные с небольшим превалярованием погребений мужчин характерны для карасукской культуры в целом.

Углублённое изучение антропологической коллекции могильников Кюргеннер I и II было проведено Г. В. Рыкушиной. В ранних исследованиях его материалы рассматривались отдельно наряду с большой серией других карасукских памятников [Рыкушина, 1976, с. 187—201; 1977, с. 143—154], а в более поздних работах они были объединены с материалами могильника Усть-Тесь в «левобережную группу» [Рыкушина, 1979; 1980, с. 47—63; 2007, с. 62—81]. Учитывая, что раскопки памятника Усть-Тесь велись С. В. Киселёвым в очень ограниченных масштабах (исследованы 22 могилы), есть все основания рассматривать особенности «левобережной группы» как отражение, в первую очередь, материалов могильников Кюргеннер I и II.

В дальнейшем статистическими данными Г. В. Рыкушиной пользовался А. В. Громов при сравнительном анализе группы карасукских памятников из южной части ареала культуры [Громов, 1995, с. 130—150]. К сожалению, всем этим работам свойственна одна общая проблема. При сопоставлении антропологических серий из разных могильников не разделялись данные классического и каменоложского этапов. Более того, необходимо учитывать, что в антропологических коллекциях карасукских могильников заметную серию могут составлять кости впускных тагарских захоронений, что отмечают и сами исследователи [Громов, 1995, с. 131]. Это заставляет относиться к выводам антропологов с большой осторожностью.

В целом, по данным Г. В. Рыкушиной, карасукская культура характеризуется «мозаикой признаков двух расовых стволов» [Рыкушина, 1979, с. 11]. В заключение этой же работы сделан ещё один важный вывод: «Различия антропологического типа населения собственно карасукских и каменоложских могильников не могут быть объяснены трансформационными перестройками черепа, что является доказательством существования на данной территории двух этнокультурных пластов...» [Рыкушина, 1979, с. 25]. В отношении «левобережной группы» и собственно могильников Кюргеннер I и II Г. В. Рыкушиной сделано несколько более конкретных наблюдений. В частности, было отмечено, что по сумме характеристик эта группа зани-

мает несколько промежуточное положение среди остальных групп, что с учетом географического положения памятника, неудивительно (рис. 1). Серия черепов мужчин по строению мозгового отдела ближе всего к «северной» и «ербинской» группам [Рыкушина, 1979, с. 10]. Две другие группы — «правобережная» и «южная» — заметно от них отличаются, что тоже не вызывает удивления, так как в составе первых трёх групп число погребений каменоложского этапа минимально. Зато они составляют очень заметную часть «южной» и «правобережной» серий.

Наибольший интерес представляет единственное краткое замечание, касающееся сопоставления мужских и женских серий черепов могильника Кюргеннер. Анализируя серию черепов женщин, Г. В. Рыкушина приходит к выводу, что «...целый комплекс признаков свидетельствует о несколько большей монголоидности её, чем мужской серии» [Рыкушина, 1979, с. 15—16]. Этот факт особенно важен, поскольку в составе могильника отсутствуют погребения «каменоложского» этапа. Следовательно, для памятников классического этапа тоже характерна неоднородность краниологических серий. Этот важный момент снова возвращает нас к вопросу о формировании карасукской культуры. С позиции «автохтонизма» невозможно объяснить причины различия мужских и женских серий одного могильника.

Размещение в могиле тела погребённого и сопроводительного инвентаря. Как уже отмечалось, все погребения могильника сильно потревожены грабителями, и более чем в половине случаев все кости и сопроводительный инвентарь были обнаружены в заполнении в перемещённом состоянии. Подобная ситуация очень характерна для культуры в целом. Карасукские ящики были лёгкой добычей для грабителей, поэтому за прошедшие три тысячи лет содержащиеся в них погребения чаще всего оказывались уничтожены полностью. На сегодня в нетронутом состоянии до исследователей дошли около 1,5 % захоронений (примерно 40 могил). В этой ситуации материалы даже таких крупных могильников, как Кюргеннер, не могут в полной мере раскрыть все тонкости погребального обряда культуры, и требуется привлечение максимально широкого круга аналогий.

Согласно карасукской традиции, погребённый укладывался в вытянутом положении вдоль одной из длинных стенок могилы вплотную к ней (ингумация). При этом вторая часть могилы оставалась свободной для размещения сопроводительной пищи. Напротив головы и груди располагались один или несколько сосудов, на уровне пояса или в ногах — несколько кусков мяса, вероятно, на деревянном блюде. Взаимное расположение всех этих элементов очень строго регламентировано и не изменяется ни при каких условиях (например, при иной ориентировке). Если погребение совершено в положении «на левом боку», то и сопроводительная пища располагается слева, если «на правом боку» — то справа. Это одна из важнейших констант, позволяющая по расположению инвентаря определять размещение тела погребённого.

Долгое время было принято считать, что погребения карасукской культуры совершались на спине или на боку [Теплоухов, 1927, с. 93; Киселёв, 1951, с. 112; Новгородова, 1970, с. 170]. Сформировавшийся стереотип привёл к тому, что исследователи, непосредственно проводившие раскопки, на основании находящихся *in situ* голеней «определяли» точное положение костяка: на спине или на боку. Однако в случае обнаружения малопотревоженного посткраниального скелета они были вынуждены особо комментировать его положение в могиле. Например, М. П. Грязнов, описывая погребение в могиле Б могильника Тепсей VIII, пишет: «Погребённая лежала на спине, головой на В, слегка склонившись направо, кости ног её слабо согнуты в коленях» (курсив мой. — А. П.) [Грязнов, 1979, с. 30], а о погребении в могиле 2 могильника Тепсей XIV, пишет: «На дне лежал скелет мужчины 20—25 лет, слегка повернутый на левый бок, прислонённый к северо-западной стенке ящика...» (курсив мой. — А. П.) [Грязнов, 1979, с. 35]. Подобные наблюдения зафиксированы им в материалах рассматриваемого могильника Кюргеннер I (к. 91): «На дне скелет взрослого мужчины, прислонённый к северной стенке ящика (слегка повернут на левый бок), головой на В» (курсив мой. — А. П.). Аналогичные замечания были сделаны: М. Л. Подольским при раскопках могильников Белоярск II (огр. 23, м. 4; огр. 30, м. 1 и 2), Тигир-Тайджен II (к. 3, м. 1); Э. Б. Вадецкой: Лебяжье II (м. 1), Лебяжье IV (м. 3; 16; 17); Н. А. Боковенко: Анчил-Чон (к. 1, м. 4; огр. С, м. 1; огр. D, м. 1, погр. А; к. 6); Е. Д. Паульсом: Мара (к. 1, м. 2); С. А. Теплоуховым: Окунев Улус I (м. 7; 14), Усть-Сыда (к. 6, м. 1); К. Г. Котожековым: Абакано-Перевоз II (огр. 6, м. 2; огр. 15, м. 2); А. Ю. Тарасовым: Подгорный I (огр. 3, 4); Г. А. Максименковым: Сухое Озеро II (к. 41, м. 2; к. 72, м. 3; к. 343, м. 2; к. 345, м. 1; к. 349, м. 4; к. 375, м. 1; к. 427, м. 2; к. 441, м. 1; к. 475, м. 1 и др.); И. П. Лазаретовым: Уйбат IV (к. 1; 6; 7), Тюрим (к. 1, м. 2). П. Г. Павлов в материалах могильника Сабинка II отметил свыше двух десятков подобных погребений, а при подготовке к публикации могильника Тертаба в сводной таблице погребального обряда для них была выделена отдельная графа [Павлов, 1999, табл. 3]. Всего можно насчитать свыше 100 случаев, когда исследователи в отчётах упоминали особое положение погребённого, что очень много, учитывая малочисленность ненарушенных костяков.

Наиболее остро этот вопрос встал по итогам раскопок могильника Арбан I, где зафиксирована целая серия непотревоженных погребений. При публикации части этих материалов И. П. Лазаретов провёл серьёзное исследование данных серии крупных могильников, содержащих в общей сложности около 1000 погребений классического этапа культуры [Лазаретов, 1995, с. 41—45]. В итоге И. П. Лазаретов высказал мнение о существовании для классических карасукских погребений единой погребальной позы — «вытянуто на боку вполоборота», которая придавалась с помощью подушек из органического материала. Существование подобного положения погребённого в могиле

признают и другие исследователи [Вадецкая, 1986, с. 53; Павлов, 1999, с. 18].

Действительно, по всей видимости, большинство карасукских захоронений совершалось в положении, промежуточном между традиционными положениями «на боку» и «на спине». Чаще всего хорошо фиксируется, что костяк опирается на стенку могилы плечевым поясом и тазом, причём это не результат «завала» или разрушения скелета, а явно преднамеренный элемент обряда [Поляков, 2006б, с. 12]. При этом угол наклона варьируется в довольно широких пределах. Существование строго регламентированной позы подтверждает унифицированное положение рук. Нижняя рука (если погребение «на левом боку вполоборота», то левая) вытянута вдоль тела, верхняя — слабо согнута, кисть её располагается на костях таза. Всего для карасукской культуры подобное положение рук зафиксировано 89 раз: Мара, к. 1, м. 2 [Паульс, 2000, рис. 3]; Сухое Озеро II, к. 64; 109; к. 337, м. 4; к. 375; Карасук I, огр. 25, м. 4; к. 31, м. 3; Малые Копёны III, к. 87, м. 4 и др. Можно уверенно утверждать, что размещение тела «на боку вполоборота» и описанное выше положение рук устойчиво связаны. Ноги при этом либо вытянуты, либо слабо согнуты.

Однако в погребальных памятниках классического этапа изредка встречается и более традиционное положение костяка — «на боку». При этом иначе выглядит и положение рук. Они обе либо вытянуты перед телом, либо согнуты в локтях. Последний вариант явно восходит своими корнями к андроновской традиции (поза адорации). Интересно и очень важно отметить, что обычно могилы, где погребённый размещён в положении на боку, отличаются и по сопроводительному инвентарю. Зачастую они содержат весьма своеобразную керамику, орнаментированную валиками и насечками. Эти могилы объединяются в особую группу (глава V).

Переходя к анализу непосредственно материалов могильника Кюргеннер, необходимо ещё раз напомнить, что все могилы были потревожены и размещение костяков может довольно сильно отличаться от первоначальной погребальной позы. В большинстве случаев на месте сохранились только голени или стопы ног (рис. 17, 1, 4; 18, 2, 6, 9; 22, 1, 2, 6). Это объясняется тем, что грабителей интересовала в основном верхняя часть тела (пояс, грудь, голова), где размещались изделия из бронзы. Пока могилы не были засыпаны землёй, наиболее распространённый способ ограбления заключался в пробивании в перекрытии небольшого отверстия, которое всегда делалось на уровне пояса или груди. Его размеры обычно позволяли только просунуть в могилу руку, чтобы извлечь ценные предметы.

Яркий пример подобного способа ограбления представлен в материалах могильника Кюргеннер I, к. 2, м. 1 (рис. 17, 2). «Купол» из плит над насыпью был разбит и разбросан, а в средней части перекрытия пробито отверстие размером 0,50×0,25 м. При высоте ящика 0,7 м грабитель мог спокойно дотянуться только до пояса и груди покойного. На чертеже хорошо заметно, что именно эта часть скелета практически полностью уничтожена. По всей видимости, подав-

ляющее большинство карасукских погребений были ограблены подобным способом, о чем свидетельствуют многочисленные случаи перемещения костей, сохранивших сочленение в связках.

Понимание способа совершения ограбления позволяет лучше осмыслить особенности размещения некоторых костяков. Например, в двух случаях (Кюргеннер I, к. 29, м. 1 и к. 92) кости ног погребённых занимают явно неестественное положение (рис. 20, 4; 29, 5). Таз расположен значительно ближе к верхней части могилы, чем это анатомически возможно. В обоих случаях кости стоп вытянуты, а не перпендикулярны по отношению к голням. Наиболее вероятно, что при ограблении вышеописанным способом костяк с ещё сохранившимися связками пытались подтащить ближе к верхней части могилы. В другом случае (Кюргеннер I, к. 24) была предпринята попытка перевернуть костяк (рис. 19, 7). Это фиксируется по перекрытию левым коленом сосуда, что исключено для карасукской традиции.

К сожалению, только в нескольких случаях первоначальное положение тела фиксируется относительно отчётливо. В некоторых из них прослеживается описанное выше положение тела «на боку вполоборота» с опорой на стенку ящика (рис. 19, 1; 25, 6; 29, 4; 49, 4, 5). Отдельно необходимо остановиться на могиле I кургана 53 могильника Кюргеннер I, так как может возникнуть впечатление, что погребённый был положен в могилу в вытянутом положении на спине (рис. 24, 6). Однако серия косвенных признаков не позволяет с этим согласиться. Череп повернут на левую сторону, рёбра правой части грудной клетки перекрывают позвоночник, кисть правой руки располагается на тазе. Всё это свидетельствует о том, что погребённый тоже был несколько развёрнут на левый бок. А значительное расстояние до стенки могилы компенсировалось подушками из органических материалов, которые не сохранились, в результате чего произошёл «завал» костяка в положение «на спине».

В двух случаях прослежено более редкое для карасукских погребений положение на боку (рис. 28, 6; 29, 1). Причём в обоих случаях костяк положен на правый бок, и сопровождает его нетипичная керамика. При этом руки вытянуты вдоль тела, а ноги согнуты сильнее, чем принято. Поскольку эти могилы расположены в непосредственной близости друг от друга, неслучайность подобных отклонений становится очевидной. С большой долей осторожности к этим двум могилам можно добавить погребение 2 кургана 25 могильника Кюргеннер II (рис. 51, 5). Положение тела в этом случае полностью соответствует предложенному описанию. Однако отсутствие сопроводительного инвентаря не позволяет провести культурную атрибуцию. Погребения на горизонте без специально оформленной цисты для карасукской культуры неизвестны.

Проще решается вопрос об ориентировке погребений. Для карасукской культуры ключевое значение имеет ось юго-запад—северо-восток, с небольшими, вероятно сезонными, отклонениями (Прилож. II, табл. 10). В большинстве случаев погребённые были уложены

головой в северо-восточном направлении (74 %), значительно меньшее их количество ориентированы в юго-западном направлении (26 %). Необходимо отметить, что последние связаны исключительно с южной частью ареала культуры, причём процент погребений с юго-западной ориентировкой при «продвижении» на юг постепенно возрастает и достигает своего пика в самых южных памятниках (Прилож. II, табл. 11).

На этом фоне данные могильников Кюргеннер I и II выглядят вполне закономерно. Явно преобладают погребения, где голова ориентирована в северо-восточный сектор (96,5 %). Только в двух могилах могильника Кюргеннер I (в курганах 57 и 90) размещение костяков фиксирует обратную ориентировку (рис. 24, 11; 29, 3). Ещё в одном случае (Кюргеннер I, к. 82) трапециевидный по форме ящик повернут широкой стороной на запад, что предполагает аналогичную ориентировку погребённого (рис. 28, 2). Таким образом, могильник Кюргеннер по этому признаку может быть сопоставлен с расположенной к северу от него большой группой памятников, для которых ориентировка погребённого головой в юго-западном направлении нехарактерна (Сухое Озеро II, Варча I, Карасук I, Барсучиха I, Малые Копёны III и др.).

Как уже отмечалось, для погребальной традиции классического этапа культуры неизвестны захоронения с положением тела на спине. Все погребённые положены либо «на боку вполоборота», либо на боку. Гораздо более распространено положение на левом боку (суммарно для обоих положений) с размещением сопроводительного инвентаря слева от тела (88,7 %). Однако существует определённое число могил, где погребённый положен на правый бок, а инвентарь, соответственно, находится справа от него (11,3 %). По этому признаку могильник Кюргеннер полностью соответствует общей статистике: на левом боку 93,1 %, на правом — 6,9 % (Прилож. II, табл. 12). Можно отметить, что более редкие погребения на правом боку объединяются в определённую локальную группу, которую ранее связывали с правым берегом реки Енисей. Однако при нанесении на карту хорошо заметно, что их ареал шире. Не реже встречаются они и на левом берегу. Наибольшая концентрация захоронений на правом боку приходится на место впадения реки Абакана в Енисей, и по мере удаления от него число подобных случаев резко снижается. Могильник Кюргеннер находится на самой периферии этой группы.

Сопроводительная пища. Согласно погребальному обряду карасукской культуры, каждому покойному был положен определённый набор сопроводительной пищи, который всегда располагался с одной стороны относительно тела — «перед лицом». Часть пищи находилась в одном или нескольких керамических сосудах, часть была положена в виде кусков мяса. Сосуды с пищей всегда размещались на уровне головы и груди погребённого. Положение сосудов «в ногах» для памятников классического этапа исключено. К сожалению, об их содержимом нет никаких сведений. Несколько раз в них были обнаружены кости животных.

Один из подобных случаев зафиксирован в материалах исследуемого могильника (Кюргеннер I, к. 2,

м. 2). Согласно полевому дневнику Е. В. Лапиной, в одном из сосудов этой могилы были обнаружены «два куска грудины барана». Однако наиболее вероятно, что кости попали в сосуд случайно в процессе ограбления могилы. Это подтверждается тем, что число подобных случаев составляет менее 0,2 % (например Сухое Озеро II, к. 337, м. 3). Наиболее вероятной кажется версия о том, что в глиняной посуде содержались кисломолочные продукты, используемые в качестве питания.

В отличие от предшествующих культур (окуневской и андроновской), в карасукских могилах практически всегда присутствует сопроводительная пища в виде нескольких кусков мяса животного. По всей видимости, они выкладывались на деревянное блюдо, установленное в могиле ближе к ногам относительно сосудов. Чаще всего кости мясной пищи обнаруживаются на уровне пояса, но иногда они могут располагаться и дальше, на уровне колен. В малопотребованных могилах на костях животного или рядом с ними иногда находят столовый прибор: бронзовые нож и шило (Бея, к. 3; Абакан VI, погр. 21; Сухое Озеро II, к. 110 и др.). Наиболее часто в погребение попадает мясо овцы, несколько реже коровы, лошади или козы (Прилож. II, табл. 13). В отдельных, крайне редких, случаях отмечаются кости птиц или диких животных, в частности косули (Малые Копёны III, к. 96, м. 2) [Зяблин, 1977, с. 73]; Сухое Озеро II, к. 621, м. 2; Первомайское, м. 12; Анчил-Чон, к. 1, м. 1 и 9 [Bokovenko, Legrand, 2000, p. 218, 221—222]; Кюргеннер I, к. 1. Исследователи давно обратили внимание, что существуют определённые наборы кусков мяса от одного животного [Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968, с. 180]. Обычно в него входят лопатка, грудина с несколькими рёбрами и два куска от ноги.

Иногда в одну могилу может быть положено мясо нескольких животных, причём чаще всего один полный набор дополняется одним или несколькими кусками. Например, в серии погребений исследуемого могильника (Кюргеннер I, к. 83, 86, 94—96, 98) полный набор мяса овцы дополнен рёбрами коровы. Наличие в могиле двух или более полных наборов встречается нечасто.

Статистика показывает, что могильник Кюргеннер по числу и видовому составу сопроводительной мясной пищи не выходит за рамки статистической погрешности относительно суммарных материалов культуры (Прилож. II, табл. 14). Несколько чаще обычного в одной могиле встречаются кости нескольких особей животных. Вероятно, это связано с более детальной фиксацией материалов могильника. К сожалению, во многих случаях авторы раскопок относятся к этому вопросу поверхностно. В отчёте просто упоминается наличие костей животного, но не указывается количество особей, не уточняется, какие найдены части туши — правая или левая сторона.

Стоит обратить внимание на случаи отсутствия в погребении сопроводительной мясной пищи. В материалах могильника Кюргеннер они составляют 23,7 % от общего числа погребений. Иногда это является

следствием позднего ограбления, когда заполнение ящика прокапывалось и все кости (в том числе и животных) выкидывались из могилы. Но на примере данного могильника удалось выяснить, что отсутствие мяса животного может быть связано и с возрастом погребённого (Прилож. I, табл. 15). Хорошо заметно, что, в отличие от всех остальных возрастных групп, в погребения детей не старше двух лет мясо животных (только овцы) попадает очень редко. На 19 могил приходится только три достоверных случая: Кюргеннер I, к. 11 и Кюргеннер II, к. 12, м. 2; к. 22, м. 2. Ещё дважды были обнаружены отдельные кости овцы, явно не связанные с сопроводительной пищей: Кюргеннер I, к. 7 — астрагал, Кюргеннер I, к. 14 — пяточная кость. Подобную малочисленность невозможно объяснить ограблением могил. Следует сделать вывод, что, согласно карасукскому обряду погребения, мясная пища детям младенческого возраста не полагалась. Причина, скорее всего, в том, что они в силу своего возраста просто не могли её употреблять.

Керамика. Всего в результате исследований могильника Кюргеннер была получена серия из 135 сосудов и их фрагментов, датируемых эпохой поздней бронзы (Кюргеннер I — 114; Кюргеннер II — 21). Большинство из них имеют многочисленные аналогии среди материалов других карасукских могильников. Это позволяет уверенно классифицировать их на основе новой типологии керамики, изложенной в IV главе (Прилож. II, табл. 16). Можно отметить, что представлены практически все типы, за редкими, но вполне объяснимыми исключениями.

В целом керамика имеет традиционные для карасукской культуры признаки. Обычно это сосуды горшковидной формы с хорошо выделенной шейкой. Они изготавливались ленточным способом, начиная от шейки и до дна. Венчик выполнялся отдельной лентой и крепился в последнюю очередь. Такой элемент, как «уступ» у основания шейки, является отчасти технологическим и необходим для фиксации места крепежа этой последней ленты. Форма дна может быть различной. Она придавалась уже после изготовления сосуда, но до обжига. Как показывает исследование, этот признак имеет хронологическое значение. У ранних сосудов исключительно уплощённая форма дна. Для поздней керамики характерна круглая форма дна, однако встречаются и сосуды с плоским дном (VIII тип) и даже с тенденцией к остродонности.

За исключением сосудов VII типа, вся остальная керамика имеет очень схожие технологические признаки. Тесто очень плотное, хорошо отмученное, с присадкой небольшого количества песка и дресвы. Стенки сосудов довольно тонкие и ровные. Их поверхность хорошо заглажена и во многих случаях заложена. Цвет поверхности может быть красным, жёлтым, коричневым или, в редких случаях, чёрным. Керамика отличается очень качественным и равномерным обжигом. Сосуды в результате получаются «звонкими», что всегда отличало карасукскую керамику.

Орнаменты нанесены на сосуды в 102 случаях из 135 (~75 %). Это вполне соответствует представлению

ям о культуре в целом (например, Малые Копёны III ~72,5%). В 79 случаях эти орнаменты могут быть отнесены к геометрическим, а 37 раз они выполнены ямками и насечками (в некоторых случаях на сосуде представлены оба типа орнаментации). Геометрические орнаменты 66 раз нанесены резным способом (83,5%) и 13 — зубчатым штампом (16,5%). Подобное соотношение характерно для северных карасукских могильников (Малые Копёны III, соответственно, 84% и 16%). На юге Минусинской котловины в «арбанской» группе памятников наблюдается обратная пропорция [Савинов, Поляков, 2007, с. 71].

Сосуды I типа наиболее многочисленны и представлены всеми основными возможными вариантами. Подтип I-а с дополнительной геометрической орнаментацией под уступом демонстрирует полный спектр основных орнаментальных композиций (рис. 76; 31, 3, 4, 6, 7; 38, 7, 18; 40, 2, 3, 4, 7, 10; 53, 1, 2, 5, 9, 13 и др.). В целом сосуды I типа могильника Кюргеннер отражают все основные критерии развития типа (уменьшение высоты венчика над уступом, переход от уплощённой формы дна к круглой) и могут служить наглядной иллюстрацией сформулированной типологии.

Гораздо менее представительно выглядит керамика II типа. Среди материалов могильника полностью отсутствуют сосуды наиболее раннего облика, сочетающие ямки и уступ (подтип II-а). С учетом их общей немногочисленности это неудивительно. Сосуды подтипа II-б ввиду малочисленности признаков ничем не отличаются от аналогичной посуды, представленной в составе других могильников (рис. 32, 13; 34, 14; 36, 6 и др.). Можно только отметить, что чаще они имеют уплощённую форму дна. Финальный подтип II-в демонстрирует практически полный спектр основных признаков. Это треугольники из ямок (рис. 31, 16), группировка ямок в наборы (рис. 31, 21; 32, 3 и др.), дополнение их косыми насечками (рис. 35, 13, 21 и др.), изменение формы ямок на треугольную или каплевидную (рис. 31, 15; 35, 14).

Варианты керамики III типа отражают не хронологические особенности, и это хорошо демонстрируют материалы могильников Кюргеннер I и II. Подтип III-1 (с широкими каннелюрами по шейке) представлен только одним фрагментом (рис. 31, 13). Подобная керамика широко распространена в относительно более северных могильниках — Сухое Озеро II, Карасук I, Варча I и др. Подтип III-3 (с линиями на шейке, выполненными зубчатым штампом), представленный в памятниках юга Минусинской котловины, в материалах могильников Кюргеннер I и II отсутствует полностью. Зато более 20 сосудов можно уверенно отнести к подтипу III-2, который чаще всего встречается именно в центральной части ареала культуры. Весь орнамент на этих сосудах выполнен резными линиями (рис. 31, 22, 23; 32, 1, 4; 33, 15, 17, 18; 36, 2, 4, 5, 10, 11, 12 и др.). Причём хорошо заметно, насколько проще мотивы этих орнаментов, чем у керамики подтипа I-а (рис. 76).

Довольно значительной серией отражены сосуды IV типа без орнамента и уступа (рис. 31, 16, 17; 32, 2,

18; 33, 8, 9, 16, 19, 20 и др.). Редкие варианты представлены единичными экземплярами: тип V (рис. 35, 4), тип VI (рис. 33, 23) и тип VIII (рис. 35, 8). Это полностью отражает их малочисленность в составе карасукской культуры.

Отдельно необходимо остановиться на керамике VII типа. В составе могильников Кюргеннер I и II она представлена наиболее крупной и интересной серией (рис. 38, 19, 20, 24; 39, 2, 4, 5, 6, 7, 11, 12 и др.). Рисунки не могут в полной мере отразить весь спектр отличий этой серии от традиционных карасукских образцов. Они отличаются по цвету (серый), плотности теста (рыхлое), отощителю (крупная дресва). Вероятно, в корне отличалась технология их изготовления. Как и андроновская керамика, они делались ленточным способом от дна к венчику. Поверхность их никогда не заглаживалась и не ложились. В результате по внешнему облику и качеству они не идут ни в какое сравнение с карасукскими изделиями.

Кроме того, их отличает в корне иное внешнее оформление. Сосуды типа VII имеют горшковидную форму с вертикально вытянутыми пропорциями. Форма дна уплощённая. Орнаментация ограничивается исключительно ямками по шейке сосуда, дополненными косыми насечками, причём эти насечки всегда располагаются по самому венчику сосуда, а иногда и по верхнему его краю (рис. 39, 2). Часто керамика этого типа оформлена одним-двумя формованными валиками (рис. 38, 19, 20, 24; 39, 4, 5, 11, 12). Всё это позволяет чётко отделять посуду этой группы. Л. П. Зяблин при публикации могильника Малые Копёны III отнёс её к типу IV [Зяблин, 1977, рис. 5, 10—21]. Н. Л. Членова выделяла особый «анашевский» тип керамики [Членова, 1992].

При изучении серии посуды VII типа могильников Кюргеннер I и II было сделано чрезвычайно интересное и важное наблюдение. Венчики сосудов этой группы заметно утолщены и обычно имеют прямой срез. Карасукские сосуды имеют тонкий и несколько приотсранный по краю венчик. Более детальное исследование некоторых фрагментов сосудов позволило заметить, что венчик сосудов VII типа формировался принципиально иным способом. Верхний край ещё не обожжённого сосуда отгибался наружу, за счёт чего и получался утолщённый венчик. При этом валики, насечки и ямки позволяли плотнее зафиксировать отогнутый край. Этот технический элемент особенно ярко подчёркивает «инородность» керамики VII типа на фоне карасукской гончарной традиции.

Кроме того, отдельное внимание необходимо обратить на небольшую серию сосудов, происходящих из близких по расположению и обладающих схожими признаками курганов 29, 31, 32 (рис. 34, 5, 8, 9, 13). По своим основным признакам они вполне соответствуют ранней части I этапа (I-а). При этом у керамики наблюдается набор ярких общих черт, позволяющих несколько отделить эту серию от традиционной керамики. Во-первых, обращает на себя внимание нечастое для карасукской посуды явление — ярко-красный ангоб по поверхности сосудов. Во-вторых, на всех четы-

рех сосудах орнамент нанесён мелкозубчатым штампом, что тоже нехарактерно для памятников этого района. Наконец, в-третьих, уступ выделен едва заметной линией, а высота венчика над ним очень значительная. В сумме указанные признаки позволяют выделить эту группу, но не дают ответа на вопрос о причинах её обособления. Учитывая, что многие элементы можно считать хронологически очень ранними, есть основание связывать эту небольшую группу с процессами формирования карасукской культуры. Точнее определить причины её выделения не представляется возможным.

Завершая обзор керамики, обнаруженной в погребениях могильников Кюргеннер I и II, следует остановиться на серии совершенно уникальных сосудов, не имеющих никаких аналогий в материалах культуры (рис. 36, 22; 37, 1, 2; 38, 11; 53, 5). То, что в погребении кургана 61 могильника Кюргеннер I представлено сразу два подобных сосуда, подчёркивает неслучайность этого явления. Отличают эту посуду в первую очередь нехарактерные для ранних этапов карасукской культуры орнаменты, а также тенденция нанесения их по венчику и шейке сосуда. Для традиционной керамики подобные нарушения неприемлемы. Учитывая существование в составе могильника «инородческой» группы погребений с керамикой VII типа, можно предположить, что появление этих нехарактерных сосудов также связано с какими-то внешними влияниями, корни которых необходимо искать в направлении Западной Сибири.

Инвентарь из погребений. Захоронения карасукской культуры содержат очень мало сопроводительного инвентаря. Это связано с двумя основными факторами — во-первых, с повальным и, по всей видимости, неоднократным ограблением могил, во-вторых, с минимальным количеством сопроводительного инвентаря, помещаемого в могилу согласно обряду. Кроме уже рассмотренной в предыдущем разделе посуды, в погребениях встречаются: детали костюма (пуговицы, обоймочки, пронизки, «гвоздики», бронзовые кольца, ярусные бляшки, бусы), серия женских украшений (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала, серьги и другие) и столовый прибор (нож, шило). Ни оружия, ни орудий труда в могилы не клали. При ограблении из могил извлекались прежде всего крупные литые бронзовые изделия: ножи, зеркала и тому подобные вещи. В результате наиболее распространённые находки в карасукских могилах — это оставшиеся в них после ограбления мелкие малоинформативные изделия из бронзы: фрагменты колец, пронизки, обоймочки и другие вещи, не несущие серьёзной информационной нагрузки. Не стал в этом ряду исключением и могильник Кюргеннер.

Наиболее широко в могилах представлена категория деталей костюма. Это небольшие, чаще всего бронзовые, изделия, которые в одинаковой мере характерны для погребений как мужчин, так и женщин. Вероятно, они мало привлекали грабителей, так как чаще всего изготавливались из тонкого бронзового листа. К тому же их было довольно много, поэтому

хотя бы часть из них сохранялись в погребении даже после ограбления. Все эти вещи были деталями одежды или украшениями, которые находились на теле или одежде погребённого. В связи с тем, что все захоронения могильника сильно потревожены, детально выяснить роль конкретных изделий не удалось. В большинстве случаев они обнаруживались уже в заполненной могиле среди перемещённых костей скелета.

Из бронзовых изделий в материалах могильника наиболее широко представлены свёрнутые из листа пронизки (до 100 штук) (рис. 31, 8, 24; 32, 11, 14, 20; 33, 13; 34, 3, 6, 12 и др.). Точное их количество установить невозможно, так как во многих случаях они явно сломаны и сильно корродированы. Среди них встречаются фрагменты как относительно короткие, так и довольно длинные, вероятно, целые пронизки (от 0,6 до 3,4 см). Диаметр их тоже сильно разнится, но в среднем составляет около 0,4—0,5 см. Эти изделия встречаются в погребениях как женских (10 случаев), так и мужских (7 случаев). Схожая картина наблюдается и для всей культуры в целом. К сожалению, в материалах могильника не зафиксировано ни одного случая их нахождения «in situ». Результаты исследования материалов других памятников позволяют считать их распространённым украшением, которое могло использоваться в ожерельях [Павлов, 1995, с. 52—53]. Единственное изделие этого типа, на которое хотелось бы обратить особое внимание, это рифлёная бронзовая пронизка из кургана 23 могильника Кюргеннер II, также свёрнутая из листа, хотя и более толстого (рис. 53, 21). Можно только отметить, что аналогичных изделий в материалах карасукской культуры больше не известно.

Почти так же часто, хотя и не в таком количестве, в погребениях обнаруживались бронзовые кольца и их фрагменты (рис. 31, 9; 32, 5, 7, 8, 21, 22; 34, 11; 35, 1, 19 и др.). Всего их насчитывается 49, хотя эта цифра тоже весьма условна. В отдельных случаях несколько фрагментов могут относиться не к одному, а к нескольким изделиям. Если обратить внимание на целые формы, то заметно, что разброс их диаметров очень велик — от 1 до 4 см. Кроме того, они могут иметь различное число витков — от соединения концов встык (рис. 35, 1, 19) до 2,5 оборотов (рис. 32, 7). П. Г. Павлов предлагает разделять их на две категории: кольца-серьги небольшого диаметра, которые чаще встречаются в мужских могилах, и височные кольца (большого диаметра, в несколько витков), связанные исключительно с погребениями женщин [Павлов, 1995, с. 52]. В материалах могильников Кюргеннер I и II подобного деления не наблюдается. К сожалению, только в девяти случаях установлен пол погребённого в могиле, где обнаружены бронзовые кольца. Причём семь раз это были погребения мужчин и только дважды — женщин (Кюргеннер I, к. 15, м. 1; Кюргеннер II, к. 22, м. 1). При этом никакой связи с размером колец и количеством витков обнаружить не удалось.

На своём первоначальном месте височные кольца обнаружены дважды. В могиле 1 кургана 15 могильника Кюргеннер I на левой височной кости черепа

найден одно височное кольцо большого диаметра в 2,5 оборота (рис. 32, 7). Ещё один случай зафиксирован в могиле 1 кургана 53 могильника Кюргеннер I, где около височных костей обнаружено по два бронзовых височных кольца разного диаметра (рис. 36, 14, 16). Это полностью согласуется с наблюдениями П. Г. Павлова, который на основании материалов могильника Сабинка II отмечал, что «они (височные кольца) являются парными и встречаются с двух сторон от черепа по два, три, четыре кольца в наборе или связке... Височные кольца увеличиваются в диаметре от верха головы книзу» [Павлов, 1995, с. 52]. При этом напрашиваются интересные параллели с изображениями на стеатитовых головках и костяных пластинках окуневской культуры [Максименков, 1980, табл. XXIV; Лазаретов, 1997, табл. XIV, 8, 9; Ковалёв, 1997, рис. 1]. Изредка аналогичные кольца фиксируются и на изваяниях [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 16, 91, 96, 274]. Причём довольно часто кольца имеют различный диаметр, увеличивающийся книзу.

Ещё одна распространённая деталь одежды — обоймочки (рис. 33, 6; 34, 17; 37, 8, 13; 38, 6, 13, 14; 52, 18; 53, 11). Обнаружено 25 обоймочек в 9 погребениях. Они, так же как и пронизки, сделаны из тонкого бронзового листа, но отличаются от последних либо овальным сечением (рис. 33, 6; 38, 14; 52, 18; 53, 11), либо несомкнутыми краями (рис. 37, 8, 13; 38, 6, 13). Иногда эти два признака встречаются и на одном изделии (рис. 34, 17). Все обоймочки зафиксированы исключительно в погребениях возрастной группы от 14 до 35 лет. Из семи определений пола — 5 мужчин и 2 женщины. На основе материалов могильника Сабинка II П. Г. Павлов считает обоймы основным элементом нагрудных украшений, которые набирались на кожаных ремешках [Павлов, 1995, с. 53]. Действительно, их основные признаки — овальная форма или несомкнутые концы — свидетельствуют, скорее всего, об использовании их для оформления кожаных шнурков. К сожалению, в материалах могильников Кюргеннер I и II нет ни одного случая обнаружения их на первоначальном месте.

Иногда в могилах встречаются изделия из тонкого бронзового листа, которые условно могут быть названы бляшками (рис. 37, 17; 52, 3). Эта категория инвентаря, вероятно, наиболее подвержена разрушительным процессам. Из десяти бронзовых бляшек, отмеченных в отчёте, в фонды Государственного Эрмитажа поступили только две. Подобные изделия, чаще круглой или овальной формы, с двумя отверстиями по краям, изредка встречаются в материалах других памятников. Это почти всегда могильники из южной части ареала культуры: Сабинка II, огр. 54, 75; Тагарский Остров IV, огр. 7, 8, 15, 35, 39, 59; Хара-Хая, м. 5, 11, 19, 33 [Кызласов, 1971, рис. 3, 1, 5; 5, 1, 2; Филиппова, 1980, рис. 7, 10—12, 17—19]; Терт-Аба, к. 2, 22, 47 [Павлов, 1999, табл. 7, 3; 52, 3, 5; 102, 4]; Белый Яр V, огр. 69; Тигир-Тайджен II, м. 8. Чуть севернее, в районе могильника Кюргеннер, известны только две единичные находки: Усть-Тесь, м. 19 и Тепсей XVI,

огр. В, м. 32. Эти нашивные бляшки встречаются в погребениях как женщин, так и мужчин.

Переходя к деталям костюма, изготовленным способом литья, следует начать с бронзовых пуговиц (рис. 33, 11, 22; 34, 10; 35, 15; 36, 17; 40, 6; 52, 17; 53, 12, 16). Обычно их делят на две категории: пуговицы с петелькой и пуговицы с перемычкой. Этот признак является хронологическим индикатором. Для классического этапа карасукской культуры характерны пуговицы с петелькой (см., например: [Павлов, 1999, табл. 64, 2; Зяблин, 1977, рис. 20, 21, 23]). Позднее, с момента появления памятников каменнолоожского этапа, их количество заметно сокращается, а на смену им приходят пуговицы с перемычкой (см., например: [Савинов, Поляков, 2007, рис. 12, 2; Вадецкая, 1986, табл. V-Б, 12]). Все литые бронзовые пуговицы с петелькой, обнаруженные при раскопках могильника Кюргеннер (12 экземпляров), относятся к первой категории. Они имеют круглую или овальную форму. Диаметр их колеблется в пределах 1,0—2,5 см. При этом следует отметить, что размер петельки не зависит от размера пуговицы, и у некоторых образцов минимального диаметра петелька идет от края до края, практически как перемычка (рис. 33, 11; 34, 10; 40, 6; 52, 12). В таком случае главное отличие, позволяющее разделять две группы, — это профиль. Петельки имеют в поперечном разрезе круглый или овальный профиль, а перемычки сделаны из пластины.

Так называемые ярусные бляшки обнаружены в 7 погребениях могильников Кюргеннер I и II и представлены 11 экземплярами (рис. 32, 10; 37, 12, 28; 38, 12, 17; 52, 22). Обращает на себя внимание тот факт, что изготовлены они различными способами: часть — литьём (рис. 37, 12), а часть — штамповкой из тонкого листа (рис. 52, 22). Они представлены 2- и 3-сегментными вариантами. При этом можно отметить, что в материалах всей карасукской культуры наиболее распространены литые ярусные бляшки, которые могут иметь два, три или четыре сегмента (но не более). Экземпляры, изготовленные из тонкого листа, встречаются заметно реже и практически всегда имеют только два сегмента. При этом зачастую они отличаются более крупными размерами, чем литые. В шести случаях был установлен пол погребённого: трое мужчин и три женщины.

Подобные изделия весьма характерны для карасукских могильников (свыше 100 случаев обнаружения), но встречаются преимущественно в памятниках южной части ареала культуры: Тагарский Остров IV; Сабинка II; Хара-Хая [Кызласов, 1971, рис. 5, 6, 8; 6, 4]; Белый Яр V; Белоярск II; Быстрая; Терт-Аба [Павлов, 1999, табл. 27, 4; 53, 2; 59, 1 и др.] и прочие. Иногда в одном погребении может быть обнаружено до 20 экземпляров (Окунев Улус I, м. 16). Могильник Кюргеннер находится как раз на границе этой зоны. Севернее в материалах карасукских памятников изделия этого типа встречаются только как исключение. За пределами карасукской культуры наиболее широко ярусные бляшки представлены в материалах Второго Еловского могильника [Матющенко, 2004, рис. 93, 8;

94, 13—15; 95, 9—10; 219, 14; 2566, 3, 4, 6, 7 и др.]. Следует отметить, что все экземпляры ярусных бляшек этого памятника 2-сегментные и изготовлены штамповкой из листа. Этот чрезвычайно важный факт в дальнейшем займёт свое место при сопоставлении материалов двух культур.

Другое характерное изделие, широко распространённое в материалах карасукской культуры, — «гвоздики». Это своеобразные заклёпки с круглой шляпкой и небольшим шпеньком. В материалах могильников Кюргеннер I и II они обнаружены в 8 могилах — всего 11 экземпляров (рис. 32, 12; 34, 7; 35, 12; 37, 7, 23; 52, 17; 53, 19). Диаметр шляпки 0,8—1,2 см. Длина шпенька варьируется в широких пределах (0,2—1,2 см), но наиболее характерна длина 1 см. Он может быть как тупым, так и заострённым. По всей видимости, подобные «гвоздики» шпеньком утапливались в кожаные детали одежды, а шляпка оставлялась в качестве украшения. К сожалению, для могильников Кюргеннер I и II только в трёх случаях установлен пол погребённого: дважды женский и один раз мужской. Если же анализировать данные по культуре в целом, то заметно чаще (~75 % случаев) «гвоздики» встречаются в погребениях женщин. На первоначальном месте они обнаружены дважды — в районе голеней, вероятно, они служили украшением обуви (Сабинка II, огр. 72; Подкунинские Горы, огр. 22).

Единственной распространённой деталью костюма, которая изготавливалась не из бронзы, были различные бусы (рис. 31, 19; 32, 6; 35, 7, 20; 36, 9; 37, 6; 52, 6). Все они имеют цилиндрическую форму с круглым отверстием в центре. В большинстве случаев материалом служил аргиллит, но в одном случае зафиксирована бирюза (рис. 35, 20), а ещё в одном — перламутр (рис. 52, 6). Всего в 8 могилах обнаружено 75 подобных изделий, причём из одного погребения очень значительные серии происходят дважды: Кюргеннер I, к. 15, м. 1 — 34 экземпляра, Кюргеннер I, к. 64 — 25 экземпляров. Назначение бус не вызывает сомнения. Они использовались в различных ожерельях, вероятно, наряду с бронзовыми пронизками и другими элементами украшений. В рамках могильников Кюргеннер I и II пол погребённого был установлен дважды. В обоих случаях в могиле погребена женщина (Кюргеннер I, к. 8 и к. 15, м. 1). Для материалов культуры наблюдается аналогичная картина. Примерно в 50 случаях бусы были обнаружены в могилах женщин. Однако известно несколько погребений (Окунев Улус, м. 13; Карасук I, к. 22, м. 1), для которых пол погребённого установлен как мужской. Учитывая весь набор сопроводительного инвентаря, в который кроме бус входят и другие женские украшения (биконический перстень), наиболее вероятной кажется ошибка в антропологическом определении.

Особого внимания заслуживает бусина из могилы 3 кургана 47 Кюргеннер I (рис. 35, 20). Она изготовлена из бирюзы, а для карасукской культуры это явление уникальное. В отличие от более поздних тагарских погребений, изделия из полудрагоценных и поделочных камней в карасукских могилах встречаются

в исключительных случаях. Единственный аналогичный пример — могила 13 могильника Окунев Улус I, где обнаружены бусы из яшмы и сердолика. Кроме того, уникальность находки из могильника Кюргеннер заключается в том, что эта бусина в момент обнаружения была надета на небольшое бронзовое колечко (рис. 35, 19). То есть она использовалась не в составе ожерелья, а в ином качестве, возможно как серьга.

Крупные литые бляшки с петелькой обнаружены в двух погребениях могильника Кюргеннер I: к. 25, м. 3 (рис. 33, 21) и к. 97 (рис. 40, 8). В отчёте М. П. Грязнова они названы зеркалами, однако их небольшой диаметр (около 4 см) не позволяет с полной уверенностью относить их к этой категории. В материалах карасукской культуры зеркала не очень распространены, но известные экземпляры имеют почти вдвое больший диаметр — от 7 до 10 см. С другой стороны, 4 см слишком много, чтобы считать эти изделия пуговицами. Правильнее всего называть их литыми бляшками с петелькой на обороте. Щиток в одном случае плоский (к. 25, м. 3), в другом имеет небольшой изгиб (к. 97).

Вторая большая категория изделий — женские украшения — в материалах могильника практически не представлена. В могиле 2 кургана 22 могильника Кюргеннер II была сделана только одна находка — набор из пяти лапчатых привесок (рис. 53, 18). В данном конкретном случае пол погребённого определить не удалось, но, согласно статистическим исследованиям, лапчатые привески встречаются исключительно в могилах женщин [Поляков, 2006а, с. 83—87]. Все пять экземпляров очень сильно корродированы и повреждены, и их типологическая привязка может быть дана только с большой долей осторожности. С наибольшей вероятностью их можно отнести к самому распространённому I типу изделий [Поляков, 2006а, с. 90—94].

Анализ локализации лапчатых привесок в карасукских погребальных памятниках демонстрирует уже знакомую картину, которая наблюдалась для нашивных бляшек, «гвоздиков» и ярусных бляшек. В южной части ареала культуры они встречаются очень широко, а в северных памятниках — только в исключительных случаях. Могильник Кюргеннер занимает промежуточное положение, что и предопределило столь малое число лапчатых привесок. Нужно заметить, что к этой категории изделий (женским украшениям) относятся биконические перстни и бронзовые зеркала (диаметром более 5 см), которые имеют точно такую же локализацию. Их полное отсутствие в материалах могильника как раз и иллюстрирует ограниченный ареал распространения большой группы бронзовых изделий. Позднее, на каменнолоужском этапе развития культуры, диспропорция устраняется, и большинство бронзовых изделий встречаются с одинаковой частотой по всему ареалу известных памятников.

Ножи в карасукских погребениях обнаруживают крайне редко. Видимо, именно они особенно интересовали грабителей как массивные бронзовые изделия. Существует два варианта их размещения в могиле. Значительно более распространённый вариант предполагает помещение ножа, зачастую в комплекте с ши-

лом, вместе с сопроводительной мясной пищей. В этом случае их обнаруживают либо на костях животного, либо рядом с ними. Условно этот набор можно считать «столовым прибором». Гораздо более редкий вариант предполагает помещение ножа «на поясе». В таком случае нож находят на правом крыле таза или рядом с ним.

В материалах могильников Кюргеннер I и II насчитывается пять ножей. Дважды они представлены небольшими кончиками лезвий, которые, вероятно, вставлялись в деревянную рукоятку (Кюргеннер I, к. 24, рис. 33, 12; Кюргеннер II, к. 25, м. 5, рис. 53, 24). Их лезвие имеет простое треугольное сечение, а по верхнему краю заметен явный слом. То есть они не были изготовлены в таком виде, а появились вследствие поломки более крупного изделия. Такой утилитарный подход был очень распространён, и подобные фрагменты лезвий встречаются в карасукских могилах относительно часто, так как они мало интересовали грабителей ввиду ничтожного объёма бронзы.

Один из этих обломков был обнаружен в заполнении могилы (Кюргеннер II, к. 25, м. 5), зато другой был найден внутри сосуда (Кюргеннер I, к. 24). Для классического этапа культуры это случай уникальный, так как подобная традиция известна только для ограниченного круга памятников каменнолоожского этапа (Лугавское III, к. 4; к. 7, м. 1; к. 8, м. 1; Кутень-Бурук, огр. 13; Белое Озеро, к. 5, м. 2). Конкретно в данном случае есть некоторые обстоятельства, отчасти объясняющие причины попадания этого кончика лезвия в сосуд. Следует отметить, что в данном случае нарушена и традиция размещения сосудов в могиле. Тот самый третий сосуд, в котором обнаружен нож, расположен не в изголовье, а на уровне колен погребенного рядом с сопроводительной пищей (рис. 19, 7). Таким образом, нож, как и следует, расположен всё же рядом с мясной сопроводительной пищей. Возможно, он лежал на деревянной крышке сосуда и затем упал внутрь. Нельзя исключать и вариант, что он был перемещён при ограблении могилы.

Третий нож из материалов могильника Кюргеннер представляет собой бронзовое лезвие, которое тоже, вероятно, вставлялось в деревянную рукоятку (Кюргеннер I, к. 90 — рис. 39, 9). Но, в отличие от двух предыдущих, оно имеет заметно больший размер и на нём отсутствуют следы повреждений. То есть это лезвие было отлито именно в том виде, в каком и было обнаружено. Ещё в процессе изготовления предполагалось использование его с рукояткой из другого материала, вероятно дерева. К сожалению, лезвие очень сильно корродировано, и выявить какие-либо дополнительные признаки не удаётся. В результате воздействия окружающей среды оно сильно «разбухло» и стало примерно в два раза толще, чем было при изготовлении. Это надо учитывать при анализе рисунка, особенно рисунка его разреза. Примеры того, как подобные лезвия могли крепиться к деревянной или костяной рукоятке, представлены в работе Н. Л. Членовой [Членова, 1972, табл. 8].

Ещё один, четвёртый, нож из кургана 86 могильника Кюргеннер I относится к разряду «полновесных»

(рис. 39, 3), то есть он целиком, вместе с ручкой, отлит из бронзы. К сожалению, он так же сильно корродирован, как и предыдущий образец. Это значительно затрудняет его типологический анализ. Можно только отметить, что навершие сделано в виде кольца, а рукоятка имеет двутавровое сечение. Аналогичные изделия массово встречаются в карасукских погребениях [Членова, 1972, табл. 6; Зяблин, 1977, рис. 9, 1, 2; Паульс, 2000, рис. 6, 1 и др.]. Причём все они составляют типологически очень монолитную группу с крайне небольшим числом варьирующихся признаков. Судя по местоположению этого ножа, он находился в значительно более редком положении «на поясе», хотя при ограблении и был несколько смещён (рис. 28, 6). Можно отметить, что у этого ножа, так же как и у предыдущего, обломан кончик лезвия. Именно из таких обломков, видимо, изготавливались ножи, представленные в кургане 24 могильника Кюргеннер I и в могиле 5 кургана 25 могильника Кюргеннер II.

Последний, пятый, нож представляет наибольший интерес для исследователей (Кюргеннер I, к. 28, м. 1 — рис. 34, 1). Его уникальность заключается в том, что он был обнаружен в комплекте с бронзовой накладкой от ножен (рис. 34, 2). Прежде чем начать описание этой находки, следует выразить некоторые сомнения в связи её с той могилой, откуда она происходит. Каменный ящик размером 120×65(50) см содержал, согласно тексту отчёта и полевым дневникам, полный скелет трёхлетнего ребёнка, практически целиком находящийся в заполнении могилы (рис. 20, 3). Однако «полновесные» ножи в карасукских могилах фиксируются только в погребениях взрослых. Единичные случаи обнаружения ножей в детских могилах всегда связаны исключительно с небольшими кончиками лезвий, аналогичными описанным выше. Например, Арбан I, к. 64 и 70 [Савинов, Поляков, 2007, рис. 12, 12; 9, 40]. Кроме того, при ограблении вся могила была перевернута так, что ни одна из костей не сохранила своего первоначального положения. Не заметить при этом столь массивный бронзовый предмет довольно сложно. Эти наблюдения заставляют не считать данную находку связанной с этой могилой, тем более что, кроме пронизок, никаких других артефактов в ней найдено не было. Вероятнее всего, попадание этого ножа в детскую могилу связано с действиями грабителей, которые, видимо, перебросили его (или, скорее, специально переложили, спрятали) из другого погребения. Однако это не умаляет значения самой находки, так как сомнений в связи её именно с этим могильником нет.

Нож из кургана 28 относится к большой группе изделий, которые Н. Л. Членова объединила в 9-ю группу [Членова, 1972, с. 27—28, табл. 4, 19—22; 5, 1—13]. Их отличает грибовидное навершие со шляпкой круглой формы, наличие шипа и плоский профиль ручки ножа. К этому описанию можно ещё добавить наличие под навершием петельки. Аналогичные изделия были найдены в серии других погребений классического этапа: Окунев Улус (1928 г.), м. 2 [Членова, 1972, табл. 5, 12]; Каменка II, огр. 9, м. 2, погр. 1 [Хлобыстина, 1970,

рис. 3, 3]; Белый Яр V, м. 2 и 68; Хара-Хая, погр. 33 [Филиппова, 1980, рис. 9, 1] и, вероятно, Терг-Аба, огр. 23-а, м. 1 [Павлов, 1999, табл. 55, 1]. Среди этой большой группы нож из могильника Кюргеннер I выделяется полным отсутствием орнаментов. Стоит также обратить внимание на слабо выраженное двутавровое сечение его ручки. Аналогичный признак прослеживается для ножей из могильников Белый Яр V (м. 2 и 68) и Каменка II.

Ещё больший интерес представляет бронзовая накладка на ножны (рис. 34, 2). К сожалению, неверное изображение на рисунке в монографии Н. Л. Членовой привело к тому, что это изделие считали полноценными ножнами и именно так называли [Членова, 1972, табл. 4, 20]. На самом деле ножны были, по всей видимости, из кожи, а накладка лишь дополняла и оформляла их. Крепилась накладка с помощью пяти небольших петелек на обратной стороне. С наружной стороны можно выделить три элемента оформления. Во-первых, в нижней части накладки два шипа, назначение которых не совсем ясно. Во-вторых, трапециевидное расширение в нижней части ножен. Можно обратить внимание, что аналогичные трапециевидные расширения очень характерны для ножен, изображённых на «оленных камнях» с территории Монголии [Новгородова, 1989, с. 186]. И наконец третий элемент — оформление верхней кромки рамки в виде сдвоенной бляшки, две половинки которой соединены рельефной полоской. Подобные изделия изредка встречаются в памятниках каменнолоожского этапа (например, Белое Озеро II, к. 24). Более того, в курганах 1 и 2 могильника Бейская Шахта зафиксированы случаи, когда аналогичная бляшка лежала *in situ* поперёк ножа в районе гарды [Новгородова, 1989, с. 160, рис. 1]. По всей видимости, это был единственный элемент из бронзы, а сами ножны были целиком кожаные. Они аналогичны тем, что были найдены в могильнике Подкунинские Горы (раскопки К. Г. Котожекова, 1997 г.) тоже в комплексе с бляшкой, хотя и несколько иной формы [Котожеков, 2000, abb. 6, 2—3].

Известны два аналогичных изделия. К сожалению, они происходят из случайных находок и не связаны с конкретными погребениями. Одна накладка обнаружена при проведении сборов в районе села Краснополюе Алтайского района Республики Хакасия [Буров, 1987, с. 76—78]. Другая была найдена Н. В. Леонтьевым в схожей ситуации в устье реки Биря рядом с могильником Лебяжье. По ключевым признакам (рамочная конструкция, трапециевидное расширение в нижней части, петельки на обратной стороне, верхний край в виде сдвоенной бляшки) все три изделия абсолютно идентичны. Их отличают только второстепенные детали: наличие орнамента в виде треугольников, разное число и различное размещение петелек, дополнительная поперечная перемычка у накладки из Краснополюе и другие.

Кроме вышеперечисленных изделий, представленных в материалах культуры в массовом количестве, можно отдельно остановиться на некоторых редких предметах. В частности, к числу практически уни-

кальных изделий относится каменный брусок с отверстиями на концах (рис. 31, 5), сделанный из светлого довольно мягкого песчаника. Условно можно выделить нижнюю грань — относительно плоскую, без каких-либо следов, и верхнюю — со сглаженными углами и глубокими продольными царапинами. Химический анализ, проведённый С. В. Хавриным, показал наличие в этих царапинах следов бронзы. В этой связи наиболее вероятным кажется использование этого артефакта в качестве точильного камня (оселка).

Аналогичные изделия в материалах карасукской культуры были обнаружены дважды: В. П. Левашёвой при раскопках в 1933 г. погребения 1 могилы 2 могильника Быстрая III [Членова, 1972, табл. 17, 30] и Г. А. Максименковым при исследовании памятника Варча I (к. 17, м. 2). Причём в последнем случае на отверстиях *in situ* были зафиксированы литые бронзовые пуговицы с петелькой. За пределами ареала культуры известно несколько очень схожих находок, относящихся к этому хронологическому горизонту. Например, полностью аналогичное изделие было обнаружено в могиле 5 кургана 13 Первого Еловского могильника [Матющенко, 2001, рис. 9, 5]. Ещё один обломок идентичного бруска с отверстием на сохранившемся конце найден при раскопках Второго Еловского могильника в могиле 306 [Матющенко, 2004, рис. 359, 6]. В. И. Матющенко отнёс данное погребение к еловской культуре и рассматривал это изделие как оселок [Матющенко, 2004, с. 315].

Интересная находка обломка рогового гребня сделана в кургане 6 могильника Кюргеннер I (рис. 31, 14). Поскольку все остальные предметы, обнаруженные в этой могиле, относятся к впускному погребению тагарской культуры (рис. 55, 1, 2), хронологическая принадлежность этого изделия является спорной. Костяные и роговые гребни известны в материалах как классического этапа карасукской культуры — 13 экземпляров [Поляков, 2005, с. 102—111], так и подгорновского этапа тагарской культуры — свыше 50 экземпляров (см., например: [Максименков, 2003, табл. 26, 3, 6, 10; 37, 18; 54, 5]). Однако при их сопоставлении заметны довольно серьёзные различия. По сумме признаков гребень из кургана 6 могильника Кюргеннер I гораздо ближе к первой группе, именно поэтому он был отнесён к карасукской культуре. Характерные три выступа на верхней грани щитка отмечены на 7 из 13 известных экземпляров. Ещё дважды на гребнях присутствовал циркулярный орнамент в виде «глазков», причём оба раза и на самих выступах. Можно также обратить внимание на оформление боковых граней щитка насечками. Близкий по своей сути волнистый край щитка свойственен большинству карасукских гребней. Более того, аналогичное оформление боковых граней «волнами» или насечками является характерным признаком другого женского украшения — лапчатых привесок [Поляков, 2006а, рис. 1—3]. Это позволяет говорить о единых стилистических особенностях в оформлении группы женских украшений.

Другой роговой гребень был найден в могиле 1 кургана 15 могильника Кюргеннер I (рис. 32, 9). Его

культурная атрибуция сомнений не вызывает. В этом погребении представлены материалы, относящиеся исключительно к карасукской культуре. В противовес описанному выше гребню из кургана 6, он имеет максимально упрощённую форму щитка и на нём отсутствуют какие-либо орнаменты. Единственная отличительная черта — два отверстия по краю щитка. Это очень распространённый элемент, отмеченный на 9 из 13 гребней. В целом можно отметить, что два представленных в материалах могильника гребня отражают существование двух заметных групп изделий, отличающихся степенью развития элементов оформления.

Изредка в карасукских могилах встречаются миниатюрные ножички из бронзы, представленные в материалах могильника двумя экземплярами (Кюргеннер I, к. 42 и к. 63, м. 1 — рис. 35, 6; 37, 4). Число подобных изделий невелико, но находят их регулярно (см., например: [Зяблин, 1977, рис. 13, 6; Членова, 1972, табл. 17, 54; 18, 3] и др.). Миниатюрный размер (обычно 6—7 см) и узкое лезвие не позволяют рассматривать их в одном ряду с полновесными ножами или даже с обломками лезвий. Это явно самостоятельная категория вещей, назначение которых не совсем понятно. В материалах могильника представлены два основных варианта: более редкий — тонкое узкое лезвие без выраженного черешка и сравнительно более часто встречающийся — квадратный в сечении стержень, у которого кончик раскован в лезвие. На основании некоторых признаков можно даже предположить, что подобные изделия изготавливались из бронзового шила путём расковки, на что указывают стандартная длина изделий и квадратное сечение шпёнчика.

Бронзовая имитация астрагала косули, найденная при исследовании могильника, является уникальной в своём роде (Кюргеннер I, к. 43 — рис. 35, 10). К сожалению, нельзя с полной уверенностью относить эту находку к карасукской культуре. В отчёте указано, что артефакт был обнаружен «в восточном углу ограды в почвенном слое». Кроме того, при проведении химического анализа С. В. Хавриным было установлено, что его состав отличается от состава бронзовых изделий, обнаруженных в ближайших курганах. Всё это заставляет с большой осторожностью относиться к этой уникальной находке. По заключению Н. М. Ермоловой, это механическая копия астрагала взрослой косули, сточенного с одной стороны. М. П. Грязнов совершенно справедливо трактует этот предмет, как «игральную кость». Однако всё это не позволяет точно и с полной уверенностью относить его к какому-либо хронологическому горизонту.

Значительно больший интерес вызывает находка в кургане 83 могильника Кюргеннер I пуговицы (или бляшки) с заострённым и согнутым в петлю шпёнчиком (рис. 38, 23). Аналогов в материалах других карасукских памятников в настоящее время нет. Зато серия очень схожих изделий была обнаружена при раскопках Второго Еловского могильника [Матющенко,

2004, рис. 353, 4; 374, 5; 377, 4—6]. Все эти бляшки были отлиты с заострённым шпёнчиком, и только затем из него была согнута петля. Причины такого технологического приёма неясны. Зато он вновь позволяет установить определённую взаимосвязь между этими двумя памятниками.

Среди других уникальных предметов, обнаруженных при исследовании могильника, можно упомянуть костяное лоцило (рис. 32, 23) и роговую рифлёную застёжку (рис. 34, 16). Оба эти предмета не имеют аналогов в материалах других погребальных памятников карасукской культуры.

Итак, проанализировав по отдельности все основные элементы погребального обряда, можно сделать определённые выводы. Могильники Кюргеннер I и II не однородны по своей структуре. В частности, в составе могильника Кюргеннер I можно выделить несколько групп погребений, имеющих, по всей видимости, различную природу происхождения (рис. 58). Две из них являются следствием развития погребального обряда с течением времени. Подробнее их описание и обоснование выделения будет изложено в следующей главе, целиком посвящённой относительной хронологии могильника. Ещё одна группа погребений характеризуется целым спектром признаков, не связанных с карасукской традицией, и на этом основании может трактоваться как «инородная». Подробное рассмотрение этой группы, а также аналогичных групп и отдельных погребений в составе других карасукских могильников будет изложено в отдельной главе.

Обращает на себя внимание, что зачастую аналогии редким изделиям, найденным в погребениях могильника Кюргеннер, находятся в материалах Еловского археологического комплекса, а некоторые артефакты можно считать относящимися к еловской культуре (например бляшку с петелькой, согнутой из заострённого шпёнчика, см. рис. 38, 23). То же касается и небольшой серии керамической посуды (V тип). Всё это позволяет поставить вопрос о существовании определённых параллелей, изучение которых требует гораздо более углублённого исследования.

Резюмируя написанное выше, можно сказать, что по наиболее консервативным элементам погребального обряда, таким как взаимное расположение курганов, конструкции оград и могил, размещение тел и сопроводительного инвентаря, могильник Кюргеннер ничем не отличается от большого числа памятников карасукской культуры. Зато среди обнаруженных в погребениях артефактов есть некоторое количество предметов, относящихся к разряду редких или уникальных. Например, некоторые керамические сосуды являются единичными и не могут отражать карасукскую традицию изготовления и орнаментации посуды. Этот фактор необходимо учитывать при использовании материалов могильника в качестве примера, характеризующего карасукский памятник.

А. В. Поляков

Глава III

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА

Изучение относительной хронологии эпохи поздней бронзы Среднего Енисея имеет очень продолжительную и сложную историю, которая неоднократно излагалась в научной литературе ([Новгородова, 1970, с. 10—32; Членова, 1972, с. 5—12; Максименков, 1975, с. 48—49; Вадецкая, 1986, с. 51—53; Савинов, Поляков, 2007, с. 62—63] и др.). Основные дискуссии разворачивались вокруг вопроса о хронологическом соотношении двух групп памятников. М. П. Грязнов рассматривал их как этапы карасукской культуры — карасукский (или классический) и каменоложский [Максименков, 1964, с. 22—23; Грязнов, 1965, с. 66—68; Зиеп Динь Хоа, 1966; Пяткин, 1967, с. 57—59; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968, с. 180—186; Максименков, 1969]. Позиция другой группы исследователей (Н. Л. Членова, Э. А. Новгородова, М. Д. Хлобыстина) предполагала синхронное развитие карасукских памятников и группы атипичных погребений [Членова, 1964; 1972; Новгородова, 1970; Хлобыстина, 1962, 1970а].

На сегодня эта проблема во многом потеряла свою актуальность. Появились полевые наблюдения, подтверждающие правоту М. П. Грязнова. Можно отметить стратиграфические данные поселения Торгажак и планиграфические особенности могильника Арбан I [Савинов, 1996; Савинов, Поляков, 2007]. В последние годы именно схема М. П. Грязнова наиболее часто используется археологами в их работах ([Вадецкая, 1986; Khavrin, 1992; Боковенко, Сорокин, 1995; Савинов, 1996; Хаврин, 1999; Паульс, 2000; Лазаретов, 1995; 2001; 2006] и др.). В результате «центр тяжести» исследований опустился на уровень ниже. Остро встал вопрос о необходимости изучения внутренней хронологии каждой из двух групп памятников (классического и каменоложского этапов).

Первые шаги в этом направлении были предприняты Г. А. Максименковым, который при анализе материалов могильника Сухое Озеро II (классический этап) выделил в его составе пять групп погребений и предполагал их последовательное существование¹. В

дальнейшем на значительно более широком материале эти исследования были продолжены А. В. Поляковым и И. П. Лазаретовым. Проводилось независимое изучение двух групп памятников. А. В. Поляков занимался анализом относительной хронологии погребений классического этапа, И. П. Лазаретов — каменоложского, памятники которого он в своих работах, вслед за Н. Л. Членовой и В. В. Бобровым, чаще относил к лугавской культуре.

В результате были получены принципиально новые данные. В составе классического этапа удалось выделить три самостоятельных хронологических горизонта (I-а, I-б и II). Они демонстрируют постепенный переход от самых ранних погребений, близких по многим элементам к андроновской традиции, к захоронениям, уже мало отличающимся от более поздних каменоложских памятников [Поляков, 2002; 2006а]. Аналогичная работа была проделана И. П. Лазаретовым. Для памятников каменоложского этапа тоже были выделены три хронологических горизонта (III-а, III-б, III-в), самый ранний из которых отражает множественные связи с предшествующим классическим этапом [Лазаретов, 2006]. Кроме того, часть памятников, традиционно относившихся к баиновскому этапу тагарской культуры, И. П. Лазаретов предлагает связать с финалом эпохи поздней бронзы [Лазаретов, 2007]. Они по своей структуре тоже неоднородны и могут быть разделены на раннюю и позднюю группы (IV-а и IV-б).

Таким образом, самостоятельное исследование относительной хронологии двух групп памятников убедительно подтвердило правомерность схемы М. П. Грязнова. Наиболее поздние погребения классического этапа оказались максимально близки по своим признакам к самым ранним захоронениям каменоложского времени. Последовательность существования этих двух групп погребений не вызывает сомнения. Новая относительная хронология во многом лишь уточняет и развивает уже существующую концепцию М. П. Грязнова, и они могут быть непосредственно сопоставлены:

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Э. Б. Вадецкой, сохранившей и предоставившей для изучения рукопись Г. А. Максименкова «Карасукский могильник Сухое

Озеро II». Ведётся работа по подготовке этого исследования к изданию.

М. П. Грязнов	А. В. Поляков и И. П. Лазаретов
классический, или карасукский, этап	I-а и I-б этапы II этап
каменоложский этап	III-а, III-б и III-в этапы
часть памятников баиновского этапа тагарской культуры	IV-а, IV-б этапы

Пока авторы воздержались от присвоения названий вновь выделенным хронологическим этапам и используют индексы, состоящие из латинских цифр и кириллических буквенных обозначений. Это связано с попыткой разделить два уровня исследования памятников. Первый из них заключается в том, чтобы сформулировать и описать относительную хронологию конкретных погребений. На этой стадии система индексов наиболее оптимальна. Далее должен идти следующий этап работ — интерпретация полученных результатов. Именно в этот момент «сухая» хронологическая шкала подразделяется на культуры, группы памятников и другие производные. В настоящее время предложенная дробная хронология находится в стадии исследования вновь полученных результатов, и спешить с увеличением числа культур, этапов и групп нет оснований. Терминологический аппарат исследователей эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и так перегружен многочисленными названиями, что приводит к обилию «дискуссий о терминах», когда под различными наименованиями подразумеваются одни и те же памятники.

Могильники Кюргеннер I и II, согласно периодизации М. П. Грязнова, относятся к классическому этапу карасукской культуры. В его составе нет материалов, которые можно было бы связать с более поздними древностями каменоложского этапа. В связи с этим в рамках данной главы будут представлены основные положения только части новой схемы, изложенной в работах автора [Поляков, 2002; 2006а]. На примере могильника Кюргеннер будут рассмотрены ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея (I-а, I-б и II).

Изучаемый памятник нельзя считать в полной мере эталонным. Это связано с тем, что не во всех случаях отличия погребального обряда объясняются хронологическими причинами. В составе могильника присутствует обособленная группа курганов, связанных с «инокультурной» традицией. Кроме того, часть материалов могильника (особенно керамика) носит уникальный характер и не может быть непосредственно сопоставлена с данными других памятников. Чтобы отчасти компенсировать связанные с этим проблемы, будут привлечены дополнительно материалы полностью опубликованного могильника Малые Копёны III [Зяблин, 1977].

Вначале необходимо вкратце представить основные положения проведённого исследования. Карасукская культура относится к разряду «курганных». Число известных сегодня поселений минимально [Вадецкая, 1986, с. 59—60; Савинов, 1996]. Все они однослойные. Таким образом, при изучении относительной

хронологии можно опираться только на погребальные комплексы и тот материал, который они содержат. Конструкции курганов и погребальный обряд культуры довольно консервативны и изменяются во времени очень плавно. Удаётся уловить только общие тенденции. Бронзовый инвентарь весьма ограничен как в силу естественной немногочисленности его в погребениях, так и в результате практически повсеместного ограбления карасукских могил. Таким образом, только керамика, представленная серией из примерно 1600 сосудов, позволяет обоснованно подойти к вопросу разделения карасукских памятников на хронологические или иные группы. Исключительную роль керамики для карасукской культуры отмечали многие исследователи, начиная с С. А. Теплоухова [Теплоухов, 1927, с. 106].

В основу исследования было положено изучение методом горизонтальной стратиграфии распределения элементов керамики из погребений на планах всех раскопанных крупных и средних по числу курганов могильников. Учтены данные 12 наиболее значительных памятников, объединяющих свыше 1600 могил (Сухое Озеро II — 550 могил, Малые Копёны III — 283 могилы, Карасук I — 130 могил, Кюргеннер I и II — 183 могилы и др.). Взаимное дополнение информации из разных комплексов позволило выявить систему в размещении элементов керамики на планах могильников и увязать их в единые типы.

Анализ горизонтальной стратиграфии показал, что керамика с разными признаками фиксируется в различных частях кладбищ. В качестве примера можно привести распределение на планах могильников Кюргеннер I и Малые Копёны III ключевых признаков керамики — оформления шейки сосуда и формы дна (рис. 56). Хорошо заметно, что в обоих случаях погребения, содержащие сосуды с уступом, занимают центральное положение. Могилы, в которых обнаружена керамика, орнаментированная желобками или линиями по шейке, располагаются по периферии могильного поля. Не менее отчётливо эта схема наблюдается при изучении формы дна сосудов. Керамика с уплощённым дном обнаружена в могилах из центральной части кладбища, круглодонная — с периферии. Аналогичные результаты получены при изучении других могильников.

На основе этих данных была разработана новая типология керамики, опирающаяся на комплекс как формообразующих, так и орнаментальных признаков. Формирование типологии проводилось методом статистического анализа встречаемости различных элементов с учётом данных по относительной хронологии погребений. Это позволило получить не механическую

классификацию, а систему типологических рядов, отражающих реальное развитие некоторых линий керамической традиции. В связи с её ключевым значением предложенная типология керамики детально изложена в отдельной главе.

На основании этой типологии был проведён статистический анализ встречаемости сосудов различных типов в одной могиле (рис. 75). На представленной таблице хорошо видно, что формируются три группы сосудов, внутри которых присутствуют устойчивые связи. На планах могильников погребения, содержащих посуду этих групп, чётко обособлены. Могилы с керамикой группы I занимают центральное положение, группы II — периферийное. Наиболее отчётливо это прослеживается на плане могильника Малые Копёны III (рис. 57). Так же хорошо видна эта схема и в случае с могильником Кюргеннер I (рис. 58). Погребения с керамикой группы I занимают центр и северную часть могильного поля, а группы II — его западную окраину. К сожалению, курганы в южной и восточной частях могильника не раскапывались, что делает картину не столь очевидной, как в предыдущем случае.

Следующий этап исследования — статистический анализ других элементов погребального обряда на основе выделенных групп керамики. В результате удалось установить устойчивую взаимосвязь типа сосуда и таких элементов, как форма ограды, тип могильного сооружения, ориентировка погребённого, типы другого сопроводительного инвентаря (особенно ножей). Комплексный анализ полученных комбинаций позволил сформулировать основные признаки групп погребений, компактно расположенных на планах могильников.

Вкратце сложившуюся картину можно обрисовать следующим образом. В центре могильного поля обычно фиксируется «ядро», которое состоит из погребений, имеющих значительно больше признаков, сближающих их с памятниками андроновской культуры (круглые ограды больших размеров, цисты, богато орнаментированная керамика и т. д.). По его периферии расположены группы могил, по сумме признаков тесно связанные уже с каменоложскими древностями (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала, ножи с грибовидными навершиями и шипом, керамика с орнаментами, более характерными для каменоложского этапа).

Отдельно изучался вопрос о причинах формирования подобных групп. Рассматривались варианты не только хронологических, но этнических или социальных отличий. Однако последние два варианта не нашли подтверждения. Все признаки указывают только на последовательное существование этих групп погребений. Результатом всего комплекса проведённых исследований стало создание относительной хронологической колонки.

I этап. Ранний хронологический горизонт памятников эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее. Процесс их формирования ещё требует очень серьёзного изучения, однако можно отметить, что наблюдаются

элементы трёх различных традиций, степень участия которых неодинакова. Наибольшее значение имеет комплекс инновационных признаков, никак не связанных с местной андроновской культурой:

1. Прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит.

2. Каменные ящики из тонких плит прямоугольной или трапециевидной формы, опущенные в яму с уровня древней поверхности.

3. Уникальное размещение в могиле тела — в вытянутом положении, влоборота, с опорой на северную стенку ящика. Причём исключительно на левом боку и с ориентировкой головой в северо-восточном направлении. Руки при этом занимают строго определённое положение — левая вытянута вдоль тела, правая слабо согнута, кисть ее лежит на крыле таза.

4. Устойчивое размещение в могиле всех объектов. Сосуды устанавливаются только «перед лицом» погребённого вдоль юго-восточной стенки, начиная от восточного угла. Набор сопроводительной мясной пищи находится на уровне груди или пояса, около той же юго-восточной стенки могилы.

5. Собственная керамическая традиция, отличающаяся прежде всего способом формовки посуды от шейки к дну. Главенствующий тип — сосуды с уступом (до 80 %) и уплощённым дном. Орнамент наносится преимущественно резным способом исключительно на плечики и тулово сосуда. Венчик никогда не орнаментируется. В качестве основных композиций используются: горизонтальный зигзаг, полоса ромбов («кирменский пояс»), равнобедренные треугольные шевроны.

6. Наличие практически в каждой могиле набора мясной сопроводительной пищи из нескольких кусков от определённых частей туши. Часто фиксируется в сочетании со столовым прибором — бронзовыми шилом и ножом строго определённых типов.

Можно отметить, что эти признаки имеют сложную, но устойчивую структуру с малым числом вариаций, однако никаких следов их сложения или постепенного развития на Среднем Енисее обнаружить не удаётся. Они появляются в наиболее ранних карасукских памятниках, все в комплексе и в полностью оформившемся виде, и никакого отношения к местным андроновским древностям не имеют. Из этого можно сделать только один вывод. Их сложение происходило где-то в другом месте, а на Средний Енисей они были принесены группой мигрантов, что, в свою очередь, и привело к формированию карасукской культуры.

Вклад местной андроновской (Фёдоровской) группы населения представляется незначительным. Он фиксируется в схожем ареале андроновских и ранних карасукских памятников, а также в единых могильных полях. Кроме того, наблюдаются отдельные аналогичные элементы конструкций сооружений (круглые ограды из плашмя положенных плит, наземные цисты, многоградные системы). Обращает на себя внимание, что все эти элементы сходства касаются только внешних признаков и для обеих культур не являются осно-

вополагающими. Само погребение никаких признаков сходства не имеет.

В качестве третьей составляющей можно указать материалы еловской культуры [Матющенко, 2001; 2004]. Они представлены исключительно инвентарём, что подчёркивает сторонний характер этого элемента. На сегодня можно выделить небольшую серию еловской керамики в материалах карасукских могильников — V тип (рис. 59). Кроме того, отдельные изделия представлены единичными находками в материалах обеих культур, как, например, точильные камни с отверстиями на концах (рис. 31, 5). Таким образом, говорить о серьёзном влиянии оснований нет. Скорее всего, это лишь указывает на наличие контактов синхронных групп населения смежных регионов.

В составе I этапа выделяются две последовательные группы: более ранняя — I-а и относительно поздняя — I-б. Граница между ними условна. Можно выделить только тенденции и чётко описать их полярные значения. Существуют объективные причины такого разделения. Во-первых, довольно отчётливые тенденции в керамическом материале позволяют сделать это вполне обоснованно, что даёт возможность наглядно проследить направления и принципы развития карасукского погребального обряда. Во-вторых, фиксируется целая группа могильников, начавших своё функционирование только на этапе I-б (Карасук I, Варча I, Сабинка II, Терт-Аба и др.), что, возможно, отражает важную стадию развития карасукского общества. В-третьих, именно на этом хронологическом горизонте памятники карасукской культуры появляются в южных районах Минусинской котловины. Факт тоже немаловажный и имеющий далеко идущие последствия. В-четвёртых, именно в этот период (этап I-б) в составе культуры появляется серия «инородческих» погребений, сыгравших значительную роль в развитии культуры. Эти, а также другие, менее принципиальные, наблюдения, делают выделение горизонта I-б важным моментом, позволяющим наглядно отразить процессы развития.

В целом погребения I этапа характеризуются сохранением некоторых редких конструктивных элементов, связанных с местной строительной традицией (ограды круглой формы из плашмя положенных плит, наземные цисты), которые довольно быстро выходят из употребления. Ключевыми признаками необходимо считать использование в погребальной практике сосудов с уступом и ножей с кольцевидным навершием и невыраженным переходом от рукоятки к лезвию.

Этап I-а маркирует хронологический горизонт наиболее ранних погребений (рис. 62). Они отмечены в составе сравнительно небольшого числа памятников: Орак, Ужур, Мара, Сухое Озеро II, Усть-Ерба, Малые Копёны III, Кюргеннер I и II, Тепсей, Мохов VI. Ареал их распространения ограничивается Чулымо-Енисейской, Сыда-Ербинской и только самой северной частью Минусинской котловины до Подкунинских Гор (рис. 60). Частично эти границы совпадают с ареалом андроновской культуры на Среднем Енисее (рис. 61). Тот факт, что памятники андроновской культуры не

распространяются южнее линии Подкунинских Гор, отмечали многие исследователи [Вадецкая, 1986, с. 46; Лазаретов, 2001, с. 104; Бобров, 2003, с. 14; Савинов, 2005, с. 29].

Практически все известные андроновские могильники являются «ядром» крупных могильных полей, в состав которых обязательно входят карасукские погребения I этапа [Вадецкая, 1986, с. 41—76]. Однако это правило действует только в одном направлении. Далеко не всякий могильник, содержащий погребения этапа I-а, расположен вблизи андроновского некрополя. Именно к этой категории относятся могильники Кюргеннер I и II и Малые Копёны III. В обоих случаях, несмотря на масштабные раскопки, никаких следов присутствия погребений андроновской культуры обнаружено не было.

Большое значение имеет размещение курганов по территории кладбища. Для I этапа характерно сохранение традиции андроновского времени. Курганы располагаются неупорядоченно, в виде аморфных скоплений вокруг выраженного центра, роль которого обычно играет одно или несколько наиболее крупных сооружений. При этом расстояния между соседними курганами всегда превышают размер ограды, причём обычно в несколько раз. Исследователи часто отмечают наличие земляных насыпей. Позднее, на II этапе, вместе с уменьшением размеров сооружений заметно уменьшаются и расстояния между курганами. Чаще всего они уже не превышают размера самой ограды. Курганы мало отличаются друг от друга по величине и располагаются по площади равномерно, иногда образуя подобие рядов. Дальнейшее развитие идея линейного размещения курганов получит уже на III этапе. Это хорошо видно на примере поздней группы курганов могильника Арбан I [Савинов, Поляков, 2007, рис. 2].

Погребальное сооружение карасукской культуры может состоять из одной или нескольких пристроенных друг к другу оград, на территории которых производились захоронения. Изучение их внешних признаков позволило сформулировать качественные и количественные показатели, которые изменяются в процессе развития культуры. Большое значение для относительной хронологии имеют: число оград, их форма и техника возведения, размеры сооружений. Изменение этих признаков происходит очень плавно, и они могут служить только дополнительными критериями при определении положения конкретного кургана на относительной хронологической шкале.

В случае с количеством оград трудно оперировать абсолютными цифрами, так как крупная система пристроек может охватывать два смежных хронологических горизонта. Однако общие принципы и направление развития фиксируются вполне уверенно. Наиболее ранние карасукские курганы (этап I-а) копируют андроновские принципы построения. Это либо крупная одиночная ограда, либо, заметно реже, система многочисленных пристроек (Прилож. II, табл. 2.). В процессе развития традиции число курганов с пристройками плавно увеличивается, зато количество пристроек в

каждом случае снижается. Наибольшее распространение приобретают курганы с одной или двумя пристройками, в которых обычно погребены дети.

Форма оград и техника её возведения в карасукских памятниках устойчиво взаимосвязаны (Прилож. II, табл. 3.). Все они сооружались из тонких плит песчаника. При этом прослеживаются два ведущих типа конструкций. Основу традиции составляют прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит. Для памятников I и II этапов их насчитывается свыше 85 %. Более интересно распределение по этапам круглых оград из горизонтально положенных плит. Максимальное число сооружений этого типа связано с самым ранним хронологическим горизонтом I-а. Они составляют до 25 % всех конструкций. Заметно меньше их фиксируется уже на этапе I-б, а на этапе II они почти полностью исчезают.

Большое значение для относительной хронологии имеют размеры сооружений. На протяжении эпох средней и поздней бронзы происходит постепенное уменьшение размеров оград. Самые крупные сооружения зафиксированы в составе андроновских могильников. Средний размер оград составляет 8—9 м в поперечнике, а отдельные сооружения достигают 30—33 м [Максименков, 1978, с. 54—55]. Памятники хронологического горизонта I-а имеют уже более скромные размеры. Ограды в среднем имеют в поперечнике около 7—8 м, а самые крупные не превышают отметку 18 м. Далее эта тенденция только усиливается. На II этапе сохраняются ограды только прямоугольной формы. Их средние размеры 4,0×5,0 м. И как закономерный итог, ограды III этапа уже вплотную обрамляют могилу и чаще всего имеют размеры 3,0×4,0 м, например могильник Фёдоров Улус [Липский, 1963, с. 57].

Могила может быть оформлена либо в виде каменного ящика из тонких плит, опущенного в яму ниже уровня древнего горизонта (91,3 %), либо, заметно реже, в виде наземной цисты (6,2 %). Немногочисленные грунтовые ямы имеют различное происхождение и не могут рассматриваться как один из ведущих типов сооружений. Традиционные каменные ящики прямоугольной или трапециевидной формы главенствуют на протяжении I и II этапов и даже отчасти сохраняют своё значение в течение III этапа (в северной части ареала). Причём статистический анализ показал, что форма не имеет ни хронологического, ни локального значения. Интереснее ситуация с наземными цистами. Вполне вероятно, что они, как и ограды круглой формы, являются наследием местной андроновской традиции [Максименков, 1978, с. 73]. Это подтверждается тем, что максимальное число подобных сооружений приходится на этап I-а (около 100). Далее (этап I-б) их число сокращается более чем вдвое, и уже на II этапе отмечены только единичные случаи их возведения. То есть налицо тенденция, аналогичная прослеженной для оград круглой формы.

Обряд захоронения для этапа I-а очень устойчив. Это одиночное труположение, головой в северо-восточный сектор, с характерной позой погребённого: на левом боку вполоборота с опорой спиной на стенку

ящика, ноги вытянуты или слабо согнуты. Положение рук строго регламентировано: левая вытянута вдоль тела на дне могилы, правая чуть согнута, кисть лежит на правом крыле таза. Пространство «перед лицом» оставлялось свободным для размещения сосудов и сопроводительной мясной пищи, причём в строгом порядке. Один или два сосуда всегда находятся в восточном углу, а набор из нескольких «кусков мяса» животного (овца, корова, лошадь, коза, косуля) и столовый прибор (нож и шило) — возле юго-восточной стенки. Ни при каких условиях подобный порядок размещения не нарушался.

Сосуды в погребениях представлены несколькими основными типами (I-а, II-а, V, VI). Причём для них характерен целый набор общих признаков: уплощённая форма дна, уступ на шейке сосуда (кроме V и VI типов) и богатая орнаментация, нанесённая на плечики резным способом или гладким штампом (рис. 62, 7—10, 12—14). Обычно в могиле находится один, редко два сосуда. Из главенствующих типов инвентаря можно отметить только ножи с кольцевидным навершием и невыраженным переходом от рукоятки к лезвию (рис. 62, 6). Остальной набор инвентаря погребений хронологического горизонта I-а крайне скуден. В погребениях встречаются: пронизки, височные кольца, обоймочки, бляшки, пастовые бусины и тому подобные вещи (рис. 62, 11). Никаких главенствующих типов вещей, с которыми традиционно связывают карасукские памятники (лапчатые привески, биконические перстни, ярусные бляшки и т. д.) в погребениях подэтапа I-а нет.

Этап I-б — следующий хронологический горизонт, который отражает процесс саморазвития культуры (рис. 63). Никаких инновационных влияний в этот период не происходит. Все изменения связаны исключительно с тенденциями, существующими внутри уже сложившегося общества. При этом фиксируется положительная динамика численности населения. На уже освоенных территориях (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины) появляются новые кладбища. Это довольно крупные могильники: Карасук I, Варча I, Барсучиха I, в составе которых нет погребений более раннего хронологического горизонта (этап I-а). Происходит экспансия в южном направлении (рис. 61). На территории центральной и южной частей Минусинской котловины фиксируются небольшие кладбища, где представлены серии погребений этапа I-б (до 20 могил): Сабинка II, Быстрая I—III, Тигир-Тайджен II, Терт-Аба [Павлов, 1999].

Внешний облик курганов и их размещение претерпевают минимальные изменения. Можно только отметить уже описанные тенденции, которые характерны для всех ранних памятников (I и II этапы) в целом. Отмечается постепенное синхронное уменьшение размеров оград и расстояния между ними. Уменьшается число пристроек в многооградных системах. Заметно уменьшаются число оград круглой формы и доля наземных цист. Происходит постепенная стандартизация, отражающаяся в исчезновении редких и уникальных типов сооружений, а также категорий инвентаря.

Практически никак не трансформируется обряд захоронения. Сохраняется уникальное положение погребённого в могиле: на левом боку вполоборота, со всеми описанными выше деталями. Единственное изменение касается вновь сформировавшихся южных кладбищ (особенно Сабинка II и Терт-Аба), где традиционная ориентировка погребённого головой в северо-восточный сектор изменяется на диаметрально противоположную. Можно отметить, что далее этот процесс будет прогрессировать. На II этапе число погребений с юго-западной ориентировкой резко возрастёт именно в этих же южных памятниках, в то время как севернее погребённых будут по-прежнему класть головой в северо-восточном направлении.

Тенденция к стандартизации не менее ярко проявляется и в сопроводительном инвентаре погребений. Особенно хорошо это заметно на примере керамического материала. Постепенно увеличивается число сосудов в могиле. Появляется устойчивое сочетание из двух типов керамики. Это сосуды с уступом — I тип (рис. 63, 1—8, 11) и сосуды без уступа с ямочным орнаментом на шейке — II-б подтип (рис. 63, 12—14). По мере развития наблюдаются устойчивые тенденции к уменьшению количества орнаментированной посуды, переходу от уплощённой формы дна к круглой и к уменьшению высоты венчика над уступом. Сосуды выглядят удивительно однообразно, а отсутствие орнаментов полностью лишает их выразительности. Бронзовый инвентарь погребений остаётся прежним, не появляется ни новых типов бронз, ни каких-либо уникальных изделий (рис. 63, 15). По-прежнему единственным главенствующим типом изделий остаются ножи с кольцевидным навершием без выраженного перехода от рукоятки к лезвию (рис. 63, 9, 10).

На этом фоне совершенно инородной выглядит небольшая группа погребений (около 30), содержащих керамику принципиально иного облика (рис. 63, 16—18). Они равномерно распределены по ареалу культуры, всегда находясь в составе карасукских могильников (Ужур, к. 3, м. 2; Сухое Озеро II, к. 298, м. 2; к. 404, м. 1; Петрошилово II, к. 3; Арбан I, к. 27; Есинская МТС I, м. 21 и др.). Обычно это одно-два погребения, но в отдельных случаях (Кюргеннер I, Малые Копёны III) зафиксированы серии из 6—12 могил, формирующие в составе кладбища самостоятельные хорошо очерченные группы (рис. 57—58). При соблюдении в целом карасукского обряда погребения в этой группе фиксируется большое число признаков, нехарактерных для этапа I-б. Например, положение тела вытянуто на бок, ориентировка погребённого головой в западном направлении, положение тела на правом боку, грунтовые ямы в качестве могильных сооружений, отсутствие сопроводительной пищи. Часть этих признаков получит заметное развитие на следующем, II этапе.

Посуда этой группы характеризуется целым спектром признаков и элементов, которые для карасукской керамики не были известны: косые насечки, валики, прямой срез венчика, его орнаментация (рис. 80, 81). Кроме того, они отличаются традиционными андро-

новскими профилями, от которых карасукская керамика уже отошла в направлении более приземистых и круглодонных форм. Эти сосуды заметно выделяются на общем фоне и по технологии изготовления. Они значительно грубее, поверхность не залощена, тесто более рыхлое, с большим количеством отошителя. Число погребений с подобной керамикой относительно невелико (около 5%), но, возможно, именно эта группа оказала значительное влияние на развитие карасукской традиции. Всё это свидетельствует об «инородческом» характере группы людей, оставивших эти погребения, и позволяет рассматривать их как группу мигрантов, влившихся в состав карасукской культуры на подэтапе I-б.

II этап. Новый период развития памятников эпохи поздней бронзы (рис. 64—66). Пока его не удаётся уверенно разделить на отдельные хронологические горизонты, хотя определённые предпосылки к этому есть. Препятствием является наличие отчётливых локальных вариантов, в рамках каждого из которых наблюдаются свои хронологические признаки развития. Всего можно условно выделить три отдельных локальных варианта, имеющих как общие признаки, так и целый ряд заметных отличий. Их появление связано с уже описанной выше ситуацией постепенного освоения южной части Минусинской котловины. В северной части ареала максимально сохраняются традиции I этапа, а на юге наблюдается целая мозаика новых признаков, связанных, вероятно, с появлением контактов с новыми группами населения.

Памятники II этапа равномерно распределены по территории Чулымо-Енисейской, Сыда-Ербинской и Минусинской котловин. При этом они так и не зафиксированы в самой северной Назаровской котловине. В целом прослеживаются уже описанные тенденции, свойственные I этапу. Размеры курганов ещё более уменьшаются, средние размеры составляют уже 4,0×5,0 м. Синхронно с этим уменьшаются расстояния между курганами. Исчезают многоградные системы, где число пристроек превышает 2—3. Каждому взрослому человеку полагается независимая погребальная конструкция, а в пристройках похоронены в основном дети и подростки, по всей видимости, не достигшие возраста инициации. Полностью исчезают ограды круглой формы, и, возможно как следствие этого, происходит переход к иной организации пространства. На смену нерегулярному размещению курганов вокруг выраженного центра, свойственному андроновской культуре и I карасукскому этапу, приходит линейное построение, когда все курганы равнозначны. Учитывая, что при этом исчезают монументальные сооружения, можно осторожно предположить постепенную социальную трансформацию общества.

Традиционная погребальная поза на боку вполоборота совершенно не изменяется. В южном районе продолжает постепенно увеличиваться число погребений с юго-западной ориентировкой, при этом отмечается чёткая закономерность: чем южнее расположен могильник, тем больше будет в его составе погребений с ориентировкой головой в юго-западный сектор (При-

лож. II, табл. 11). Проявляются некоторые влияния группы инородных погребений, зафиксированных для этапа I-б. В частности, в центральной части ареала в устье реки Абакана фиксируется заметная серия погребений не на левом, а на правом боку вполоборота. В составе отдельных могильников появляются серии погребений в положении ровно на боку, нехарактерных для основной массы погребений (Сабинка II).

Однако наибольшие изменения происходят в сопроводительном инвентаре погребений. Общее количество сосудов в каждой могиле увеличивается до 2—3, а в отдельных случаях и до 7 экземпляров. Сосуды с уступом практически полностью вытесняются новыми типами. Однако какой-то период времени их поздний вариант (подтип I-в) продолжает бытовать в наиболее консервативном северном районе. Их место занимает керамика, орнаментированная по шейке несколькими линиями. В северном и центральном районах они выполнены желобками (каннелюрами) или резным способом (рис. 64, 1, 3—7, 9, 10; 65, 1—3, 5—8), а в юго-западном — обычно нанесены зубчатым штампом (рис. 66, 1—3, 6, 9). Ранее отмеченная группа крупных сосудов с ямочным орнаментом и плавным изгибом шейки несколько трансформируется, приобретает новые признаки: группировку ямок, изменение их форм, появление косых насечек (рис. 64, 13—16; 65, 12; 66, 12, 14). Последнее тоже можно считать проявлением влияния инородной группы этапа I-б.

Самостоятельное значение приобретает керамика IV типа — круглодонные сосуды без орнамента и уступа (рис. 65, 4; 66, 4, 10). По всей видимости, их появление связано с развитием сосудов I типа, на которых уже полностью исчезает уступ. Вместе с тем появляются и совершенно новые элементы, которые ранее на Среднем Енисее не фиксировались. Это, например, «бадейки» (VIII тип) — плоскодонные сосуды (рис. 64, 11; 65, 11; 66, 13). Отдельно стоит отметить ручки на сосудах (рис. 65, 11; 66, 9).

Очень важные изменения происходят в бронзовом инвентаре. В погребениях II этапа обнаружены ножи новых типов. Главное отличие — появления шипа у основания рукоятки. Отмечается разнообразие формы наверший, которые могут быть кольцевидными, чаще с «кнопками», грибовидными или зооморфными. На рукоятках и у основания лезвия теперь фиксируются орнаменты, ранее на ножах не встречавшиеся. Аналогичные орнаменты представлены на керамике II этапа. Кроме того, в карасукских погребениях появляется целый набор совершенно новых бронз [Поляков, 2006а; 2008б]. Это исключительно детали костюма, чаще всего женского: лапчатые привески, биконические перстни, зеркала, ярусные бляшки, «гвоздики», серьги и др. (рис. 64, 17; 65, 13; 66, 15). Ареал их распространения ограничен юго-западным и центральным районами, но отдельные экземпляры отмечены и севернее.

Теперь можно несколько подробнее остановиться на локальных отличиях. Всего можно выделить три района, имеющих значимые различия: северный, центральный и юго-западный. Границы этих районов

весьма условны, и пограничные могильники зачастую демонстрируют признаки сразу двух локальных групп.

Северная локальная группа (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины) характеризуется одним термином — традиционализм (рис. 64). Именно в северном районе карасукская культура появилась раньше и дольше всего развивалась, поэтому основные отличительные черты связаны с общими тенденциями, влиявшими на памятники всего карасукского этапа (исчезновение круглых оград и цист, постепенное увеличение числа сосудов и т. д.). Инновационные признаки, не связанные с I карасукским этапом, встречаются в северных могильниках только в исключительных случаях. К примеру, практически неизвестны погребения на правом боку и юго-западные ориентировки. Все главенствующие категории бронз встречаются в уникальных случаях (лапчатые привески, биконические перстни, ярусные бляшки, «гвоздики», нож с «трёхкнопочным» навершием). Аналогичная ситуация с «бадейками».

Центральная группа расположена в устье реки Абакана (северная часть Минусинской котловины). Она демонстрирует максимальное количество инновационных признаков и наиболее богата бронзовым инвентарём (рис. 65). Значительное количество новых бронзовых изделий ярко демонстрирует принципиальное отличие этой группы от других районов. Даже в неоднократно потревоженных карасукских погребениях может быть обнаружено до 10 лапчатых привесок, несколько биконических перстней, до трёх зеркал и десятки многоярусных бляшек и «гвоздиков». Зато керамика в своей массе мало отличается от той, что обнаружена в северных могильниках. Формы и набор орнаментов практически идентичны. Вносит разнообразие только появление отдельных, пока малочисленных, элементов, более свойственных следующему, III этапу (вертикальный зигзаг, полукруглые вдавления, узкие треугольные шевроны). Среди остальных элементов погребального обряда следует отметить погребения на правом боку, характерные преимущественно для указанного района.

Юго-западная, или «арбанская», локальная группа (юго-западная часть Минусинской котловины) расположена вдоль течения реки Абакана (рис. 66). Если резюмировать основные её отличия, то правильнее говорить об определённой периферийности или изолированности юго-западного района [Поляков, 2002, с. 212; Савинов, Поляков, 2007]. Сосуды изготовлены небрежно, формы неустойчивы, орнамент нанесён с большим количеством брака. Главная отличительная черта — орнаменты, которые в северных и юго-восточных могильниках выполнены резными линиями, а в юго-западных могильниках зачастую наносятся зубчатым штампом. При этом каких-либо заметных отличий в самом наборе орнаментов нет. Аналогичные тенденции наблюдаются в бронзовом инвентаре. В отличие от северного района, здесь представлен весь список бронзовых изделий (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала и т. д.), но количество их невелико, а качество низкое (большое количество литейного бра-

ка, отсутствие устойчивых форм). В погребениях юго-западного района сконцентрированы все случаи обнаружения лапчатых привесок с четырьмя лапками, а районирование этого признака сохраняется на протяжении всего финала эпохи бронзы вплоть до скифского времени. Ещё один важный признак, позволяющий выделять локальную «арбанскую» группу, — юго-западные ориентировки погребённых.

Таким образом, можно на единой схеме представить хронологическое соотношение ключевых памятников ранних этапов эпохи поздней бронзы (рис. 67).

Теперь можно перейти к рассмотрению, в свете вышеописанной хронологии, материалов могильников Кюргеннер I и II и Малые Копёны III. Они несколько отличаются по своему построению. Это связано с тем, что в их составе зафиксировано различное число курганов двух этапов. Если в случае с могильниками Кюргеннер I и II соотношение курганов I и II этапов в целом сопоставимо, то в составе памятника Малые Копёны III курганов II этапа относительно немного. Учитывая, что данный могильник исследован полностью, есть основание предполагать более короткий период его функционирования.

Рассмотрение могильника Кюргеннер I позволяет выделить в его составе две большие группы погребений (рис. 58). Первая из них занимает центр и северную часть могильного поля. В её составе представлены курганы, относящиеся исключительно к I хронологическому этапу. Вторая группа погребений зафиксирована по западной окраине могильника и состоит из курганов II этапа. Граница между ними отсутствует, однако никаких следов смешения захоронений различных хронологических горизонтов не наблюдается. Учитывая, что памятник раскопан лишь частично, во многих случаях остаются вопросы, ответы на которые получить уже невозможно.

Первая группа имеет неоднородную структуру. В её состав входят наиболее ранние курганы этапа I-а, чуть более поздние — I-б и компактная группа «инородных» погребений, синхронная I этапу. Их взаимное размещение тоже представляет определённый интерес и даёт возможность для важных выводов.

Наиболее ранние курганы (этап I-а) размещаются в виде двух скоплений. Одно из них, более крупное, занимает самый центр могильника (к. 2, 26, 29, 31, 32, 95, 96, 97, 99 и 100). Второе, менее значительное скопление, находится на северной окраине кладбища (к. 41, 75, 81, 94). Расстояние между ними свыше 80 м. Это пространство заполнено хронологически более поздними курганами (к. 28, 57, 59, 72, 82). Подобное размещение, вероятно, связано с традицией полицентричности ранних карасукских кладбищ. То есть кладбище начинало развиваться как некоторое пространство (могильное поле), на котором отдельными группами размещалось несколько независимых центров (курганов групп). Постепенно, со временем, они в некоторых случаях сливались в единый могильник, как это произошло с могильником Кюргеннер I, а в других сохраняли свою независимость (Карасук I). Причины

этого явления, видимо, кроются в первоначальном разделении общества на отдельные группы, например, на семьи или роды.

По своим признакам вышеперечисленные курганы могильника Кюргеннер I полностью соответствуют суммарному описанию хронологического горизонта I-а. Даже визуально на плане видно, что это довольно крупные сооружения (средний размер оград 7,5 м), расположенные по территории памятника разреженно. В их числе заметный процент составляют ограды круглой формы из горизонтально положенных плит песчаника (~28 %). Из особенностей можно отметить только полное отсутствие многооградных систем. Возможно, это объясняется использованием упрощённой методики раскопок, при которой пристройки могли быть просто не замечены.

Остальные детали погребального обряда тоже соответствуют критериям этапа I-а. Все они совершены в каменных ящиках, с ориентировкой головой в северо-восточном направлении и с соблюдением всех строгих канонов размещения тела погребённого и сопроводительного инвентаря. Керамика в погребениях представлена в основном сосудами I типа (17 из 20 сосудов). Из них 15 относятся к более раннему подтипу I-а и только 2 — к подтипу I-б (без орнамента). Все сосуды, в тех случаях, когда это удалось проследить, имели разной степени уплощённую форму дна. Остальной инвентарь, обнаруженный в этих могилах, минимален. Это бронзовые пронизки, фрагменты височных колец, шило, небольшие пуговицы, точильный камень и бронзовая бляшка с петелькой. Подобный минимальный набор очень характерен для ранних погребений.

Гораздо сложнее отделить курганы этапа I-б. По своему количеству они примерно равны описанной выше более ранней группе. Их размещение свидетельствует о сохраняющейся привязке к системе из двух центров могильника. Часть курганов (к. 19, 23, 24, 28 и 33) расположены по западному краю центральной группы курганов этапа I-а. Весьма вероятно, при более масштабных раскопках погребения этого хронологического горизонта были бы найдены и с восточной стороны. Остальные курганы зафиксированы к западу от северной группы ранних захоронений (к. 64, 66, 67, 68, 69, 76, 84). Таким образом, свободное пространство между двумя центрами по-прежнему сохранялось, что свидетельствует о преемственности населения.

Взаимное размещение курганов сохраняет традиции I этапа. Это относительно крупные сооружения, расположенные с заметными разрывами. Средний размер оград снижается незначительно — до 7 м. Сохраняется примерно аналогичное количество оград круглой формы. Погребальный обряд ничем не отличается от зафиксированного для погребений этапа I-а. Погребения совершаются только в каменных ящиках, головой в восточный сектор, с соблюдением всё той же строгой схемы взаимного размещения объектов в погребении. Всё это ещё раз подчёркивает, что этап I-б является закономерным и постепенным развитием уже существующих традиций. Наиболее отчётливые изме-

нения фиксируются в основном в сопроводительном инвентаре.

Плавно увеличивается число сосудов в погребениях. Если для этапа I-а их среднее число составляло 1,4 на погребение, то теперь уже 1,85. Изменяется их внешний облик. Только примерно на каждый третий сосуд нанесены орнаменты. Причём это в основном простые мотивы, без сложных композиций. Наблюдается постепенный переход от уплощённой формы дна к круглой. Остальной сопроводительный инвентарь по-прежнему скуден. В основном встречаются бронзовые височные кольца, пронизки, обоймочки и шилья. То есть набор практически не изменяется по сравнению с относительно более ранним хронологическим горизонтом.

Отдельно следует остановиться на двух принципиальных моментах, связанных с инвентарём. Во-первых, это нож с грибовидным навершием и ножны из могилы 1 кургана 28 (рис. 34, 1, 2). Хотя в целом этот курган на основании внешних признаков и типа сосуда из могилы 2 должен быть отнесён к этапу I-б, есть основания сомневаться в связи с этим хронологическим горизонтом данного ножа. В предыдущей главе было отмечено, что его появление в могиле может быть датировано гораздо более поздним временем. Все остальные подобные ножи, найденные в карасукских могилах, уверенно связаны со II хронологическим этапом.

Во-вторых, в погребениях этапа I-б могильника Кюргеннер I отмечено несколько бронзовых изделий, в целом не совсем характерных для этого хронологического горизонта. Это ярусные бляшки (рис. 37, 12) и «гвоздики» (рис. 37, 7 и 23). Анализ всего массива раскопанных на сегодня погребений демонстрирует вполне отчётливую картину. Целый спектр бронзовых изделий карасукской культуры массово появляется в погребениях только начиная со II этапа [Поляков, 2008а]. В этот набор входят: лапчатые привески, перстни с биконическим щитком, зеркала, ярусные бляшки и «гвоздики». Кроме того, все они широко представлены в первую очередь в южной части ареала культуры и крайне редки за пределами Минусинской котловины. Однако необходимо признать, что в редких отдельных случаях подобные вещи встречаются и в несколько более ранних погребениях (этап I-б). Именно подобный редкий случай представлен в материалах могильника Кюргеннер I.

Совершенно отдельную и независимую группу погребений представляют собой курганы с керамикой VII типа (рис. 58). Они расположены компактно и имеют целый спектр признаков, которые их объединяют. В них погребены практически только мужчины, ограды имеют строго прямоугольную форму и почти идентичный размер. Кроме посуды только одного типа в погребениях практически нет иного инвентаря. Почти все случаи демонстрации нестандартных признаков погребального обряда сконцентрированы именно в составе этой группы (ориентировка в западном направлении, положение тела на правом боку и др.). Неслучайность этого явления уже отмечалась исследователями. В связи с важным значением этой группы её

описание и анализ выделены в самостоятельную главу, написанную И. П. Лазаретовым.

В данном случае мы остановимся только на нескольких моментах, важных для относительной хронологии, и на размещении курганов по территории могильника. К сожалению, в составе могильника Кюргеннер I не выявлено наблюдений, которые бы позволили связать эти погребения с традиционными карасукскими курганами в единую хронологическую схему. Однако подобные сопоставления были сделаны на материалах других памятников: Сухое Озеро II, Тюрим, Арбан I [Лазаретов, 2008, с. 50—53]. Установлено, что погребения этой «инородной» группы синхронны хронологическому горизонту I-б. Это хорошо согласуется с размещением указанной группы на плане могильника. Она частично занимает промежуток между двумя основными центрами, находясь в пределах пространства, на котором размещены курганы I этапа.

Заметно отличается расположение на территории могильного поля курганов другой группы, объединяющей погребения II этапа. Они были раскопаны только на западной его окраине и не распадаются на меньшие единицы. На плане хорошо заметно, насколько меньше размеры самих оград и как плотно они размещены. Статистически ограды этой группы в среднем имеют в поперечнике около 4,5 м (основные). Если ввести в эту статистику данные о пристройках, то цифра будет ещё меньше. Свыше 70 % курганов имеют пристройки, но не более одной-двух, что очень характерно и для других памятников II этапа. Полностью исчезают ограды круглой формы.

Трудно разработать методикку, которая бы позволила объективно оценить расстояния между курганами, но она и не требуется. На плане хорошо видно, насколько плотнее размещены сооружения в этой части кладбища. Более того, опираясь на этот признак, можно предположить, что погребения этой хронологической группы расположены не только на западной окраине, но, вероятно, и на южной и восточной, где, к сожалению, курганы практически не раскапывались, то есть охватывают более раннюю группу подковой с трёх сторон. Это наблюдение подтверждается также практически полным отсутствием оград круглой формы в южной и восточной частях могильника.

Другие признаки сооружений и погребального обряда не так заметно отличаются от более ранних погребений I этапа. Сохраняются как ведущие типы могильных сооружений (каменные ящики), так и положение тела погребённого (на левом боку вполборота, головой в восточный сектор). Более заметные, хотя и не кардинальные, изменения происходят в сопроводительном инвентаре погребений могильника. Лучше всего это видно на примере керамического материала.

В погребениях больше не встречаются сосуды с уступом. Их место занимает керамика, орнаментированная по шейке горизонтальными линиями (тип III, подтипы III-1 и III-2), выполненными либо резным способом, либо желобками (рис. 31, 22, 23; 32, 1, 4; 33, 15, 17, 18; 35, 3, 9, 16, 17 и др.). Кроме того, значительное место занимает поздний вариант сосудов с

ямочным орнаментом (тип II-в), на которых ямки группируются (рис. 31, 21; 32, 3 и др.), образуют треугольники (рис. 31, 15) или дополняются косыми насечками (рис. 35, 13, 21). Иногда ямки могут иметь треугольную или каплевидную форму (рис. 35, 13, 14). Широко распространяются неорнаментированные сосуды без уступа IV типа (рис. 31, 16, 17; 32, 2; 33, 16, 19, 20 и др.). Для всей этой керамики характерна круглая форма дна.

Остальной инвентарь на II хронологическом этапе сохраняет прежние черты. Основу набора составляют такие широко распространённые изделия, как бронзовые пронизки, колечки, шилья. Он дополняется в некоторых случаях «гвоздиками», ярусными бляшками, бронзовыми пуговицами и бляшками с петелькой, которые иногда встречались и в более ранних сооружениях. Отдельно стоит отметить распространение в погребениях изделий из аргиллита, в основном пронизок (рис. 35, 7, 20; 36, 9).

Таким образом, можно резюмировать, что могильник Кюргеннер I полностью соответствует предложенной хронологической схеме. Курганы распадаются на чётко очерченные группы, которые по своим признакам полностью соответствуют выделенным этапам. На примере этого памятника хорошо видно, как постепенно развивается наиболее динамичная составляющая погребального обряда — керамический комплекс. Именно на его основе можно наиболее уверенно датировать конкретные погребения могильника.

Не менее интересная и яркая картина наблюдается при анализе другого крупного могильника — Малые Копёны III [Зяблин, 1977]. В составе этого памятника представлена значительно большая серия погребений, относящихся к наиболее раннему хронологическому горизонту I-а (рис. 57). В отличие от могильника Кюргеннер I, они образуют единую группу, расположенную по центру могильного поля. Её основу составляют несколько курганов с оградой круглой формы, сооружённой из положенных плашмя плит песчаника. Материал, представленный в этих погребениях, полностью соответствует представлениям о наиболее раннем этапе развития карасукского населения. В могилах находилась керамика типов I-а, II-а, V и VI [Зяблин, 1977, рис. 6—8]. Бронзового инвентаря крайне мало. В

основном это пронизки, височные кольца и тому подобные вещи.

Относительно более поздние курганы этапа I-б не образуют каких-либо компактных групп, а размещаются по периферии существующего «ядра». Они немногочисленны и характеризуются в первую очередь керамикой типов I-б и II-б [Зяблин, 1977, рис. 3—4]. Наибольший интерес представляют синхронные курганы, относящиеся к иной культурной традиции. Как и в случае с могильником Кюргеннер I, они образуют компактную группу, расположенную к северу от основного «ядра» могильника. Они выделяются теми же признаками. Это керамика VII типа, в корне отличающаяся от традиционных карасукских образцов [Зяблин, 1977, рис. 5, 10—21]. Кроме того, вновь практически все нестандартные решения в погребальном обряде связаны именно с этой небольшой группой.

Курганы II этапа в составе могильника Малые Копёны III очень немногочисленны. С чем это связано, не совсем ясно. Возможно, данный памятник имеет несколько более короткий период функционирования по сравнению с другими крупными могильниками. Однако размещение этих курганов не оставляет сомнения в их более поздней хронологической позиции. Две небольшие группы из нескольких курганов фиксируются на северной и западной периферии могильника. Ещё один курган находится на его восточной периферии. То есть они охватывают «ядро» из курганов I этапа с трёх сторон. Материал из этих погребений представляет собой серию сосудов типов II-в, III-1 и IV [Зяблин, 1977, рис. 5, 1—9].

Таким образом, схема размещения курганов несколько отличается в деталях от прослеженной при анализе могильника Кюргеннер I. Здесь представлена более отчётливая картина развития могильного поля, поскольку этот могильник раскопан целиком. Однако если абстрагироваться от частных особенностей, то не остаётся сомнений в хронологической природе зафиксированных отличий. Другие крупные могильники (Сухое Озеро II, Карасук I, Терт-Аба, Сабинка II и т. д.), хотя и не в такой яркой форме, тоже соответствуют представленной схеме. Во всех случаях курганы этапа I-а формируют «ядро» могильника, по периферии которого размещаются курганы более поздних хронологических горизонтов.

А. В. Поляков

Глава IV

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамические сосуды из погребений карасукской культуры всегда привлекали исследователей своим разнообразием, богатством орнаментов и качественным изготовлением. Уже С. А. Теплоухов в своих работах отмечал ключевое значение посуды для изучения памятников эпохи бронзы. Он же первым выделил на карасукской посуде несколько типов «богатых» орнаментов, которые считал наиболее архаичными и восходящими к андроновской традиции. И здесь же сделал второе, не менее важное, замечание: «...наиболее, по-видимому, поздние [сосуды] имеют скудный орнамент или являются даже совсем неукрашенными» [Теплоухов, 1927, с. 101].

Не меньшее значение изучению керамики придавал С. В. Киселёв. В своей монографии он одним из первых поставил вопрос о выделении в составе карасукской культуры двух керамических традиций [Киселёв, 1951, с. 132—140]. Одна из них, как считал С. В. Киселёв, логически вытекает из андроновских корней культуры, а другая имеет более архаичный облик, сходный, по его мнению, с афанасьевскими сосудами (керамика каменнолоожского этапа). Так же как и С. А. Теплоухов, он обратил внимание на группу геометрических орнаментов, свойственных ранним карасукским памятникам, и логично заключил, что неорнаментированные сосуды относятся к более позднему хронологическому пласту. С. В. Киселёв первым сформулировал некоторое комплексное представление о карасукской керамической традиции. В частности, он отметил заметное преобладание посуды с круглой формой дна, что в корне отличает карасукские материалы от андроновской и тагарской культур. Поставил вопрос о появлении на карасукских сосудах уступа. Подробно рассмотрел отдельные орнаменты, предлагая линии их происхождения.

После этого фундаментального исследования проводились только отдельные разработки сугубо частных вопросов, касающихся ограниченных серий карасукских сосудов. Так, М. П. Грязнов в статье, посвящённой чернолоожёной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы, вслед за С. А. Теплоуховым [Теплоухов, 1927, с. 101] отмечает наличие в материалах карасукской культуры хорошо выделан-

ных сосудов с заполнением орнамента белой пастой [Грязнов, 1966]. Не придавая этим широким параллелям глубокого значения, М. П. Грязнов считает их результатом конвергентного развития культур, объединённых определённой стадильностью. Интересное исследование по выделению «анашевского» типа керамики (по материалам поселения Анаш) провела Н. Л. Членова [Членова, 1992]. Действительно, существование среди приземистых круглодонных сосудов керамики с вертикально вытянутыми пропорциями, плоским дном и своеобразной орнаментацией вызывает много вопросов. Предположение Н. Л. Членовой об их «кинокультурности» никем не оспаривалось, но так и не нашло своего отражения в дальнейших исследованиях.

Первая классификация карасукской посуды была опубликована в монографии Э. А. Новгородовой [Новгородова, 1970, с. 33—64]. Задачей данного исследования, как и всей книги в целом, было обоснование разделения карасукских материалов на две группы. К моменту написания монографии факт существования двух обособленных серий комплексов в рамках культуры уже никем не отрицался, однако углублённой работы, проводящей надёжную границу между классическими и каменнолоожскими памятниками (по периодизации М. П. Грязнова), опубликовано не было. Э. А. Новгородова попыталась заполнить эту нишу, предложив свой взгляд на развитие карасукской культуры. Исходной точкой работы стал тезис о локальном различии двух групп, занимающих различное географическое положение, и, как следствие, об их сосуществовании на значительном хронологическом отрезке.

С целью подтверждения данного тезиса было выделено восемь типов керамики — по четыре для каждой группы. Первые четыре типа (I—IV) соответствуют классическому этапу, следующие четыре (V—VIII) — каменнолоожскому (по периодизации М. П. Грязнова). В основу классификации, как указано в монографии, было положено соотношение высоты сосуда и наибольшего диаметра, а также набор иных формообразующих признаков (профиль и диаметр венчика, тип дна). Орнаментация при этом, по заявлению автора, использовалась как дополнительный признак, учиты-

валась также и техника изготовления. Всего для анализа «классической группы» памятников использовано около 300 сосудов, из которых только половина происходит из погребальных комплексов.

Просмотрев внимательно классификацию Э. А. Новгородовой, легко заметить общую связующую нить. Ключевым элементом в развитии керамики от I к IV типу является изменение формы дна — от 100 % круглодонных сосудов к сосудам с плоским дном. Исходя из этого, были выделены промежуточные типы и подтипы (II и III), по признанию автора, отличающиеся друг от друга только этим признаком. Ни одного дополнительного элемента, обосновывающего именно такой порядок развития керамики, предложено не было. Более того, обращая внимание на типы V—VIII (каменоложский этап), можно заметить ту же тенденцию развития от круглодонного типа V к плоскодонному типу VIII. С учетом того, что автор считает эти две группы развивающимися параллельно, становится ясна общая концепция работы.

Эта классификация не раз критиковалась исследователями, в первую очередь за отсутствие чётко описанных типов керамики, что не позволяет отнести конкретный сосуд к одному из них [Зяблин, 1977, с. 22—23; Максименков, 1978, с. 113—114]. Действительно, предложенная схема не может использоваться при изучении карасукской керамики по многим причинам. Во-первых, фактически она построена на развитии одного признака (форма дна сосудов). Во-вторых, Э. А. Новгородовой не удалось чётко описать выделенные типы керамики (кроме типа IV), поэтому границы групп размыты и точная привязка конкретных сосудов невозможна. В-третьих, выделение в классической карасукской керамике насчитывающей сейчас не менее 1600 сосудов, всего трех типов (IV тип — малочисленные сосуды индивидуальных форм) кажется малопродуктивным. Положительной стороной исследования является сам факт первой попытки создания типологии, описывающей максимальное число сосудов, а также некоторые принципы подхода — использование максимального числа доступных материалов, большое число критериев анализа. К сожалению, автор попытался доказать свою идею о параллельном развитии карасукской и каменоложской керамики от форм с круглым дном к плоскодонным, в результате полученная классификация оказалась нежизнеспособной, так как отражает не объективную ситуацию, а представления автора о культуругенезе.

Кардинально иной подход был использован в классификации, разработанной Л. П. Зяблиным для анализа материалов могильника Малые Копёны III [Зяблин, 1977, с. 22—27]. Отвергая и критикуя принципы, на которых базировалась работа Э. А. Новгородовой, автор полностью отрицает значение формы сосуда и, опираясь исключительно на орнаментацию, выделяет девять типов сосудов. При этом сосуды он относит к тому или иному типу в зависимости от сложности орнамента. Необходимо сразу отметить, что эта классификация разработана только применительно к материалам могильника Малые Копёны III. Сам автор от-

мечает, что среди материалов других могильников встречаются и иные типы орнаментов [Зяблин, 1977, с. 27]. Данное построение выглядит менее противоречиво, хотя и не лишено своих недостатков. Критикуя схему Э. А. Новгородовой, Л. П. Зяблин отмечает, что сосуды с разными формообразующими признаками (форма дна, наличие уступа и т. д.) сосуществуют в одном кургане и даже в одной могиле [Зяблин, 1977, с. 22], из чего делает вывод, что эти признаки не имеют принципиального значения. Далее он предлагает собственную классификацию, основанную на изучении степени сложности орнамента сосудов, и приводит сводную таблицу, в которой показывает, что все типы выделенных им орнаментов сосуществуют в одном кургане, а иногда и в одной могиле [Зяблин, 1977, с. 27]. Но ведь несколькими страницами ранее на основании именно этих же противоречий критиковалась схема Э. А. Новгородовой.

Сами по себе выделенные типы орнаментов не могут вызывать возражений, и они широко представлены в карасукских материалах. Но самостоятельное использование только орнаментальных композиций для типологического анализа сосудов — изначально порочный подход. Как показывает практика, нельзя не придавать значения формообразующим элементам. При изучении керамики очень важную роль играют такие признаки, как форма дна, организация выделения шейки сосуда, общие размеры и многие другие. Это утверждение может прочно базироваться на материалах могильника Сухое Озеро II. Г. А. Максименков в своей работе, посвящённой анализу материалов этого крупнейшего памятника, осуществил на более широком материале (280 сосудов) проверку классификации, аналогичной той, что была разработана Л. П. Зяблиным (с учётом специфики набора орнаментов). При этом были получены принципиально иные результаты. Сосуды с разными типами орнаментов оказались в разных территориальных группах, что, по мнению Г. А. Максименкова, свидетельствует о наличии хронологических различий.

Основное значение исследования Л. П. Зяблина в том, что он привлек внимание к вопросу об орнаментации карасукских сосудов. Необходимость использования при разработке типологии керамики не только формообразующих признаков стала очевидна. К сожалению, предложенная классификация не имеет перспектив реального использования, так как, во-первых, она построена на материалах только одного могильника и некоторые распространённые типы орнаментов в неё не вошли. Во-вторых, одностороннее использование в качестве типобразующей основы только орнаментальных композиций, а не комплекса признаков приводит к утрате значительной части информации.

Критикуя предшественников, Г. А. Максименков сначала в монографии «Андроновская культура на Енисее», а затем и в рукописи, посвящённой могильнику Сухое Озеро II, предлагает собственную концепцию типологии классической карасукской керамики [Максименков, 1978, с. 114]. Возвращаясь к первооснове, предложенной Э. А. Новгородовой, он использу-

ет два ведущих, по его мнению, формообразующих признака (форма дна и наличие уступа) для выделения шести основных типов. При этом форма дна рассматривается по трём позициям: плоское, уплощённое и округлое. Сочетание этих трёх признаков и факта наличия или отсутствия уступа и формирует указанные шесть типов. Однако, не останавливаясь на этом, Г. А. Максименков в качестве дополнения анализирует типологию на основе орнаментов, во многом повторяя классификацию, предложенную в работе Л. П. Зяблина.

Г. А. Максименков рассматривал две указанные классификации применительно к материалам могильника Сухое Озеро II. Этот могильник уникален тем, что на его территории выделяется пять групп погребений, и, по мнению автора раскопок, есть основания подозревать существование хронологических различий между ними. Для доказательства их наличия Г. А. Максименков проводит анализ распределения по территории могильника отдельных элементов (формы дна, уступа, орнаментации). В результате удалось установить, что в разных группах преобладают различные элементы. Если в более ранней, по мнению автора, части могильника в основном встречаются сосуды с уплощённым дном, уступом и богатой геометрической орнаментацией, то в более поздней части керамика в основном круглодонная, без уступа и с простой орнаментацией (желобки, ямки и т. д.). Это деление подтвердилось и при сопоставлении сосудов, происходящих из одной могилы.

Рассматривая данную концепцию, в первую очередь необходимо полностью согласиться с полученными результатами. Однако в ней есть, с позиции методики, слабые места, на которые необходимо обратить внимание. Г. А. Максименков, критикуя своих предшественников, отмечает, что их типологии однобоки и проблему они рассматривают не в комплексе, а лишь с одной стороны. Э. А. Новгородова использует только формообразующие признаки, а Л. П. Зяблин — исключительно орнаменты. В то же время в своей работе он так и не приводит их слияния и пользуется двумя различными методами, подходя к проблеме с разных сторон, но не анализируя её комплексно. Несмотря на то что по итогам обеих классификаций получены взаимоподтверждающие положительные результаты, раздельное их использование приводит к некоторому «смазыванию» итогов и вносит в работу значительный процент условности. Сосуды, собранные в один тип по орнаментации, часто по другой типологии (формообразующих признаков) оказываются в совершенно разных группах. Использование только двух признаков (форма дна и наличие уступа) делает типологию в значительной степени формализованной, что признаёт и сам автор. Размеры сосудов, их пропорции (соотношение высоты и максимальной ширины), форма венчика (прямой срез, заострённый край) и его изгиб — это только небольшой список важнейших признаков, не вошедших в исследование. Таким образом, классификация, предложенная Г. А. Максименковым, несомненно, решая поставленные перед ней за-

дачи, вряд ли станет стержневой для карасукской культуры.

Завершая обзор классификаций карасукской керамики, можно также упомянуть работу И. П. Лазаретова, выполненную специально для материалов поселения Торгажак [Лазаретов, 1996]. Это первое исследование, в котором использован комплексный подход. Пять выделенных групп сформированы на основе как формы сосудов, так и их орнаментов. Однако эта узко специализированная классификация не может рассматриваться в применении ко всей карасукской культуре или даже просто к другому памятнику, тем более что разрабатывалась она для анализа материалов поселения. Следует обратить внимание на некоторые ключевые отличия поселенческой керамики. В первую очередь это значительно более крупные размеры, отличающие кухонную посуду от столовой, которая обычно встречается в погребениях. Заметно отличаются орнаменты, где преобладают валики, ямки и косые насечки. Зато небольшая группа сосудов, относящихся, вероятно, к разряду столовой посуды, более схожи с привычными формами [Савинов, 1996, табл. XL, XLI], причём отличия от основной массы карасукской погребальной керамики полностью компенсируются чрезвычайной близостью с сериями из рядом расположенных могильников (Арбан I, Терг-Аба, Хара-Хая и др.), что привело к рассмотрению их в единой связке [Лазаретов, 1996, с. 35—36] и даже выделению локальной «арбанской» группы памятников [Поляков, 2002; Савинов, Поляков, 2007, с. 71—72]. Малочисленность исследованных карасукских поселений и привязка их исключительно к южной части ареала культуры пока не позволяют обоснованно подходить к вопросу о систематизации кухонной карасукской посуды. Решение этой серьёзной проблемы необходимо отложить до момента появления новых материалов.

Итак, за весь период изучения карасукской керамики так и не была разработана единая всесторонняя типология, на которую можно было бы уверенно опереться при анализе имеющихся материалов. Вышеуказанные попытки нельзя назвать полностью удачными. Ближе всех к цели подошёл Г. А. Максименков, однако и ему не хватило одного шага, чтобы объединить две схемы и разработать единую типологию, сочетающую в себе как формообразующие признаки, так и орнаменты. Разработка Э. А. Новгородовой не может быть привлечена ввиду крайней противоречивости ее при описании типов. Классификации Л. П. Зяблина и И. П. Лазаретова специализированы и направлены на описание керамики конкретного памятника. Кроме того, все исследования проводились на более ограниченном материале, нежели имеющиеся в нашем распоряжении (1337 сосудов). Э. А. Новгородовой исследованы 300 сосудов, Л. П. Зяблиным — 141 сосуд, Г. А. Максименковым — 450 сосудов, И. П. Лазаретовым — 202 сосуда. В настоящее время существует необходимость разработки комплексной типологии карасукской керамики, органично объединяющей в себе две грани описания сосуда: орнамент и форму. При создании типологии необходимо учитывать существование в сериях

карасукских сосудов хронологических групп, в частности, прослеженных Г. А. Максименковым. Создание описательных классификаций, в которых типы никак не связаны между собой, бесперспективно. Типология должна в полной мере отражать естественный процесс развития керамической традиции.

Именно такой подход был использован при разработке в процессе изучения относительной хронологии карасукских памятников классического этапа новой типологии керамики [Поляков, 2006б, с. 7—10]. Наблюдения, сделанные Г. А. Максименковым при изучении могильника Сухое Озеро II, оказались справедливы для всех крупнейших исследованных могильников. Действительно, посуда с определённым набором признаков (уступ, уплощённая форма дна, «богатые» геометрические орнаменты) встречается в погребениях, тяготеющих к центральной части могильного поля, на периферии которого признаки сосудов иные (орнамент в виде каннелюров, круглая форма). На примере могильников Кюргеннер I и Малые Копёны III это было продемонстрировано в предыдущей главе. Более того, удалось установить, что эти признаки чётко взаимосвязаны между собой и представляют устойчивые сочетания. Например, сосуды, орнаментированные по шейке каннелюрами или резными линиями, в 95 % случаев имеют дно круглой формы. Подобные наблюдения и легли в основу типологии. При этом изучение процессов развития отдельных признаков позволило получить не механическую классификацию, а систему типологических рядов, отражающих реальное развитие некоторых линий керамической традиции.

Ведущий признак, позволяющий наиболее полно и адекватно отразить суть типологии, — способ оформления шейки сосуда. Наиболее яркие результаты, при анализе методом горизонтальной стратиграфии, были получены для двух элементов: уступа и орнамента в виде нескольких линий или желобков на шейке. Если абстрагироваться от методологических постулатов, то и первое и второе являются именно способом оформления шейки сосуда. Основные типы сосудов могут быть чётко систематизированы именно по этому признаку, а форма дна, пропорции, орнаменты на тулове сосуда играют роль дополнительных элементов.

Представленная типология является результатом морфологического анализа 1337 сосудов из карасукских погребений (по формообразующим признакам и орнаментам). Всего в ней представлено восемь типов. Типы I и II делятся на варианты, имеющие хронологическое значение (они маркируются буквами — а, б, в). Тип III подразделяется на варианты, имеющие отчасти локальную основу (для их обозначения использованы арабские цифры — 1, 2, 3). Эта схема позволяет уверенно описать около 95 % всей рассмотренной керамики, что является вполне приемлемым процентом. Основу типологии составляют первые четыре типа сосудов (I—IV). Они наиболее многочисленны и уверенно могут быть названы собственно карасукскими. Остальные типы (V—VIII) представлены значительно меньшим количеством изделий. Причём в двух случаях прослеживаются отчётливые параллели с синхронны-

ми культурами других регионов (еловской и саргары-алексеевской). Это даёт основание относить указанные типы к редким или инородным и рассматривать их отдельно.

Основные типы собственно карасукской керамики

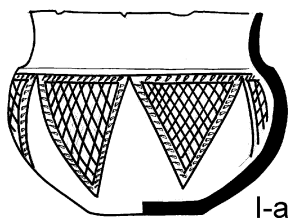
I тип — сосуды с уступом в месте перехода от плечиков к шейке или имитацией его резной линией (443 сосуда). Обычно это приземистые горшки с низким центром тяжести, уплощённой или, реже, круглой формой дна, иногда с орнаментом, нанесённым резными линиями или зубчатым штампом (рис. 31, 2—4, 6, 7; 38, 8—11, 18; 40, 2—5, 7, 10, 11 и др.). Подобное разнообразие основных признаков связано с продолжительной хронологической линией развития сосудов этого типа, прослеженной на основе горизонтальной стратиграфии. Кроме ключевого признака — уступа, можно отметить несколько динамично изменяющихся элементов, каждый из которых в рамках этого типа имеет хронологическое значение.

Во-первых, это наличие на тулове сосуда дополнительного орнамента. На основе всё той же горизонтальной стратиграфии удалось проследить, что в наиболее ранних погребениях именно такая посуда встречается гораздо чаще, чем неорнаментированная. В процессе заполнения могильного поля в могилы всё реже попадают сосуды с уступом и дополнительным орнаментом. Во-вторых, развитие формы дна сосудов от уплощённой к круглой. В наиболее ранних курганах практически вся посуда имеет дно уплощённой формы. Впоследствии количество керамики с округлой формой дна быстро растёт, достигая максимума на периферии могильного поля. В-третьих, постепенное уменьшение высоты венчика над уступом. Для более ранних сосудов этот показатель значителен и даже иногда гипертрофирован (от 3 до 7 см). Со временем наблюдается тенденция к уменьшению высоты венчика до 2—3 см. Все эти процессы развиваются параллельно, но не равномерно. В качестве опорного для формирования хронологии типа выбран первый признак (наличие дополнительного орнамента). Причина такого подхода заключается в том, что форма дна сосуда часто не восстанавливается, к тому же между круглой и уплощённой формой дна нет чёткой границы, которую бы все исследователи воспринимали одинаково. Высота венчика тоже не подходит на роль качественного критерия. Не в последнюю очередь она зависит от размеров сосуда, а введение сложных коэффициентов (например, отношение высоты венчика к высоте сосуда) неоправданно затруднит использование типологии.

Таким образом, удалось сформировать три варианта сосудов I типа. Подтип I-а — характеризуется наличием под уступом дополнительного орнамента. Подтип I-б, соответственно, — отсутствием орнаментов. И наконец, хронологически наиболее поздний вариант I-в — сосуды без орнамента, на которых уступ имитируется

резной линией. Причём эти варианты существуют не строго последовательно, а постепенно сменяют друг друга. Так, в наиболее ранних погребениях в подавляющем большинстве случаев встречается посуда подтипа I-а. Керамика, относящаяся к варианту I-б, в единичных случаях тоже бывает обнаружена в этих ранних погребениях, но тогда ее отличают другие ранние по своей сути элементы — уплощённая форма дна, высокий венчик над уступом. Со временем количество сосудов подтипа I-а устойчиво снижается, количество же сосудов подтипа I-б, соответственно, растёт, пока они полностью не вытесняют более ранний вариант. Параллельно на обоих этих подтипах продолжают сказываться общие тенденции — отказ от уплощённой формы дна и снижение высоты венчика над уступом. Наконец, на завершающей стадии развития типа, когда вариант I-а уже не встречается в погребениях, появляются сосуды подтипа I-в, на которых уступ имитируется резной линией. Обращает на себя внимание, что по всей сумме признаков этот вариант сосудов находится в одном шаге от посуды подтипа III-2. Фактически они различаются только количеством резных линий на шейке сосуда.

По своему происхождению I тип керамики, вероятно, связан с V и VI типами. Это отражается как в наличии переходных форм, так и в некоторых других признаках. Например, серия ранних сосудов с уступом отчётливо демонстрирует характерную горшковидную форму, уплощённое дно и вертикально вытянутые пропорции с высоким центром тяжести. Это очень наглядно демонстрирует переход от одного типа к другому, что подтверждается практически идентичным набором орнаментов.

I-а

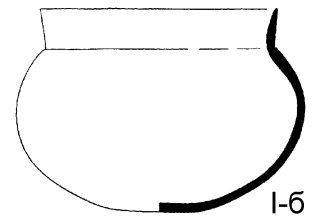
Подтип I-а. Сосуды с уступом и дополнительным орнаментом (рис. 68). Керамические сосуды этого подтипа обычно имеют дно уплощённой формы (~80 %) и значительную высоту венчика над уступом. В рамках рассматриваемой серии к подтипу I-а можно отнести 173 сосуда. Представлены они в основном в комплексах: Орак [Комарова, 1975, рис. 4, 1, 2, 4, 8], Мара [Паульс, 2000, рис. 4, 1, 2, 4, 5], Сухое Озеро II, Первомайский, Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 6, 1—4, 7, 9—11, 15—17; 7, 2—4, 7, 8, 11, 17, 18; 8, 1, 2, 5, 9, 11, 12], Кюргеннер I и II, Усть-Ерба, Мохов VI. Орнаменты обычно наносились резными линиями и, заметно реже, зубчатым штампом. Их можно разделить на простые (использование только одного мотива или элемента) и сложные (комбинация из набора орнаментов). Среди простых орнаментов наиболее часто встречается горизонтальный зигзаг, который располагается в один или несколько рядов, образуя ромбы (рис. 68, 1—3). Иногда горизонтальный зигзаг формируется разнонаправленными треугольниками. Не реже встречаются треугольные шевроны, направленные от линии уступа вниз (рис. 68, 4—7, 17). Иногда фиксируется «ирмен-

ский поясок» — полоса ромбов, выделенная горизонтальными линиями (рис. 68, 8, 9).

Сложные орнаменты тоже в значительной степени единообразны. В качестве основных элементов почти всегда выступают «ирменский поясок» и шевроны (рис. 68, 10—16). Их комбинации в сочетании с другими, более редкими, элементами создают неповторимый колорит карасукской керамики. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на разнообразие методов заполнения шевронов, наблюдается определённая унификация. К примеру, сосуды с идентичным орнаментом обнаружены как в северных комплексах, например Мара (рис. 68, 11), так и в южном могильнике Арбан I, где он же нанесён зубчатым штампом (рис. 68, 12). Случаи уникальных орнаментов единичны, все известные сложные орнаменты можно свести к нескольким вариантам, что опровергает мнение об их разнообразии.

Посуда с простыми орнаментами, вероятно, занимает несколько более раннюю хронологическую нишу. Это выражается в том, что среди них более высок процент сосудов с уплощённым дном и они практически не встречаются в одном кургане с относительно поздней керамикой. Однако относительность этих признаков не позволяет делать далеко идущие выводы и тем более выделять отдельный подтип.

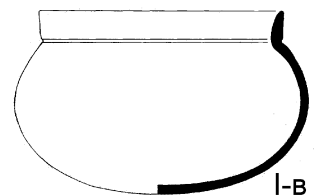
Подтип I-б. Сосуды с уступом без орнамента (рис. 69, 1—15). Наиболее распространённый подтип посуды (240 сосудов). Присутствует практически во всех (за редким исключением) известных могильниках. Особенно чётко выделяется на основании серии комплексов: Карасук I, Варча I, Барсучиха I, Сабинка II, где составляет ощутимый процент (в могильнике Карасук I — до 40 %) при практически полном отсутствии сосудов более раннего подтипа I-а.

I-б

В условиях отсутствия орнаментов на передний план выходят формообразующие признаки, развивающиеся в русле общих уже отмеченных тенденций. Наиболее ранние образцы керамики, синхронные подтипу I-а, имеют уплощённое дно, вертикально вытянутые пропорции и значительную высоту венчика над уступом (рис. 69, 1—5). Со временем происходит постепенный переход к традиционным карасукским формам. Центр тяжести снижается, дно округляется, уменьшается высота венчика (рис. 69, 10—15). В среднем число сосудов с уплощённым дном для этого подтипа составляет около 30 %.

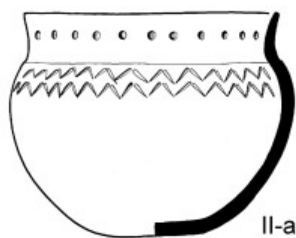
Подтип I-в. Сосуды, на которых уступ имитируется с помощью резной линии, логически завершают линейку развития I типа (рис. 69, 16—19). Обращает на себя внимание отсутствие образцов с уплощённой формой дна, геометрических орнаментов, а также небольшая высота венчика

I-в

над резной линией. Именно на основании суммы этих признаков подтип I-в может быть уверенно отнесён к финалу развития типа. К сожалению, точно выделить эту группу на основании имеющихся рисунков не всегда возможно. Различная манера исполнения изображений при зарисовке коллекций не позволяет уверенно разделить подтипы I-б и I-в. Изучение доступных комплексов дает основания оценивать количество сосудов данного подтипа не менее чем в 30 экземпляров. Они обнаружены в таких могильниках, как Сухое Озеро II, Карасук I, Барсучиха I, Варча I, Белоярск II, Быстрая II, III и др.

II тип — сосуды, орнаментированные по шейке ямками (230 экземпляров). Это относительно крупные сосуды с шаровидным туловом (рис. 70, 71). Центр тяжести располагается в средней части, преобладает округлая форма дна. Керамика этого типа орнаментируется исключительно простыми орнаментами — ямками и насечками. Геометрические орнаменты на них не встречаются. Среднестатистически эти сосуды имеют в 1,5—2,0 раза больший объём по сравнению с посудой I и III типов, что хорошо заметно на представленных таблицах. Учитывая эти особенности и явное превалирование схожей посуды в материалах поселения Торгажак [Савинов, 1996, табл. XLII—XLIX], можно с осторожностью предположить несколько иное её предназначение. Вероятно, она ближе к кухонной посуде, чем остальные типы.

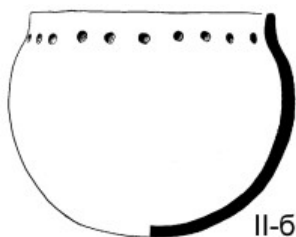

II-a

Подтип II-a. Сосуды с ямочным орнаментом и уступом (рис. 70, 1—6). Эта небольшая группа отличается значительным процентом посуды с уплощённой формой дна (~75%). В качестве дополнительного элемента орнамента отмечен

только горизонтальный зигзаг под уступом, нанесённый в два ряда (рис. 70, 4, 5). Сосуды подтипа II-a отмечены в разных комплексах: Сухое Озеро II, Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 4, 15—17; 6, 9], Окунев Улус, Быстрая III. Они малочисленны (15 случаев) и выделены в отдельный подтип только потому, что позволяют уверенно обособить по всему набору признаков наиболее раннюю группу сосудов II типа.

Отдельно необходимо оговорить, на каком основании они отнесены ко II, а не к I типу. Фактически наблюдается скрещивание признаков двух разных типов. Но решающим доводом в данном случае следует считать пропорции сосуда, поскольку они объясняют суть его функционального назначения. Сосуды этого подтипа по равному соотношению высоты и ширины и несколько большим объёмам относятся к хозяйственной посуде II типа, и уступ в данном случае является лишь элементом декора.

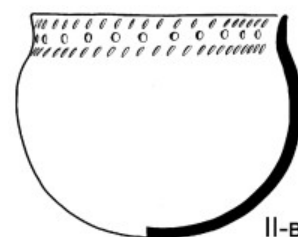

II-b

Подтип II-б. Сосуды с плавным профилем и ямоч-

ным орнаментом, равномерно нанесённым в один ряд округлыми вдавлениями (рис. 70, 7—15). Характеризуются заметным объёмом, свойственным всей керамике этого типа, и практически полным отсутствием каких-либо дополнительных орнаментов (за крайне редким исключением). Только 10% сосудов этого подтипа имеют уплощённое дно. Подобная керамика представлена в большинстве раскопанных на сегодня могильников (100 экземпляров).

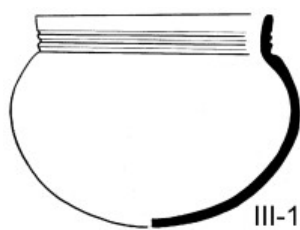
Подтип II-в. Сосуды с плавным профилем и ямочным орнаментом, имеющим серию дополнительных признаков (рис. 71). Данный подтип продолжает линию развития керамики II типа и выделяется на основании появления новых признаков орнамента (116 экземпляров). Можно выделить три основных элемента, характерных именно для подтипа II-в. Во-первых, это могут быть ряды дополнительных наклонных насечек на шейке и венчике сосуда (рис. 71, 1—7, 10, 13, 14). Во-вторых, ямки группируются в серии по несколько штук (от 2 до 7) и иногда образуют группы наколов в виде треугольников (рис. 71, 1, 3, 6, 8, 9, 11, 12). В-третьих, форма ямок меняется с круглой на треугольную, ромбовидную или каплевидную (рис. 71, 6, 8). Все эти признаки довольно часто встречаются на одном сосуде одновременно.

II-в

III тип — керамика, орнаментированная несколькими желобками (каннелюрами) или линиями по шейке (428 экземпляров). Это в основном приземистые сосуды с чётко выраженной невысокой шейкой без подрезки и круглой формой дна (рис. 72; 73, 1—9). Как показало исследование горизонтальной стратиграфии, посуда этого типа имеет относительно более позднюю хронологическую дату, чем керамика с уступом (I тип). В составе крупных могильных полей горшки, орнаментированные каннелюрами и резными линиями по шейке, встречаются в могилах, расположенных на периферии. В небольших памятниках, где отсутствует посуда I типа, именно III тип керамики выходит на передний план, составляя очень значительный процент (например, Белоярск II — около 60%).

К сожалению, пока не удалось выявить чётких и однозначных критериев, которые позволили бы проследить процесс развития этого типа во времени. В первую очередь это связано с тем, что отчётливо нарастает «вес» локальных особенностей в сериях керамики из различных могильников. Если посуда I типа мало различается по всему ареалу своего распространения, то признаки керамики III типа довольно сильно варьируются в зависимости от местоположения памятника. В результате вместо хронологических подтипов пришлось выделить варианты, имеющие, по сути, локальные отличия. Чтобы корректно отличать их, вместо буквенных индексов были использованы арабские цифры (III-1, III-2, III-3).

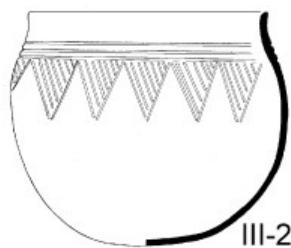
III-1

Подтип III-1. Сосуды с несколькими желобками (каннелюрами) на шейке (156 экземпляров) и иногда с дополнительным резным орнаментом (рис. 72, 1—9). Ключевое отличие этого подтипа заключается в том,

что орнамент на шейке нанесён в виде широких желобков. Практически все известные образцы подобной посуды были обнаружены в погребениях могильников из северной части ареала культуры: Сухое Озеро II, Карасук I, Варча I, Барсучиха I, Белоярск II. В относительно более южных памятниках их нет, зато там заметно преобладает керамика подтипов III-2 и III-3.

Образцы подобной посуды из северных могильников имеют традиционные для карасукской культуры призматические формы с низким центром тяжести. Значительно преобладают сосуды с круглой формой дна. По своим пропорциям керамика подтипа III-1 может быть сопоставлена с посудой подтипа I-в, хотя с уверенностью говорить о их полной преемственности нельзя, так как происхождение орнамента в виде широких желобков не удаётся связать с более ранней карасукской традицией.

Иногда на посуде этого подтипа встречается дополнительный геометрический орнамент (менее 20 % случаев), выполненный исключительно резным способом. Не отмечено ни одного случая формирования сложных композиций орнаментов. Отсутствуют такие элементы, как «кирменский пояс» и горизонтальный зигзаг. Их место занимают заштрихованные ромбы — орнамент, для сосудов с уступом I типа неизвестный (рис. 72, 1). Сохраняют свои позиции треугольные шевроны, однако их внутреннее заполнение заметно упростилось (рис. 72, 2—4). Иногда встречаются заштрихованные ленты (рис. 33, 15). Кроме геометрических орнаментов, появляются ряды насечек, аналогичных тем, что были зафиксированы на сосудах подтипа II-в (рис. 72, 2, 4).

III-2

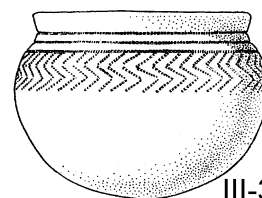
Подтип III-2. Сосуды с несколькими резными линиями на шейке (от двух до четырёх) и иногда с дополнительным орнаментом (рис. 72, 10—18). Это наиболее распространённый подтип — в рамках серии насчитывается 241 сосуд. Чаще всего подобная керамика встречается в центральной части ареала культуры. Обширные серии представлены в составе могильников Белый Яр V, Лысуха I, Кюргеннер I и II, Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 5, 1—7], Окунев Улус. Однако отдельные сосуды встречаются практически во всех раскопанных на сегодня могильниках. Посуда этого подтипа чаще имеет круглую форму дна, однако в южном и отчасти центральном районах прослеживается определённая тенденция либо к уплощению дна, либо к остродонности (рис. 72, 10, 13, 18). Возможно, это связано с про-

цессом формирования керамической традиции каменоложского этапа.

цессом формирования керамической традиции каменоложского этапа.

Дополнительные орнаменты на посуде этого подтипа встречаются несколько чаще (около 30 %), причём больше всего их на сосудах из могильников центрального района. Например, сосуды подтипа III-а, обнаруженные при раскопках могильника Белый Яр V, имеют дополнительный орнамент в 45 % случаев. Набор используемых орнаментов повторяет с некоторой долей своеобразия орнаменты, уже перечисленные для предыдущего подтипа. Например, косые насечки, расположенные на венчике, группируются в наборы [Членова, 1972, табл. 16, 9]. Кроме того, среди орнаментов появляется вертикальный зигзаг, более характерный для посуды каменоложского этапа (рис. 72, 13). Для этого подтипа известно несколько экземпляров сосудов с ручками (рис. 72, 13).

Подтип III-3. Сосуды с одной или несколькими линиями на шейке, нанесёнными зубчатым штампом, иногда с дополнительным орнаментом (31 экземпляр) (рис. 73, 1—9). Могильники с подобной керамикой немногочисленны и занимают очень локальную зону в юго-западной части ареала культуры: Арбан I [Савинов, Поляков, 2007, рис. 7, 4; 8, 4, 11, 13, 14, 19, 21], Терт-Аба [Павлов, 1999, рис. 7, 4; 12, 1; 42, 1 и др.], Хара-Хая [Кызласов, 1971, рис. 4, 1; Филиппова, 1980, рис. 1, 3; 5; 6], Есинская МТС, Анчил-Чон [Bokovenko, Legrand, 2000, abb. 9, D4, H8]. Аналогичная посуда массово зафиксирована в материалах расположенного рядом поселения Торгажак [Савинов, 1996, табл. XLI]. Все эти комплексы выделяются в локальную «арбанскую» группу [Поляков, 2002, с. 212; Савинов, Поляков, 2007, с. 71—72]. На периферии региона отдельные сосуды этого подтипа обнаружены в могильниках: Сабинка II, Белый Яр V, Окунев Улус.

III-3

Ключевой признак, выделяющий этот подтип, — нанесение орнамента методом зубчатого штампа, причём как самих линий на шейке сосуда, так и дополнительного орнамента, который встречается довольно часто (около 65 % случаев). Мотивы точно такие же, как и в предыдущем случае: треугольные шевроны (рис. 73, 2, 5—7), вертикальный зигзаг (рис. 73, 1, 4). Кроме того, можно отметить общее изменение формы сосуда. Шейка выделяется менее чётко, часто встречаются образцы с уплощённым дном, фиксируются экземпляры с зауженным горлом. Отдельной чертой следует считать грубость изготовления сосудов. Их поверхность не залащивалась, использовалось очень плохо отмученное тесто с присадкой большого количества дресвы, орнамент наносился крайне небрежно. Формы плохо выдержаны, сосуды часто перекошены.

IV тип — сосуды с плавным профилем без подчеркнутого выделения шейки и чаще с круглой формой дна (149 экземпляров) (рис. 73, 10—18). От перечислен-

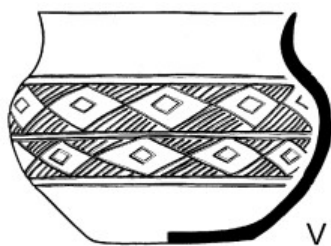

IV

ных выше типов их отличает в первую очередь отсутствие дополнительного выделения на шейке сосуда (уступа или орнамента — ямки, линии). Профиль и размеры сосудов этого типа варьируются в очень широких пределах, что, вероятно, связано с общими тенденциями самого позднего хронологического пласта карасукской керамики. В северной группе памятников они имеют в основном круглую форму дна, а в южных районах, и особенно в «арбанской» группе, чаще уплощённую. Как уже отмечалось, подобная локализация признака свойственна практически всей карасукской керамике.

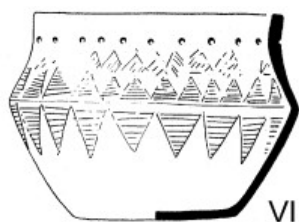
Малочисленные типы сосудов, встречающиеся в карасукских погребениях

V тип — сосуды горшковидной формы с плавным профилем и уплощённой формой дна (рис. 74, 1—3). Сосуды V типа (всего около 20 экземпляров) присутствуют в материалах таких могильников, как: Сухое Озеро II, Малые Копёны III [Зяблин, 1977, рис. 8, 8, 10, 13], Мохов VI, Кюргеннер I (рис. 35, 4), Усть-Ерба.

Будучи «разбросаны» единичными экземплярами по различным памятникам, они терялись в массе собственно карасукской керамики. Однако при формировании типологии, попав в одну группу, эти сосуды

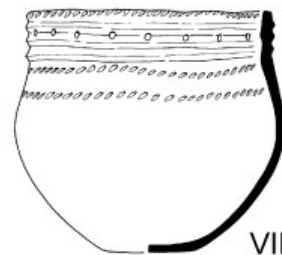
продемонстрировали набор очень характерных признаков, явно сближающих их с более ранним андроновским хронологическим горизонтом. Практически все они орнаментированы (за очень редким исключением), имеют уплощённое дно и характерную горшковидную форму. Наиболее распространён орнамент в виде одного или двух рядов «ирменских» поясков (полоса ромбов, выделенная резными линиями) на плечиках и тулове сосуда [Зяблин, 1977, рис. 8, 10; Членова, 1972, табл. 13, 13]. Заметно реже встречаются заштрихованные треугольные шевроны (рис. 74, 2) или резная сетка (рис. 74, 3). Другие типы орнаментации, например меандр, встречаются в единичных случаях (рис. 74, 1). Керамика этого типа представляет интерес в первую очередь с точки зрения поиска истоков происхождения карасукской культуры. Следует обратить внимание на практически полную идентичность сосудов этого типа с керамикой I и части II Еловских могильников [Матюшенко, Сотникова, 1984, с. 49—50, рис. 7; Матюшенко, 2001; 2004].

VI тип — острорёберные сосуды характерной биконической формы с уплощённым дном (рис. 74, 4—6). Они крайне малочисленны (8 сосудов), но заметная монолитность группы и практически полная

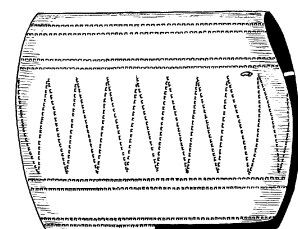
идентичность орнаментов заставляют выделить их в отдельный тип. Удивляет очень устойчивое сочетание уникальной формы, совершенно не характерной для карасукской посуды, и единственного орнаментального мотива — нескольких рядов горизонтальных зигзагов или треугольных шевронов, отходящих в разные стороны от центрального ребра. Пока прямые аналогии им обнаружить не удалось, но есть основания подозревать, что, как и в случае с V типом, они являются следствием влияния со стороны одной из сопредельных культур.

VII тип — сосуды с уплощённым дном и прямым срезом венчика, орнаментированные валиками, ямками и косыми насечками (34 сосуда) (рис. 74, 7—9). Они выделяются на фоне приземистой карасукской керамики примерно равным соотношением высоты и наибольшего диаметра. В отличие от остальной хорошо выделанной карасукской посуды, сосуды VII типа не ложились, сделаны грубо, тесто содержит большое количество присадок (в основном крупная дресва). Эта группа уже была сначала отмечена И. П. Лазаретовым [Лазаретов, 1991], а затем обособлена Н. Л. Членовой как «анашенский» тип [Членова, 1992]. К сожалению, это название неудачно, так как на основании весьма разнообразных материалов поселения Анаш характеризовать узкую группу керамики из погребений не совсем корректно.

Этот тип посуды редко встречается в погребениях и представлен сериями только в материалах двух могильников (Малые Копёны III и Кюргеннер I), причём курганы, их содержащие, объединены в компактные группы в рамках могильного поля. Обращает на себя внимание заметная схожесть этого типа с образцами посуды культур валиковой керамики (КВК) из областей Южного Приуралья и Казахстана. По сумме признаков она может быть сопоставлена с сосудами выделенной в последние десятилетия саргары-алексеевской культуры [Потёмкина, 1975; Зданович, 1979].

VIII тип — плоскодонные сосуды с вертикальными стенками без выделенной шейки (рис. 74, 10—12). В литературе они получили традиционное название — «бадейки» или бадейкообразные сосуды [Липский, 1956, с. 138; Кызласов, 1971, с. 182; Лазаретов, 1996, с. 35]. Это очень редкая и своеобразная форма керамики — единственный тип карасукской посуды, имеющих не уплощённое, а действительно плоское дно. Всего в погребениях обнаружено 14 экземпляров таких сосудов, но их уникальность позволяет выделить их в самостоятельный тип керамики. Орнаментация зафиксирована на всех известных сосудах, причём в северном и центральном районах она наносится рез-

ными линиями, а в памятниках «арбанской» группы — зубчатым штампом. Мотивы ничем не отличаются от тех, что были отмечены для III типа керамики: треугольные шевроны (рис. 74, 11) и вертикальный зигзаг (рис. 74, 12). Кроме того, «бадейки» выделяются наличием в 100 % случаев либо ручек, либо парных отверстий, играющих, по всей видимости, аналогичную роль.

На основании предложенной типологии был проведён статистический анализ встречаемости сосудов различных типов в одной могиле (рис. 75). На представленной таблице хорошо заметно, что формируются три группы керамики, внутри которых присутствуют устойчивые связи. Предложенная нумерация отражает уровень взаимосвязи между группами. Группа I-а представлена типами керамики I-а, II-а, V, VI. Группа I-б — типами керамики I-б, II-б и VII. Наконец, группа II объединяет остальные типы — I-в, II-в, III, IV, VIII. На статистической таблице эти группы расположены с некоторым «нахлестом», что свидетельствует о постепенности развития и о наличии плавных переходов между ними. Обращает на себя внимание, что керамика группы I-а никогда не встречается в одной могиле с посудой группы II. Зато сосуды группы I-б являются «мостиком», связывающим их между собой. Они могут встречаться в одном погребении и с теми, и с другими.

Можно отметить один важный момент, оказывающий заметное влияние на представленную статистику. Малое количество связей в группе I-а объясняется тем, что в могилу традиционно ставили один сосуд, появление второго — уже редкость. Для группы I-б два сосуда в могиле гораздо более распространённое явление. А группа II отличается традицией помещения в погребения двух-трёх, а иногда и до семи сосудов. Как следствие это приводит к заметной диспропорции в статистике. Данное наблюдение позволяет выявить ещё одну тенденцию, свойственную уже погребальной карасукской традиции. В процессе развития во времени классического этапа культуры происходит постепенное увеличение числа сосудов в погребении.

Обоснование определённой хронологической последовательности в существовании выделенных групп базируется на результатах анализа горизонтальной стратиграфии двенадцати крупнейших карасукских могильников. На их планах погребения, содержащие посуду этих групп, чётко обособлены. Могилы с керамикой группы I занимают центральное положение, группы II — периферийное, что наиболее отчётливо прослеживается на плане могильника Малые Копёны III (рис. 57). Этот могильник использован в качестве примера не случайно. Пока он остаётся единственным крупным карасукским памятником, материалы которого полностью опубликованы [Зяблин, 1977]. Используя эти данные, любой исследователь может проверить правомерность сделанных наблюдений.

Кроме того, существование определённой линии развития керамики можно проследить и при сопоставлении с хронологически смежными керамическими

традициями (рис. 82). Её направление отчётливо устанавливается. Группа I-а имеет многочисленные аналогии с андроновской керамикой: уплощённая форма дна, геометрическая орнаментация на подавляющем большинстве сосудов, уступ, горшковидная форма наиболее ранних сосудов и другие. В то же время группа II фиксирует большой спектр признаков, связанных с керамической традицией каменоложского этапа культуры: характерные орнаменты (вертикальный зигзаг, узкие треугольные шевроны, косые насечки по венчику), тенденция к остродонности в южных районах, наклепные ручки на сосудах.

Группа I. Относительно ранняя часть карасукской керамической традиции. Наиболее чётко характеризуется сосудами с уступом (I тип), составляющими около 70 % её материалов. На основании прослеженных хронологических тенденций разделяется на две самостоятельные подгруппы, существовавшие последовательно (I-а и I-б).

Группа I-а. Наиболее ранняя группа карасукской посуды. Выделяется на основании сосудов четырёх типов — I-а, II-а, V, VI (рис. 62, 1—4, 7—10, 12—14), которые объединяются серией общих признаков, подтверждающих факт их синхронности. Во-первых, это уплощённая форма дна, одинаково характерная для всех четырёх перечисленных типов. Во-вторых, практически идентичный набор геометрических орнаментов, часть которых известны исключительно только для этой группы и на других сосудах не встречаются (горизонтальный зигзаг, «ирменский поясок», меандр). В-третьих, часть посуды этой группы имеет не совсем характерные для карасукской традиции пропорции. Это выражается в наличии сосудов горшковидной формы, более известной для андроновской керамики. По всей видимости, сложение традиционных карасукских приземистых форм неразрывно связано с переходом к круглой форме дна, и этот процесс активно шёл в течение развития всей группы I.

Сосуды четырёх перечисленных типов имеют хороший обжиг, хорошего качества лощение, иногда ангобированы. Орнамент нанесён тщательно, при этом чаще всего используется метод резных линий и заметно реже — гладкий или зубчатый штамп. Отдельных памятников, где была бы обнаружена керамика только этой группы, не зафиксировано. Зато в качестве составляющей серии посуды группы I-а представлены в материалах могильников Орак III, Сухое Озеро II, Малые Копёны III, Кюргеннер I и II, Тепсей V, Усть-Ерба. В тех случаях, когда это возможно проследить, погребения, содержащие эту керамику, формируют «ядро» памятника. Все перечисленные могильники располагаются исключительно в северной части ареала культуры, не пересекая границу Подкунинских Гор (рис. 60). Аналогичный ареал распространения имеет в Хакасии предшествующая андроновская культура (рис. 61). Данное наблюдение косвенно подтверждает ранний возраст именно этой группы сосудов и некоторую связь с предшествующим андроновским культурным пластом.

Малочисленные сосуды V и VI типов связаны исключительно с группой I-а и не выходят за её рамки. С одной стороны, особенности их формы и ornamentации не позволяют относить их к разряду собственно карасукской керамики, с другой — нет сомнения, что образцы этой посуды оказали заметное влияние на стадии формирования местной традиции изготовления посуды. Прослеженные аналогии керамики V типа, а также керамики I и II Еловских могильников ставят перед исследователями очень серьёзные вопросы (рис. 59). Если предположить, что керамика V типа относится к еловской культуре, то приходится признать её участие в качестве одного из компонентов при формировании карасукской культурной традиции.

Группа I-б. Следующая стадия развития карасукской керамики. Определяющий набор сосудов: типы I-б и II-б, представляющие естественный результат развития уже сложившихся типов (рис. 63, 1—8, 11—14). На этой стадии тоже фиксируются общие черты, характерные для всей посуды. Во-первых, постепенное, но полное исчезновение любых геометрических орнаментов. Во-вторых, плавный переход к преобладанию сосудов с круглой формой дна. Выкристаллизовывается узнаваемый облик карасукской керамики: приземистые формы с низким центром тяжести и явным преобладанием ширины над высотой. Нетрудно заметить, что это является развитием процессов, начавшихся ещё в рамках группы I-а. Суммарно отмеченные тенденции можно описать двумя словами: унификация и упрощение. Неорнаментированные сосуды с уступом (подтип I-б) являются самым распространённым вариантом карасукской посуды и составляют четверть всех известных материалов. Исчезновение геометрической ornamentации и определённая стабилизация форм — это общие процессы, действующие на протяжении существования всей группы I.

Список памятников, в которых присутствуют материалы группы I-б, очень обширен (рис. 67). Его можно условно разделить на три части. Первая — это могильники, содержащие погребения группы I-а и продолжающие своё развитие на новой стадии (Сухое Озеро II, Малые Копёны III, Кюргеннер I и II, Усть-Ерба, Окунев Улус I и др.). Вторая — расположенные в рамках прежнего ареала (Карасук I, Варча I, Барсучиха I) новые могильники, в которых нет более ранних серий керамики. Вероятно, их формирование связано с ростом численности населения, появлением новых поселений и, как следствие, новых кладбищ. Наконец, третья часть памятников тоже могут быть связаны с активными демографическими процессами, так как некоторые могильники расширяют ареал карасукской культуры в южном направлении (Быстрая, Сабинка II, Терт-Аба). Обращает на себя внимание первое появление локальных отличий, связанных именно с последней группой памятников. В этом районе процесс перехода к круглой форме дна ошутимо затягивается. Большинство сосудов подтипов I-б и II-б не только сохраняют уплощённую форму дна, но и имеют более вертикально вытянутые пропорции и горшковидную форму.

Совершенно инородным телом на фоне собственно карасукской керамики выглядят сосуды VII типа (рис. 63, 16—18). Большинство признаков этой посуды ранее (в составе группы I) не фиксировались. В частности, не находят аналогий: прямой срез венчика, формованные валики, косые насечки (иногда и по венчику). Заметны отличия и в технологии их изготовления. Керамика типов I-б и II-б продолжает традиции группы I-а. Сосуды хорошо обожжены, тесто плотное, с небольшим количеством отощителя, по-прежнему часто встречается лощение. Керамика VII типа не лощится, поверхность сосудов грубая, тесто относительно рыхлое, отощитель — крупная дресва. При изучении серии посуды с валиками из материалов могильников Кюргеннер I и II был зафиксирован иной способ формирования венчика сосуда.

В результате есть все основания выделять эту серию керамики в самостоятельный тип, никак не связанный с карасукской традицией. Можно сразу обратить внимание, что очень схожие по внешним признакам сосуды относятся к памятникам саргары-алексеевской культуры и очень широко распространены к западу от Минусинских котловин на территории Казахстана и Южного Приуралья [Зданович, 1988, с. 114; Мосин, Григорьев, 2000, с. 392—402; Варфоломеев, 1987, с. 56—68; Аванесова, 1991, с. 100—102]. Аналогичная керамика найдена на поселениях Западной Сибири [Шамшин, 2005а, с. 152—153; 2005б, с. 98]. Как показывает изучение относительной хронологии карасукских памятников, погребения с керамикой этого типа демонстрируют и другие признаки, резко выделяющие их из круга карасукских древностей. Подробнее этот вопрос рассматривается в следующей главе, написанной И. П. Лазаретовым.

Обосновать включение этого типа посуды в группу I-б можно следующим: 1) зафиксирован единственный случай, когда сосуд подобного типа сочетается в одном погребении с карасукской керамикой типа I-б (Сухое Озеро II, к. 263, м. 2); 2) в 2004 г. при раскопках могильника Тюрим была обнаружена система из 13 пристроек, где удалось проследить последовательность сооружения оград. В средней части этой системы обнаружено два погребения с керамикой VII типа. В относительно более ранних могилах находилась посуда типа I-а, а в более поздних, чем указанные две ограды, — типа I-б, что позволяет синхронизировать этот тип керамики с группой I-б; 3) горизонтальная стратиграфия показывает, что погребения этого типа компактно расположены на территории курганов I группы (рис. 57—58). В сумме всё это не оставляет сомнений, что погребения с посудой VII типа синхронны группе I и, наиболее вероятно, её поздней части — группе I-б.

Группа II. Относительно поздняя часть карасукской керамической традиции (рис. 64—66). Характеризуется массовым появлением сосудов с орнаментом на шейке в виде нескольких желобков или линий (III тип), которые в рамках группы II составляют почти 60 %. Кроме них в определяющий набор посуды входят типы: I-в, II-в, IV, VIII. В рамках группы II также можно выделить признаки, объединяющие посуду раз-

личных типов. Во-первых, это почти повсеместный переход к круглой форме дна, за исключением части керамики отдельной «арбанской» группы, расположенной в юго-западной части Минусинской котловины [Савинов, Поляков, 2007]. Во-вторых, использование набора простых идентичных орнаментов: ромбы, треугольные фестоны, вертикальный зигзаг, косые насечки и др. Большинство из них на карасукской посуде группы I не встречались. В целом керамика группы II заметно более разнообразна по набору своих признаков. Отчётливо фиксируется процесс дестабилизации формы сосудов и сложения новой, уже каменоложской, керамической традиции. Это прослеживается в появлении сосудов остродонной формы (рис. 65, 1), посуды с зауженным горлом (рис. 65, 3), орнаментации зоны венчика сосуда (рис. 66, 12, 14), распространении новых орнаментов и других признаках.

Серия керамики группы II, в отличие от предыдущей, пока не может быть уверенно разделена на хронологические горизонты, зато становятся заметны локальные варианты, связанные с расширением ареала карасукских памятников. Северный вариант отличается традиционными карасукскими приземистыми формами сосудов, явно продолжая традиции керамики I типа (Сухое Озеро II, Карасук I, Барсучиха I и др.). В погребениях значительно чаще встречается посуда типа III-1, на которой основу орнамента составляют широкие желобки. В могильниках центральной части ареала культуры сосуды имеют более вертикально вытянутые пропорции, некоторую тенденцию к яйцевидности дна и максимально большой круг вариантов орнаментальных композиций (Лысуха I, Белый Яр V, Быстрая и др.). Орнамент посуды III типа выполнен исключительно резными линиями. Юго-западный район («арбанская группа») отличается сохранением форм сосудов с уплощённым дном и очень бедным набором орнаментов, часто нанесённых зубчатым штампом (Арбан I, Терг-Аба, Хара-Хая и др.). Подобная локализация была отмечена и на основании иных признаков погребального обряда, что свидетельствует о принципиальном значении этого наблюдения.

Интересно отметить, что на керамике III и VIII типов вновь появляется геометрическая орнаментация, однако она не может быть непосредственно соотнесена с более ранними орнаментами сосудов с уступом (подтип I-a). Некоторые элементы отсутствуют (горизонтальный зигзаг, меандр, «ирменский пояс»), зато появляются новые (вертикальный зигзаг, косые насечки, заштрихованные ромбы). Единственный элемент орнаментации, который встречается в обеих группах, — треугольные шевроны — тоже имеет различные признаки (ширину, способ заполнения, дополнительные элементы). Это наблюдение позволяет не смешивать все геометрические орнаменты в одну группу. Есть основания полагать, что формирование группы II связано с новой «волной» влияния на карасукскую культуру со стороны. Причём многие элементы имеют явно андроновское происхождение. Можно обратить внимание, что аналогичная орнаментация в виде треугольных шевронов прослеживается и на но-

вых типах карасукских ножей с шипом и грибовидным навершием, которые сочетаются в погребениях исключительно с керамикой группы II.

В качестве примера развития одного из элементов орнаментации можно взять косые насечки, расположенные на венчике и верхней части тулова сосудов. Для группы I этот элемент неизвестен за единственным исключением. Подобные насечки являются непременным атрибутом керамики VII типа (рис. 80; 81). По всей видимости, эта группа «инородной» по своей сути керамики оказала очень серьёзное воздействие на всю карасукскую традицию изготовления глиняной посуды. Уже в составе группы II на сосудах II-в и III типов массово встречаются аналогичные насечки, которые нарушают один из основных принципов карасукской керамики — венчик сосуда орнаментом не заполняется (рис. 62). Далее на каменоложском этапе развития культуры этот элемент орнаментации становится основополагающим. На его базе формируются более сложные композиции. Причём именно орнаментация зоны венчика становится обязательной. Всё это иллюстрирует новые возможности в изучении карасукской керамической традиции, базирующиеся на относительной хронологии материалов погребений.

Отдельно следует остановиться на таком уникальном типе сосудов, как «бадейки» (VIII тип). Они не имеют никаких прототипов в группе I. Их уникальная форма и обязательное наличие ручек или отверстий свидетельствуют о специфике использования, обязывающей выделять их в самостоятельный, хотя и малочисленный тип. «Бადейки» на фоне остальной керамики группы II не выглядят чужеродным явлением. Хотя они и заметно отличаются по своей форме, зато в деталях повторяют орнаментацию сосудов III типа. Обращает на себя внимание тот факт, что дополнительные орнаменты зафиксированы на всех известных сосудах этого уникального типа керамики (100%), что нехарактерно для группы II и в сочетании с ручками подчёркивает его особую роль.

Таким образом, представленные группы демонстрируют сложный процесс развития керамической традиции карасукской культуры (рис. 82). С одной стороны, прослеживаются тенденции, которые действовали на протяжении всего классического этапа. Например, постепенный переход от уплощённой формы дна к круглой и снижение числа сосудов с геометрическим орнаментом. С другой стороны, этот процесс явно нарушался сторонними влияниями, которые фиксируются в виде серий сосудов инокультурного происхождения. Так, вероятно, ещё на стадии сложения культуры некоторое влияние было оказано со стороны керамической культуры (V тип). Позднее, когда карасукская традиция изготовления посуды уже полностью сформировалась, в составе могильников появляются погребения с керамикой, имеющей явные признаки влияния саргары-алексеевских памятников (VII тип). Возможно, именно это привело к серьёзным изменениям карасукской керамической традиции и сложению группы II.

Отдельно необходимо остановиться на таком ключевом вопросе, как интеграция предложенной типологии в общую схему развития керамической посуды на Среднем Енисее в эпоху поздней бронзы, а также ещё раз чётко обосновать, почему группы I и II существовали последовательно и именно в таком порядке. Главным доказательством является результат анализа горизонтальной стратиграфии двенадцати крупнейших исследованных могильников карасукской культуры. Во всех случаях, где это возможно проследить, керамика группы I была обнаружена в погребениях, занимающих центр могильного поля. Эти погребения демонстрируют богатый спектр и иных признаков, позволяющих относить их к более раннему этапу развития культуры [Поляков, 2006б]. Посуда, объединённая в группу II, встречается в серии погребений, расположенных на периферии относительно центра могильника, причём в наиболее ярких случаях, как, например, на могильнике Малые Копёны III, эти погребения «подковой» огибают центральные могилы, где содержится керамика группы I. Такое взаимное расположение исключает возможность синхронности этих серий керамики и определяет их чёткую хронологическую последовательность.

Этот тезис косвенно подтверждается анализом материалов хронологически близких культурных образований. В частности, керамика группы I хотя и не может быть напрямую связана с местной андроновской (Фёдоровской) традицией, как это утверждал Г. А. Максименков [Максименков, 1978, с. 110—121], но, безусловно, относится к кругу постандроновских древностей. Достаточно ещё раз назвать её ключевые черты, чтобы убедиться в этом: уплощённая форма дна, характерные геометрические орнаменты на большинстве сосудов, горшковидная форма ранних экземпляров посуды. В то же время группа II имеет совершенно иную направленность связей и аналогий. Фиксируется значительное число признаков, в той же степени или даже более характерных для керамики каменоложского этапа культуры, особенно его ранней части [Лазаретов, 2006]. Это, в частности, такие элементы орнамента, как косые насечки, вертикальный зигзаг, узкие треугольные шевроны. Также их связывает использование насечек на венчике сосуда и наклепных ручек. В южных районах, где формирование каменоложской традиции шло, вероятно, более интенсивно, среди сосудов группы II прослеживается тенденция к проявлению остродонности. Более того, известно заметное число погребений, где при соблюдении норм погребального обряда согласно каменоложской традиции обнаружены карасукские сосуды именно группы II. Например, могильники Бейская Шахта, Подсинья II, часть погребений памятников Кутень-Бурук и Белое Озеро.

В результате нет оснований сомневаться в оценке относительной хронологии двух выделенных групп керамики, тем более что они очень удачно вписываются в уже существующий культурно-исторический контекст, создавая определённый «мостик» между андроновскими и каменоложскими памятниками. На основе данной типологии можно проследить, как посте-

пенно происходила перестройка традиции изготовления керамических сосудов и закладывалась основа развития нового культурного комплекса.

В связи с представленной типологией хотелось бы остановиться на ещё одном важном наблюдении. В погребениях отчётливо фиксируются две независимые линии развития керамических сосудов (рис. 77). Одна из них связана с типами, по всей видимости, играющими роль столовой посуды (типы I, III, IV). На это указывает их небольшой объём (около 1,5 л), широкое горло, относительно приземистые формы. Вторая линия представлена только II типом. Эта посуда отличается увеличенным объёмом (2,5—3,0 л), шаровидной формой туловища и полным отсутствием геометрической орнаментации. Все эти признаки, вероятно, указывают на несколько иную их роль. Посуда, удовлетворяющая вышеперечисленным признакам, составляет около 75 % керамического материала поселения Торгажак [Савинов, 1996, табл. XLII—XLIX]. Таким образом, есть основания полагать, что II тип карасукской керамики может относиться к разряду кухонной посуды. Это означает, что прослеживается прямая взаимосвязь между орнаментацией (в данном случае ямки под венчиком) и назначением посуды.

В заключение необходимо обратить внимание на некоторые методические детали. Любая типология является всего лишь попыткой систематизировать и максимально чётко описать сложный процесс формирования и развития, в данном случае керамической традиции. Процесс этот зачастую развивается нелинейно, и его поступательное развитие может нарушаться внешними импульсами. Это приводит к тому, что один и тот же признак в различном контексте может играть разную роль. Так, уплощённая форма дна сосудов в целом для карасукских памятников признак хронологический, однако это правило нарушается как отдельными малочисленными типами сосудов (VII и VIII тип), так и особой «арбанской» группой, где уплощённая форма дна становится локальным признаком. Аналогичная ситуация связана с орнаментацией посуды зубчатым штампом. Для культуры в целом это хронологический признак, связанный с группой I-a. Однако в относительно поздней «арбанской» группе этот элемент вновь оказывается связан с географическими особенностями. Подобные примеры многочисленны, и именно они заставляют отказаться от упрощённых моделей и подходов.

Представленная типология, как уже отмечалось в начале работы, не претендует на описание всех 100 % известных карасукских сосудов, обнаруженных в погребениях. Существуют как уникальные изделия, не находящие никаких аналогий в остальном материале культуры, так и переходные варианты сосудов, объединяющие признаки сразу двух типов. Количество их невелико (менее 5 %), и со временем часть из них, несомненно, займут своё место, когда понимание развития керамической традиции станет ещё более точным.

Следует также обратить внимание, что выделенные группы сосудов не синонимичны хронологическим этапам, описанным в предыдущей главе и других

работах [Поляков, 2002; 2006б]. Представленные группы выделены на основе главенствующих типов, наиболее характерных для определённого хронологического горизонта. В то же время чётких границ между хронологическими этапами нет. Процесс развития традиции не может иметь ступенчатую структуру (за исключением случаев замены одной традиции на другую). В результате для каждого хронологического горизонта наиболее вероятно обнаружение в погребении посуды именно главенствующего типа. Однако это не исключает возможности появления в могиле сосуда, относящегося к хронологически смежной группе. На-

пример, сосуды типа I-б могут встречаться не только в погребениях этапа I-б, но и в более ранних (этап I-а). При этом количество их будет очень невелико, а дополнительные признаки (уплощённая форма дна, высокий венчик над уступом) позволят легко установить хронологический горизонт самого погребения. Учитывая, что карасукские погребения обычно исследуются значительными сериями, вероятность ошибки минимальна. Кроме того, при определении относительной хронологии погребений необходимо анализировать не только керамический инвентарь, но и другие признаки погребального обряда.

И. П. Лазаретов

Глава V

ГРУППА АТИПИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КЮРГЕННЕР I

Наш пристальный интерес к могильнику Кюргеннер не в последнюю очередь обусловлен тем, что в составе этого карасукского памятника имеется небольшая, но очень выразительная группа погребений, способная коренным образом изменить традиционные представления о развитии всей культуры эпохи поздней бронзы Южной Сибири. Наиболее ярким индикатором принадлежности отдельно взятого захоронения к указанной группе являются керамика и некоторые специфические особенности погребального обряда.

Классическая карасукская посуда хорошо известна и обладает набором определенных признаков, позволяющих безошибочно отличать ее от сосудов других археологических культур. Как правило, это круглодонные или уплощеннодонные сосуды с широким устьем, у которых максимальная ширина в 1,5 раза превосходит общую высоту. Наибольший диаметр приходится на середину высоты сосуда или располагается чуть ниже, что придает горшкам характерный приземистый вид. Даже будучи круглодонным, такой сосуд на ровной поверхности легко сохраняет устойчивость в вертикальном положении. Шейка горшков высокая, прямая или слегка отогнутая наружу. Она крепилась к уже сформованному тулову сосуда с внутренней стороны, в результате чего в месте стыка образовывался четкий выраженный уступ. Верхний срез шейки обычно округлый или приотсренный. Посуда изготовлена из плотного, хорошо отмученного теста с незначительной примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность горшков, как правило, тщательно залощена. Преобладают геометрические узоры, выполненные в резной технике, реже гладким или зубчатым штампом. Декор располагается на тулове сосудов, зона шейки не орнаментирована. Исключение может составлять ряд ямок, расположенных через равные промежутки. Говоря о карасукской керамической традиции, необходимо иметь в виду, что с момента формирования и до начала II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины ее развитие шло за счет постепенного увеличения числа круглодонных сосудов и уменьшения высоты их венчика, вследствие чего посуда приобретала все более приземистые пропорции. Количество горшков, украшенных пышной геометрической орнаментацией, неуклонно сокращалось. Уже к

концу I этапа их почти полностью вытеснили лощеные сосуды без орнамента или декорированные только одним рядом ямок [Поляков, 2002, с. 212; 2006а, с. 16].

На этом фоне посуда из курганов 57, 82, 83, 86—93 могильника Кюргеннер I выглядит инородным включением в уже сложившийся и хорошо устоявшийся карасукский керамический комплекс. В этих курганах обнаружена значительная серия довольно крупных сосудов, максимальная ширина которых практически соответствует их высоте или незначительно ее превосходит (рис. 36, 20; 38, 19, 20, 24; 39, 2, 4—8, 11, 12). Наибольший диаметр обычно приходится на третью четверть высоты сосуда. Переход от шейки к тулову оформлен плавным изгибом, а венчик имеет прямой срез. Посуда изготовлена из рыхлого комковатого теста с большой примесью дресвы. Обработка поверхности довольно грубая, следы лощения отсутствуют. На ряде горшков А. В. Поляковым отмечен интересный технологический прием, когда верхняя лента одним краем подлеплялась с внутренней стороны сосуда, затем отгибалась наружу и складывалась вдвое. Другой ее край также крепился к нижней ленте, но уже с внешней стороны. Венчик, образованный таким способом, получался утолщенным и имел в изломе двухслойную структуру. Орнаментация посуды, состоящая из 3—5 рядов наклонных оттисков гладкого или зубчатого штампов, группируется в верхней части сосудов. В одном случае пояски линейного орнамента обрамлены резными линиями (рис. 40, 1). Зачастую у горшков декорированным оказывался верхний срез и даже внутренний край венчика (рис. 38, 19, 24; 39, 2). Обязательными элементами декора для абсолютного большинства сосудов являлись ряд ямочных вдавлений на шейке и полоса оттисков штампа по верхнему внешнему краю венчика. У части горшков шейка была украшена налепными или формованными валиками в количестве от 1 до 3 (рис. 38, 19, 20, 24; 39, 5, 11, 12). На сосуде из кургана 90 основная орнаментальная композиция дополнена резными вертикальными «лесенками», попарно сгруппированными в области шейки, и рядом свисающих треугольников на тулове сосуда, причем эти треугольники не располагаются сплошной полосой, как на классических карасукских горшках, а отделены друг от друга небольшими промежут-

ками, свободными от орнамента (рис. 39, 8). В ходе дальнейшего изложения для обозначения посуды с аналогичными характеристиками, выбивающимися из карасукского стандарта, мы будем использовать термин «атипичная» керамика, а применительно к погребальным комплексам — «атипичные» могилы¹.

Захоронения с такого рода посудой компактно расположены в северо-восточной части могильника, как бы вклиниваясь в пространство между двумя скоплениями карасукских курганов. Очертить границы и установить точное число входивших в эту группу погребений сегодня уже невозможно. Памятник исследовался частично, а его материалы, вследствие сплошной ограбленности могил, дошли до нас во фрагментарном виде. Кроме уже перечисленных комплексов, к данной группе, вероятно, принадлежал курган 56, из которого происходит острореберный горшок (рис. 36, 19), по форме и манере орнаментации сопоставимый с сосудом кургана 90 (рис. 39, 8). К сожалению, между этим захоронением и основной группой осталась широкая полоса неисследованного пространства, в пределах которой раскопки не проводились (рис. 4). Еще один небольшой обломок венчика сосуда, орнаментированный рядами разнонаправленных оттисков, обрамленных резными горизонтальными линиями, обнаружен в кургане 37 (рис. 35, 2). Судя по наброску в полевом дневнике, фрагмент горшка, украшенного по венчику ямками и рядами наклонных оттисков, был также найден в кургане 84. Однако в коллекции Государственного Эрмитажа за этой могилой числится неорнаментированный круглодонный сосуд с уступом (рис. 39, 1). Вопрос, было в погребении два горшка или один из них попал в комплекс по недоразумению, остался открытым. Курган 84 расположен на границе, разделяющей захоронения с различными керамическими традициями, что допускает оба варианта трактовки. Таким образом, с учетом сомнительных случаев, суммарное количество погребений с нехарактерной для карасукцев посудой составляет не менее 12—14 комплексов из 100 курганов, исследованных в могильнике Кюргеннер I.

Кроме общей керамической традиции указанные захоронения отличаются от карасукских могил некоторые специфические черты погребального обряда. Так, в курганах 57 и 90 покойники были ориентированы

головой на ЮЗ (рис. 24, 11; 29, 3). Судя по развороту трапециевидных каменных ящиков, аналогичным образом были ориентированы погребенные в курганах 82 и 87 (рис. 28, 2, 7). Отметим, что в других группах захоронений могильника не обнаружено ни одного случая юго-западной ориентировки. Все ящики и все погребенные в них покойники были развернуты в северо-восточном направлении. В четырех могилах (курганы 57, 86, 88, 92) покойники располагались на правом боку, а не на левом, как это полагается карасукцам (рис. 24, 11; 28, 6; 29, 1, 5). У двух из них ноги были подогнуты в значительно большей степени, чем у других погребенных могильника Кюргеннер I, а тазовые и плечевые кости располагались на удалении от стенки ящика (рис. 28, 6; 29, 1). Именно такое размещение покойника в могиле отличает захоронения на боку от стандартных карасукских погребений на боку вполоборота. Согнутые в суставах руки и ноги должны были препятствовать заваливанию скелета вперед. У карасукцев устойчивость тела достигалась за счет разворота его к стенке ящика, в позу, промежуточную между положениями «на спине» и «на боку». Для фиксации погребенных в этой оригинальной позе использовались подушки из органического материала, а в парных захоронениях вкапывались дополнительные опорные плиты [Лазаретов, 1995, с. 41—44]. Такое размещение само по себе исключает сползание тела при его разложении в положение «ничком». Подгибать руки и ноги покойника при этом не требовалось.

Дополнительным аргументом в пользу особого статуса атипичной группы курганов могут служить данные демографического анализа. Как уже отмечалось выше (см. главу II), в могильнике Кюргеннер I наблюдается явный дисбаланс в соотношении мужских (43 случая) и женских (31 случай) захоронений. В описываемой группе, с учетом спорных погребений, идентифицируются 11 мужчин, 2 женщины и 3 ребенка. Примечательно, что в нашей выборке нет юношей моложе 25 лет, а мужчины зрелого и старческого возраста представлены почти в равной пропорции. Подобный перекос половозрастной структуры человеческого сообщества просто невозможен в любую историческую эпоху. Если же исключить эту группу из суммарных подсчетов, то демографическое распределение населения, оставившего могильник Кюргеннер I, окажется вполне сопоставимым с данными других погребальных комплексов эпохи поздней бронзы: приблизительно равное количество мужских и женских захоронений и около 30 % детских. Наблюдаемый дисбаланс половозрастной структуры могильника, четкая локализация отдельных групп погребений, присутствие в них принципиально разных керамических традиций и особенностей погребального обряда практически не оставляют сомнений в том, что в данном случае мы имеем дело с коллективом инкорпорантов в составе карасукского общества.

Группа инородных захоронений могильника Кюргеннер I является на сегодня наиболее представительной, но далеко не единственной подобной аномалией в составе карасукских погребальных комплексов. Не

¹ Используемые в литературе для обозначения инокультурных захоронений в составе карасукских могильников наименования «комплексы с валиковой керамикой» и «анашенский тип» сегодня представляются нам не вполне удачными. Валики имеются только на 20—30 % сосудов данной керамической традиции, а в ряде комплексов они и вовсе отсутствуют. Материалы стоянки Анаш также не могут служить образцом для выделения самостоятельного типа памятников, поскольку представляют собой случайные сборы разновременной посуды с разрушенного, нестратифицированного поселения. Мы используем термины «атипичная посуда» и «атипичные погребения» как временное определение. Только после выделения эталонных могильников и поселений с однородным материалом эта группа обретет свое окончательное название.

менее десятка захоронений со своеобразной керамикой обнаружены в составе могильника Малые Копёны III (рис. 80, 1—9 [Зяблин, 1977, рис. 5, 10, 14, 16—20]). Размер посуды, профилировка, способ формовки и обработки поверхности, манера ее орнаментации в точности соответствуют критериям, выявленным для атипичной посуды могильника Кюргеннер I. Единственный новый элемент декора, ранее не встречавшийся, — вертикальные «тяжи», выполненные оттисками зубчатого штампа или палочки (рис. 80, 1, 8). Валики на посуде из Малых Копён отсутствуют, однако выборка здесь слишком мала, чтобы придавать этому обстоятельству важное значение.

Как и в случае с Кюргеннером, захоронения с атипичной керамикой (курганы 26, 35-Б, 48, 58, 61, 79) располагаются в пределах могильника Малые Копёны III компактной группой [Зяблин, 1977, рис. 1]. Два погребения в ней оказались непотревоженными. В кургане 48 была захоронена женщина 25—30 лет, на левом боку, головой на северо-восток. Непривычным здесь является расположение рук покойницы. Они согнуты в локтевом суставе и лежат перед грудью. У классических карасукцев левая рука всегда вытянута вдоль тела, а правая располагается кистью на тазе. Необычна и конструкция самой могилы. Это грунтовая яма со срубом, обставленная по периметру мелкими плитами песчаника [Зяблин, 1977, с. 57, рис. 5]. У черепа погребенной женщины найдены 4 серьги оригинальной конструкции — крупная дужка, заканчивающаяся конусовидным расширением с отходящими от него четырьмя «лапками» (рис. 80, 2). Погребение кургана 61 также совершено в грунтовой яме. Молодой субъект помещен на левом боку, головой на юго-восток. Обе руки согнуты в локтевых суставах и располагаются перед животом. В погребении отсутствует традиционный набор мяса жертвенного животного. Еще одна грунтовая яма обнаружена в соседнем кургане 60, а в кургане 62 расчищена грунтовая яма с плитами в торцах. Другие погребения этой группы полностью или частично разрушены. В курганах 55, 57 и 58 определяется только ориентировка покойников головой на запад-юго-запад. Судя по развороту трапециевидных каменных ящиков, аналогичным образом были ориентированы погребенные в могилах 2 и 3 кургана 35-Б. Для собственно карасукцев, как это уже отмечалось в главе II, характерны захоронения в каменных ящиках без каких-либо деревянных конструкций, северо-восточная ориентация, положение погребенных на левом боку вполоборота, иное размещение рук покойника и обязательное присутствие, наряду с сосудами, нескольких кусков мяса жертвенного животного. Половозрастные определения по могильнику Малые Копёны III представлены в литературе в далеко не полном объеме [Козинцев, 1977, прилож. 5; Рыкушина, 2007, прилож. 1], но даже согласно этим усеченным данным в группе атипичных курганов на трех-четыре погребенных мужчин приходится только одно женское и только одно детское захоронение. Вероятно, именно малым количеством женских и, соответственно, детских погребений объясняется крайне незначительное

число курганов с пристройками, исследованных в составе атипичных групп могильников Кюргеннер I и Малые Копёны III. Эти два памятника объединяет еще одно важное обстоятельство, отмеченное антропологами, — различие антропологического типа мужских и женских серий, которое сложно объяснить в рамках монокультурной теории [Козинцев, 1977, с. 24—25; Рыкушина, 1979, с. 15]. Если учесть, что значительную часть мужских серий Кюргеннера I и Малых Копён III как раз составляют черепа из атипичных погребений, то ситуация механического смешения разных антропологических типов удивления уже не вызывает. Напротив, она служит дополнительным аргументом в пользу инокультурности атипичных групп этих могильников.

Единичные захоронения, подобные описанным выше, встречены во многих карасукских памятниках. В погребении 27 могильника Арбан I мужчина 45—55 лет лежал на левом боку, головой на северо-восток, хотя в этом памятнике как раз абсолютно преобладает юго-западная ориентировка. Его уцелевшая при ограблении рука согнута в локтевом суставе и лежит кистью перед лицом, а оба сосуда из этого захоронения демонстрируют полный спектр особенностей, характеризующих атипичную керамическую традицию (рис. 80, 10, 11 [Савинов, Поляков, 2007, рис. 4, 2; 7, 5; 8, 18]). Аналогичная посуда обнаружена А. Н. Липским в погребениях 18 и 21 могильника Есинская МТС, расположенного поблизости от Арбана I [Членова, 1977, рис. 3, 3, 14]. Еще одно атипичное захоронение исследовано Н. В. Леонтьевым в ограде 3 на разрушающемся могильнике Потрошилово II. Погребенный там лежал на правом боку с подогнутыми ногами и был ориентирован головой на восток-северо-восток. На черепе и под ним оказались две бронзовые серьги оригинальной формы, а плоскодонный сосуд с валиками полностью идентичен атипичной посуде могильника Кюргеннер I (рис. 80, 12, 13).

В составе крупнейшего карасукского могильника Сухое Озеро II также имеется несколько захоронений, которые могут считаться атипичными. Это непотревоженная могила 4 кургана 378. Женщина 25—30 лет была захоронена в грунтовой яме на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток-северо-восток. Руки ее согнуты в локтевых суставах и лежат кистями перед грудью. Впоследствии скелет завалился в положение ничком. Захоронение безинвентарное, мяса жертвенного животного также нет. Если не принимать во внимание отсутствие сосуда, то это погребение является ближайшим аналогом атипичного захоронения в кургане 61 могильника Малые Копёны III. В составе памятника есть еще 6 грунтовых могил, но все они разграблены, не имеют керамики и другого выразительного вещевого инвентаря. Атипичные сосуды происходят из трех погребений могильника (к. 240; к. 263, м. 2; к. 298, м. 2), но сами эти захоронения разрушены, а их ящики по конструкции не отличаются от карасукских (рис. 81, 1—5).

В действительности число атипичных погребений в составе карасукских могильников может быть значи-

тельно больше, чем это представлялось нам до сих пор. В качестве примера приведем захоронения в кургане 23 могильника Терт-Аба. Он представлял собой систему из нескольких пристроенных оград с 5 могилами [Павлов, 1999, с. 45—46]. Четыре погребения содержали парные захоронения мужчины и женщины. Еще одна могила, вероятно также парная, оказалась полностью разрушена. Весь сопроводительный инвентарь кургана состоял из ножа с грибовидным навершием и нескольких мелких бронзовых украшений. Обращает на себя внимание полное отсутствие в комплексе сосудов (по карасукскому канону их должно было быть не менее 10) и такого же числа комплектов мяса жертвенного животного. Объяснить это явление деятельностью грабителей едва ли возможно. Ни посуды, ни кости животных их не интересовали. К тому же захоронение ограды 23-Б только частично потревожено. Налицо явное отклонение от классического карасукского погребального стандарта. Еще одна интересная деталь — во всех парных захоронениях кургана 23 мужчина лежит за спиной женщины. У минусинских андроновцев и у карасукцев было принято как раз обратное размещение [Максименков, 1978, с. 118]. Если принять во внимание все перечисленные факты, становится очевидным, что погребенные в кургане 23 могильника Терт-Аба, по-видимому, не являлись карасукцами. К сожалению, установить это можно только по суммарным материалам нескольких могил. Будь эти захоронения по отдельности, их учли бы как обычные карасукские могилы, подвергшиеся разграблению.

Необходимо отметить исключительную скудость сопроводительного инвентаря, а иногда и полное его отсутствие даже в непотревоженных атипичных погребениях. На три-четыре десятка известных нам могил приходится всего два ножа, две находки серег и несколько неопределенных мелких бронзовых изделий. Невыразительность и малочисленность металлического инвентаря отчасти компенсируется стандартной легко узнаваемой керамикой. Но и она присутствует не во всех захоронениях. Погребальные конструкции и обряд очень вариабельны. Подчеркнем только те элементы, которые не были свойственны местному карасукскому населению. Это наличие грунтовых ям, ям со срубами и дополнительной, иногда частичной, обставкой плитами. Захоронения не на боку вполоборота, а на боку, левом или правом. Высок процент погребений с юго-западной ориентировкой и размещением рук покойника перед грудью. Частое отсутствие в могилах мяса жертвенного животного. Очевидно, что атипичные захоронения в составе карасукских могильников принадлежат инородному населению и фиксируют момент проникновения на Средний Енисей значительных групп мигрантов с территорий, расположенных за пределами Хакасско-Минусинской котловины.

Важнейшей проблемой, имеющей принципиальное значение для определения роли атипичной группы населения в формировании и развитии культуры эпохи поздней бронзы Южной Сибири, является вопрос о времени ее появления на Среднем Енисее. До сих пор

мы не располагали убедительными доказательствами по ее синхронизации с другими комплексами. Только однажды (Сухое Озеро II, к. 263, м. 2) атипичный горшок был обнаружен совместно с безусловно карасукским неорнаментированным круглодонным сосудом с уступом (рис. 81, 2, 3). Возможно, аналогичное сочетание имело место и в кургане 84 могильника Кюргеннер I, о чем говорилось выше. Еще один классический карасукский сосуд происходит из кургана 60, расположенного в центре атипичной группы погребений могильника Малые Копёны III (рис. 80, 7). Основанием для их синхронизации может служить пространственная локализация и сходство погребальных конструкций.

Окончательную ясность в хронологическое соотношение карасукской и атипичной керамики вносят материалы могильника Тюрим [Лазаретов, 2008]. Там, в кургане 1, была исследована система из 13 пристроенных друг к другу оград. Очередность их сооружения надежно определяется. Захоронения карасукского времени можно условно разделить на 3 последовательные группы. Первыми были устроены погребения 1 и 2 в основной ограде, а также могилы 3 и 4 в двух самостоятельных круглых оградках. Они представляют ранний пласт захоронений и содержат карасукскую посуду двух типов: сосуды с пышной геометрической орнаментацией и лощеные сосуды с уступом без орнамента. Все остальные сооружения примыкали к уже существовавшим оградкам. Ко второй группе принадлежат погребения 5—10. В ней, наряду с классической карасукской керамикой, представлены явно атипичные сосуды (рис. 81, 6, 7). К еще более позднему времени относятся захоронения 11 и 12. В них обнаружены только карасукские лощеные сосуды с уступом без орнамента. Пристройка погребения 13 с атипичным горшком могла принадлежать как ко второй, так и к третьей группе захоронений кургана (рис. 81, 8). Данная ситуация не оставляет никаких сомнений в том, что атипичные сосуды этого комплекса синхронны карасукской керамике. Причем карасукская посуда здесь демонстрирует явную тенденцию к постепенному сокращению числа богато орнаментированных горшков. В первой группе могил соотношение (без учета атипичных) орнаментированных и неорнаментированных сосудов определяется как 3 к 1, во второй — 1 к 2, в третьей — 0 к 3. В кургане 3 могильника Тюрим карасукская и атипичная посуда обнаружены в соседних погребениях, расположенных в пределах общей ограды (рис. 81, 9). Ее подчеркнута прямоугольная форма, идентичная конструкция самих могил (наземные цисты), наличие при каждой из них пристроенного за восточной стенкой ограды каменного ящичка и в данном случае дают все основания говорить о синхронности этих погребений. Особенности профилировки карасукской посуды из могильника Тюрим, встречаемость в захоронениях горшков с развитой геометрической орнаментацией и неорнаментированных сосудов с уступом, при явном преобладании последних, позволяет надежно датировать эти комплексы и, соответственно, момент появления атипичной керамики концом хронологического горизонта I-б, а в более широком

смысле — финалом I этапа. По данным радиоуглеродного анализа памятники II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины датируются XII—XI вв. до н. э. [Лазаретов, 2008, с. 186—189]. Соответственно, появление атипичной группы населения, вероятнее всего, приходится на XII в. до н. э.²

Атипичные погребения из состава карасукских могильников попали в поле зрения исследователей довольно давно, однако до сих пор они не становилась объектом самостоятельного развернутого анализа. Три атипичных сосуда из могильника Кюргеннер, без каких-либо комментариев, были привлечены Н. Л. Членовой в качестве сопутствующего иллюстративного материала, характеризующего карасукскую эпоху Южной Сибири. Этот памятник, как и целый ряд других могильников, содержащих атипичную керамику (Малые Копёны III, Сухое Озеро II, Есинская МТС), был датирован ею VIII—VII вв. до н. э. [Членова, 1972, с. 62—63, табл. 16, 17—19]. В другой работе атипичная посуда из могильника Малые Копёны III уже интерпретировалась как «нечто среднее между лугавской, карасукской и окуневской керамикой», но при этом горшки из Есинской МТС демонстрировали еще и «отдаленные связи с керамикой местного неолита» [Членова, 1977, с. 102—103; рис. 3, 3—5, 7, 8, 13, 14].

Дальнейшее развитие тема соотношения двух керамических традиций получила в связи с находками карасукской и валиковой керамики на поселении Торгажак. Было отмечено, что хотя они и залегают в жилищах совместно, в могильниках погребения с атипичной посудой образуют самостоятельные территориальные группы, отличающиеся по обряду от основной массы карасукских захоронений. На этом основании высказано предположение, что валиковая керамическая традиция не имеет местных истоков, а привнесена в Южную Сибирь в конце 2-го—начале 1-го тыс. до н. э. группой мигрантов с территории Центральной Азии, которые во взаимодействии с карасуками стали основой при формировании памятников лугавского (каменноложского) типа [Лазаретов, 1991, с. 105—107; 1993, с. 129—132; 1996, с. 33—37].

Существенные изменения претерпела со временем точка зрения Н. Л. Членовой. Теперь на материалах 6 стоянок и 23 могильников она выделяет анашенский тип керамики, отличающийся от классической карасукской посуды. Его происхождение увязывается с продвижением на Енисей носителей лесостепного варианта еловской культуры [Членова, 1992, с. 73—75; 1998, с. 673—674]. Северо-западное направление связей анашенской керамики, по ее мнению, дополнительно подтверждают отдельные параллели в вещевом комплексе (бронзовая серьга с приемником) и погребальном обряде (захоронения на правом боку) с андроновской и ирменской культурами Западной Сибири. Правда, из работы не вполне ясно, сыграла анашенская

керамика большую роль «в сложении карасукской культуры» или «влилась в уже сложившуюся карасукскую и растворилась в ней». Оба варианта трактовки событий, далеко не равнозначные по своей сути, приведены в соседних абзацах на одной странице [Членова, 1992, с. 75].

Чтобы разобраться в существовании данного вопроса, необходимо хотя бы в общих чертах проследить изменения, происходившие с двумя керамическими традициями после их столкновения. В данный момент очевидно лишь одно — никакого участия в сложении карасукской культуры, в ее классическом варианте, атипичная группа населения принимать не могла. Как уже отмечалось выше, она появилась на Енисее лишь в самом конце I этапа эпохи поздней бронзы, когда собственно карасукский вещевой и обрядовый комплекс уже сформировался и прошел определенный путь развития. Следовательно, речь должна идти о степени влияния каждой из этих традиций на конечный результат их взаимодействия.

Оценить такой вклад отчасти позволяют материалы самого могильника Кюргеннер I, где кроме ранних курганов имеются и более поздние захоронения. Небольшая группа погребений, в посуде которых отчетливо просматривается механическое смешение черт карасукской и атипичной керамических традиций, локализуется в северо-западной части могильника, как бы образуя прослойку между комплексами I и II этапов эпохи поздней бронзы. Горшок, обнаруженный в кургане 81, по своей профилировке полностью соответствует карасукскому стандарту: высокая гладкая шейка, четко выраженный уступ, уплощенное дно (рис. 38, 18). Вполне традиционным является и основной орнаментальный мотив — поясok свисающих треугольников на плечиках сосуда. Однако способ их заполнения — ряды наклонных оттисков палочки, обрамленных резными горизонтальными линиями, — характерен как раз для атипичной керамики (рис. 40, 1; 80, 1). То же можно сказать и в отношении сосуда из кургана 61 (рис. 37, 1). Кроме всего прочего, он дополнительно украшен пояском косой сетки и рядом оттисков палочки в верхней части шейки, что совершенно недопустимо для карасукской орнаментальной традиции. Шейка второго сосуда из этого погребения также декорирована резными линиями и горизонтальным зигзагом (рис. 37, 2). Часть линий зигзага сдвоены и заполнены короткими штрихами, образующими «лесенку» как на атипичном сосуде из кургана 90 (рис. 39, 8). Круглодонный горшок из кургана 59 украшен по тулову двумя рядами резных треугольников в привычной карасукской манере. При этом переход от шейки к тулову у него оформлен плавным изгибом, как у атипичных сосудов, а на венчике присутствует ряд наклонных оттисков, обрамленных резными линиями (рис. 36, 22). В этой же группе погребений представлены горшки (курганы 64 и 72), по форме и декору практически идентичные атипичной посуде (рис. 37, 5; 38, 1). Единственное, что их отличает от предшественников, — несколько меньшая насыщенность орнаментацией. Причем на одном из сосудов впервые появля-

² Эту дату дает радиоуглеродный метод, который, по нашему мнению, несколько удревняет археологические материалы. Причина и величина такого отклонения нуждаются в дополнительном уточнении.

ется орнаментальный мотив, ставший своеобразным хронологическим индикатором керамики II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, — ямки, расположенные отдельными группами. В целом керамика этой небольшой промежуточной прослойки погребений отличается от посуды других периодов функционирования могильника Кюргеннер I непредсказуемым сочетанием различных способов профилировки, технических приемов и декоративных стилей. По-видимому, она отражает период, когда две группы населения находились в процессе поиска оптимальных форм посуды и новых орнаментальных решений.

Керамика II этапа эпохи поздней бронзы из могильника Кюргеннер I, в сравнении с посудой переходного облика, демонстрирует гораздо большую устойчивость и стандартизацию форм, простоту и выверенную лаконичность орнаментальных мотивов. Комплексы этого времени (курганы 6—13, 15—18, 25, 36, 38, 42—53, 62) компактной, очень плотной группой располагаются в западном углу могильного поля (рис. 58). Первое, что бросается в глаза, — отсутствие в этих погребениях сосудов с уступом (рис. 79). У всех горшков переход от шейки к тулову оформлен плавным изгибом, но на двух из них еще имеется резная линия, имитирующая уступ (рис. 35, 11; 36, 1). У большинства же сосудов место стыковки лент отмечено двумя-четырьмя резными линиями или рядом ямок. Причем чаще всего ямки располагаются не равномерно, а группами по 2—5 (рис. 31, 22; 32, 3; 35, 22). Они могут быть дополнены группами отпечатков палочки, образующими шахматный узор (рис. 35, 21) или просто рядами оттисков, таких же, как на атипичных сосудах (рис. 35, 13). У горшков с прочерченными линиями, в качестве дополнительного декора, чаще всего присутствует поясик из штрихованных треугольников или ромбов, выполненных в резной технике (рис. 79, 10, 13—15). По своему облику эта посуда гораздо ближе к классической карасукской, чем к атипичной. Среди поздней керамики могильника Кюргеннер I уже нет сосудов с налепными или формованными валиками — наиболее яркого индикатора атипичной посуды конца первого этапа эпохи поздней бронзы. Другое немаловажное отличие керамики II этапа — округлое дно у большинства сосудов. Стремление к увеличению количества круглодонной посуды проявилась еще на I этапе эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Появление плоскодонной атипичной керамики несколько замедлило этот процесс, но не переломило общую тенденцию. Более того, округлое дно приобрели даже те сосуды II этапа, в декоре которых все еще угадывается наследие атипичной орнаментальной традиции. Исключение составляют только редкие бадейкообразные сосуды, один из которых найден в Кюргеннере (рис. 35, 8).

При взгляде на керамику II этапа эпохи поздней бронзы невольно складывается устойчивое впечатление, что вклад, внесенный инкорпорантами в форми-

рование посуды синкретичного облика, был не так уж и велик. От карасукцев она унаследовала округлое дно, лощение поверхности, хотя и не такое тщательное, как ранее, гладкий венчик, основные орнаментальные мотивы и технику их нанесения. Участие атипичной традиции скорее угадывается в плавной профилировке горшков, их более вытянутых пропорциях и некоторых декоративных решениях. Такое положение дел, по-видимому, послужило основанием для утверждения, что именно пришедшая группа населения была ассимилирована, а атипичная керамическая традиция влилась в карасукскую и растворилась в ней [Членова, 1992, с. 75; 1998, с. 673—674].

Этот постулат является вполне очевидным и, на наш взгляд, столь же ошибочным. Проблема заключается в несовершенстве и односторонности наших источников. Подавляющее большинство материалов, которыми мы оперируем, происходят из погребений и отражают, несомненно, важную, но только одну сторону быта древнего населения. Если же обратиться к материалам единственного на сегодня монографически исследованного поселения II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, то картина получится совершенно иной. Основу керамического комплекса поселения Торгажак составляет кухонная посуда, отвечающая всем основным требованиям атипичной традиции [Савинов, 1996, табл. XLII—L]. В нем обнаружены десятки крупных слабопрофилированных сосудов, декорированных разнообразными вариациями насечек, отпечатков штампа или палочки. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом здесь являются линия ямок по шейке сосуда, обрамленная с одной или двух сторон рядами наклонных оттисков, либо просто ряды отпечатков штампа. Зачастую оттиски располагаются группами по несколько штук, иногда образуя «шахматный» узор, треугольники, ромбы или прямоугольники. В отличие от резных геометрических элементов на карасукских сосудах, эти фигуры выполнены отпечатками палочки и не располагаются сплошной полосой, а всегда чередуются с гладкими участками. У части горшков насечками декорированы наружный край и даже верхний срез венчика. Имеется множество сосудов с одним или двумя налепными валиками. По этим показателям принадлежность кухонной керамики Торгажака к атипичной традиции несомненна. От ранней посуды, обнаруженной в могильниках конца I этапа эпохи поздней бронзы, ее отличает главным образом круглая форма дна и менее насыщенная орнаментация. Плоское дно сохраняется только у бадейкообразных сосудов. Столовая же керамика Торгажака в большей степени тяготеет к карасукской традиции [Савинов, 1996, табл. XL, XLI]. Это небольшие круглодонные лощеные горшки приземистых пропорций. У большинства сосудов переход от венчика к тулову оформлен плавным изгибом, но еще имеется несколько горшков с низкой шейкой, отделенной слабовыраженным уступом. Наиболее распространенный декор — горизонтальные линии на шейке, резные или выполненные оттисками зубчатого

штампа³. Они могут быть дополнены фестонами, свисающими треугольниками, горизонтальным зигзагом в лучших карасукских традициях. Другие сосуды этой же группы декорированы рядами наклонных или разнонаправленных оттисков штампа, прямоугольными, треугольными и ромбическими фигурами, состоящими из торцевых отпечатков палочки. Геометрические элементы у них не образуют единого орнаментального поля, а чередуются с гладкими участками, как на атипичных сосудах.

Если бы мы судили о контактах двух групп населения только по поселенческим материалам, то вывод об ассимиляции, теперь уже карасукцев мигрантами, и растворении карасукской керамической традиции в атипичной среде был бы вполне закономерен. Истина, по-видимому, располагается посередине. Обе эти группы населения принимали равноправное участие в сложении синкретичной культуры II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, но степень их участия в различных областях жизнедеятельности проявилась по-разному. Карасукская керамическая традиция с ее изящными формами, качественной выделкой и эстетичной геометрической орнаментацией оказала заметное воздействие на столовую посуду, которая, собственно, и представлена в могильниках, тогда как в повседневной жизни чаще использовалась кухонная посуда, сохранившая большинство особенностей атипичной керамики.

Теперь, когда установлен момент появления мигрантов на Енисее, определены исходные особенности двух керамических традиций и основные тенденции их развития во времени, попытаемся проследить направления связей этих групп населения, прежде всего атипичной. Практически сразу из интересующего нас круга аналогий, в силу своей поздней датировки, должна быть исключена ирменская культура. Большинство ее материалов надежно соотносится с памятниками III этапа (лугавского) эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины [Бобров, 1992; Членова, 1994; Членова, Бобров, 1991]. Более перспективной выглядит линия связей атипичной группы населения с андронидными культурами Западной Сибири: еловской, корчажгинской и комплексами быстровского типа⁴. Общим для этих памятников является наличие в их керамическом комплексе плоскодонных банок и горшковидных сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией [Бобров, 1992; Кирюшин, Шамшин, 1987; Матюшенко, 2001; 2004]. Наиболее распространенная

³ Частое использование при орнаментации посуды зубчатого штампа является отличительной чертой карасукских комплексов юго-западной части Минусинской котловины. Эта локальная особенность присуща «арбанской» группе памятников, куда территориально входит и поселение Торгажак [Поляков, 2002, с. 212].

⁴ В последнюю группу вошли материалы ряда поселений с керамикой, типологически и стратиграфически предшествующей собственно ирменской [Матвеев, 1993, с. 101—112]. Другие исследователи относят эти же комплексы к корчажгинской культуре [Бобров, 1992, с. 16—17].

декоративная композиция — чередование поясов орнамента (елочка, сетка, штриховка) с рядами ямок или наколов. Венчик часто украшен жемчужником. Изредка, главным образом на еловской посуде, встречаются налепные валики [Матюшенко, 2001, рис. 15, 8; 19, 6; 2004, рис. 283, 5]. По-видимому, именно это обстоятельство, а также находка в одном из погребений Еловского I могильника бронзовой серьги с конусовидным расширением и четырьмя «лапками», точного аналога изделия из кургана 48 могильника Малые Копёны III, послужили поводом для утверждения о еловско-андроновском происхождении атипичных памятников Хакасско-Минусинской котловины [Членова, 1992, с. 75]. Вместе с тем нельзя не отметить, что наряду с некоторыми элементами сходства между двумя керамическими комплексами имеются и существенные отличия. Еловская и корчажгинская посуда декорированы полностью, включая придонную зону, тогда как на атипичных сосудах орнаментирована только верхняя часть. На атипичной керамике отсутствуют «жемчужины», а одинарный ряд ямок всегда располагается на шейке. У западносибирской посуды ряды ямок, часто сдвоенные, доходят до самого дна, выступая в качестве разделителя орнаментальных поясов. Обе керамические традиции очень устойчивы в своих проявлениях. Если предполагать происхождение атипичной посуды от еловской или корчажгинской, то должен существовать промежуточный пласт памятников переходного облика. У нас же пока нет сосудов, которые можно было бы напрямую сопоставить между собой. Кроме того, в Еловском I и II могильниках найдены пластинчатые ножи без навершия, каменный предмет с двумя отверстиями, напоминающий оселок, и несколько сосудов, близких, если не сказать идентичных, карасукским изделиям I этапа эпохи бронзы Хакасско-Минусинской котловины (рис. 31, 5; 59; [Матюшенко, 2001, рис. 9, 5, 7; 11, 4; 16, 7; 2004, рис. 416, 1—10; Зяблин, 1977, рис. 7, 21; 8, 8, 13; Комарова, 1975, рис. 2, 32]). На основании этих аналогий было высказано предположение о некотором участии еловского населения в формировании классической карасукской культуры [Поляков, 2006а, с. 21]. Если принимать во внимание точки зрения Н. Л. Членовой и А. В. Полякова, то получается, что одни и те же люди, оставившие Еловские могильники, участвовали в сложении двух совершенно разных этнических групп — карасукской и атипичной. Это несоответствие можно устранить, признав обратный ход развития событий. Появление в памятниках Приобья и Кузнецко-Салаирской горной области вещевого комплекса и керамики карасукского облика может быть связано с продвижением на запад в конце I этапа и на II этапе эпохи поздней бронзы групп мигрантов с территории Хакасско-Минусинской котловины. Возможно, именно экспансия носителей атипичного комплекса привела к вытеснению части посткарасукского населения в лесостепные районы Западной Сибири, где оно оставило свой след в памятниках еловской и корчажгинской

культур⁵. Это могло бы объяснить совместное залегание в пределах одного могильника изделий, характеризующих разные по своему происхождению этнические группы, первичный контакт которых на Среднем Енисее как раз и приходится на финал I этапа. На относительно поздний возраст, по крайней мере, части захоронений Еловских могильников указывают некоторые орнаментальные мотивы (2—4 желобка на шейке сосудов, ряд свисающих треугольников, ромбы, расположенные в шахматном порядке). Это сочетание элементов складывается в Хакасско-Минусинской котловине вполне самостоятельно и получает распространение только на II этапе эпохи поздней бронзы.

Если еловская керамика в основной своей массе хотя бы отличается от посткарасукской, то так называемая «столовая» быстровская посуда полностью тождественна минусинским сосудам II этапа [Поляков, 2006б, с. 449—451]. Причем совпадения настолько детальные, что говорить о широком круге аналогий в других культурах и общей эпохальной близости, как это делает А. В. Матвеев, просто не приходится [Зяблин, 1977, рис. 8, 8; Матвеев, 1993, табл. XVI, 3—13; Поляков, 2006б, рис. 1, 17—22]. В данном конкретном случае мы имеем дело именно с миграцией населения. Такой подход позволяет несколько иначе взглянуть на корчажкинскую культуру Кузнецко-Салаирской горной области. Основу ее керамического комплекса составляет гребенчато-ямочная керамика, о которой уже говорилось выше. В большинстве же погребений этой культуры обнаружена посуда с гладким венчиком и геометрической орнаментацией, подобная карасукской. На поселениях она составляет не более 25 % керамического комплекса [Бобров, 1992, с. 16]. Это соотношение поразительно напоминает ситуацию, сложившуюся в Хакасско-Минусинской котловине на II этапе эпохи поздней бронзы, в ходе взаимодействия карасукской и атипичной групп населения. То, что эта аналогия неслучайна, убеждают материалы единственного на сегодня корчажкинского могильника. Выявленные в нем некоторые особенности погребального обряда: прямоугольные каменные ограды, преобладание северо-восточной ориентировки и наличие, по крайней мере, в одной из могил набора из кусков мяса жертвенного животного [Бобров, 1992, с. 16; табл. 3], прямо указывают на Среднеенисейский регион как на вероятный источник этих инноваций.

Интересно, что в Хакасско-Минусинской котловине, в лесостепном Приобье и в Кузнецко-Салаирской горной области контакт носителей разных керамических традиций развивался по сходному сценарию. Первоначально каждая из этих групп населения пользовалась только своей посудой. Потом формируется общий керамический комплекс, в котором одна из традиций продолжает свое существование преимуще-

ственно в виде столовой и, соответственно, погребальной посуды, а вторая — в виде посуды кухонной, чаще используемой в бытовой сфере. Затем и эта грань окончательно стирается, и в могильниках и на поселениях мы обнаруживаем одни и те же типы посуды, отличающиеся только размерами и тщательностью выделки, как это произошло на III этапе (лугавском) эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Во всех случаях роль посткарасукского компонента в сложении облика столовой посуды этих культур оказалась весьма значительна, что неудивительно, учитывая исходное изящество форм и орнаментальный эстетизм карасукской керамики. Разница же заключается в том, что на Енисее катализатором этого процесса послужила пришлая атипичная традиция, а в лесостепном Приобье и Кузнецко-Салаирской горной области карасукская в своей основе керамика наложилась на местную гребенчато-ямочную. Отдельные сосуды, имеющие десятки ближайших аналогов в комплексах II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, обнаруживаются в корчажкинских памятниках и более южных районах, вплоть до Барнаула [Шамшин, 2004, рис. 4, 2]. На абстрактном уровне, без указания каких-либо конкретных особенностей и проявлений, влияние карасукцев на процессы культуругенеза в Западной Сибири в эпоху поздней бронзы отмечали многие исследователи. Если окажется, что распространение в лесостепной зоне посуды с элементами геометрической орнаментации связано с миграцией части посткарасукского населения, то на повестке дня неизбежно встанет другой вопрос — о степени «андроноидности» так называемых андроноидных культур Западной Сибири. В чем же тогда конкретно выразился вклад андроновцев и не придется ли нам со временем переименовывать некоторые из этих культур в карасукоидные? Данная проблема, несомненно, имеет важное значение и заслуживает отдельного обсуждения, но не приближает нас к теме происхождения собственно атипичной группы населения.

Гораздо более перспективной выглядит линия связывания атипичной посуды с комплексами степного и лесостепного Алтая. В последние годы в этом регионе исследовано свыше 30 поселений и несколько небольших могильников с валиковой посудой саргаринско-алексеевского облика. Керамика в массе своей представлена плоскодонными баночными формами или сосудами плавной профилировки с округлым венчиком и слегка раздутым туловом. Орнаментация довольно бедная — ряды отпечатков гладкого или зубчатого штампов, горизонтальный зигзаг, елочка, косая решетка, прочерченные линии, разнообразные отпечатки палочки, ногтевидные вдавления, «жемчужник». Очень мало элементов геометризма. Налепные и формованные валики одиночные, крайне редко сдвоенные, располагаются вблизи венчика. Валики часто покрыты орнаментом — рядом оттисков штампа, зигзагом или сеткой [Демин, Ситников, 1998; 2002; Иванов, 1993; 2004; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990; Ситников, 1998; 2004; Удодов, 1994]. Ближайшие аналогии такого рода посуде обнаружены в Казахстане и Зауралье

⁵ Посткарасукскими мы называем группы населения конца I—II этапов эпохи поздней бронзы, чей погребальный обряд, вещевой комплекс и посуда, карасукские в своей основе, уже в той или иной степени подверглись воздействию со стороны атипичной традиции.

[Евдокимов, 1975; Зданович, 1983; Потемкина, 1975; Черников, 1960]. Отмечена и общая тенденция в развитии этой керамики — обеднение орнаментации, распространение простейших узоров. Выделен поздний донгальский тип памятников, для которого характерны сосуды с раздутым туловом и размещением валика под срезом венчика [Евдокимов, 1983; Зданович, 1988; Ломан, 1987]. Суммарное сопоставление алтайской валиковой и атипичной минусинской керамики дает нам многочисленные совпадения в формах и способах украшения посуды. Практически все элементы декора, известные на Алтае, в том или ином количественном соотношении, представлены в Хакасско-Минусинской котловине. Почти совпадают и некоторые простейшие орнаментальные композиции (рис. 36, 19; [Демин, Ситников, 2002, рис. 4, 5; Савинов, 1996, табл. L, 2, 4; Ситников, 1998, рис. 5, 10]). Однако при детальном сравнении двух керамических комплексов оказывается, что значимых несоответствий между ними все же больше, чем сходства. Ранняя атипичная керамика из состава карасукских могильников выглядит гораздо более монолитной и устоявшейся. Она больше насыщена орнаментацией, причем некоторые элементы декора, например ряд ямок под венчиком, являются для нее строго обязательными. На саргаринско-алексеевской посуде ямки вообще отсутствуют. На многих алтайских и казахстанских сосудах имеются «жемчужины», но их, в свою очередь, нет на атипичной керамике, за исключением двух уже упоминавшихся горшков из поселения Торгажак [Савинов, 1996, табл. L, 2, 4]. Валиков на атипичных сосудах может быть два и даже три, на саргаринско-алексеевских — только один. В целом ранняя атипичная керамика производит впечатление более архаичной, чем основная масса алтайской. Там имеется ранний пласт валиковой посуды, напоминающей черкаскульскую, но она отстоит от минусинской еще дальше [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 111—112, рис. 2]. Наибольшее сходство с алтайской керамикой наблюдается у посуды из поселения Торгажак, вот только относится она ко II этапу эпохи поздней бронзы и имеет уже округлое дно. Эти параллели позволяют отчасти синхронизировать валиковые традиции двух регионов, но не решают вопроса об их происхождении. Скорее всего они родственны, имеют общие глубинные истоки, но при этом напрямую между собой не связаны.

Еще одно возможное направление связей атипичной керамической традиции, южное и юго-восточное, на сегодня задокументировано крайне слабо. Немногочисленные пока находки посуды с валиками эпохи бронзы и раннего железного века происходят с территории Тувы, Монголии и Забайкалья [Дэвлет, 1973, рис. 1; Гришин, 1962, рис. 29, 32, 42; 1975, табл. XV; Семенов, 1992, рис. 30]. К сожалению, большинство из них лишены конкретной хронологической и культурной привязки. Отсутствуют обобщающие работы, качественные прорисовки и описания этого керамического материала. Единственное, что можно сказать определенно, — это то, что традиция украшения посуды валиками в юго-восточных регионах имеет довольно

глубокие корни и просуществовала там, по крайней мере, до скифского времени.

Поскольку керамика не дает однозначного ответа на вопрос о происхождении атипичной группы мигрантов, нам придется обратиться к особенностям погребальных конструкций, обряда и вещевого инвентаря, появившихся в комплексах Хакасско-Минусинской котловины на II этапе эпохи поздней бронзы, после прихода нового населения. Одной из таких особенностей могут считаться угловые камни. Установить факт их наличия или отсутствия у оград из врытых на ребро плит песчаника практически невозможно. Исключение составляют те редчайшие случаи, когда эти плиты вкапывали по диагонали, как бы «рассекая» углы кургана. Именно такую конструкцию имела ограда 3 могильника Потрошилово II, та самая, где обнаружен атипичный сосуд с валиками. Диагональный угловой камень отмечен на схематическом чертеже кургана 57 из атипичной группы погребений могильника Кюргеннер I (рис. 10, 5). Несколько прямоугольных оград из могильников Барсучиха I и Карасук I имели вертикальные камни, встроенные в горизонтальную кладку углов. По материалу эти захоронения датируются финалом I—началом II этапа. Вертикальные стелы обнаружены и в кургане 3 могильника Тюрим. Только они не встроены в горизонтальную кладку углов по диагонали, а установлены рядом. В двух соседних могилах этой ограды найдены сосуды атипичный и два карасукских. Необычная конструкция отмечена в кургане 5 могильника Анчил чон, где у круглой ограды, сложенной из плит, имелись четыре вертикальные стелы, расположенные через равные промежутки [Bokovenko, Legrand, 2000]. Эти плиты были врыты с внешней стороны сооружения симметрично относительно друг друга, образуя две взаимно перпендикулярные линии по оси СЗ—ЮВ и ЮЗ—СВ, как и у прямоугольных оград. Точно такие же конструкции с четырьмя симметричными высокими камнями у круглых и квадратных оград в это время были массово распространены в памятниках культуры херексуров на территории Монголии и Тувы [Худяков, 1987, рис. 1—3; Новгородова, 1989, с. 213].

В том, что эта аналогия неслучайна, убеждает обширный список инновационных металлических изделий, появившихся в Хакасско-Минусинской котловине на рубеже I и II этапов эпохи поздней бронзы. Так, уже упоминавшиеся серги с конусовидным расширением и четырьмя «лапками» из атипичного кургана 48 могильника Малые Копёны III имеют точное соответствие не только в Еловском I могильнике, но и среди находок на территории Тувы [Кызласов, 1979, рис. 14, 5]. Прототипы другой разновидности серег II этапа обнаружены в Монголии. Это массивные золотые изделия с цилиндрическими выступами-трубочками и бирюзовыми вставками из «фигурной» ограды могильника Тэвш-уул. Еще несколько подобных, но уже бронзовых, предметов известны там по случайным находкам. Концы монгольских заколок украшены головками козла, аналогичными скульптурным изображениям на навершиях минусинских ножей. Сходство просматрива-

ется даже в деталях: тот же схематизм в передаче головы животного, крупные ноздри, отвисшая нижняя губа, тщательная проработка витых рогов и оформление глаз в виде полых трубочки [Новгородова, 1989, с. 137—138]. На территории Среднего Енисея бронзовые серьги, но уже без головок животного и бирюзовых вставок, найдены в могильниках II этапа эпохи поздней бронзы Чазы и Белый Яр V [Паульс, 2000, с. 109—110]. Монгольские и минусинские изделия объединяют одинаковое функциональное назначение, сходные размеры, наличие щитка с поперечными бороздками и припаянными цилиндрическими выступами. Совпадает общее число выступов на парных серьгах (14). У ранних минусинских экземпляров даже сохранились западины под несуществующие бирюзовые вставки. Конечный пункт трансформации монгольских заколок — серьги из могильника Минусинск-кладбище (раскопки Н. В. Леонтьева), которые украшены уже не цилиндрическими выступами, а выпуклыми «кнопками».

Такая же последовательность развития (трубочки с бирюзовыми вставками — цилиндрические выступы с рудиментарными углублениями — «кнопки») прослеживается и на примере другой категории бронзовых предметов. В частности, несколько ножей с кольцевым навершием, украшенным цилиндрическими выступами-трубочками с бирюзовыми вставками, происходят из случайных находок на территории Северо-Западного Китая [Bunker, Kawami, Linduff, Wu, 1997, p. 120, fig. 5]. У ножа, найденного в Монголии, кольцевое навершие дополнено редуцированными цилиндрическими выступами, но без бирюзовых вставок [Новгородова, 1989, с. 133, 10]. В комплексах же начала II этапа поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины встречаются только изделия с «кнопками». Очевидно, что уже в момент своего появления на Енисее выступы на навершиях ножей и серьгах утратили всякое практическое значение и выглядели рудиментарным излишеством, лишенным всякого практического смысла. Именно по этой причине изделия с «кнопками» в Южной Сибири окончательно выходят из употребления раньше других типов, еще до начала III этапа (лугавского) эпохи поздней бронзы. Минусинские ножи с грибовидными шляпками, двукопчатые и с навершием в виде головки козла, внезапно появившиеся на II этапе эпохи поздней бронзы, имеют многочисленные соответствия в комплексах и случайных находках из Китая, Монголии, Забайкалья. Общими признаками для них являются наличие шипа-гарды и дополнительного колечка под навершием, основные виды сечений рукоятей и элементы их орнаментации: выпуклые «кнопки», группы поперечных линий, ряды косых насечек, треугольников, рельефных прямоугольников. Даже такой элемент, как ряд треугольных вдавлений у основания лезвия, обращенных вершиной к острию клинка, периодически встречается на кинжалах из Северного Китая. Комплексы с ножами и кинжалами «карасукского» облика из Северного Китая в настоящий момент надежно датируются эпохой Шан-Инь — XIII—XI вв. до н. э. В эпоху Западно-

го Чжоу изделия с кнопками и ножи с навершиями в виде головки козла больше не встречаются [Варенов, 1997, с. 170—175; 2005, с. 88—89].

В литературе представлены различные точки зрения по поводу функционального применения, эволюции и хронологии предметов неизвестного назначения (ПНН), обнаруженных в минусинских и северокитайских комплексах [Варенов, 1984, с. 42—51; Кожин, 1969, с. 30—32; Савинов, 1995, с. 57—65; Хлобыстина, 1970, с. 188; Членова, 1972, с. 121—122]. Несомненно одно — обе эти группы изделий являются атрибутами мужчин-воинов и имеют единое происхождение. Устоявшееся мнение, что на территории Южной Сибири ПНН встречаются только в каменноложских (лугавских) памятниках [Максименков, 1975, с. 54], нуждается в корректировке. На могильнике Медведка I такой предмет найден вместе с сосудами и другими изделиями, характерными для памятников II и даже финала I этапа эпохи поздней бронзы [Зяблин, 1977, с. 90, рис. 13, 16, 8; 20, 4]. По-видимому, ПНН появляются в Хакасско-Минусинской котловине несколько раньше, чем это представлялось, одновременно с остальным комплексом инноваций. В Китае предметы неизвестного назначения бытуют довольно продолжительное время. В период Западного Чжоу их помещали в могилы отдельно от человека. В соответствии с иньской погребальной традицией, как и на Среднем Енисее, ПНН располагался на поясе покойника [Варенов, 1984, с. 46]. Эта особенность также позволяет сузить период возможных контактов жителей двух удаленных регионов до XIII—XI вв. до н. э.

Существует еще одна сравнительно малочисленная категория вещей, на которую до сих пор почти не обращали внимания, — бронзовые накладки на ножны. Один из таких предметов обнаружен в кургане 28 могильника Кюргеннер I (рис. 34, 2). Он составлял единый комплект с ножом, имеющим грибовидное навершие, хорошо выраженную гарду и дополнительную петельку для подвешивания (рис. 34, 1). Несколько удивляют условия этой находки. Захоронение трехлетнего ребенка полностью разрушено, но в его центральной части, тем не менее, сохранилось массивное бронзовое изделие, представлявшее значительную ценность для грабителей. К тому же детям данной возрастной категории, по условиям погребального обряда, не полагалось иметь полноразмерных вещей. Не исключено, что эта находка является своеобразным кладом или тайником, но ее синхронность самому могильнику сомнений не вызывает. Такие же ножны, отличающиеся только некоторыми деталями оформления, найдены Н. В. Леонтьевым в устье реки Биря, рядом с могильником Лебяжье. Их верхняя перемычка шире, чем у изделия из Кюргеннера, орнаментирована продольными бороздками, а полусферические выступы дополнены грибовидными наростами. Нижняя трапециевидная часть ножен украшена четырьмя орнаментальными ярусами из нескольких горизонтальных линий и углубленных треугольников, обращенных вершинами вверх. Петельки для крепления к основе более крупные и их только три. Оба эти предмета на-

дежно датируются II этапом эпохи поздней бронзы. Ножны, найденные у села Краснополье, судя по комплексу сопровождавших их предметов, относятся к концу II—началу III этапа [Буров, 1987, с. 77]. Объединяет все минусинские изделия одна характерная особенность — трапецевидное расширение в нижней части, точно такое же, как у ножен, изображенных на оленных камнях Монголии. И ножи, выбитые на этих стелах, имеют тот же самый набор наворшений, что появились в Хакасско-Минусинской котловине в конце I—начале II этапа эпохи поздней бронзы [Волков, 1981, с. 230].

Во всех перечисленных случаях приоритет центральноазиатского очага металлургии и его ведущая роль в формировании вещевого комплекса памятников II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины совершенно очевидны. Причем по китайским аналогиям период этого воздействия ограничен XIII—XI вв. до н. э., что вполне согласуется с собственными радиоуглеродными датами памятников Среднего Енисея.

Южный путь проникновения мигрантов хорошо соотносится с локализацией бронзовых предметов внутри Хакасско-Минусинской котловины. Исследование, проведенное на большом статистическом материале, позволило установить, что подавляющее большинство инновационных изделий II этапа концентрируются на правом берегу Енисея и вблизи города Абакана. В значительно меньшем количестве они представлены в юго-западных районах, а в северной части Хакасско-Минусинской котловины известны только единичные находки [Поляков, 2006в, с. 89—90]. Причем зона распространения новых типов бронзовых предметов точно накладывается на те районы, где в конце I этапа и на II этапе эпохи поздней бронзы происходила трансформация традиционного карасукского погребального обряда. В южной части Хакасско-Минусинской котловины именно в это время северо-восточная ориентировка покойников сменяется на юго-западную, а на правом берегу Енисея и вблизи города Абакана появляются многочисленные захоронения на правом боку, то есть в массовом порядке проявляются именно те особенности, которые отличают атипичную погребальную традицию от классической карасукской.

Кроме изделий центральноазиатского происхождения в составе инновационной составляющей II этапа довольно отчетливо просматривается еще одна линия связей — андроновская, в широком понимании этого термина. Наследием андроновской культурно-исторической общности являются многочисленные лапчатые привески, литые биконические перстни, ярусные бляшки и квадратные бляхи с четырьмя приливами в углах. Причем в захоронениях II этапа эпохи поздней бронзы они не просто залегают совместно с центральноазиатскими изделиями, а часто образуют единый устойчивый набор украшений. Так, в сохранившихся женских погребениях (Чазы, Белый Яр V, Минусинск-кладбище, Минусинск-карьер) массивные серьги, упоминавшиеся выше, сочетались с височными кольцами, ярус-

ными бляшками, составными или цельнолитыми лапчатыми привесками, браслетами, перстнями, крупными пуговицами. В конкретном погребении отдельные категории предметов могли отсутствовать, но в целом комплектность оставалась неизменной. Отметим также, что аналогичные наборы в захоронениях предшествующего времени нам неизвестны, а большинство изделий не имеют прототипов в карасукских комплексах I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. С наследием одной из групп андроновской культурно-исторической общности, вероятно, связаны и некоторые черты погребального обряда атипичных комплексов, такие как использование в могильных конструкциях дерева, юго-западная ориентировка, положение покойника на боку с руками, лежащими перед грудью. Интересно, что как зона распространения этих особенностей, так и область локализации инновационных бронзовых предметов II этапа эпохи поздней бронзы, никак не связаны с географией местной андроновской традиции. Многочисленные андроновские памятники выявлены в северных районах Хакасско-Минусинской котловины. Каких-либо следов их проникновения южнее широты города Абакана, где, собственно, и отмечается концентрация комплексов с атипичными бронзами и элементами погребального обряда, до сих пор не обнаружено. Соответственно, их появление на этой территории требует иного объяснения.

Странное, на первый взгляд, сочетание в одних и тех же комплексах Среднего Енисея изделий центральноазиатского облика, посуды с валиками, постандроновских бронз и особенностей обряда можно понять, исходя из общего контекста развития культур эпохи бронзы евразийской степной зоны. В XIII в. до н. э. на огромном пространстве от Балкан до Алтая на основе срубно-андроновских памятников складывается общность культур со сходной керамикой, украшенной валиками, и некоторыми близкими типами металлических орудий [Черных, 1983, с. 81—98]. В восточной части ареала общности КВК формируются саргаринско-алексеевские комплексы, основу которых составлял андроновский компонент [Зданович, 1983, с. 73—77]. В частности, появление раннего пласта валиковой посуды на Алтае, вероятно, связано с перемещением на восток групп черкасульского населения [Иванов, 1989, с. 24]. Другие группы андроновцев из Казахстана могли проникать еще дальше, до Северо-Западного Китая и Монголии. Там известны находки бронзовых предметов андроновского облика [Бехтер, Хаврин, 2002; Заднепровский, 1992; Хаврин, 1992]. Причем сегодня речь идет уже не о распространении отдельных элементов культуры, а о продвижении на территорию Северо-Западного Китая населения с андроновским антропологическим типом [Кучера, 1988; Чуев, Китов, 2007]. В дальнейшем одна из таких групп постандроновцев, обладавших к тому времени вполне сформировавшейся и устоявшейся валиковой традицией, могла через Туву мигрировать на Средний Енисей, распространяя свой вещевой комплекс, дополненный центральноазиатскими изделиями в период ее пребы-

вания в Северо-Западном Китае и Монголии. Южный путь проникновения хорошо соотносится с зоной первичного расселения мигрантов на территории самой Хакасско-Минусинской котловины. Наиболее весомо последствия воздействия атипичной погребальной, керамической и бронзолитейной традиции проявились в памятниках, расположенных на правом берегу Енисея и в устье реки Абакана, именно в том районе, куда выходит современный Усинский тракт, соединяющий Туву с Хакасско-Минусинской котловиной. В этой же зоне на II этапе эпохи бронзы происходят заметные изменения антропологического типа населения в сторону усиления европеоидных черт. По данным краниоскопии, жители южных районов этого времени объединяются с андроновцами Казахстана, тогда как северная группа, подвергшаяся воздействию мигрантов в меньшей степени, тяготеет к андроновцам Верхнего Приобья [Громов, 2002, с. 24—25].

Выше уже отмечалось, что атипичная керамическая традиция не растворилась в карасукской, а продолжила свое существование главным образом в кухонной посуде II этапа эпохи поздней бронзы. К началу III этапа (лугавского) грань между столовой и кухонной керамикой практически полностью стирается. Все основные типы сосудов, найденных на поселениях, находят точные соответствия среди посуды, представленной в могильниках. Это обстоятельство привело к своеобразному возрождению на новом качественном уровне некоторых характерных особенностей, свойственных именно атипичной керамической традиции. На лугавской посуде вновь массово отмечается технологический прием, когда верхняя лента складывается вдвое, придавая венчику большую толщину и двухслойную структуру. Место стыковки лент зачастую укрепляется наклепными и формованными валиками. Теперь они располагаются более плотно, группируясь по 2—3 в зоне шейки сосуда. Резная орнаментация постепенно вытесняется различными вариациями из рядов оттисков штампа. Декорирование венчика опять становится обязательным элементом — теперь уже лугавской керамической традиции.

Наследие атипичной группы населения отчетливо просматривается в области курганной архитектуры и в погребальном обряде. На III этапе эпохи поздней

бронзы в Хакасско-Минусинской котловине массово распространяются курганы-платформы из глыб рваного камня с хорошо выраженными угловыми стелами. Грунтовые ямы со срубом и бревенчатым перекрытием почти полностью вытесняют традиционные карасукские ящики из плит песчаника. Юго-западная ориентировка погребенных все чаще встречается в северных районах. Покойников теперь кладут на спину, но при этом на правом берегу Енисея сосуды и мясо жертвенного животного располагаются с правой, а не с левой стороны от человека. Бронзовые изделия, появившиеся вместе с атипичной группой населения, на III этапе распространяются по всей территории Хакасско-Минусинской котловины и целиком вытесняют карасукские. В лугавских памятниках продолжила свое существование практически полная номенклатура инновационных бронзовых предметов, за исключением отдельных типов, быстро вышедших из употребления. Развитие бронзолитейного производства в этот период шло по пути упрощения и стандартизации изделий, уменьшения их размеров. Возникшее на II этапе четкое разделение памятников на две большие локально-территориальные группы (южную и северную) постепенно сглаживается, но при этом культура южных районов, где атипичная составляющая была наиболее сильна, по-прежнему развивалась опережающими темпами. Все это позволяет утверждать весьма значительный, если не сказать решающий, вклад именно атипичной группы населения в формирование единой культуры финала эпохи бронзы Хакасско-Минусинской котловины.

Предложенная версия развития событий позволяет снять накопившиеся противоречия и достаточно корректно объяснить механизм образования синкретичной культуры, сочетающей как западные, так и юго-восточные влияния. В такой трактовке эпоха поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины предстает перед нами как период взаимодействия двух постандроновских в своей основе групп населения, попавших в Южную Сибирь разными путями и в разное время. Одна из них (собственно карасукская) определила облик культуры на первой стадии ее существования, вторая (атипичная) придала новый импульс ее развитию и трансформации.

М. Н. Пшеницына, А. В. Поляков

ПРИЛОЖЕНИЕ I

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

*Государственный Эрмитаж (ГЭ), Отдел археологии Восточной Европы и Сибири,
хранитель доктор культурологических наук Л. С. Марсадолов*

1. Кол. 2408, № 1—130, материалы могильника Кюргеннер I за 1965 г.
2. Кол. Д2408, № 1—10, материалы могильника Кюргеннер I за 1965 г.
3. Кол. 2409, № 1—49, материалы могильника Кюргеннер I за 1966 г.
4. Кол. Д2409, № 1—18, материалы могильника Кюргеннер I за 1966 г.
5. Кол. 2410, № 1—6, материалы могильника Кюргеннер II за 1965 г.
6. Кол. Д2410, № 1—2, материалы могильника Кюргеннер II за 1965 г.
7. Кол. 2411, № 1—21, материалы могильника Кюргеннер II за 1966 г.
8. Кол. Д2411, № 1—18, материалы могильника Кюргеннер II за 1966 г.

Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), рукописный архив

9. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 132, л. 14—57, отчёт о раскопках могильников Кюргеннер I и II за 1965 г.
10. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 78, л. 6—14, опись находок Красноярской экспедиции за 1965 г., переданных, согласно Акту № 757 от 28 декабря 1966 г., в фонды Государственного Эрмитажа.
11. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 49, л. 1—14, полевой дневник Б. Н. Пяткина о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
12. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 50, л. 1—39, полевой дневник Е. И. Лубо-Лесниченко о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
13. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 51, л. 1—28, полевой дневник Б. Лапиной о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
14. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 52, л. 1—21, полевой дневник Хуана Дуке Ибарече о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
15. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 53, л. 1—18, полевой дневник М. Н. Комаровой о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
16. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 54, л. 1—24, полевой дневник Л. Л. Барковой о раскопках могильников Кюргеннер I и II за 1965 г.
17. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 55, л. 1—12, полевой дневник А. А. Гавриловой о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
18. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 56, л. 1—14, полевой дневник В. П. Пяткиной о раскопках могильника Кюргеннер I за 1965 г.
19. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 57, л. 1—64, полевые чертежи могильника Кюргеннер I за 1965 г.
20. Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 58, л. 1—145, полевые чертежи могильника Кюргеннер I за 1965 г.
21. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 30, л. 6—43, отчёт о раскопках могильников Кюргеннер I и II за 1966 г.
22. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 121, л. 1—5, опись находок Красноярской экспедиции за 1966 г., переданных согласно Акту № 804 от 7 декабря 1967 г. в фонды Государственного Эрмитажа.
23. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 31, л. 1—60, полевой дневник Хуана Дуке Ибарече о раскопках могильника Кюргеннер I за 1966 г.
24. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 32, л. 1—41, полевой дневник Л. Л. Барковой о раскопках могильника Кюргеннер II за 1966 г.
25. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 34, л. 1—88, полевые чертежи могильника Кюргеннер I за 1966 г.
26. Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 35, л. 1—36, полевые чертежи могильника Кюргеннер I за 1966 г.

Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), фотоархив

27. Дело О.2639 — фотографии и фотокопии чертежей могильника Кюргеннер I за 1965 г.
28. Дело О.2640 — фотографии и фотокопии чертежей могильников Кюргеннер I и II за 1965 г.
29. Дело О.2662 — фотографии и фотокопии чертежей могильника Кюргеннер I за 1966 г.
30. Дело О.2663 — фотографии и фотокопии чертежей могильника Кюргеннер II за 1966 г.

Институт Археологии РАН (ИА РАН), архив

31. Р-I, д. 3200, л. 14—57, отчёт о раскопках могильников Кюргеннер I и II за 1965 г.
32. Р-I, д. 3597, л. 6—43, отчёт о раскопках могильников Кюргеннер I и II за 1966 г.

А. В. Поляков

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Таблица 1

**График накопления материалов по погребальным памятникам карасукской культуры
(по карасукскому и каменоложскому этапам суммарно)**

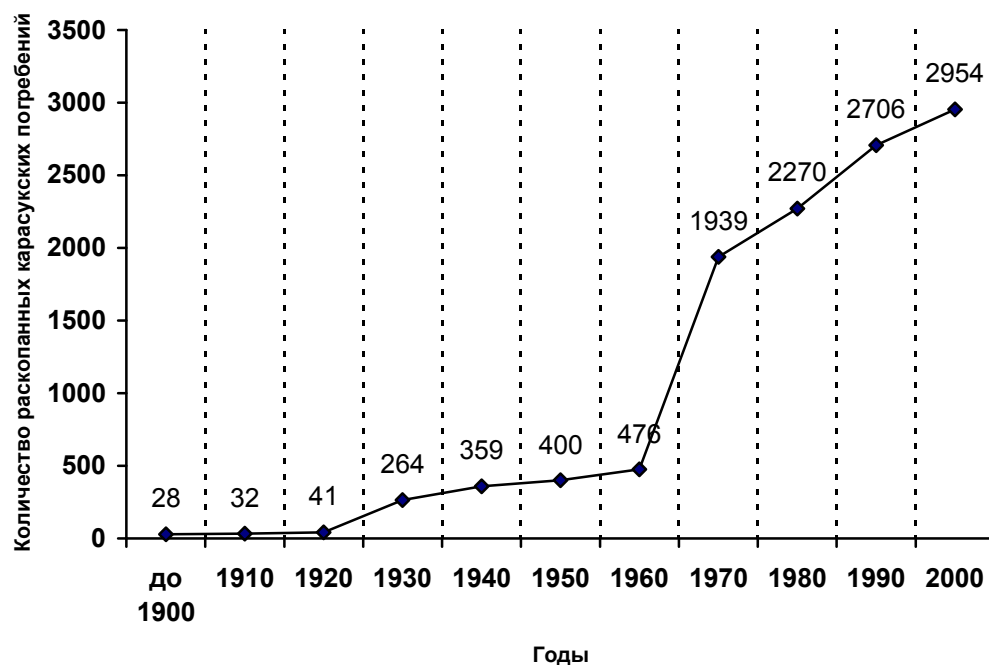

Таблица 2

Статистика различных конструкций курганов

Количество оград в одном кургане	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре*	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1 ограда	80	80	17	65	97	77	1087	73,3
2 ограды	15	15	5	19	20	16	225	15,2
3 ограды	5	5	2	8	7	5	97	6,5
4 ограды	—	—	—	—	—	—	43	2,9
5 оград	—	—	1	4	1	1	10	0,7
6 оград	—	—	1	4	1	1	10	0,7
7 и более оград	—	—	—	—	—	—	11	0,7
	100	100	26	100	126	100	1483	100

* Здесь и далее приводятся суммарные данные по 103 могильникам классического этапа.

Таблица 3

Статистика различных типов оград

Тип оград	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Прямоугольные из вертикальных плит	109	87,9	37	97,4	146	90,1	1459	85,2
Круглые из горизонтальных плит	15	12,1	1	0,6	16	9,9	186	10,9
Круглые из вертикальных плит	—	—	—	—	—	—	11	0,6
Прямоугольные из горизонтальных плит	—	—	—	—	—	—	57	3,3
	124	100	38	100	162	100	1713	100

Таблица 4

Статистика количества могил, находящихся в одной ограде

Количество могил в одной ограде	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1 могила	115	92,0	42	95,4	157	92,9	2045	92,8
2 могилы	8	6,4	2	4,6	10	5,9	128	5,8
3 могилы	1	0,8	—	—	1	0,6	21	1,0
4 и более могил	1	0,8	—	—	1	0,6	10	0,4
	125	100	44	100	169	100	2204	100

Таблица 5

Статистика различных конструкций могил

Конструкции могил	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Каменный ящик	137	98,6%	44	97,8%	181	98,5%	2145	91,3%
Наземная циста	1	0,7%	—	—	1	0,5%	145	6,2%
Грунтовая яма	1	0,7%	1	2,2%	2	1,0%	59	2,5%
	139	100%	45	100%	184	100%	2349	100%

Таблица 6

Статистика различной формы каменных ящиков

Форма ящиков	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Трапециевидные	69	50,4	27	61,4	96	53,0	1011	47,2
Прямоугольные	68	49,6	17	39,6	85	47,0	1134	52,8
	137	100	44	100	181	100	2145	100

Таблица 7

Среднестатистические размеры каменных ящиков (учитывались только каменные ящики, в которых совершены погребения людей старше 16 лет)

Источник данных	Среднестатистические размеры ящиков с мужскими погребениями (см)			Среднестатистические размеры ящиков с женскими погребениями (см)		
	длина	ширина	высота	длина	ширина	высота
По культуре	188	85 (71)*	54	176	80 (68)*	53
Кюргеннер I и II	181	78 (66)*	62	178	73 (62)*	58

* В скобках указаны данные для узкого конца трапециевидного ящика.

Таблица 8

Статистика погребённых по возрастным группам

Возрастные группы	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
До 2 лет	14	10,4	5	11,6	19	10,7	109	6,7
От 2 до 10 лет	21	15,7	5	11,6	26	14,7	339	20,9
От 10 до 16 лет	12	9,0	11	25,6	23	13,0	178	10,9
От 16 до 50 лет	74	55,2	18	41,9	92	52,0	910	56,0
Старше 50 лет	13	9,7	4	9,3	17	9,6	90	5,5
	134	100	43	100	177	100	1626	100

Таблица 9

Статистика погребённых по половозрастным группам

Группы	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Дети до 16 лет*	47	35,1	21	48,8	68	38,4	626	38,5
Мужчины	43	32,1	9	20,9	52	29,4	405	24,9
Женщины	31	23,1	9	20,9	40	22,6	362	22,3
Пол не установлен	13	9,7	4	9,3	17	9,6	233	14,3
	134	100	43	100	177	100	1626	100

* Для некоторых подростков 15—16 лет пол установлен, но эти данные при подсчётах не учитывались.

Таблица 10

Статистика ориентировки погребённых

Ориентировка погребённых*	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Головой в восточный сектор	42	95,4	14	100	56	96,5	717	74,0
Головой в западный сектор	2	4,6	0	0	2	3,5	251	26,0
	44	100	14	100	58	100	968	100

* Определения по костям, находящимся в положении *in situ*.

Таблица 11

Распределение ориентировок по крупным могильникам и районам

№	Район	Могильник	Всего	Восточный сектор	Западный сектор
1	север	Сухое Озеро II	179	177	2
2		Варча I	18	17	1
3		Барсучиха I	21	21	0
4		Карасук I	57	57	0
5		Малые Копёны III	65	63	2
6		Белоярск II	26	26	0
7		Лебяжье II—IV	15	15	0
8		Кюргенер I и II	65	56	2
9	юг	Абакан I—VIII	30	26	4
10		Тагарский Остров IV	32	29	3
11		Окунев Улус I, II	15	14	1
12		Белый Яр V	44	15	29
13		Быстрая I—III	31	5	26
14		Терт-Аба	64	19	45
15		Арбан I	35	3	32
16		Сабинка II	63	6	57

Таблица 12

Статистика расположения тела погребённых

Положение тела	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно		По культуре	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
На левом боку	40	90,9	14	100	54	93,1	720	88,7
На правом боку	4	9,1	0	0	4	6,9	92	11,3
	44	100	14	100	58	100	812	100

Таблица 13

Статистика сопроводительной пищи (мясо животного) по классическому этапу культуры

№	Кол-во особей	Всего		Видовой состав	Случаев	%
		случаев	%			
1	1 особь	811	80,5	Овца	606	60,2
2				Корова	168	16,6
3				Лошадь	21	2,1
4				Коза	13	1,3
5				Косуля	3	0,3
6	2 особи	169	16,8	2 овцы	42	4,2
7				2 коровы	1	0,1
8				Овца и корова	84	8,3
9				Овца и лошадь	31	3,1
10				Овца и коза	3	0,3
11				Корова и лошадь	5	0,5
12				Лошадь и коза	1	0,1
13				Лошадь и косуля	2	0,2
14	3 особи	26	2,6	3 овцы	4	0,4
15				2 овцы и корова	3	0,3
16				2 овцы и лошадь	1	0,1
17				Овца и 2 коровы	1	0,1
18				Овца, корова и лошадь	9	0,9
19				Овца, корова и коза	6	0,6
20				Овца, лошадь и коза	1	0,1
21	Корова, лошадь и коза	1	0,1			
22	4 особи	1	0,1	Овца, корова, лошадь и коза	1	0,1
Всего:		1007	100		1007	100

Таблица 14

Статистика сопроводительной пищи (мясо животного) по могильникам Кюргеннер I и II

№	Кол-во особей	Всего		Видовой состав	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Всего	
		кол-во случаев	%		кол-во случаев	%	кол-во случаев	%	кол-во случаев	%
1	1 особь	98	71,5	Овца	52	50,5	24	70,6	76	55,5
2				Корова	11	10,6	4	11,8	15	10,9
3				Лошадь	1	1,0	—	—	1	0,7
4				Коза	6	5,8	—	—	6	4,4
5	2 особи	32	23,4	2 овцы	8	7,8	—	—	8	5,9
6				Овца и корова	13	12,6	4	11,8	17	12,4
7				Овца и лошадь	3	2,9	1	2,9	4	2,9
8				Корова и лошадь	2	1,9	—	—	2	1,5
9				Лошадь и косуля	1	1,0	—	—	1	0,7
14	3 особи	7	5,1	3 овцы	1	1,0	—	—	1	0,7
15				2 овцы и корова	1	1,0	1	2,9	2	1,5
18				Овца, корова и лошадь	1	1,0	-	-	1	0,7
19				Овца, корова и коза	3	2,9	-	-	3	2,2
Всего:		137	100		103	100	34	100	137	100

Таблица 15

Соотношение наличия сопроводительной мясной пищи в могилах с возрастом погребённого (могильники Кюргеннер I и II)

Возрастная группа	Наличие мясной пищи				Всего	
	нет	%	есть	%	кол-во	%
До 2 лет	16	84,2	3	15,8	19	100
От 2 до 10 лет	7	27,0	19	73,0	26	100
От 10 до 16 лет	3	16,7	15	83,3	18	100
От 16 до 50 лет	15	15,5	82	84,5	97	100
Старше 50 лет	3	17,6	14	82,4	17	100
	42	23,7	135	76,3	177	100

Таблица 16

Статистика количества сосудов различных типов (могильники Кюргеннер I и II)

Типы керамики	Кюргеннер I		Кюргеннер II		Суммарно	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
I-a	20	17,5	7	33,3	27	20,0
I-б	13	11,4	2	9,5	15	11,1
I-в	3	2,6	—	—	3	2,2
II-a	—	—	—	—	—	—
II-б	6	5,3	—	—	6	4,4
II-в	7	6,1	2	9,5	9	6,7
III-1	1	0,9	—	—	1	0,8
III-2	20	17,5	3	14,3	23	17,0
III-3	—	—	—	—	—	—
IV	10	8,8	3	14,3	13	9,7
V	1	0,9	—	—	1	0,8
VI	1	0,9	—	—	1	0,8
VII	13	11,4	—	—	13	9,7
VIII	1	0,9	—	—	1	0,8
Неопределимые фрагменты	11	9,6	3	14,3	14	10,4
Нестандартные сосуды	7	6,2	1	4,8	8	5,6
	114	100	21	100	135	100

С. В. Хаврин

ПРИЛОЖЕНИЕ III

МЕТАЛЛ МОГИЛЬНИКА КЮРГЕННЕР

В силу тотального ограбления карасукских могил, происходившего с древности, погребальный инвентарь, оказывающийся в руках современного исследователя, невелик. В первую очередь он представлен керамическими сосудами. Вторая по численности категория находок — мелкие бронзовые изделия, преимущественно украшения: пронизки, проволочные височные кольца, обоймочки. Они крайне широко распространены в эпоху бронзы, и их типологический анализ ощутимых результатов не приносит. Это делает изучение их морфологии малоинформативным. Повысить информативность этой категории древностей позволяет исследование состава их металла.

Как показали исследования древнего металла Минусинской котловины, в ранних карасукских памятниках преобладают оловянистые бронзы. В дальнейшем имеет место резкий рост количества бронзовых предметов, при этом происходит постоянное уменьшение количества изделий из оловянистых бронз. На «каменноложском» этапе господствующим типом сплава становится медь с естественными (рудными) примесями, основная из которых — мышьяк [Пяткин, 1977; Хаврин, 2001]. Таким образом, при разработке вопросов хронологии карасукских памятников информативным является наличие или отсутствие в медном сплаве олова в качестве легирующей добавки.

В ходе работы с материалами могильников Кюргеннер I и II был исследован состав сплава всех сохранившихся в коллекции металлических изделий. В лаборатории технико-технологических исследований Государственного Эрмитажа на спектрометре ArtTAX проведён рентгено-флюоресцентный анализ 186 металлических изделий¹ (Прилож. III, табл. 1, 2). Полученные данные позволяют заключить, что состав металла достаточно типичен для Минусинской котловины конца 2-го—начала 1-го тыс. до н. э. Около половины изделий отлиты из оловянистой бронзы. Подавляющее большинство изделий содержат в своем составе мышьяк, которым насыщены медные руды

Минусинской котловины. В качестве рудных примесей выступают также свинец, сурьма, серебро, никель.

Из 134 исследованных металлических изделий, что в материалах могильника Кюргеннер I, 63 изделия изготовлены из мышьяковистой бронзы или меди, а 71 предмет² изготовлен из оловянистой бронзы. В другой, южной, части этого могильника, получившей название Кюргеннер II, из 52 проанализированных бронзовых изделий 29 изготовлены из мышьяковистой бронзы/меди, 23 — из оловянистой. Содержание олова в оловянистых бронзах могильников Кюргеннер I и II составляет от 1 % до 20—25 %.

При изучении сейминско-турбинских бронз Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых выявили закономерность распространения типов сплава по площади Турбинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, с. 203—208]. По такому же принципу нами было проведено картографирование двух основных типов сплава на площади могильника Кюргеннер I [Поляков, Хаврин, 2007]. Для южной части могильника, получившей наименование Кюргеннер II, такая работа неосуществима в связи со сложностями соотношения исследованных погребений с планом могильника.

Анализ распределения двух названных типов сплава по площади могильника показал, что в 20 оградах преобладают изделия из оловянистой бронзы, в 19 — из меди и мышьяковистой бронзы. Ещё в 2 оградах (№ 32 и 59) преобладающий тип сплава не выявляется. При этом оградки с погребениями, сопровождаемыми инвентарем из оловянистой бронзы, преобладают в северной части могильника, а погребения с металлическими изделиями из меди и мышьяковистой бронзы локализируются в западной его части (рис. 83Б). Такое распределение не является случайным: оно с высокой степенью совпадения повторяет распределение двух хронологических типов керамики, выделенных А. В. Поляковым [Поляков, 2002; 2006б] на площади могиль-

¹ Анализ проводился при напряжении 50 кВ, силе тока 700 мА; время накопления спектра — 40 с. Нижний предел чувствительности составляет для большинства элементов 0,1—0,2 %.

² Отметим, что в это число входят 2 сильно корродированных изделия (проволочные колечки в 1 оборот), происходящих из кургана 19. Названные изделия имеют очень необычный (для любой эпохи) состав: основными компонентами сплава являются медь, золото, олово и серебро. Возможно, это результат переплава изделий из оловянистой бронзы и из золота с примесью серебра.

ника. Первый, более ранний, тип группируется в северной и центральной частях могильника, второй, более поздний, — в западной его части (рис. 83А).

Оказывается, что в данной выборке (погребения могильника Кюргеннер I) в комплексах первой хронологической группы преобладают изделия из оловяни-

стой бронзы, а в комплексах второй хронологической группы металлические изделия по преимуществу медные и медно-мышьяковистые. Оловянистая бронза в комплексах с керамикой второй группы встречается лишь в 2 случаях: ограда 15 (1 изделие из 10 исследованных) и ограда 47 (1 из 4).

Таблица 1

**Результаты РФА металлических изделий могильника Кюргеннер I
(ГЭ, кол. 2408, 2409, Д2408, Д2409)**

Кург./мог.	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
1	Шило	Осн.	<0,4	—	Сл.	<0,6	<1	Ni, Br	
5/1	Шило	Осн.	1—2	—	Сл.	Сл.	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	<0,5	—	Сл.	—	Сл.	Ni	Коррозия
	Пронизка	Осн.	3—6	<1	<0,6	—	Сл.	Ni	Коррозия
	Пронизка	Осн.	1—2	<1	Сл.	Сл.	Сл.		
	Пронизка	Осн.	1—3	<0,8	Сл.	—	Сл.	Ni	Коррозия
	Кольцо	Осн.	1—2	—	—	—	Сл.	Ni	
9	Пластина	Осн.	3—5	—	<0,5	—	Сл.	Ni	
11	Пронизка	Осн.	<0,3	<1	—	—	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	<0,5	<0,5	—	—	Сл.	Ni	
14	Височное кольцо	Осн.	2—4	—	—	<0,3	—		
15/1	Гвоздик	Осн.	3—6	—	<0,5	—	Сл.	Zn	
	Бляшка двухъярусная	Осн.	3—5	—	?	Сл.	Сл.		
	Бляшка четырехъярусная	Осн.	Сл.	—	?	—	—	Br	
	Бляшка двухъярусная	Осн.	4—8	—	<1	Сл.	Сл.	Bi	
	Височное кольцо	Осн.	3—5	—	?	—	Сл.	Br	
	Височное кольцо	Осн.	1—3	—	—	Сл.	Сл.		
	Височное кольцо	Осн.	1—3	—	<0,5	—	Сл.	Au	
15/2	Пронизка	Осн.	<0,4	—	<0,3	—	Сл.		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,5	—	<0,3	—	—		Коррозия
16	Пластина	Осн.	<1	—	<0,8	2—3	Сл.		
19	Кольцо в 1 оборот	Осн.	<1	4—8	—	<1	3—5	Au=10—16	Коррозия
	Кольцо в 1 оборот	Осн.	1—3	5—10	—	<0,7	2—4	Au=10—16	Коррозия
	Кольцо	Осн.	<1	—	Сл.	—	<0,5	Bi, Br	
	Пронизка	Осн.	3—6	<0,6	<0,7	—	—	Br	Коррозия
	Пронизка	Осн.	4—8	<0,4	<0,6	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	5—8	—	<0,7	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	1—2	—	<1	—	—		Коррозия
23/1	Пронизка (обойма)	Осн.	1—2	5—8	<1	—	—		Патина
	Пронизка (обойма)	Осн.	2—6	5—7	<0,9	<0,4	—		Патина
	Пронизка (обойма)	Осн.	1—2	5—8	—	<0,7	Сл.	Ni	Патина
	Пронизка (обойма)	Осн.	<1	3—6	<0,8	—	—		Патина
	Пронизка (обойма)	Осн.	3—5	5—10	—	<0,5	Сл.		Патина
24	Шило	Осн.	2—3	<0,8	<1	Сл.	—		
	Пуговица	Осн.	1—2	—	<0,8	2—4	<0,8		
	Нож	Осн.	2—4	2—4	<1	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	Сл.	5—8	—	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,5	6—10	<1	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,6	10—15	<0,6	Сл.	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,6	10—15	<0,7	Сл.	Сл.		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,6	10—15	<0,7	Сл.	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	4—7	—	<1,5	—	Сл.		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,4	10—15	<0,5	<0,4	—		Коррозия
25/3	Зеркало	Осн.	1—2	—	<0,5	Сл.	Сл.		
	Пуговица	Осн.	1—2	—	<0,5	Сл.	—		Коррозия

Продолжение табл. 1

Кург./мог.	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
28/1	Нож	Осн.	Сл.	—	<0,5	1—3	Сл.	Ni	
	Ножны	Осн.	Сл.	—	<0,5	1—3	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	<0,3	—	—	1—2	Сл.	Au	
	Пронизка	Осн.	<0,4	—	—	<0,8	Сл.		
29/2	Пронизка	Осн.	Сл.	18—22	Сл.	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	Сл.	7—9	1—3	—	—		
	Пронизка	Осн.	Сл.	1—3	Сл.	<0,7	Сл.		Патина
	Гвоздик	Осн.	8—14	3—5	<1	Сл.	—		
32/1	Пуговица	Осн.	Сл.	—	—	—	Сл.		
	Кольцо	Осн.	<0,3	12—16	<1	—	Сл.	Br	
	Пронизка	Осн.	Сл.	4—6	Сл.	—	Сл.	Br	
	Пронизка	Осн.	3—6	—	1—2	<0,4	Сл.		
	Пронизка	Осн.	—	—	—	—	—	Br	
33/2	Пронизка	Осн.	Сл.	<1	<0,7	—	Сл.	Zn, Br	
	Пронизка	Осн.	Сл.	<1	Сл.	—	—	Zn	Патина
37	Височное кольцо	Осн.	<0,3	2—3	<0,5	—	—		
	Височное кольцо	Осн.	<0,3	1—2	<0,3	—	—		
41	Шило (?)	Осн.	—	8—12	<0,4	—	—		
42	Ножичек	Осн.	<0,4	—	Сл.	—	<0,3		
43	Астрагал	Осн.	<1	3—6	<0,5	Сл.	—		
44	Гвоздик	Осн.	1—2	Сл.	<0,4	Сл.	Сл.	Zn	
46	Пуговица	Осн.	1—2	Сл.	<0,4	Сл.	Сл.	Zn	
47/3	Пронизка	Осн.	<0,6	12—16	—	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	>5	—	—	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	>5	—	—	—	—		Патина
	Кольцо	Осн.	1—2	—	<0,6	—	Сл.		
52/5	Кольцо плоское	Осн.	<1	—	<0,3	—	Сл.		
53/1	Кольцо височное	Осн.	1—2	—	<0,5	Сл.	—	Zn	
	Кольцо височное	Осн.	<0,8	Сл.	<0,5	Сл.	Сл.	Au	
	Кольцо височное	Осн.	3—5	—	<0,5	Сл.	Сл.	Bi	
	Кольцо височное	Осн.	3—5	Сл.	<0,4	Сл.	—		
	Бляха-пуговица	Осн.	1—2	—	—	Сл.	Сл.		
	Пронизка	Осн.	1—2	—	Сл.	—	Сл.		
	Пронизка	Осн.	<1	—	Сл.	—	—		
53/ 2	Кольцо	Осн.	2—4	10—15	<0,8	Сл.	—		Патина
	Кольцо	Осн.	1—3	6—9	<0,5	Сл.	Сл.	Bi	Патина
59	Шило	Осн.	Сл.	—	—	—	—		
	Пронизка	Осн.	<0,6	2—4	<0,5	—	—		
61	Проволока	Осн.	<0,3	3—4	<0,6	Сл.	Сл.	Br	Коррозия
63/1	Ножичек	Осн.	1—3	Сл.	—	—	—	Zn	
64	Гвоздик	Осн.	7—10	Сл.	—	Сл.	—	Fe=1—2, Bi	Патина
	Гвоздик	Осн.	1—2	7—9	Сл.	—	—		
	Височное кольцо	Осн.	<0,8	14—16	<0,5	—	—		Коррозия
	Обойма	Осн.	Сл.	10—15	Сл.	Сл.	—		Коррозия
	Обойма	Осн.	<0,3	10—15	—	Сл.	—		Коррозия
	Обойма	Осн.	<0,5	10—15	—	Сл.	—		Коррозия
	Обойма	Осн.	<0,5	10—15	—	—	?		Коррозия

Окончание табл. 1

Кург./мог.	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
66	Бляшка трехъярусная	Осн.	Сл.	4—6	—	Сл.	—		Патина
	Бляшка трехъярусная	Осн.	1—2	12—16	<0,7	Сл.	Сл.	Bi	
	Височное кольцо	Осн.	—	15—20	<0,7	—	—		
	Шило (?)	Осн.	<0,2	5—10	—	—	—		
	Пронизка	Осн.	<0,5	12—16	<1	—	—		Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,3	10—15	—	Сл.	<0,5	Au	Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,2	15—20	Сл.	Сл.	<0,5	Zn, Br	Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,2	15—20	Сл.	—	<0,4	Zn, Br	Коррозия
66 (?)	Кольцо	Осн.	<1	—	Сл.	—	Сл.	Zn	
67	Зеркало	Осн.	Сл.	12—16	—	—	—		Патина
	Шило	Осн.	2—3	6—9	Сл.	<0,5	<0,3	Bi	
69/2	Гвоздик	Осн.	3—5	—	<0,9	6—9	<0,5		Патина
	Пронизка	Осн.	<0,3	10—15	<0,3	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,3	15—20	<0,3	—	—		Коррозия
	Височное кольцо	Осн.	<0,3	20—25	<1	—	Сл.		Коррозия
70/1	Височное кольцо	Осн.	<0,2	10—14	<0,6	—	—		Коррозия
	Бляшка	Осн.	—	—	—	—	—	Br, Sr	Коррозия
	Пронизка	Осн.	Сл.	4—6	Сл.	—	—	Sr	Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	Сл.	~1	Сл.	—	—		Коррозия
73	Кольцо височное	Осн.	2—4	<1	1—2	<0,3	—	Zn	
	Кольцо височное	Осн.	<0,6	6—8	<0,4	<0,4	—	Zn, Ni	
75/1	Бусина-пронизка	Осн.	Сл.	6—8	Сл.	—	Сл.	Au	Коррозия
	Височное кольцо	Осн.	Сл.	20—25	<1	—	Сл.		Коррозия
	Височное кольцо	Осн.	-	>10	<1	—	Сл.		Коррозия
	Височное кольцо	Осн.	Сл.	20—25	<1	—	Сл.		Коррозия
79	Бляшка трехъярусная	Осн.	Сл.	<0,8	<0,5	—	<0,3	Ni	
	Обойма	Осн.	—	1—2	Сл.	Сл.	—	Br	
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,3	8—12	<0,7	Сл.	—		Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,4	>10	<2	Сл.	—		Коррозия
	Бусина-пронизка	Осн.	<0,6	20—25	<1	—	—		Коррозия
80	Шило	Осн.	<1	4—6	<0,6	<0,7	—		
	Бляшка двухъярусная	Осн.	Сл.	15—22	Сл.	—	—		Коррозия
83	Бляшка полушаровидная	Осн.	<0,3	6—9	—	Сл.	—		Коррозия
86	Нож	Осн.	<0,5	18—25	Сл.	—	Сл.		Коррозия
90	Нож	Осн.	Сл.	3—6	Сл.	Сл.	—		
	Стержень (шило ?)	Осн.	Сл.	14—18	Сл.	—	<0,7	Br	Коррозия
96	Пуговица с петелькой	Осн.	Сл.	3—5	Сл.	Сл.	—		
97	Зеркало	Осн.	1—3	—	?	—	—	Ni	
?	Нож (клинок)	Осн.	1—2	2—4	?	Сл.	Сл.	Ni	
?	Булавка	Осн.	1—3	6—8	Сл.	<0,4	Сл.	Ni, Bi	

**Результаты РФА металлических изделий могильника Кюргеннер II
(ГЭ, кол. 2410, 2411, Д2410, Д2411)**

Кург./мог.	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
2	Стержень (кольцо)	Осн.	—	1—2	Сл.	—	<0,3	Ni	
2/1	Бляшка	Осн.	—	10—13	Сл.	—	—	Bi	Коррозия
3/2	Шило	Осн.	<0,2	1—3	<0,3	<0,8	Сл.	Ni	
5	Бляшка	Осн.	3—4	—	—	<0,4	<0,5	Ni<1	Коррозия
6/2	Кольцо височное	Осн.	Сл.	4—8	Сл.	—	Сл.	Ni	
7	Пуговица	Осн.	—	—	Сл.	—	<0,3		Патина
	Кольцо височное (?)	Осн.	Сл.	>10	Сл.	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,4	20—25	<0,4	Сл.	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	Сл.	10—15	—	—	—	Ni	Коррозия
10	Пронизка	Осн.	Сл.	1—2	Сл.	Сл.	—	Ni	
	Пронизка	Осн.	Сл.	5—8	Сл.	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	—	<0,8	Сл.	Сл.	<0,4	Ni, Au	
	Пронизка	Осн.	—	<0,8	Сл.	Сл.	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	<0,2	8—11	Сл.	—	—	Zn	Патина
	Пронизка	Осн.	—	Сл.	—	—	—		Патина
	Пронизка	Осн.	Сл.	Сл.	Сл.	—	Сл.		Патина
11	Гвоздик	Осн.	3—4	—	<0,6	—	Сл.	Ni	
	Гвоздик	Осн.	3—4	—	<0,7	—	Сл.	Ni	
	Кольцо височное	Осн.	<0,3	18—22	<0,4	<0,4	Сл.		
	Обойма	Осн.	1—2	10—14	<0,4	<0,5	Сл.		
	Обойма	Осн.	<1	8—12	<0,7	—	—		Коррозия
	Обойма	Осн.	4—8	—	<0,7	—	Сл.		Коррозия
12/2	Кольцо	Осн.	<0,5	10—12	<0,5	<0,7	—		
	Бляшка двухъярусная	Осн.	2—3	Сл.	<0,8	—	—	Ni	
17	Кольцо височное	Осн.	<1	4—8	2—4	Сл.	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	—	—	Сл.	—	—		Коррозия
20	Обойма	Осн.	Сл.	7—10	Сл.	<0,5	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	Сл.	10—15	—	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	Сл.	—	Сл.	Сл.	Сл.		Коррозия
	Кольцо височное	Осн.	3—6	1—2	<0,3	—	Сл.		Коррозия
	Пуговица	Осн.	—	—	Сл.	—	Сл.	Ni	
	Пуговица	Осн.	—	<1	Сл.	—	—	Ni	
	Обойма	Осн.	Сл.	1—2	Сл.	<0,4	Сл.	Ni	
	Пронизка	Осн.	<0,3	12—16	—	—	—		Коррозия
	Пронизка	Осн.	<0,6	5—10	1—3	<0,5	Сл.	Ni	Коррозия
21/2	Пуговица	Осн.	8—12	—	<0,7	Сл.	Сл.		Патина
	Кольцо	Осн.	1—2	—	<0,4	—	—	Ni	
	Кольцо	Осн.	1—2	<0,5	<0,5	<0,3	<0,3	Ni	
22/2	Лапчатая подвеска	Осн.	1—2	<0,3	<0,5	Сл.	Сл.	Ni	
	Лапчатая подвеска	Осн.	1—2	Сл.	Сл.	—	—		
	Лапчатая подвеска	Осн.	1—2	—	Сл.	—	Сл.		
	Лапчатая подвеска	Осн.	1—2	—	Сл.	Сл.	—	Ni	
	Лапчатая подвеска	Осн.	Сл.	—	Сл.	—	—	Ni	
	Гвоздик	Осн.	4—6	—	Сл.	—	Сл.		
	Гвоздик	Осн.	>10	—	Сл.	—	Сл.		Коррозия
	Кольцо височное	Осн.	<1	1—2	Сл.	Сл.	Сл.		
	Кольцо височное	Осн.	2—4	—	<0,3	Сл.	Сл.		
	Кольцо височное	Осн.	4—8	<0,8	Сл.	Сл.	—		
23	Пронизка рифленая	Осн.	3—5	1—2	<0,5	—	—		
25/3	Кольцо височное	Осн.	3—6	—	<0,8	Сл.	Сл.		
25/5	Кольцо височное	Осн.	1—2	—	Сл.	-	Сл.	Ni	
	Зеркало (нож ?)	Осн.	1—4	—	<0,3	<0,6	<0,7	Bi<1	

ИЛЛЮСТРАЦИИ

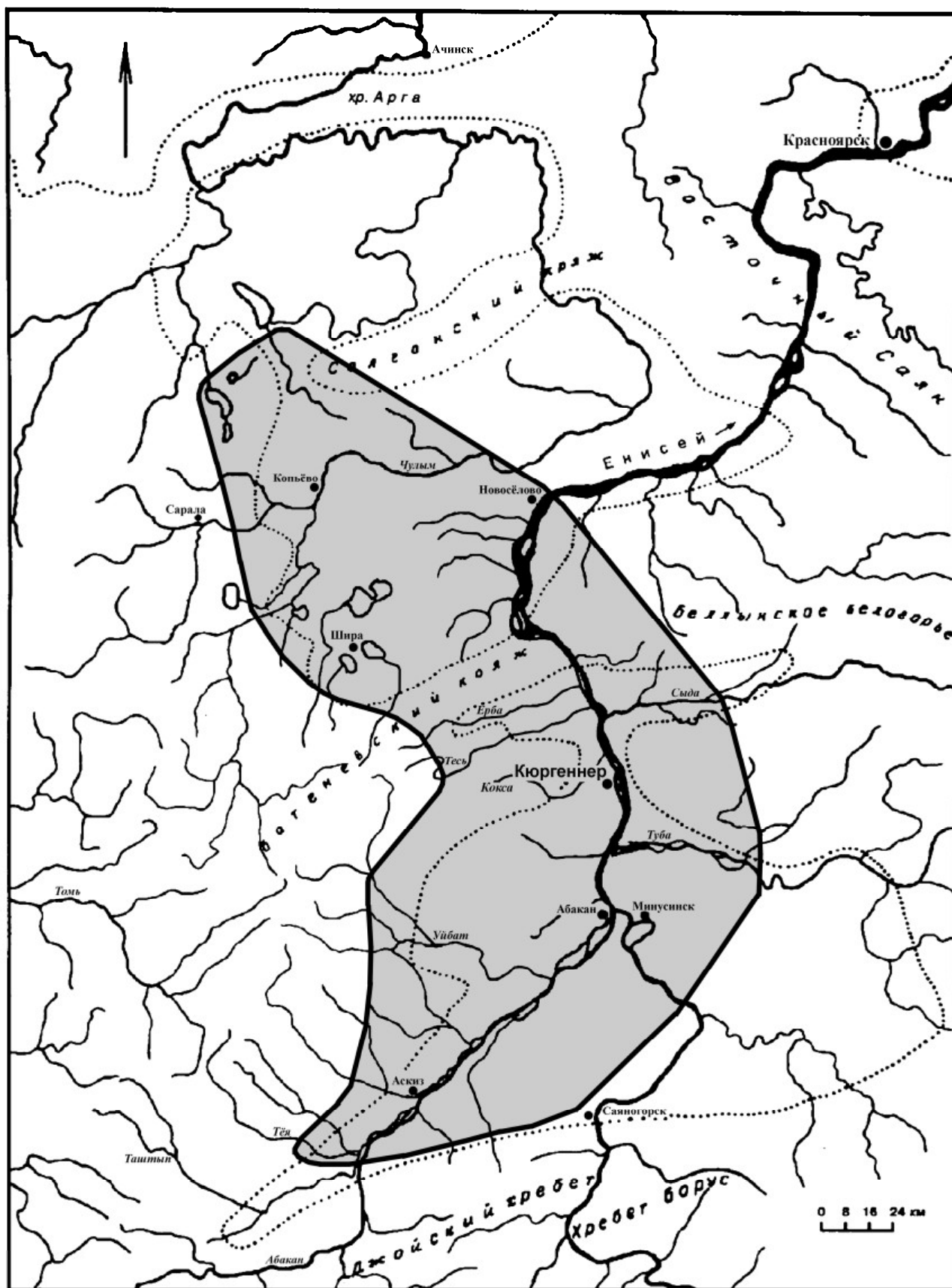

Рис. 1. Карта Минусинских котловин с размещением могильного поля Кюргеннер относительно ареала классических карасукских памятников

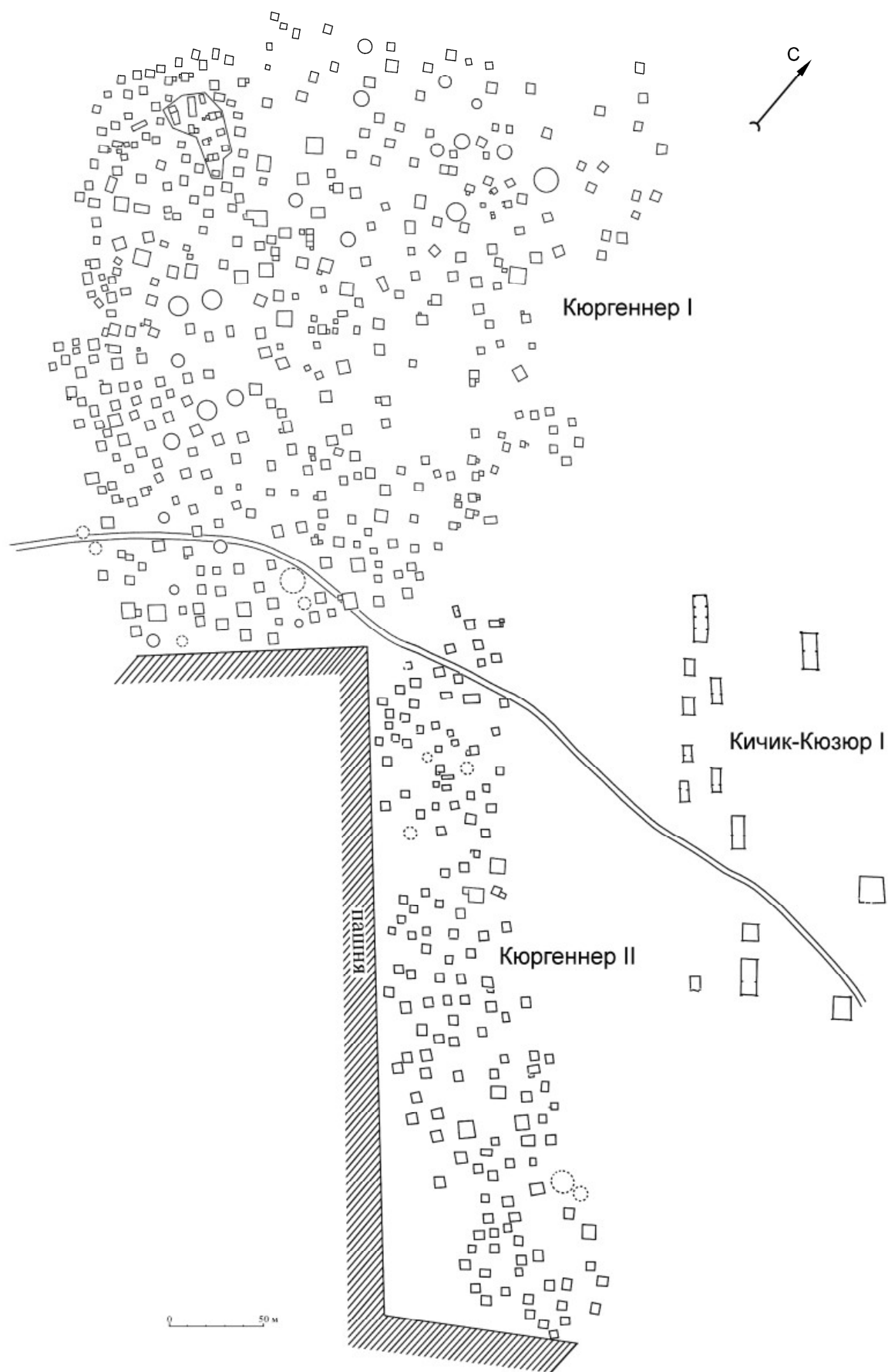

Рис. 3. Схема взаимного размещения могильников Кюргеннер I и II

Рис. 4. План могильника Кургеннер I

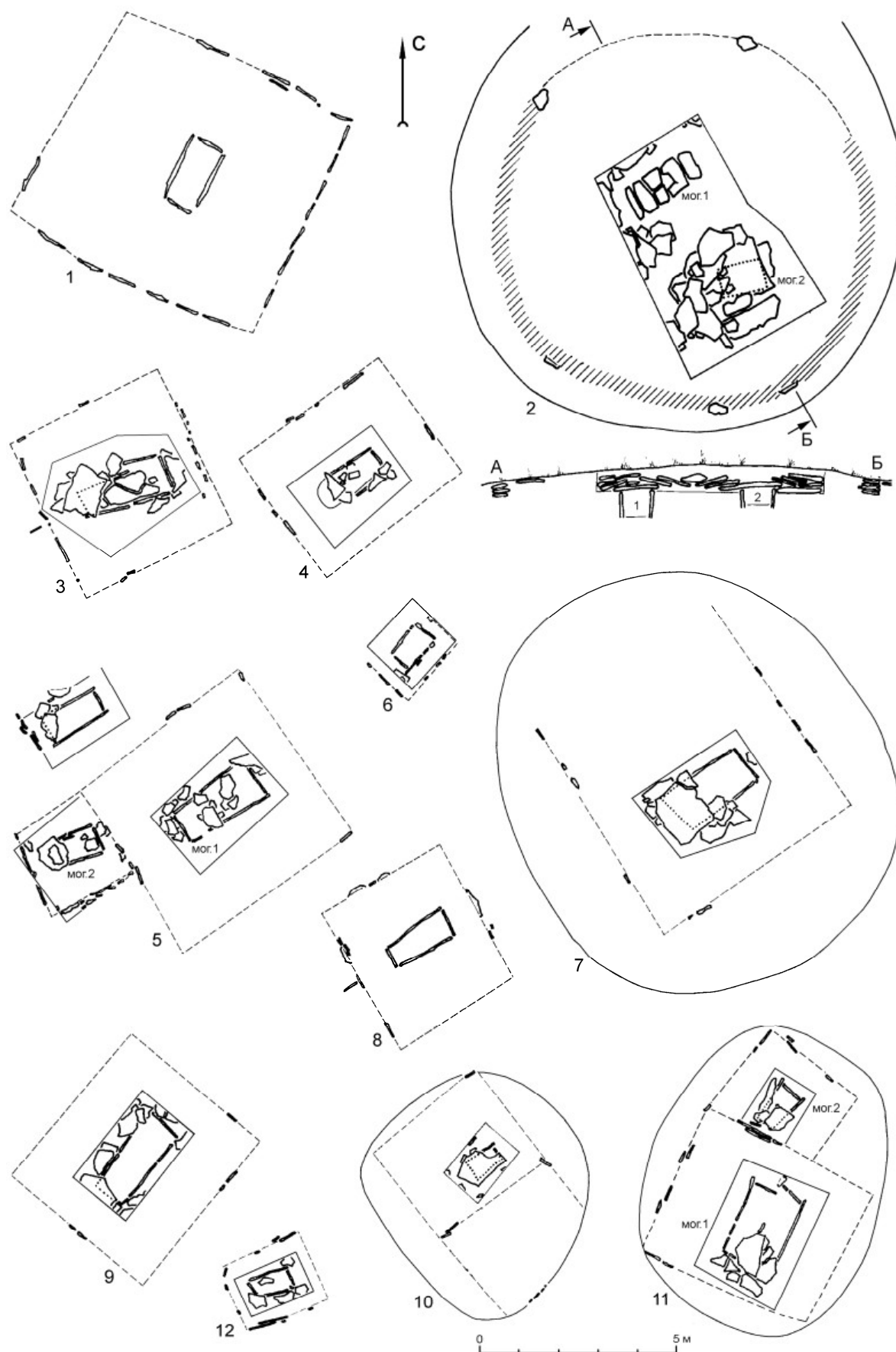

Рис. 5. Чертежи курганов 1—5, 7—12, 14 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 1; 2 — к. 2; 3 — к. 3; 4 — к. 4; 5 — к. 5; 6 — к. 7; 7 — к. 8; 8 — к. 9; 9 — к. 10; 10 — к. 11; 11 — к. 12; 12 — к. 14

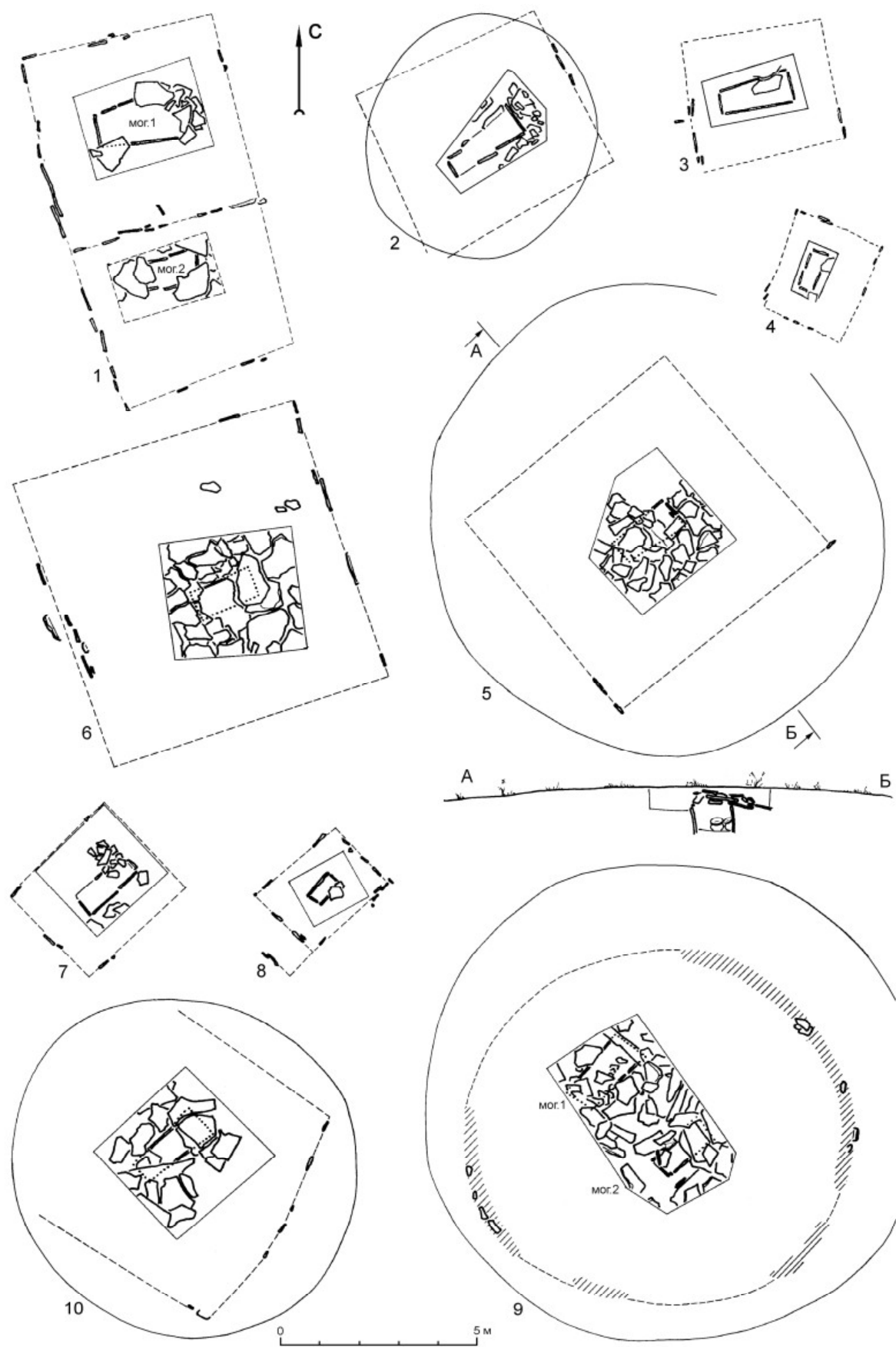

Рис. 6. Чертежи курганов 15—24 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 15; 2 — к. 16; 3 — к. 17; 4 — к. 18; 5 — к. 19; 6 — к. 20; 7 — к. 21; 8 — к. 22; 9 — к. 23; 10 — к. 24

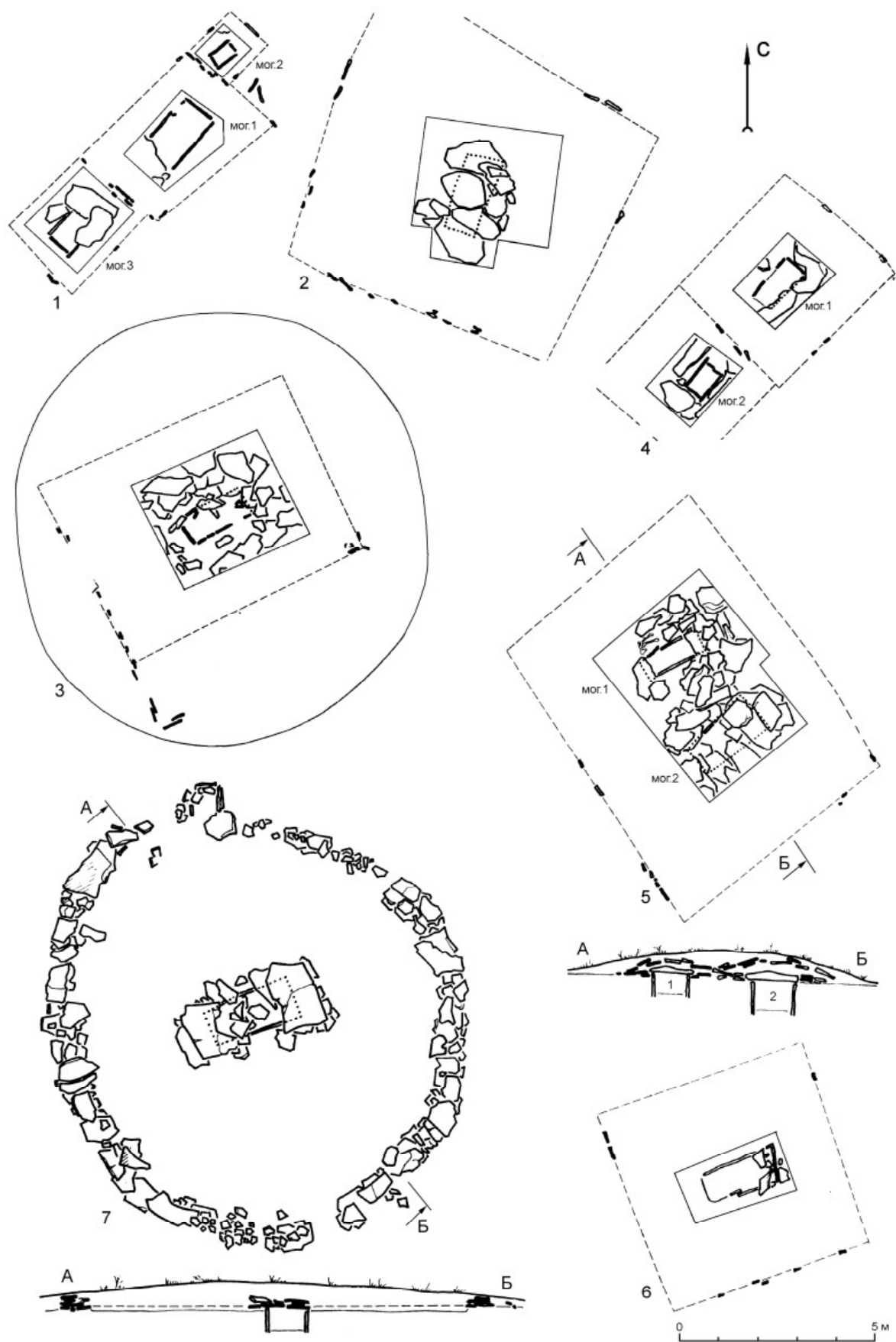

Рис. 7. Чертежи курганов 25—31 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 25; 2 — к. 26; 3 — к. 27; 4 — к. 28; 5 — к. 29; 6 — к. 30; 7 — к. 31

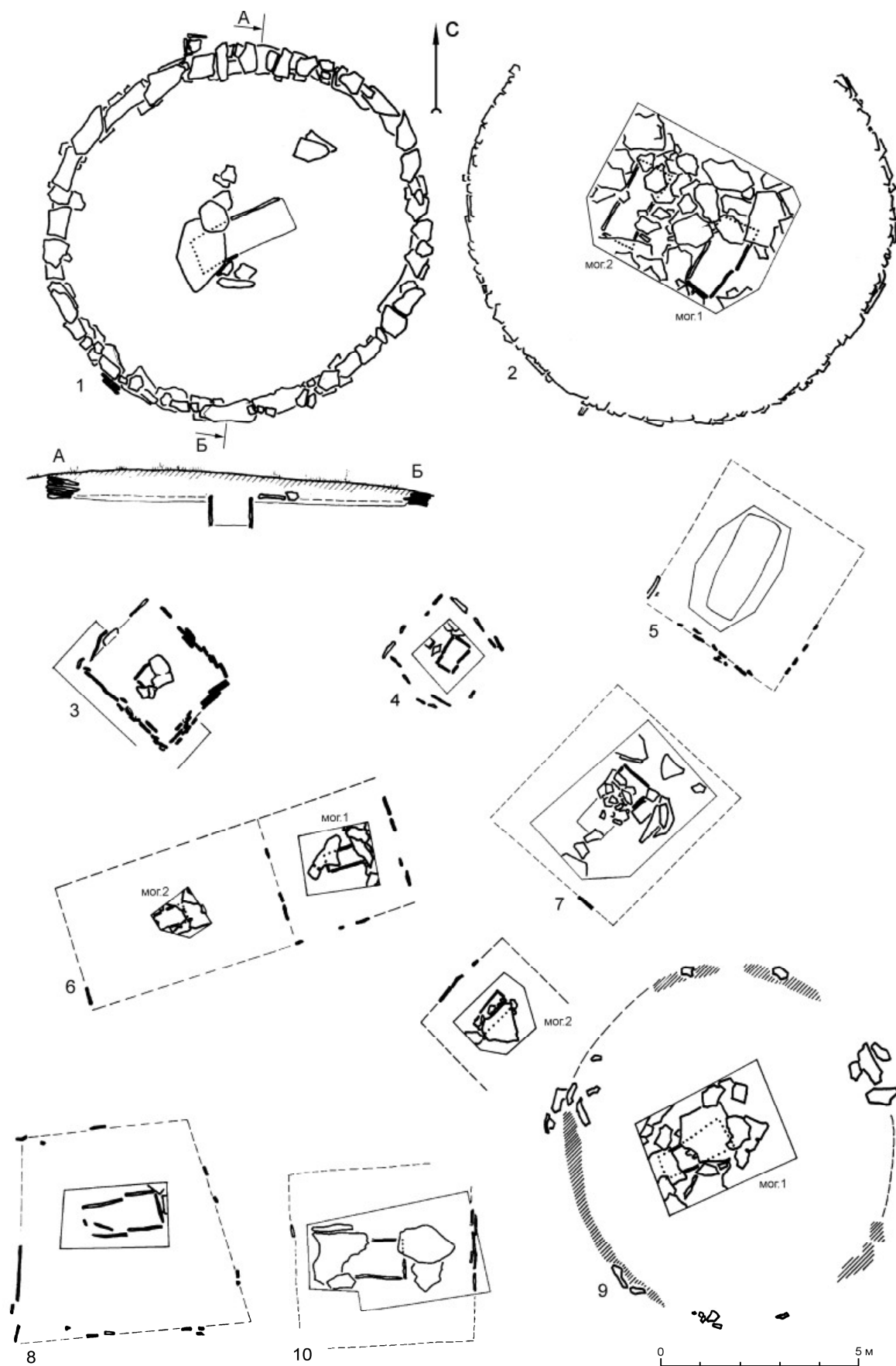

Рис. 8. Чертежи курганов 32—41 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 32; 2 — к. 33; 3 — к. 34; 4 — к. 35; 5 — к. 36; 6 — к. 37; 7 — к. 38; 8 — к. 39; 9 — к. 40; 10 — к. 41

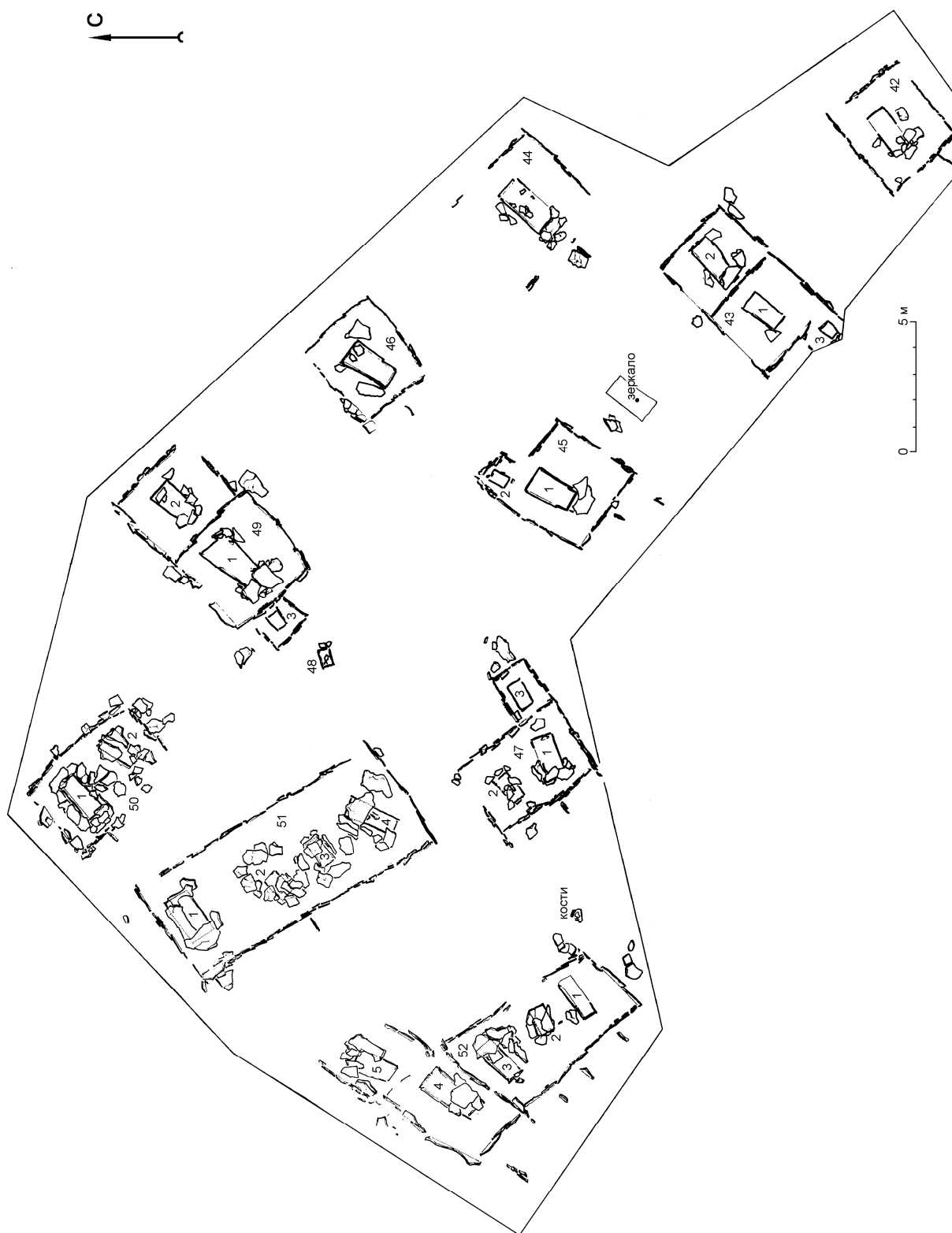

Рис. 9. Чертежи курганов 42—52 могильника Кюргеннер I (полигональный раскоп)

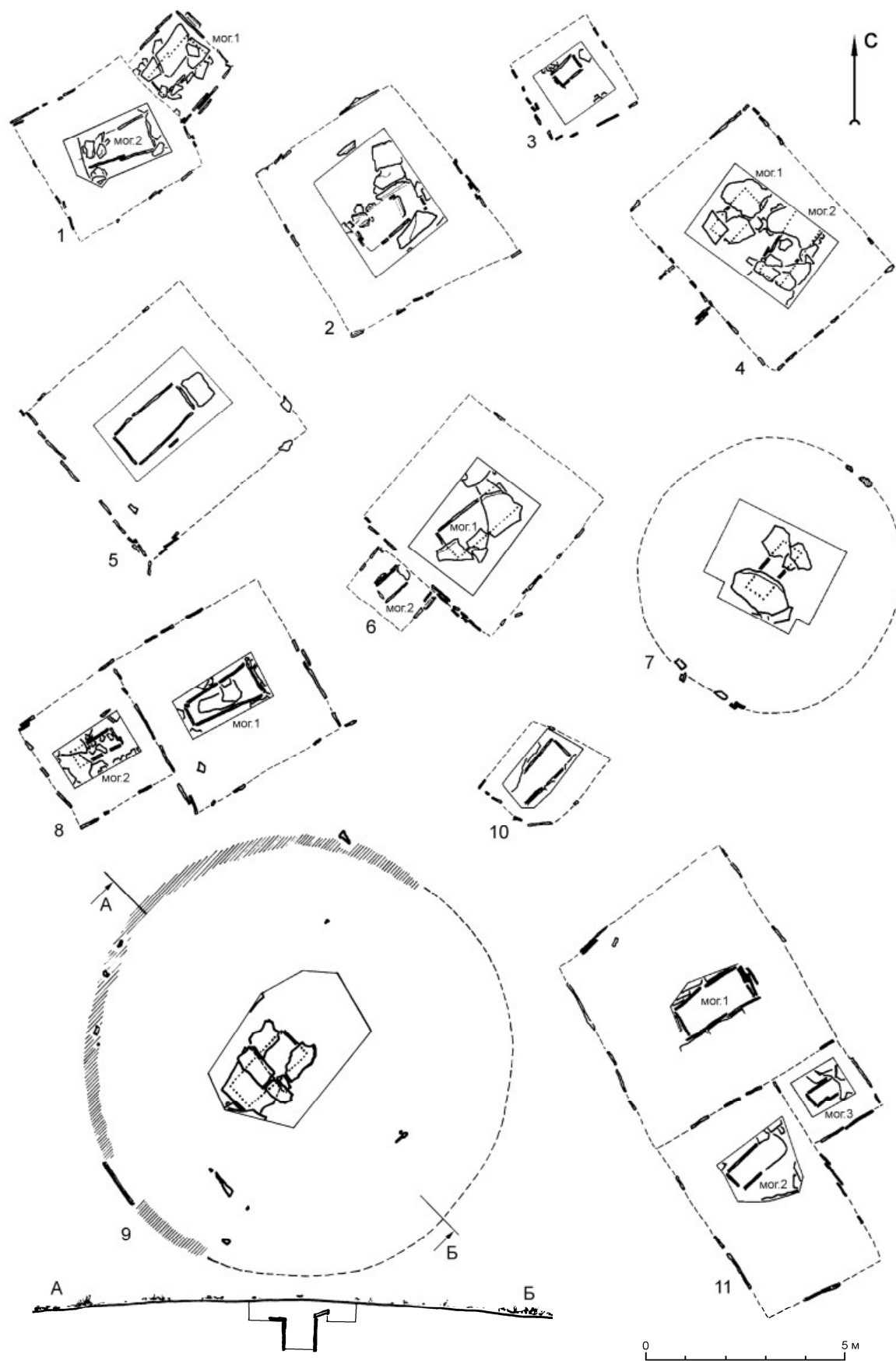

Рис. 10. Чертежи курганов 53—63 могильника Кургенер I:

1 — к. 53; 2 — к. 54; 3 — к. 55; 4 — к. 56; 5 — к. 57; 6 — к. 58; 7 — к. 59; 8 — к. 60; 9 — к. 61; 10 — к. 62; 11 — к. 63

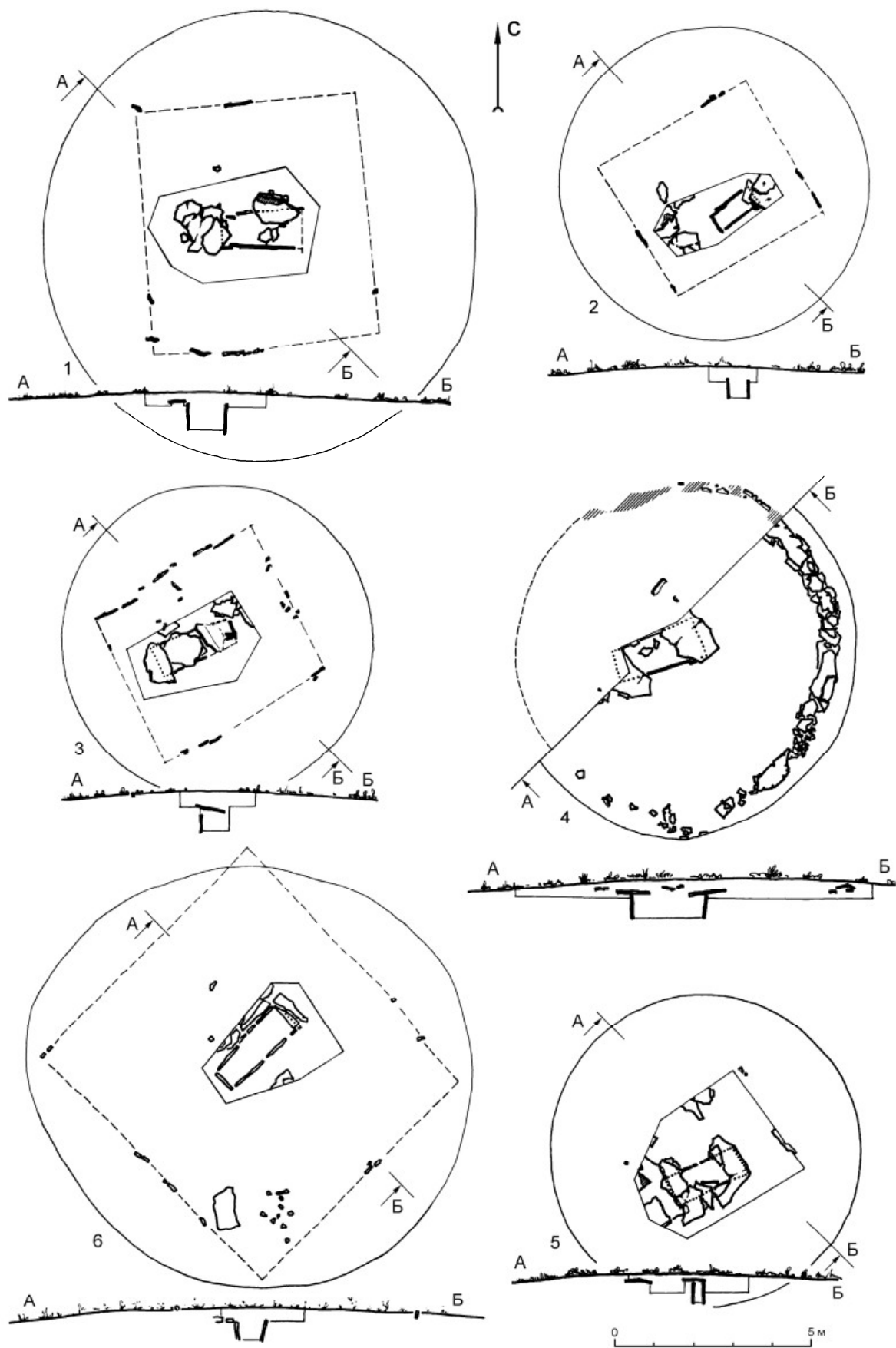

Рис. 11. Чертежи курганов 64—68, 71 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 64; 2 — к. 65; 3 — к. 66; 4 — к. 67; 5 — к. 68; 6 — к. 71

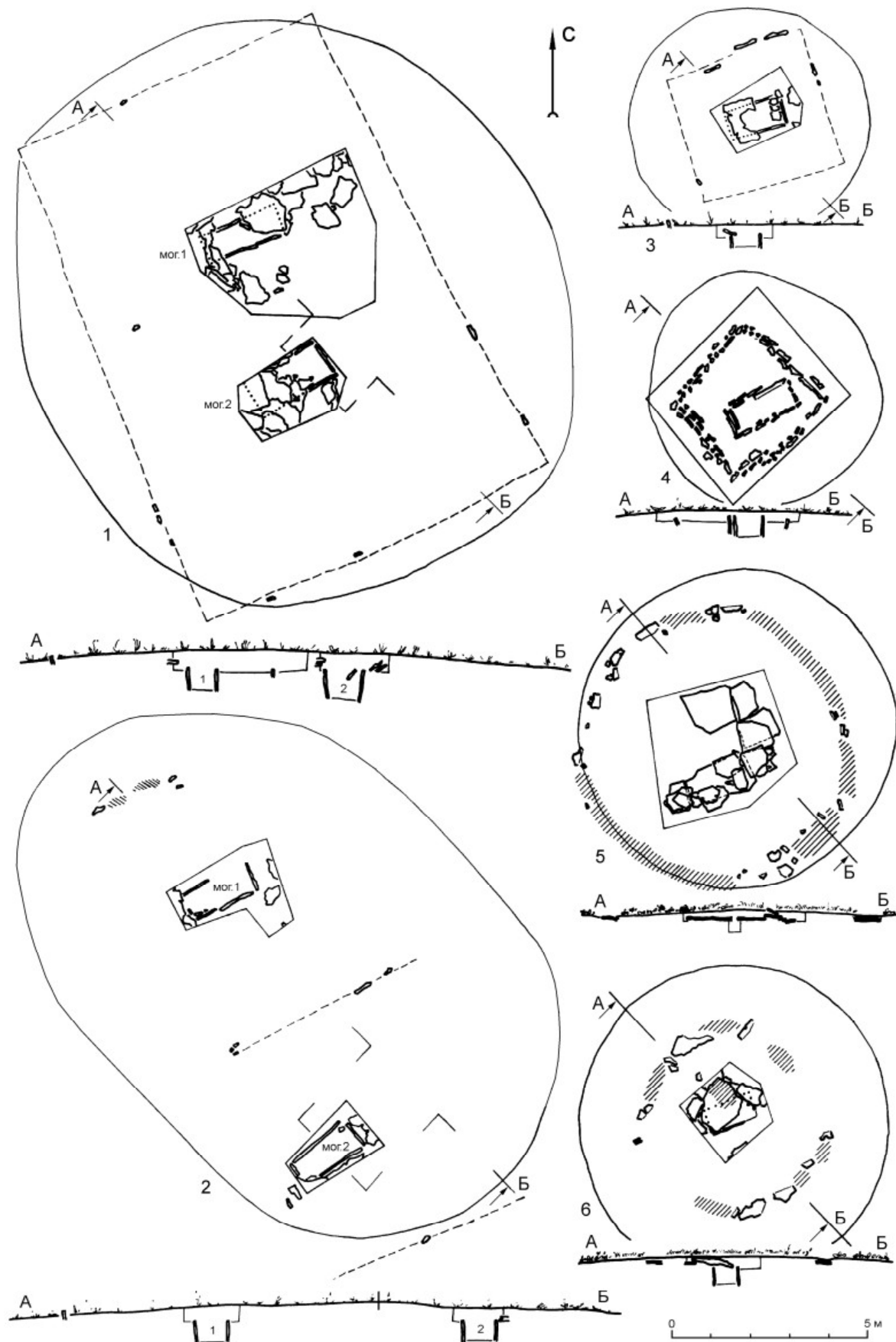

Рис. 12. Чертежи курганов 69—70, 73—74, 76—77 могильника Кургеннер I:
 1 — к. 69; 2 — к. 70; 3 — к. 73; 4 — к. 74; 5 — к. 76; 6 — к. 77

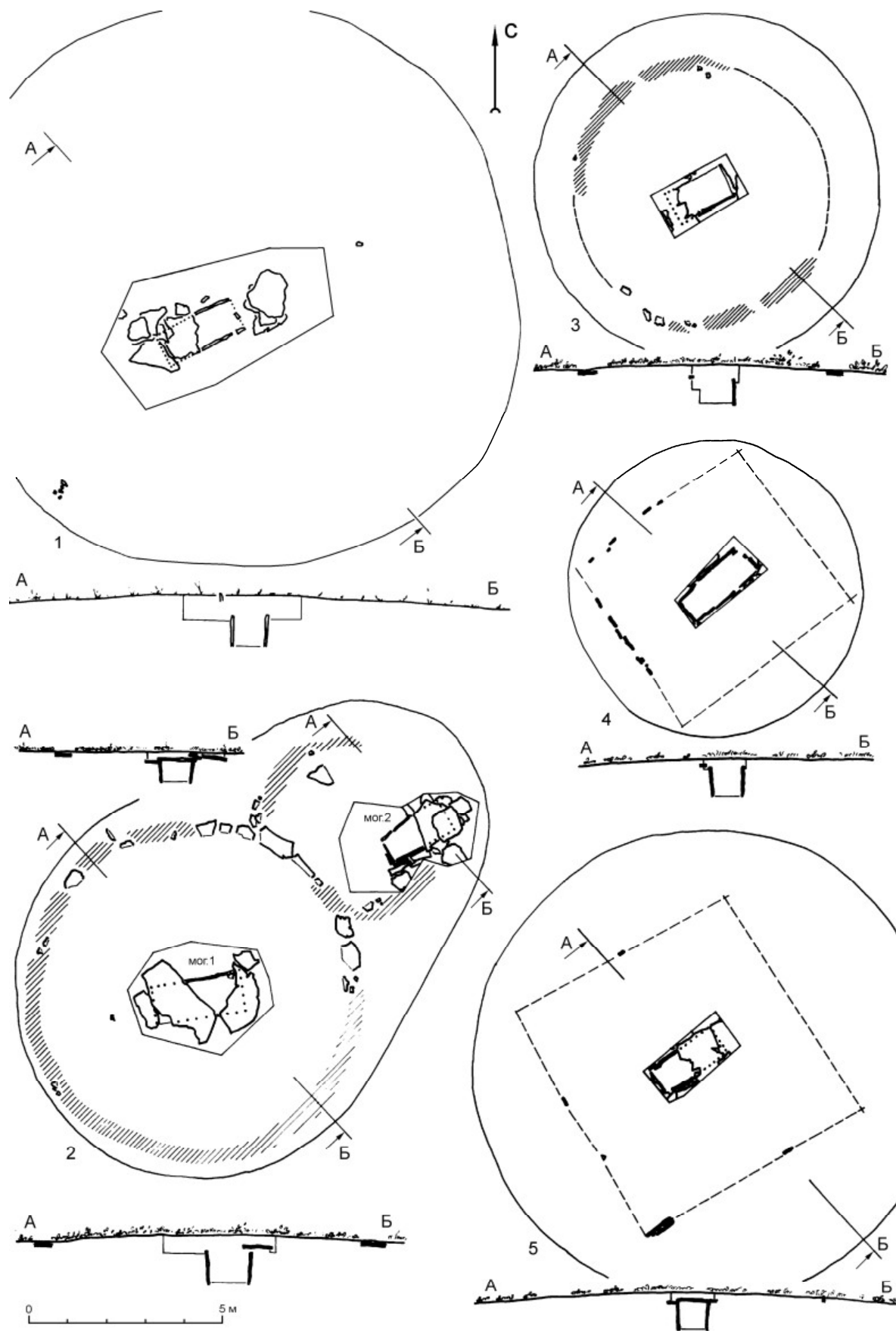

Рис. 13. Чертежи курганов 72, 75, 78—80 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 72; 2 — к. 75; 3 — к. 78; 4 — к. 79; 5 — к. 80

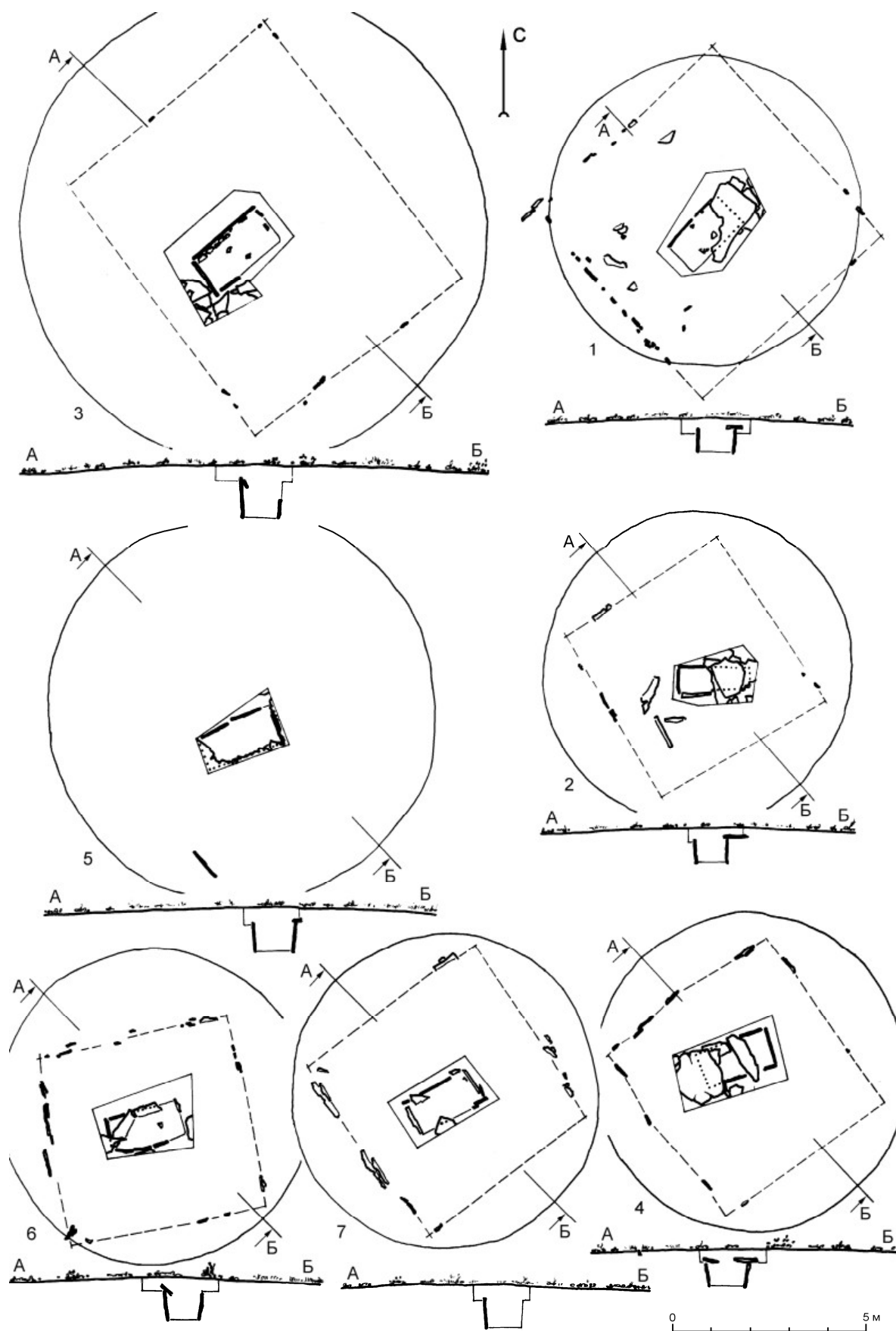

Рис. 14. Чертежи курганов 81—87 могильника Кургеннер I:
1 — к. 81; 2 — к. 82; 3 — к. 83; 4 — к. 84; 5 — к. 85; 6 — к. 86; 7 — к. 87

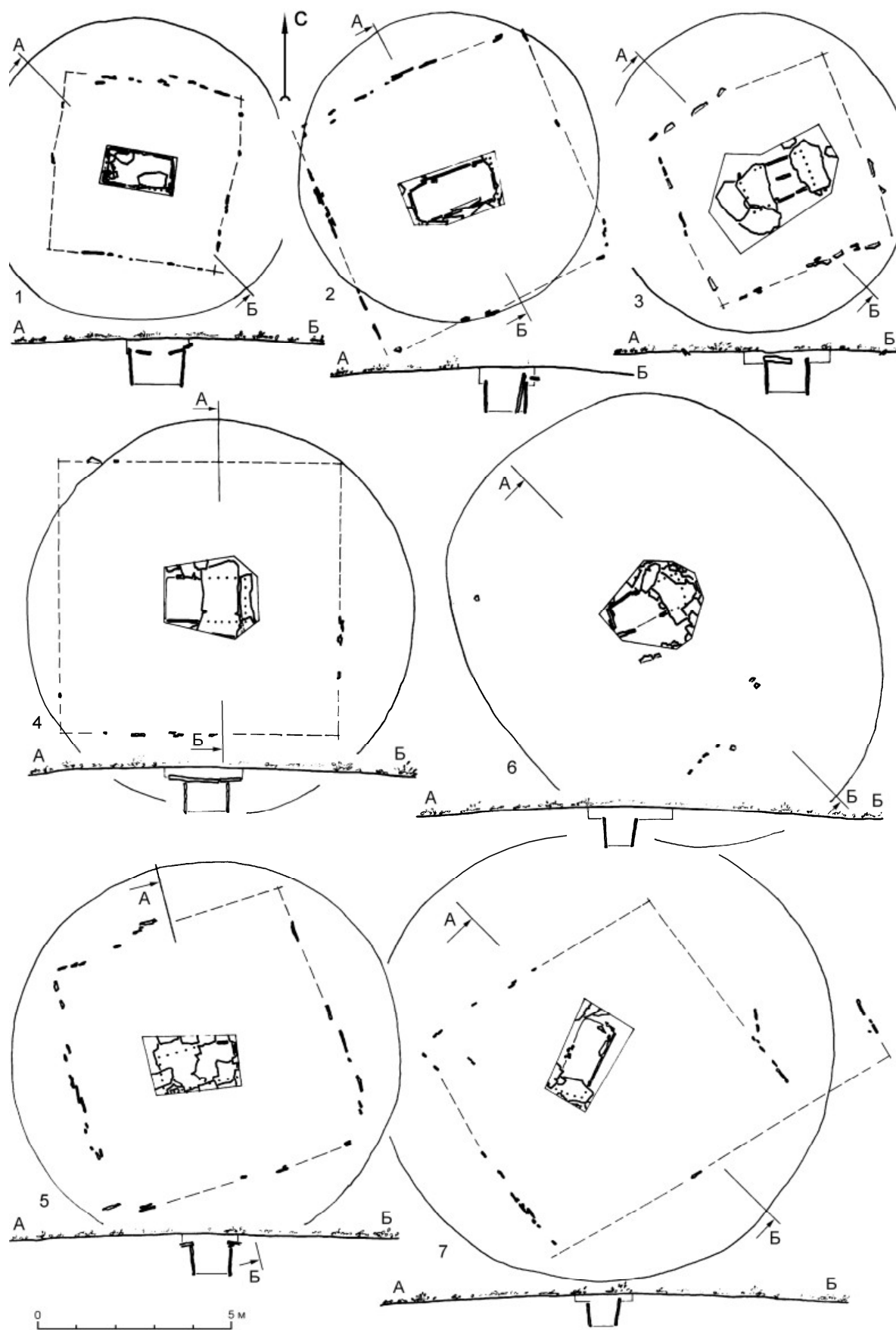

Рис. 15. Чертежи курганов 88—92, 95—96 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 88; 2 — к. 89; 3 — к. 90; 4 — к. 91; 5 — к. 92; 6 — к. 95; 7 — к. 96

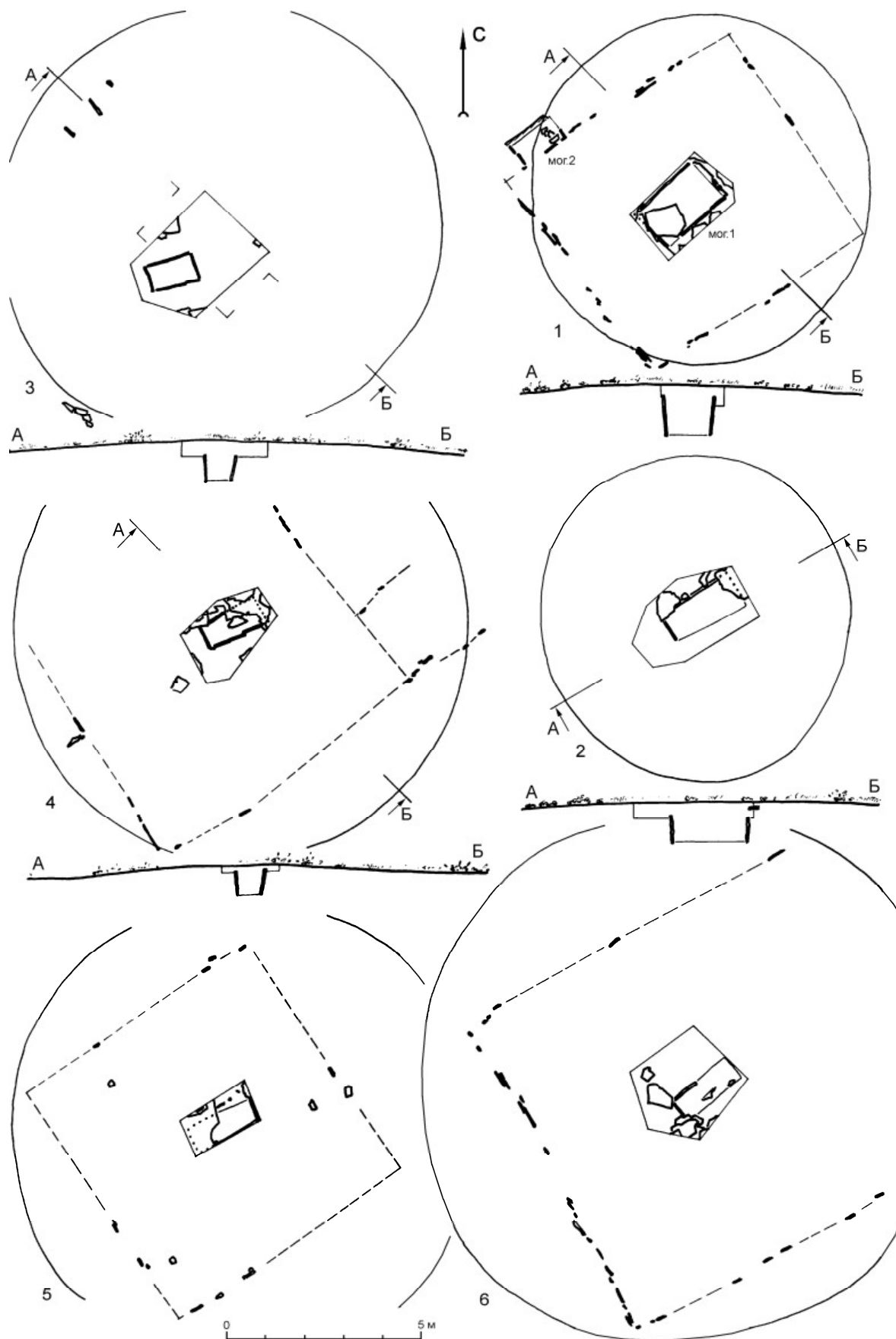

Рис. 16. Чертежи курганов 93—94, 97—100 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 93; 2 — к. 94; 3 — к. 97; 4 — к. 98; 5 — к. 99; 6 — к. 100

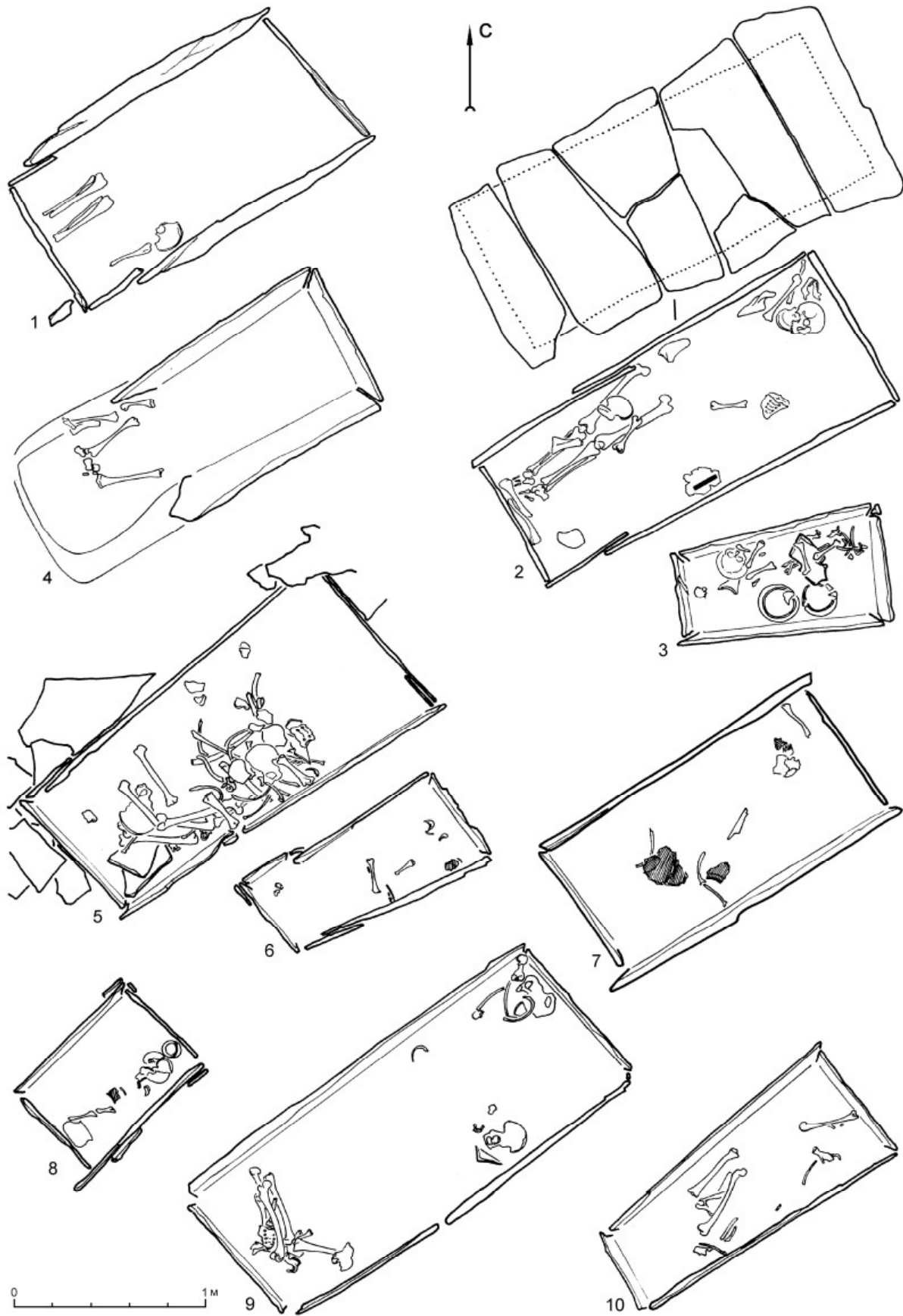

Рис. 17. Чертежи могил из курганов 1—2, 4—9 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 1; 2 — к. 2, м. 1; 3 — к. 2, м. 2; 4 — к. 4; 5 — к. 5, м. 1; 6 — к. 5, м. 2; 7 — к. 6; 8 — к. 7; 9 — к. 8; 10 — к. 9

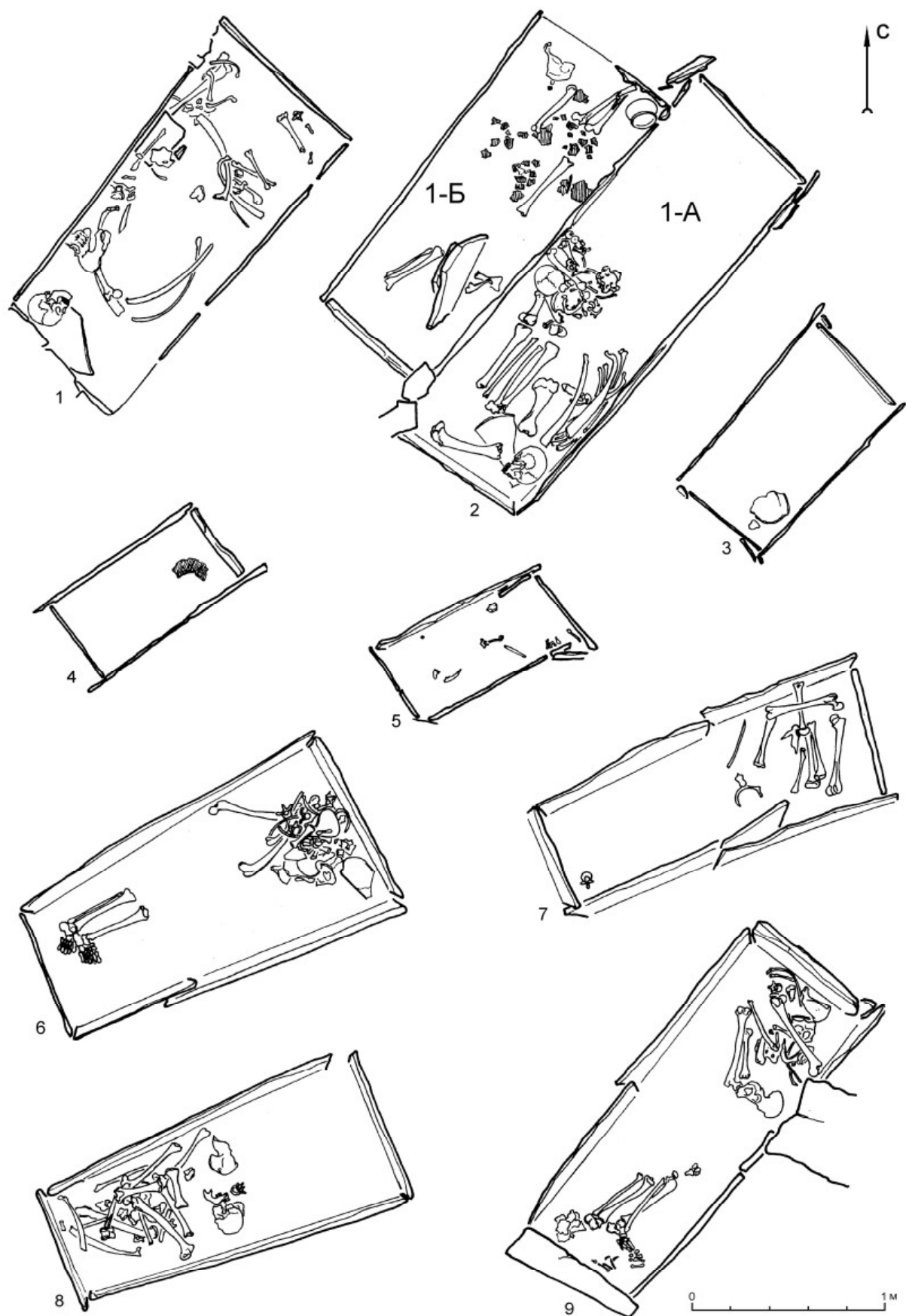

Рис. 18. Чертежи могил из курганов 10, 12—18 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 10; 2 — к. 12, м. 1; 3 — к. 12, м. 2; 4 — к. 13; 5 — к. 14; 6 — к. 15, м. 1; 7 — к. 15, м. 2; 8 — к. 17; 9 — к. 18

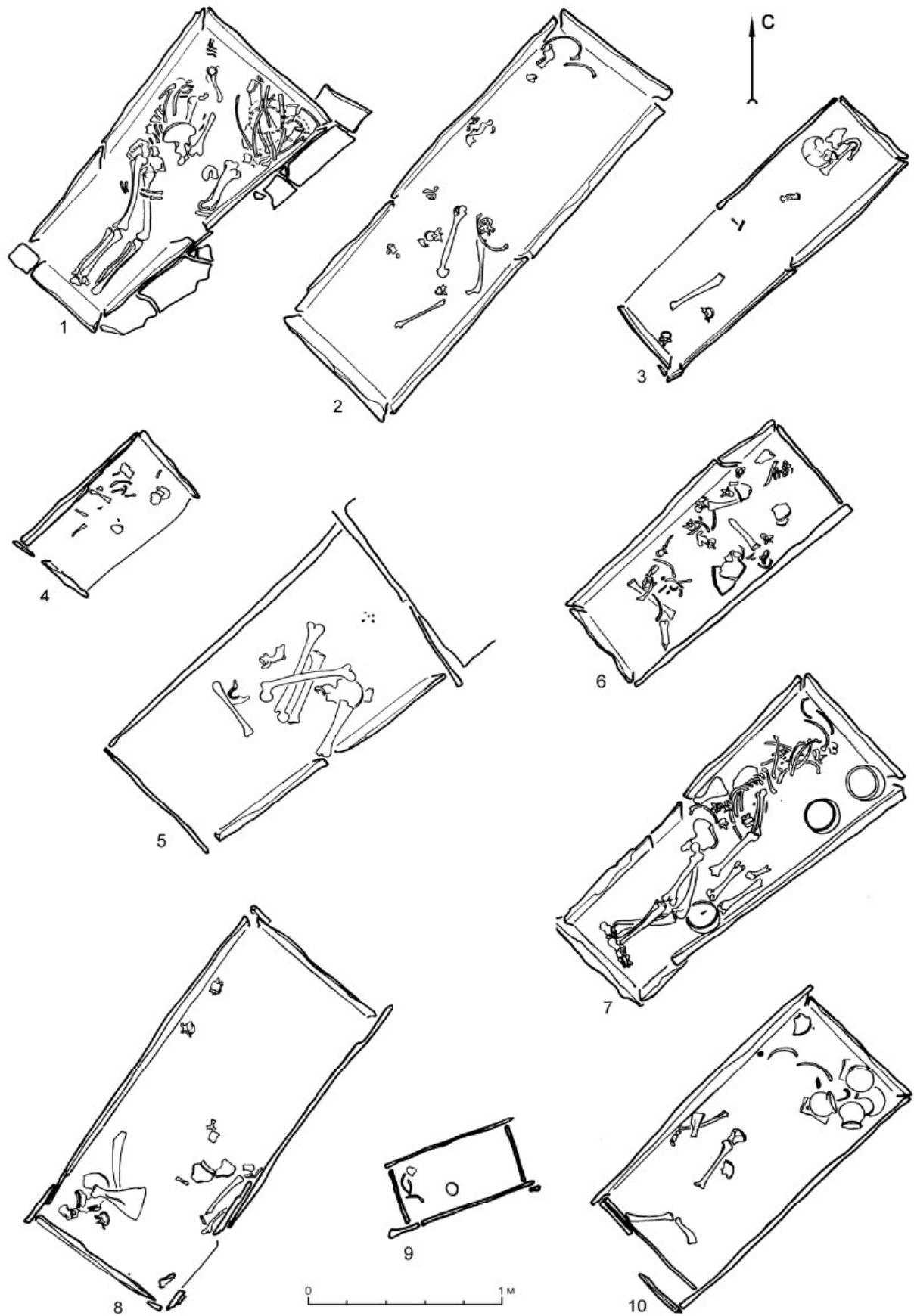

Рис. 19. Чертежи могил из курганов 19—25 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 19; 2 — к. 20; 3 — к. 21; 4 — к. 22; 5 — к. 23, м. 1; 6 — к. 23, м. 2; 7 — к. 24; 8 — к. 25, м. 1; 9 — к. 25, м. 2; 10 — к. 25, м. 3

Рис. 20. Чертежи могил из курганов 26—32 могильника Кургенер I:

1 — к. 26; 2 — к. 27; 3 — к. 28, м. 1; 4 — к. 29, м. 1; 5 — к. 29, м. 2; 6 — к. 30; 7 — к. 31, м. 1; 8 — к. 32, м. 1

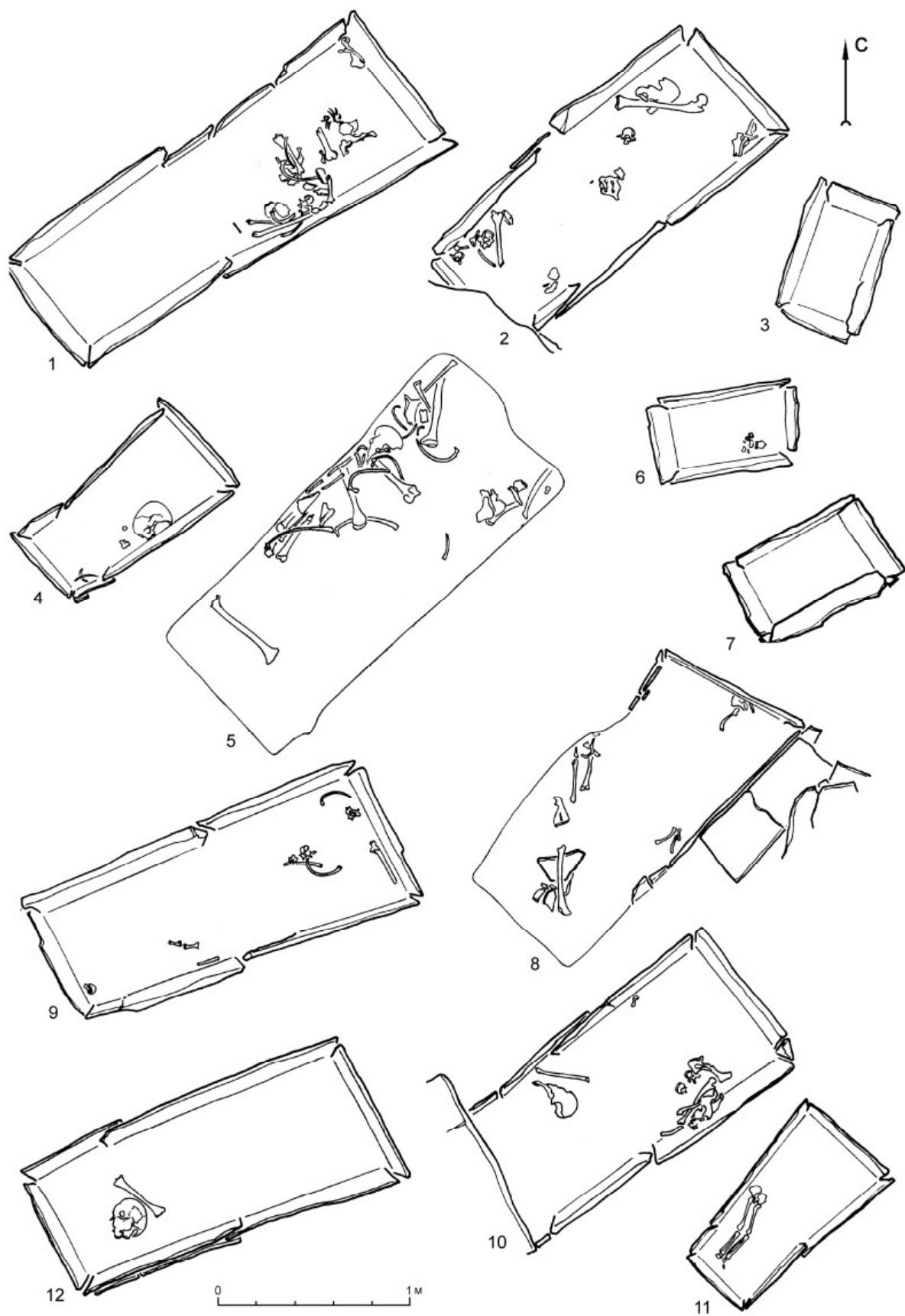

Рис. 21. Чертежи могил из курганов 33—41 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 33, м. 1; 2 — к. 33, м. 2; 3 — к. 34; 4 — к. 35; 5 — к. 36; 6 — к. 37, м. 1; 7 — к. 37, м. 2; 8 — к. 38; 9 — к. 39; 10 — к. 40, м. 1;
11 — к. 40, м. 2; 12 — к. 41

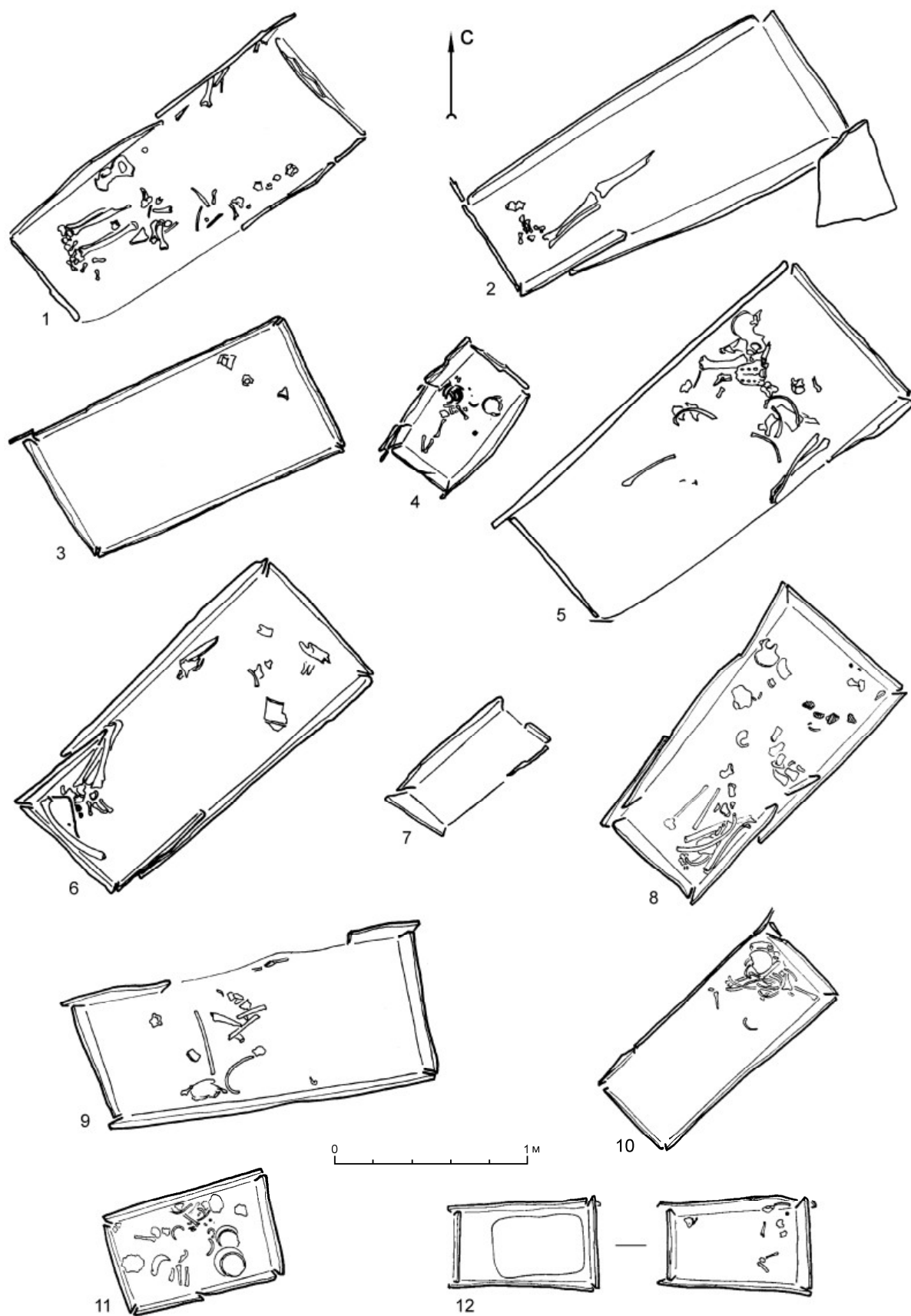

Рис. 22. Чертежи могил из курганов 42—48 могильника Кургенер I:

1 — к. 42; 2 — к. 43, м. 1; 3 — к. 43, м. 2; 4 — к. 43, м. 3; 5 — к. 44; 6 — к. 45, м. 1; 7 — к. 45, м. 2; 8 — к. 46; 9 — к. 47, м. 1; 10 — к. 47, м. 2; 11 — к. 47, м. 3; 12 — к. 48

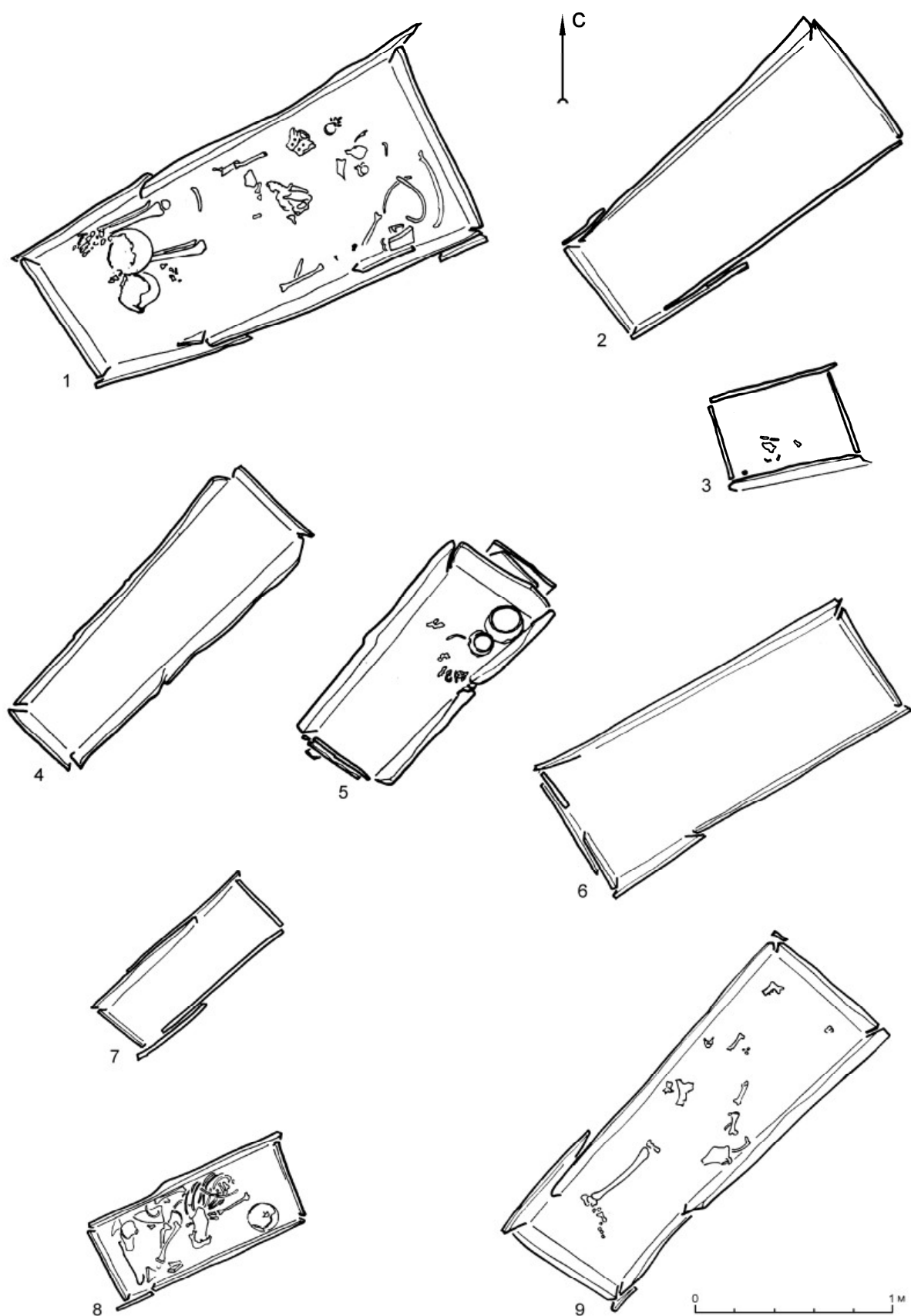

Рис. 23. Чертежи могил из курганов 49—51 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 49, м. 1; 2 — к. 49, м. 2; 3 — к. 49, м. 3; 4 — к. 50, м. 1; 5 — к. 50, м. 2; 6 — к. 51, м. 1; 7 — к. 51, м. 2; 8 — к. 51, м. 3; 9 — к. 51, м. 4

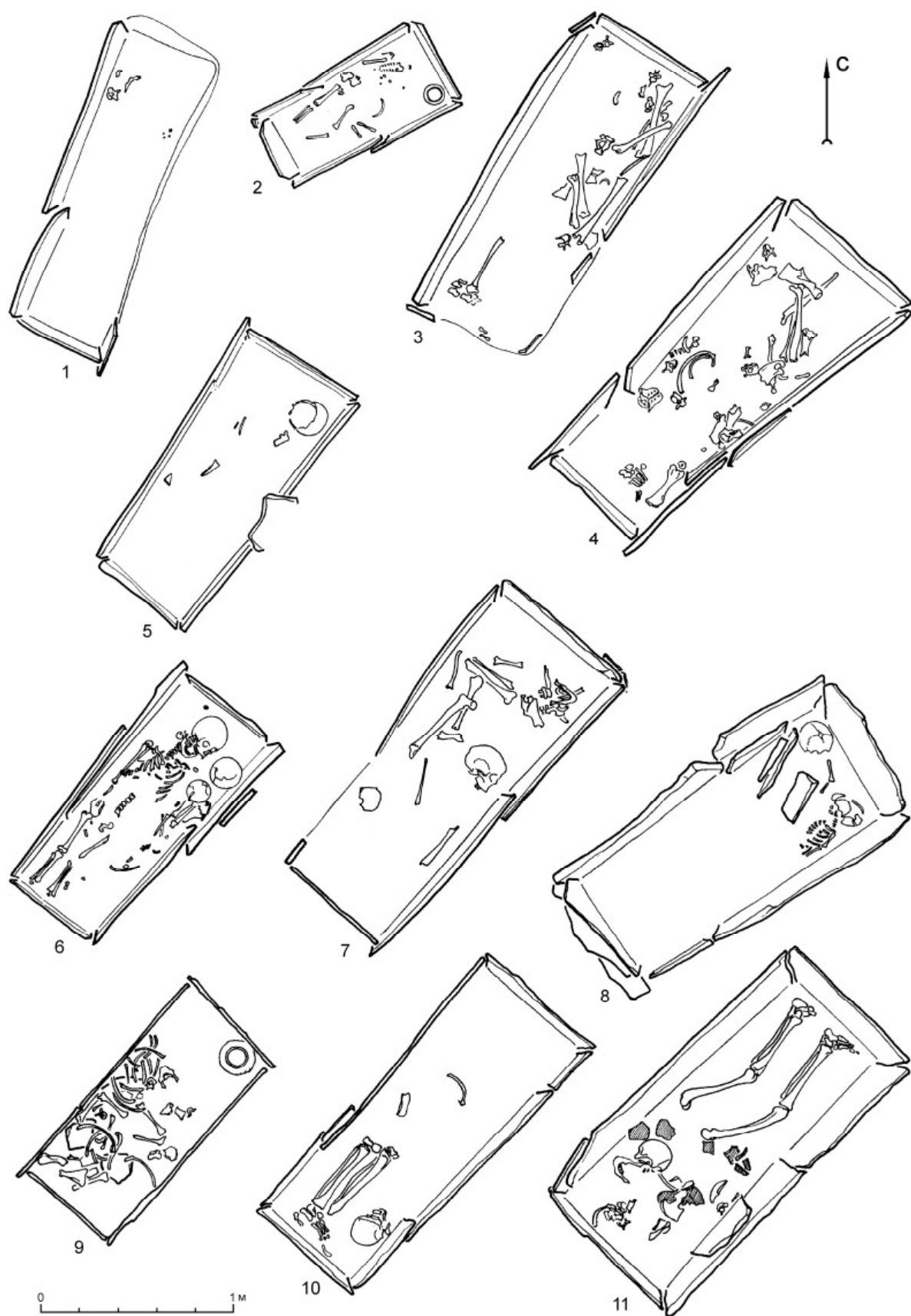

Рис. 24. Чертежи могил из курганов 52—54, 56—57 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 52, м. 1; 2 — к. 52, м. 2; 3 — к. 52, м. 3; 4 — к. 52, м. 4; 5 — к. 52, м. 5; 6 — к. 53, м. 1; 7 — к. 53, м. 2; 8 — к. 54; 9 — к. 56, м. 1; 10 — к. 56, м. 2; 11 — к. 57

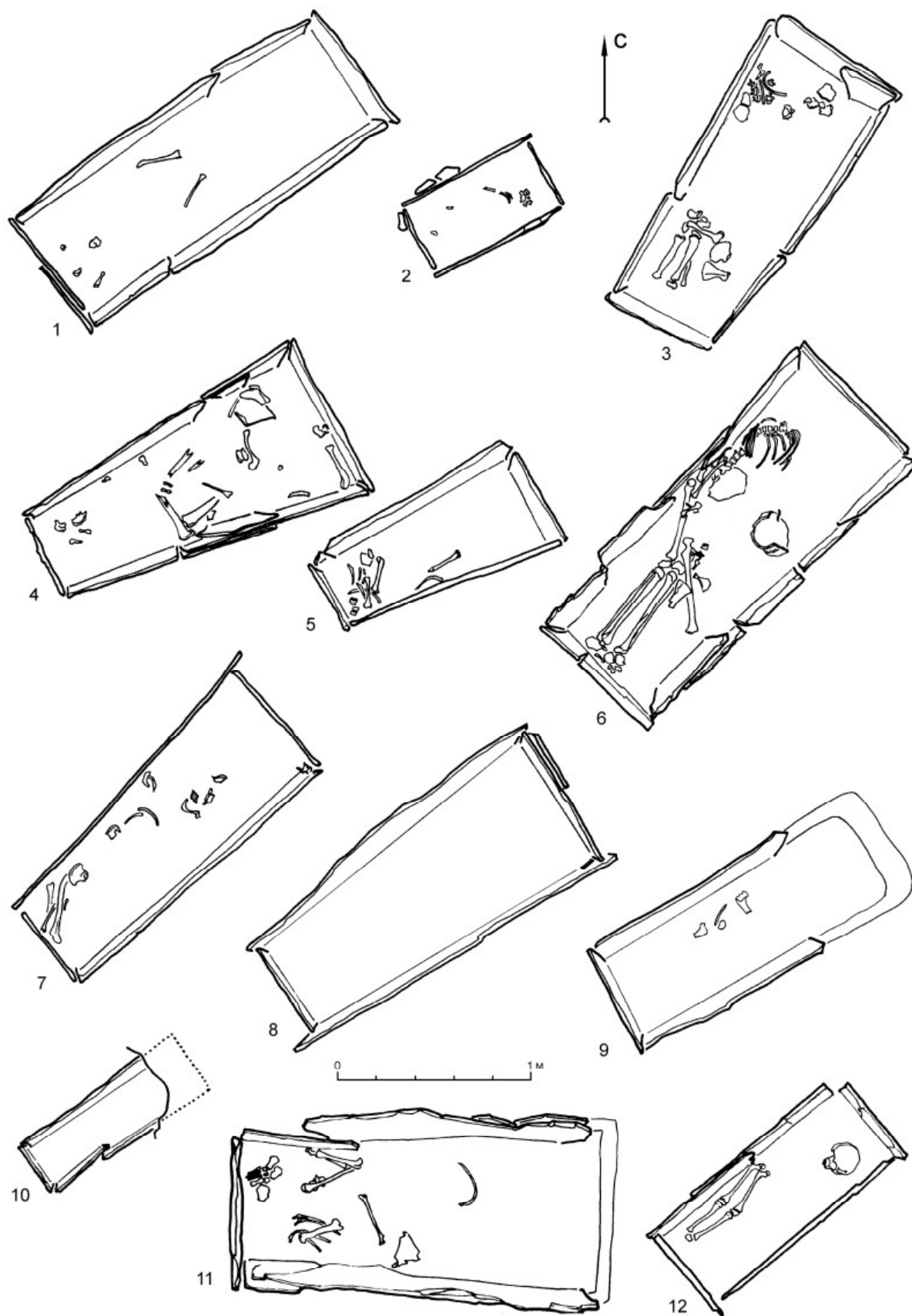

Рис. 25. Чертежи могил из курганов 58—65 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 58, м. 1; 2 — к. 58, м. 2; 3 — к. 59; 4 — к. 60, м. 1; 5 — к. 60, м. 2; 6 — к. 61; 7 — к. 62; 8 — к. 63, м. 1; 9 — к. 63, м. 2;
10 — к. 63, м. 3; 11 — к. 64; 12 — к. 65

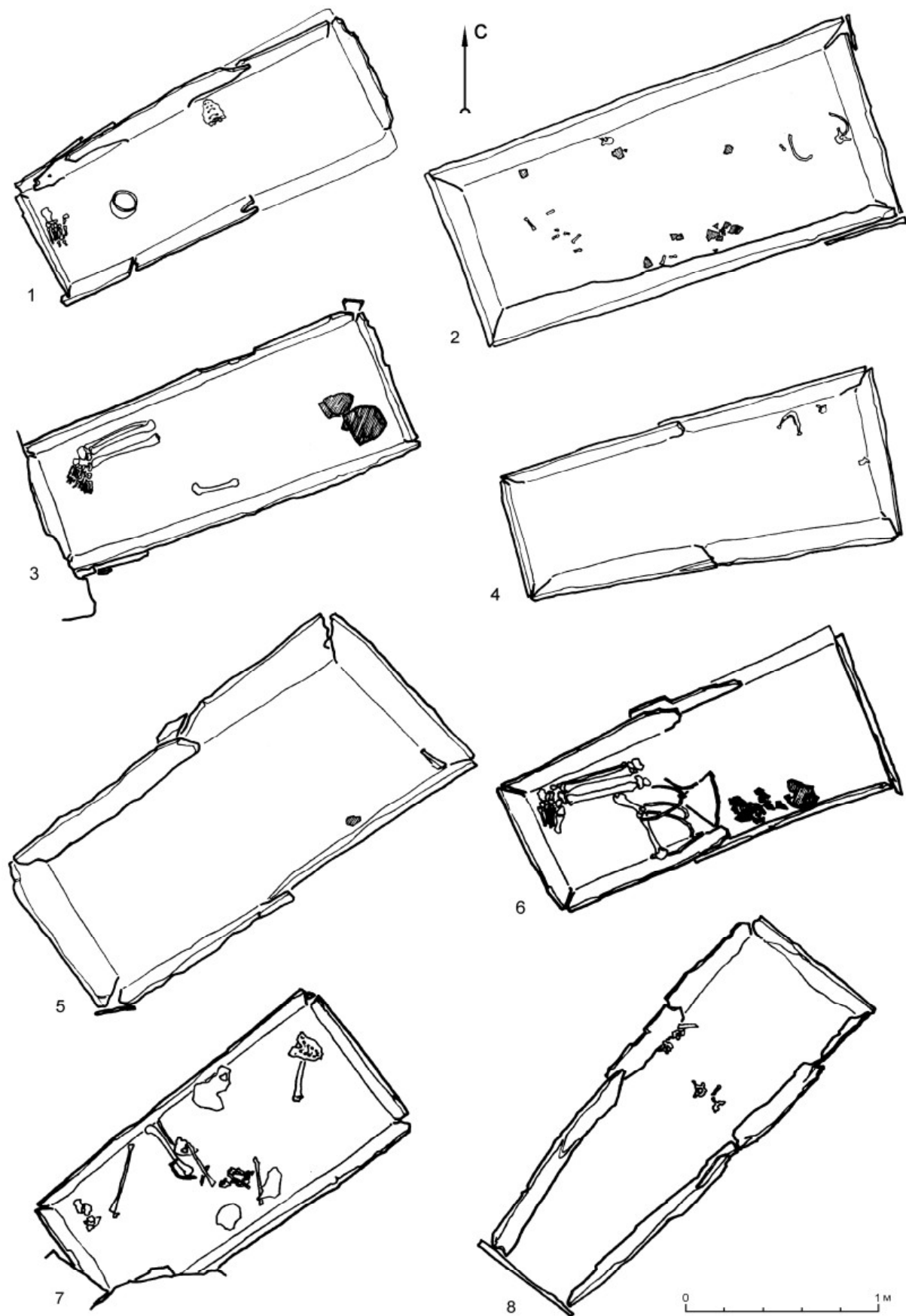

Рис. 26. Чертежи могил из курганов 66—71 могильника Кургенер I:

1 — к. 66; 2 — к. 67; 3 — к. 68; 4 — к. 69, м. 1; 5 — к. 69, м. 2; 6 — к. 70, м. 1; 7 — к. 70, м. 2; 8 — к. 71

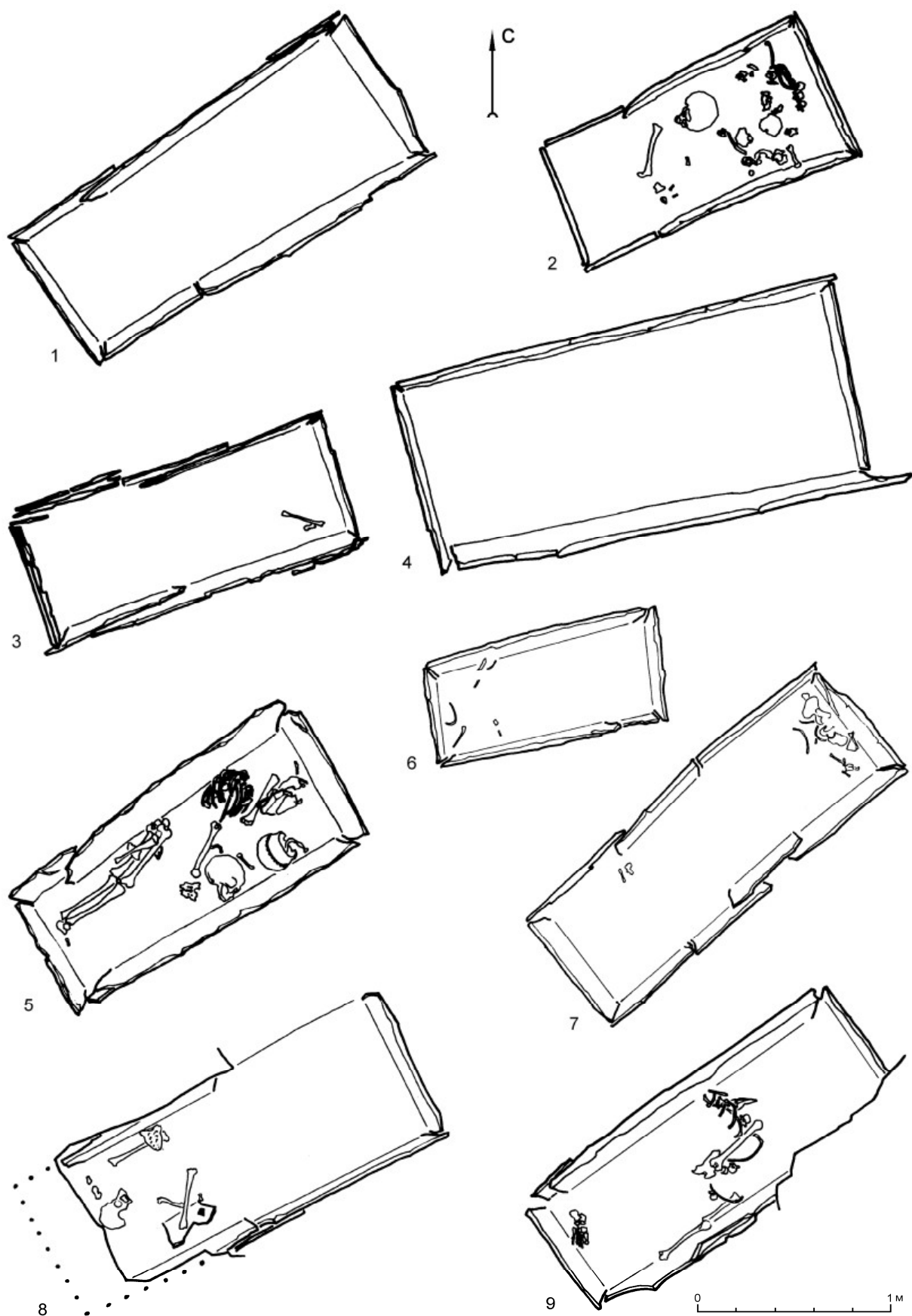

Рис. 27. Чертежи могил из курганов 72—75, 77—80 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 72; 2 — к. 73; 3 — к. 74; 4 — к. 75, м. 1; 5 — к. 75, м. 2; 6 — к. 77; 7 — к. 78; 8 — к. 79; 9 — к. 80

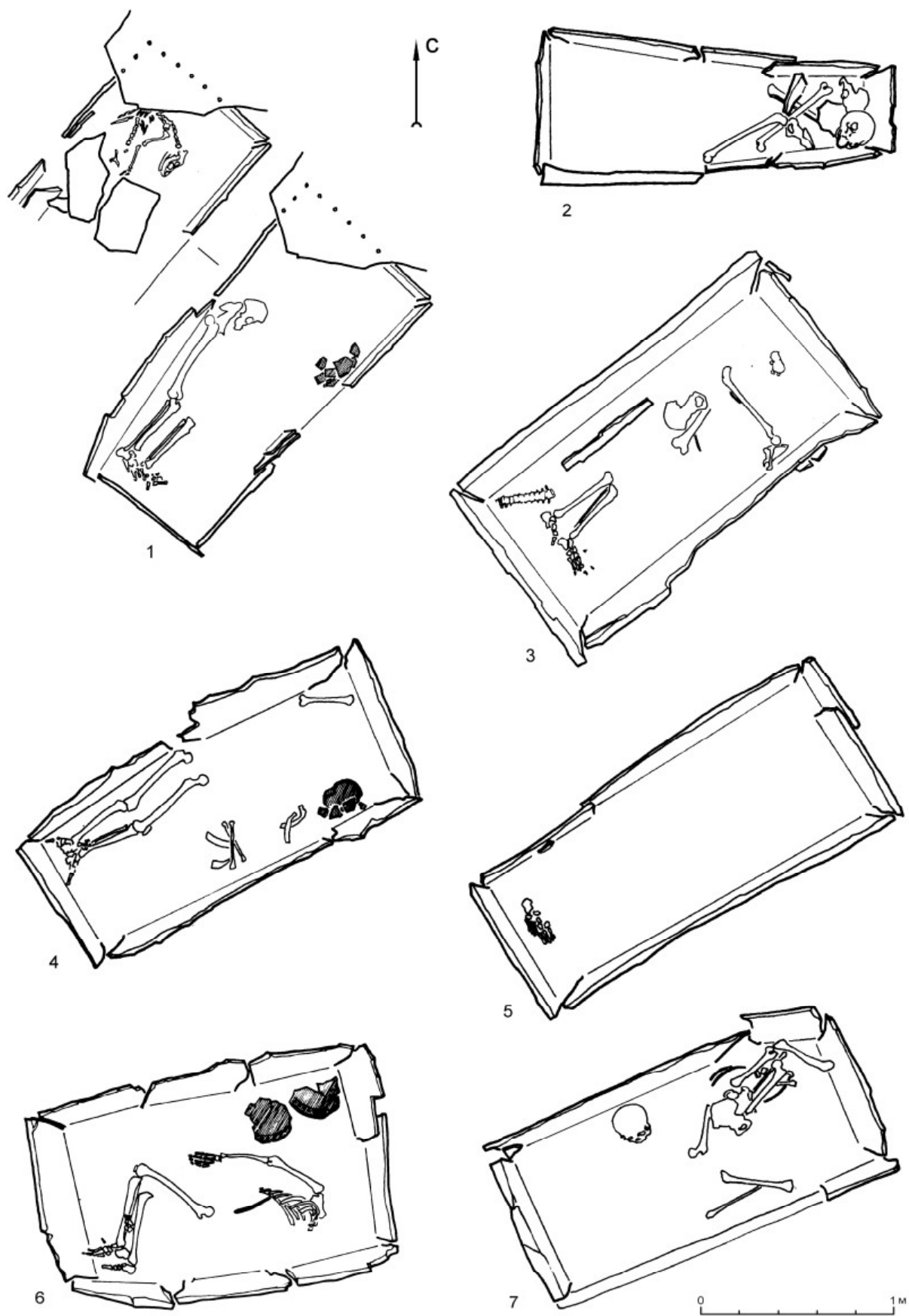

Рис. 28. Чертежи могил из курганов 81—87 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 81; 2 — к. 82; 3 — к. 83; 4 — к. 84; 5 — к. 85; 6 — к. 86; 7 — к. 87

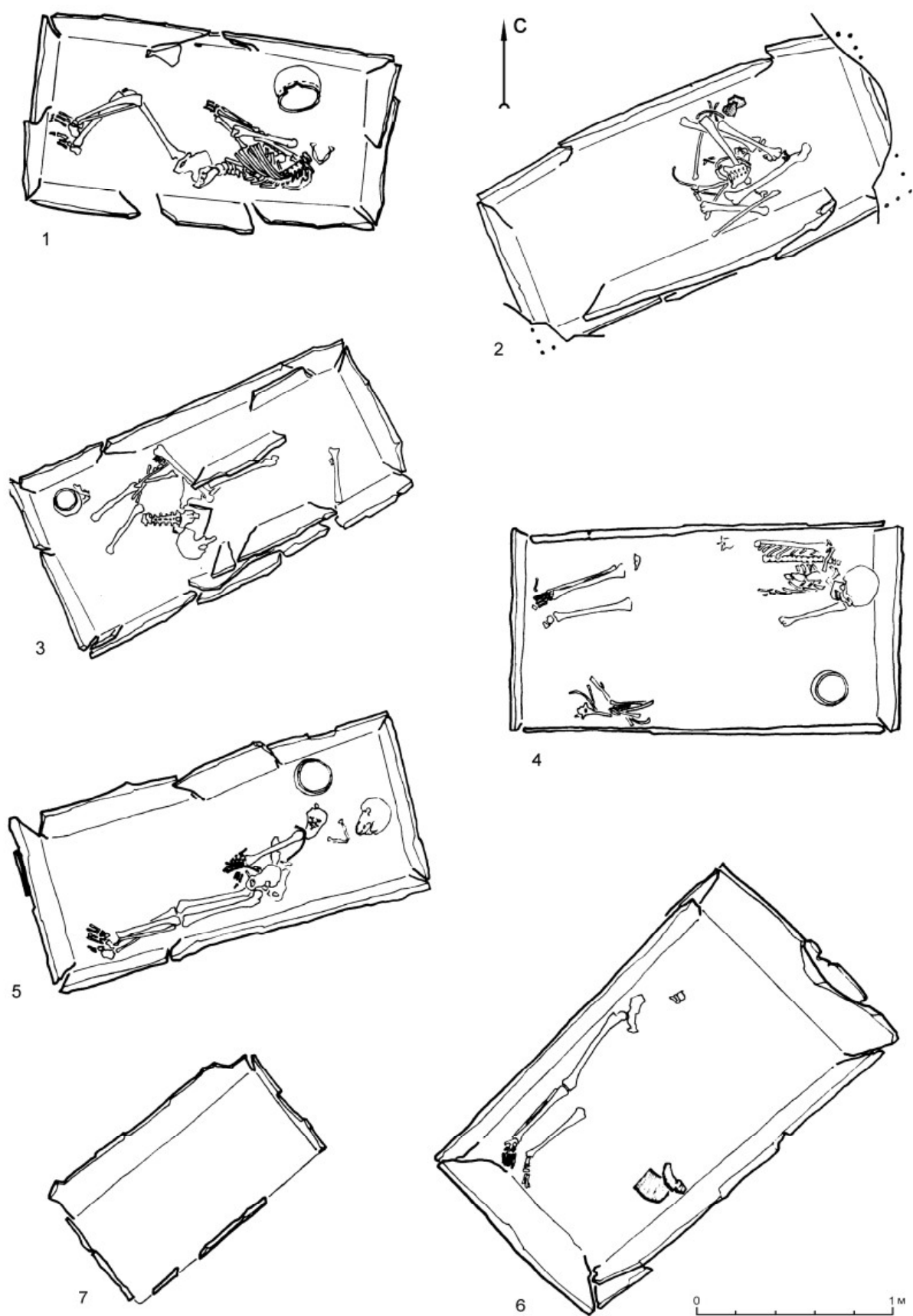

Рис. 29. Чертежи могил из курганов 88—93 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 88; 2 — к. 89; 3 — к. 90; 4 — к. 91; 5 — к. 92; 6 — к. 93, м. 1; 7 — к. 93, м. 2

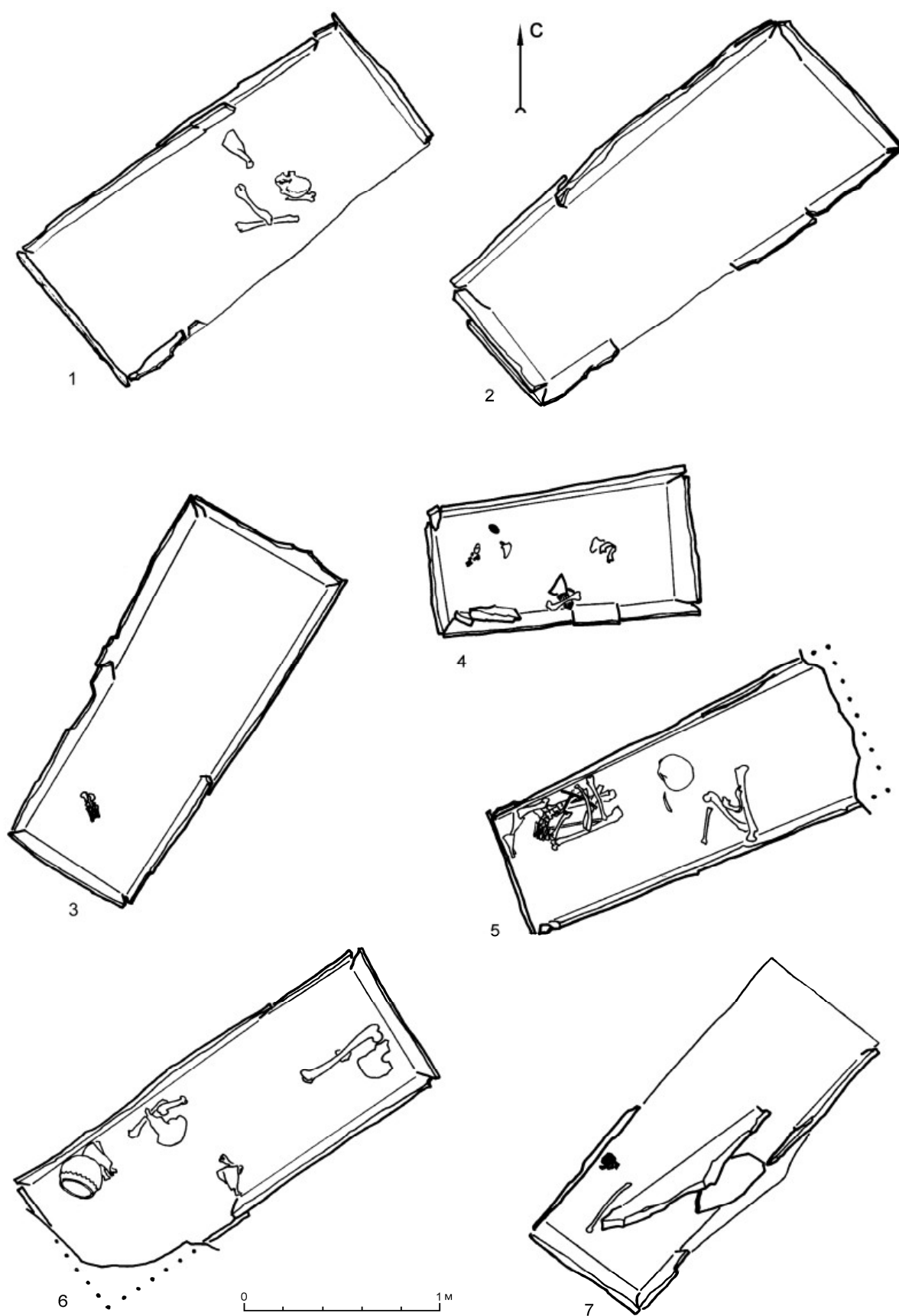

Рис. 30. Чертежи могил из курганов 94—100 могильника Кюргеннер I:
 1 — к. 94; 2 — к. 95; 3 — к. 96; 4 — к. 97; 5 — к. 98; 6 — к. 99; 7 — к. 100

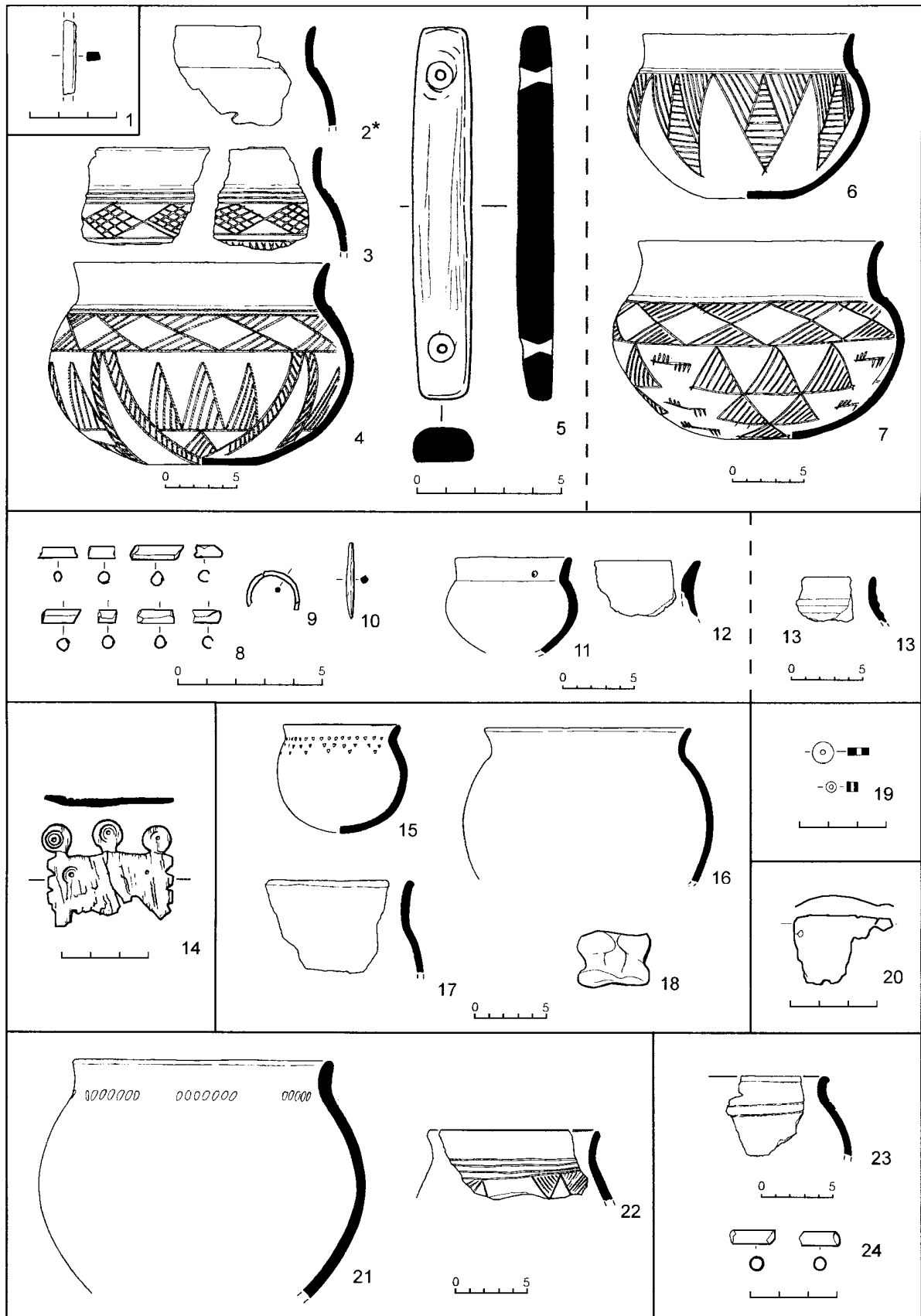

Рис. 31. Инвентарь могил из курганов 1, 2, 5—11 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 1; 2—5 — к. 2, м. 1; 6—7 — к. 2, м. 2; 8—12 — к. 5, м. 1; 13 — к. 5, м. 2; 14 — к. 6; 15—18 — к. 7; 19 — к. 8; 20 — к. 9; 21—22 — к. 10; 23—24 — к. 11

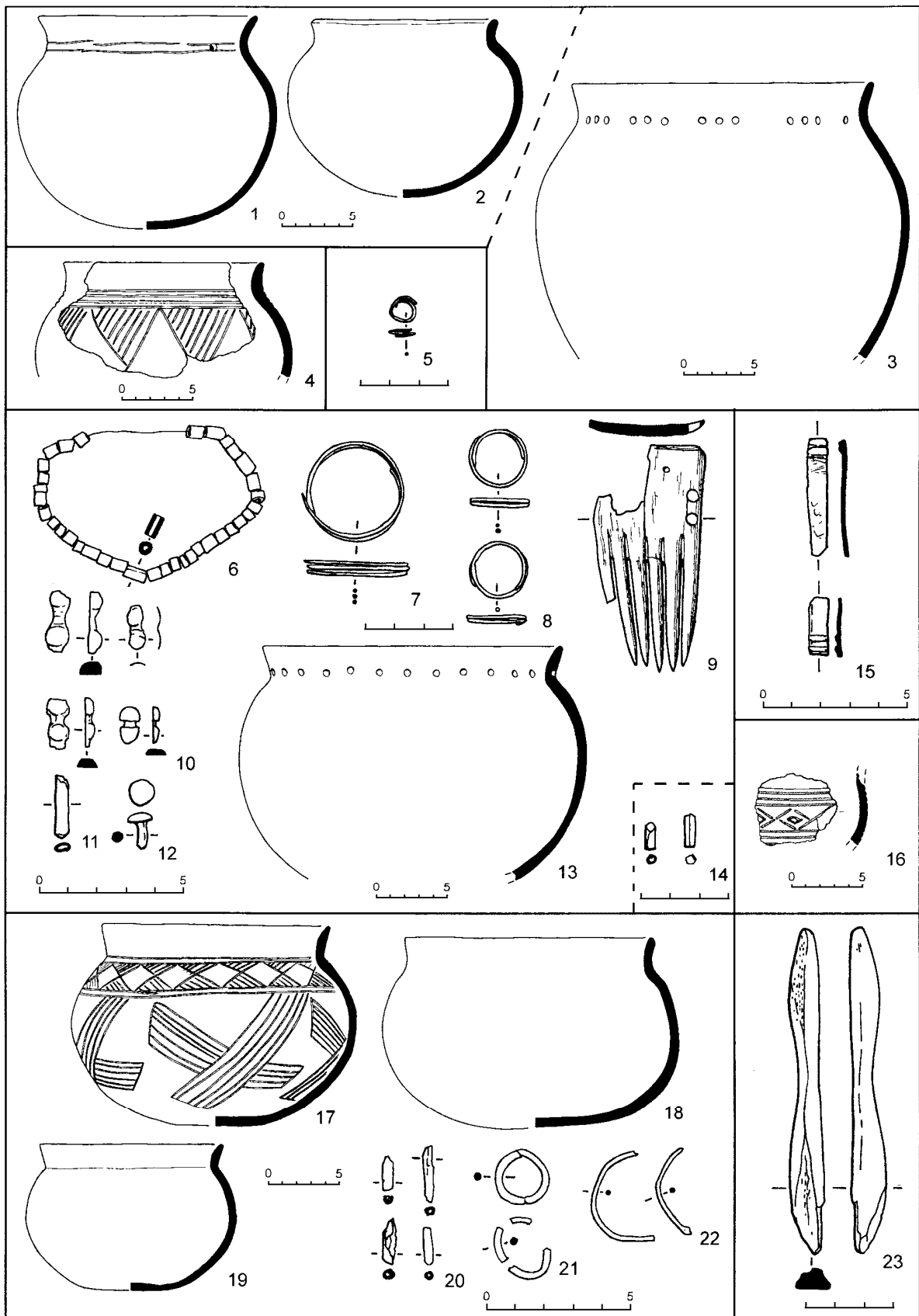

Рис. 32. Инвентарь могил из курганов 12—16, 18—20 могильника Кюргеннер I:

1—2 — к. 12, м. 1; 3 — к. 12, м. 2; 4 — к. 13; 5 — к. 14; 6—13 — к. 15, м. 1; 14 — к. 15, м. 2; 15 — к. 16; 16 — к. 18; 17—22 — к. 19; 23 — к. 20

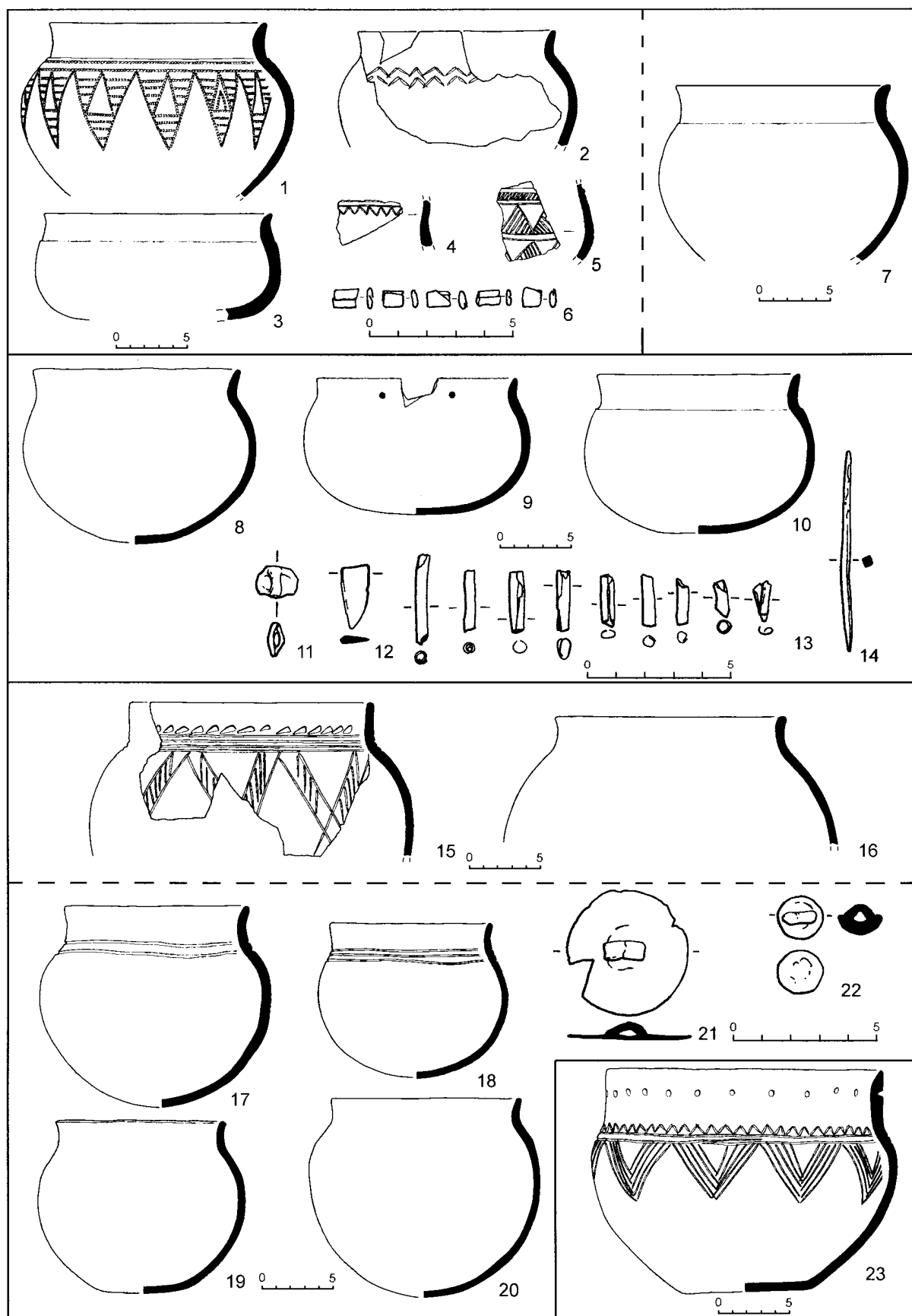

Рис. 33. Инвентарь могил из курганов 23—26 могильника Кюргеннер I:

1—6 — к. 23, м. 1; 7 — к. 23, м. 2; 8—14 — к. 24; 15—16 — к. 25, м. 1; 17—22 — к. 25, м. 3; 23 — к. 26

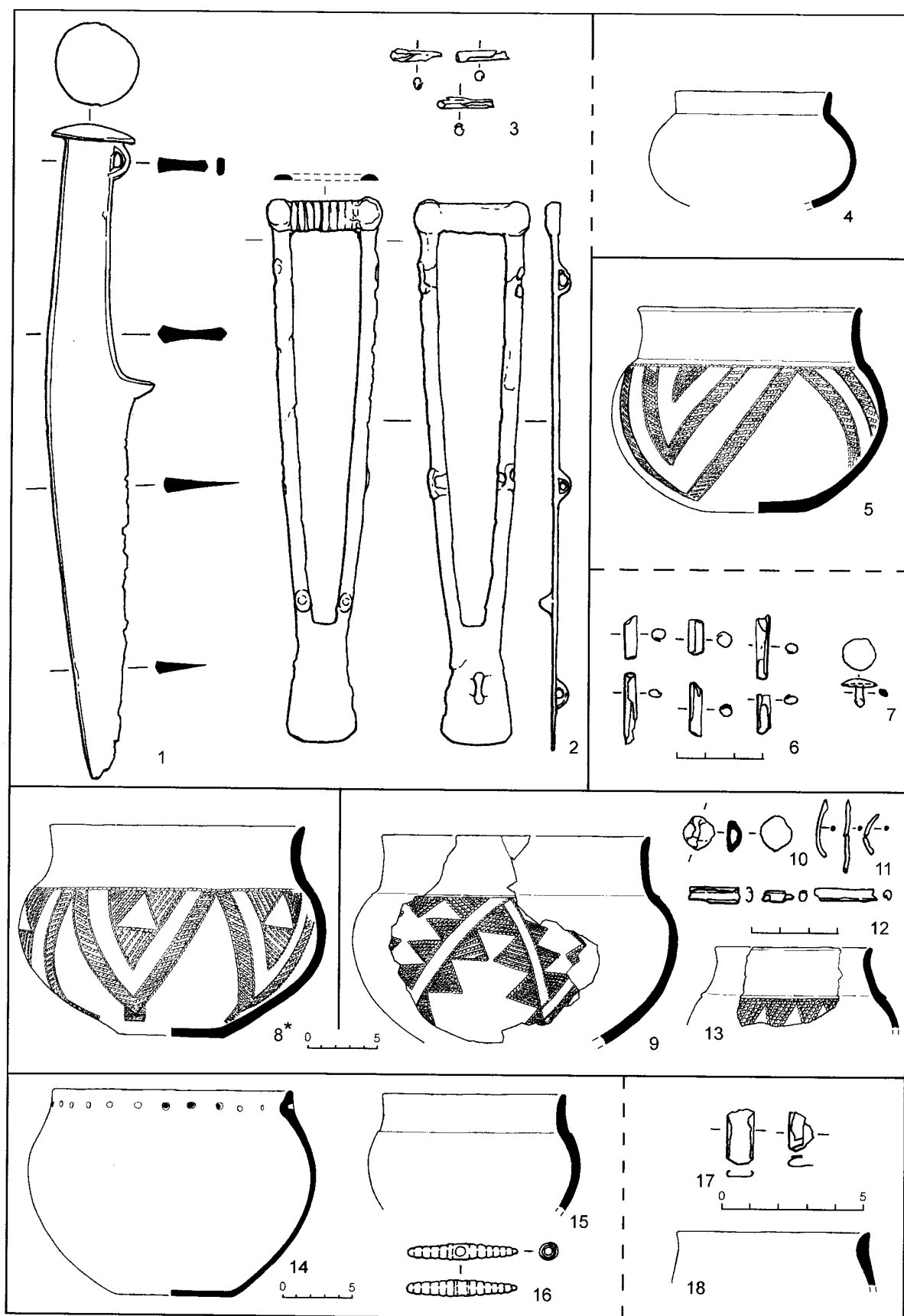

Рис. 34. Инвентарь могил из курганов 28—29, 31—33 могильника Кюргеннер I:

1—3 — к. 28, м. 1; 4 — к. 28, м. 2; 5 — к. 29, м. 1; 6—7 — к. 29, м. 2; 8 — к. 31, м. 1; 9—13 — к. 32, м. 1; 14—16 — к. 33, м. 1; 17—18 — к. 33, м. 2

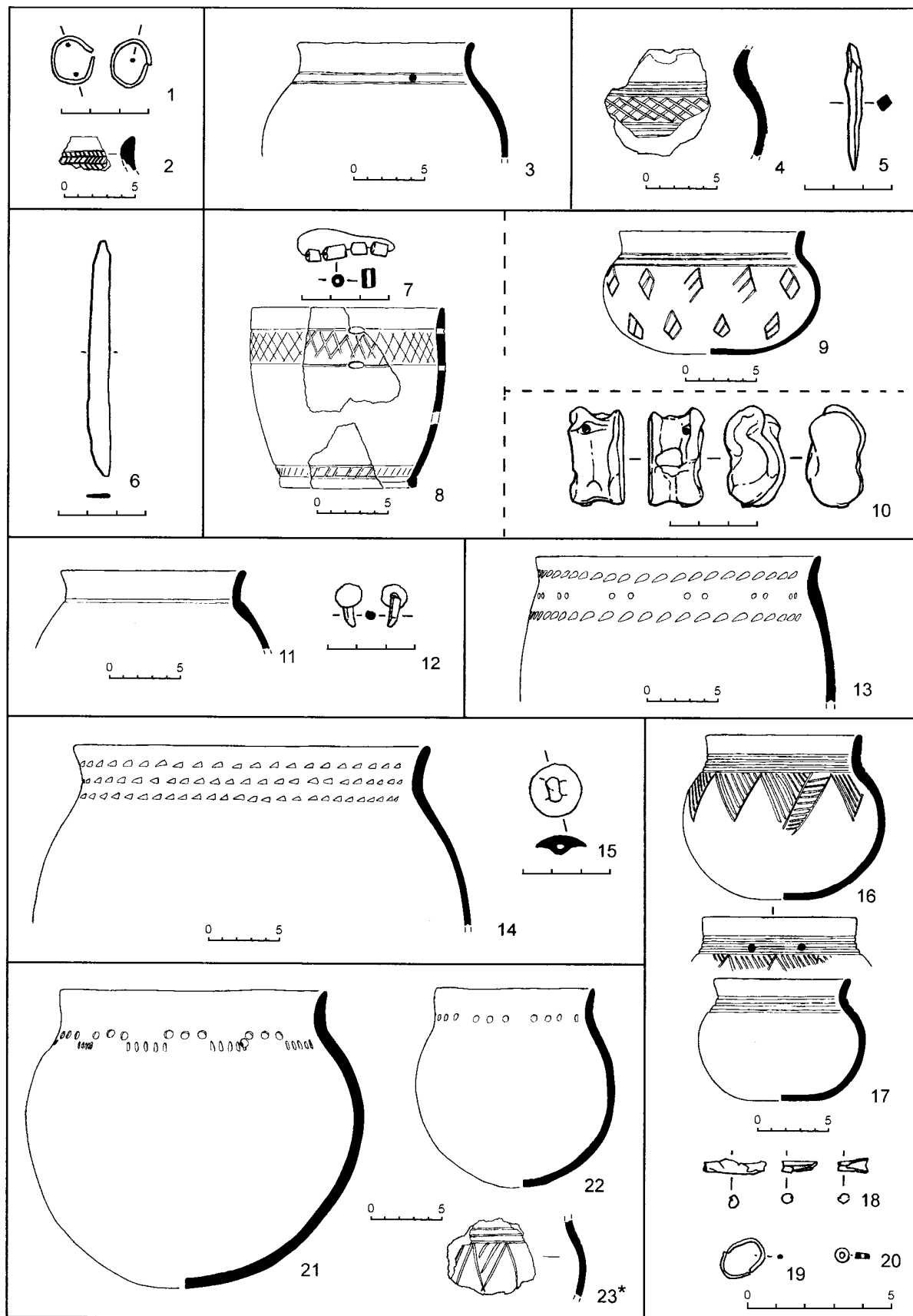

Рис. 35. Инвентарь могил из курганов 37—38, 41—47, 49 могильника Кюргеннер I:

1—2 — к. 37, м. 1; 3 — к. 38; 4—5 — к. 41; 6 — к. 42; 7—8 — к. 43, м. 2; 9 — к. 43, м. 3; 10 — к. 43 в ограде; 11—12 — к. 44; 13 — к. 45; 14—15 — к. 46; 16—20 — к. 47, м. 3; 21—23* — к. 49, м. 1

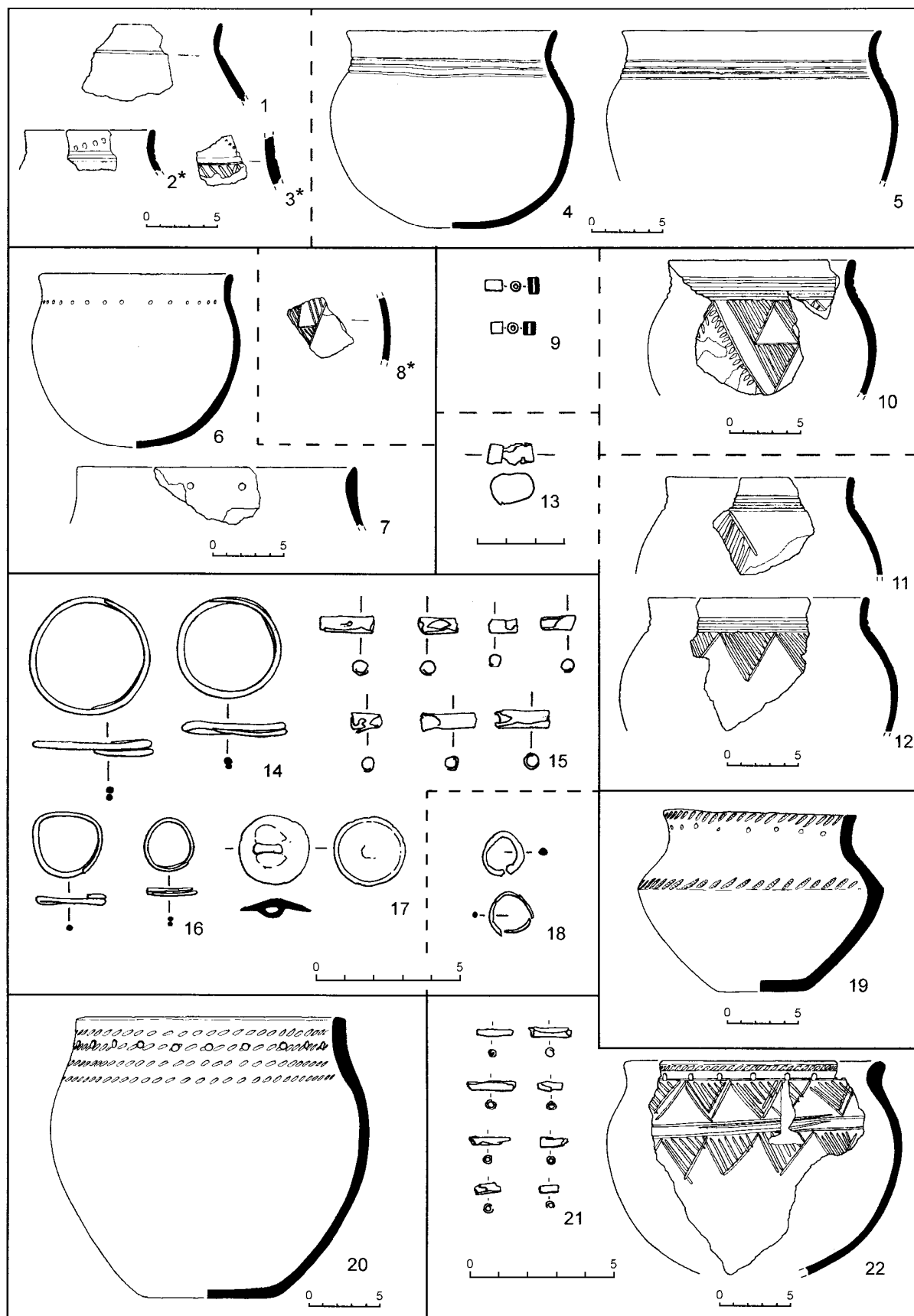

Рис. 36. Инвентарь могил из курганов 50—53, 56—57, 59 могильника Кюргеннер I:

1—3 — к. 50, м. 1; 4—5 — к. 50, м. 2; 6—7 — к. 51, м. 3; 8 — к. 51, м. 4; 9 — к. 52, м. 1; 10 — к. 52, м. 2; 11—12 — к. 52, м. 3; 13 — к. 52, м. 5; 14—17 — к. 53, м. 1; 18 — к. 53, м. 2; 19 — к. 56, м. 1; 20 — к. 57; 21—22 — к. 59

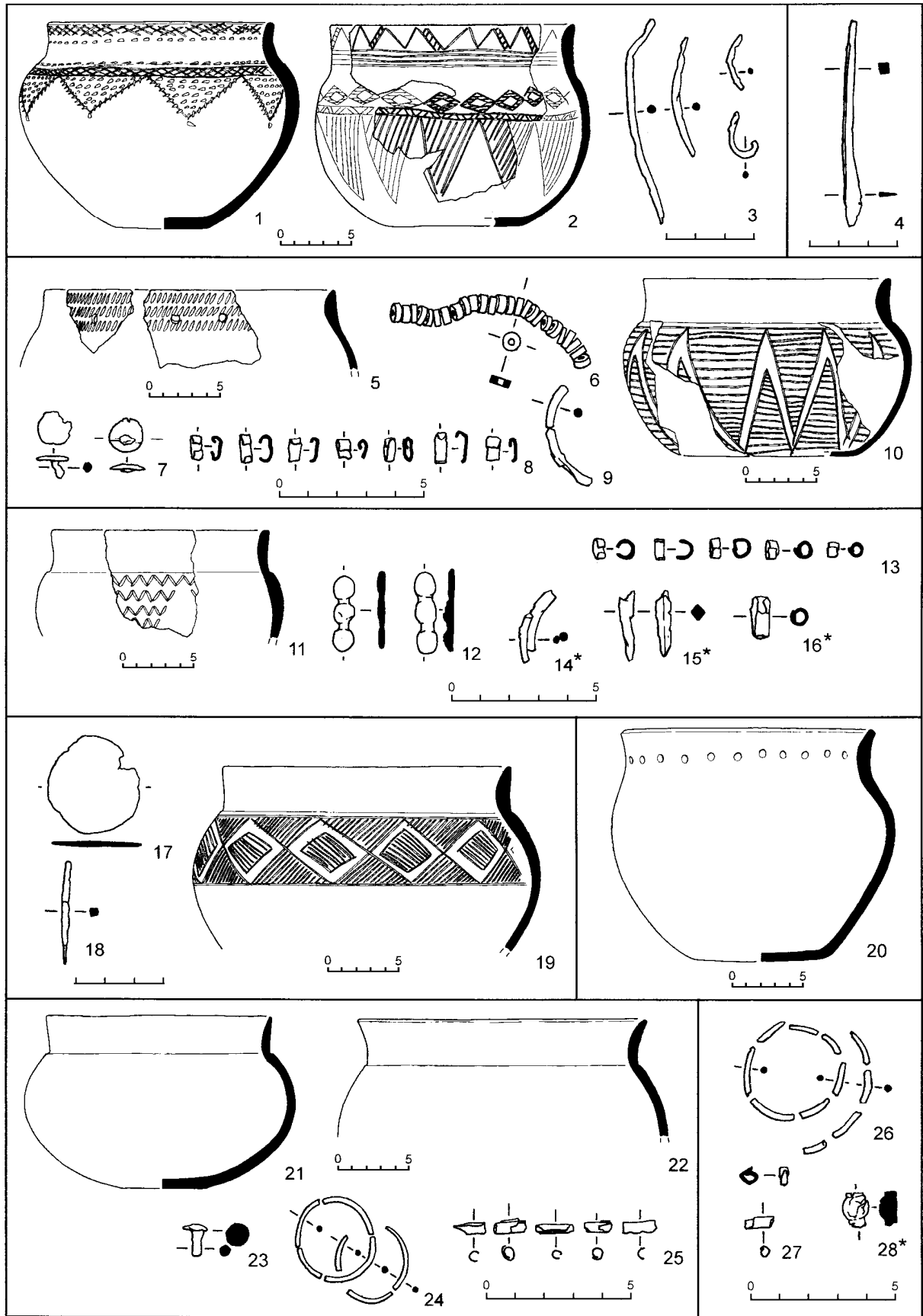

Рис. 37. Инвентарь могил из курганов 61, 63—64, 66—70 могильника Кюргеннер I:

1—3 — к. 61; 4 — к. 63, м. 1; 5—10 — к. 64; 11—16 — к. 66; 17—19 — к. 67; 20 — к. 68; 21—25 — к. 69, м. 2; 26—28 — к. 70, м. 1

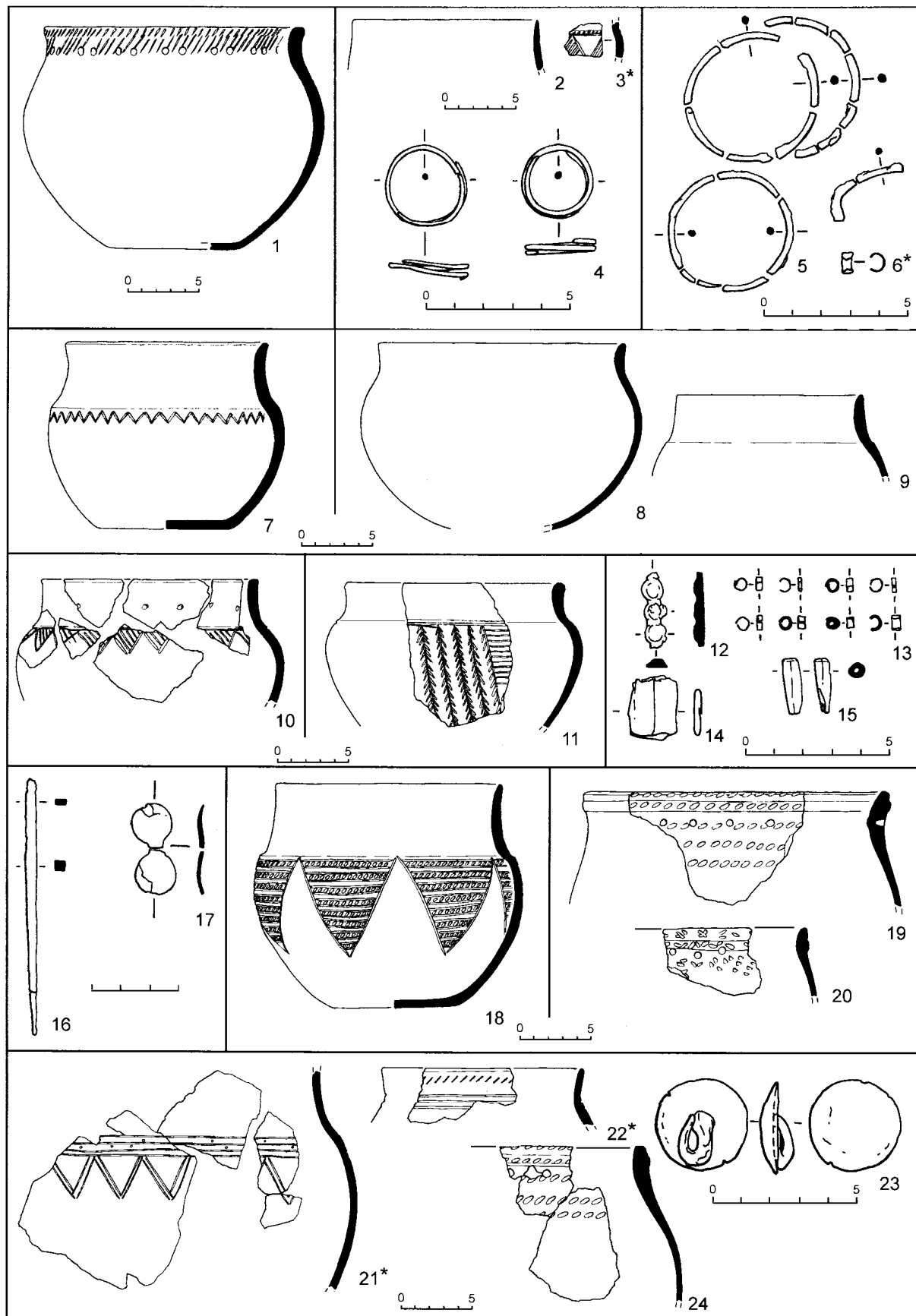

Рис. 38. Инвентарь могил из курганов 72—73, 75—83 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 72; 2—4 — к. 73; 5—6 — к. 75, м. 1; 7 — к. 75, м. 2; 8—9 — к. 76; 10 — к. 77; 11 — к. 78; 12—15 — к. 79; 16—17 — к. 80; 18 — к. 81; 19—20 — к. 82; 21—24 — к. 83

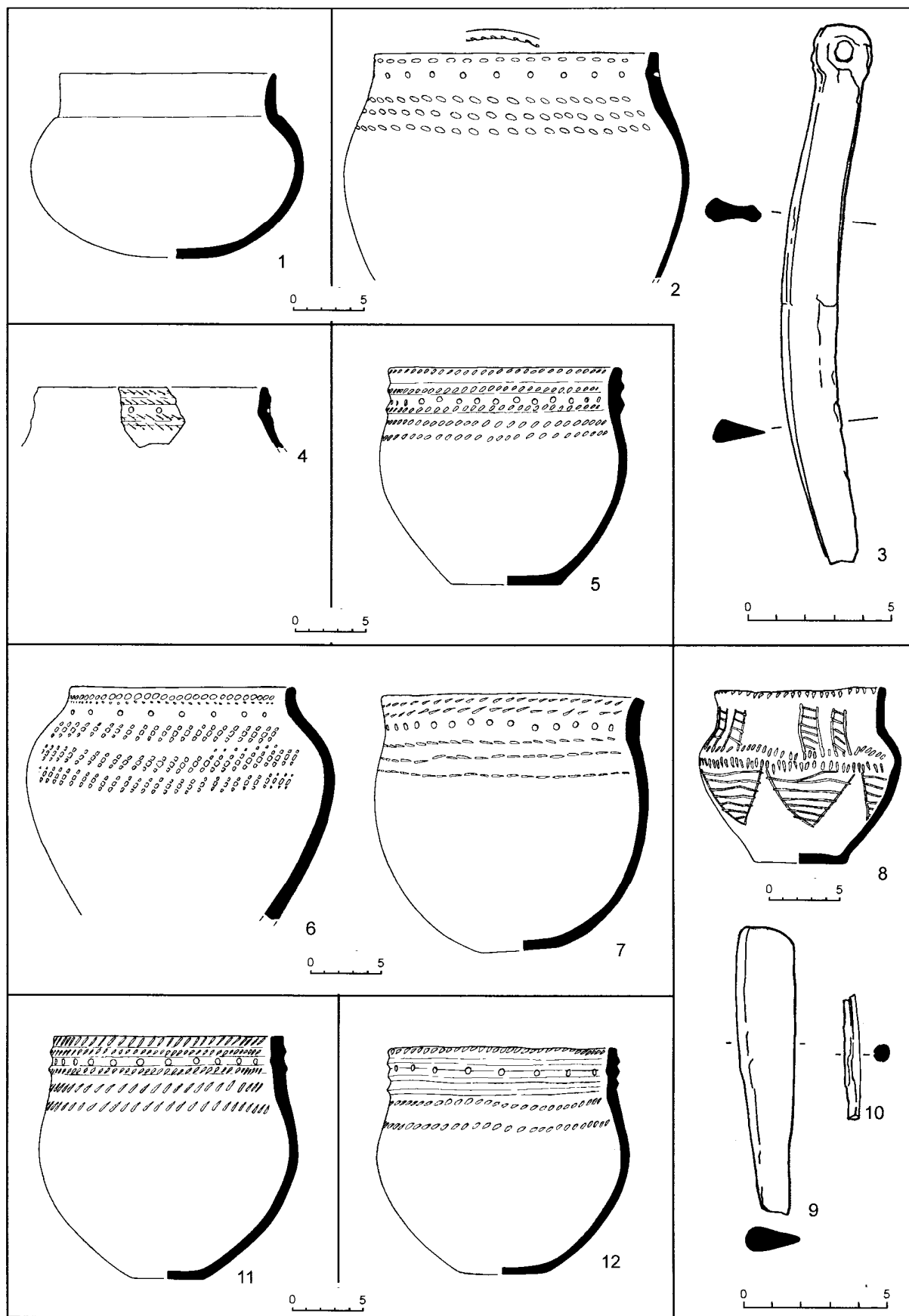

Рис. 39. Инвентарь могил из курганов 84, 86—90 могильника Кюргеннер I:

1 — к. 84; 2—3 — к. 86; 4 — к. 87; 5 — к. 88; 6—7 — к. 89; 8—10 — к. 90; 11 — к. 91; 12 — к. 92

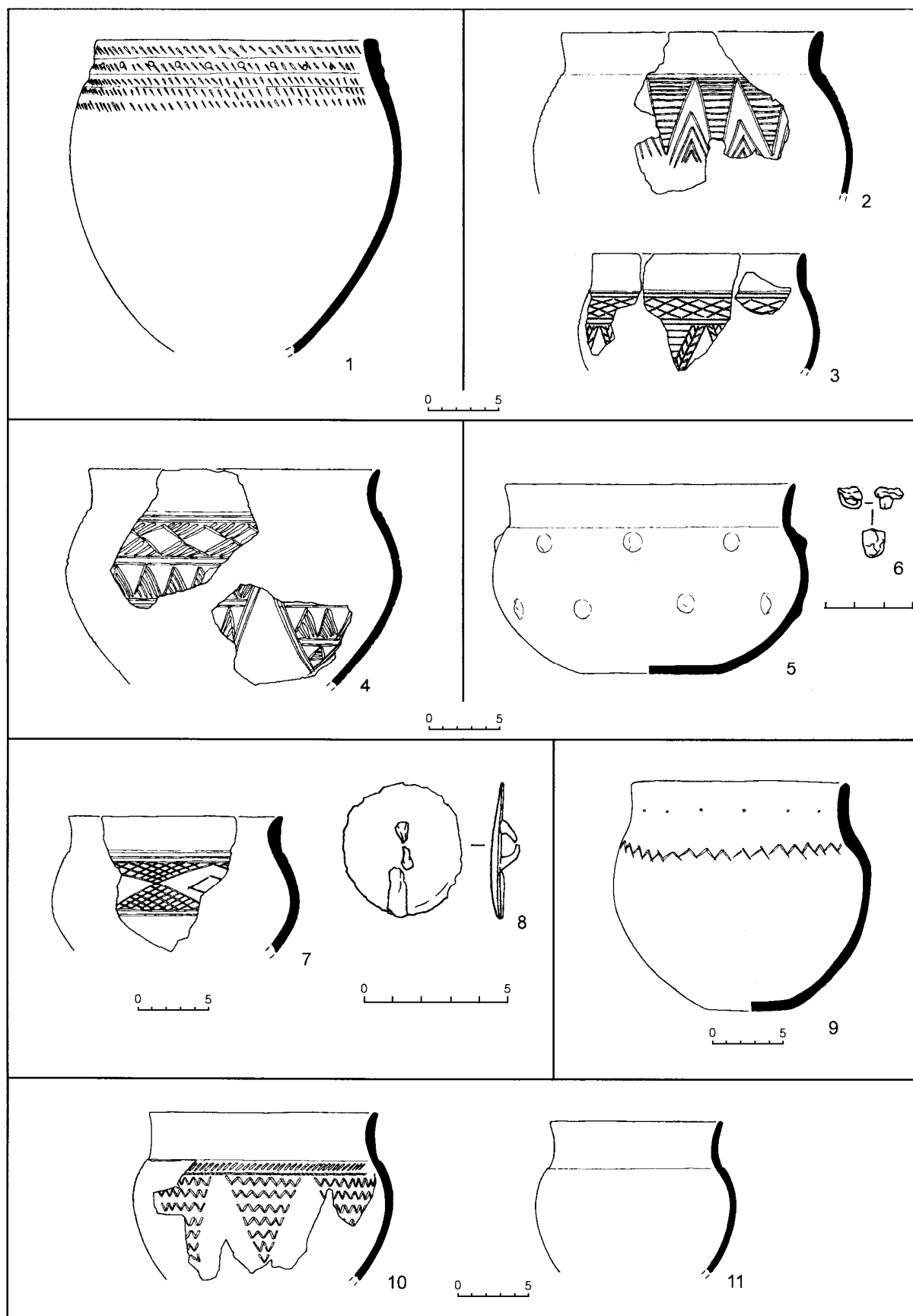

Рис. 40. Инвентарь могил из курганов 93—97, 99—100 могильника Кургенер I:
 1 — к. 93; 2—3 — к. 94; 4 — к. 95; 5—6 — к. 96; 7—8 — к. 97; 9 — к. 99; 10—11 — к. 100

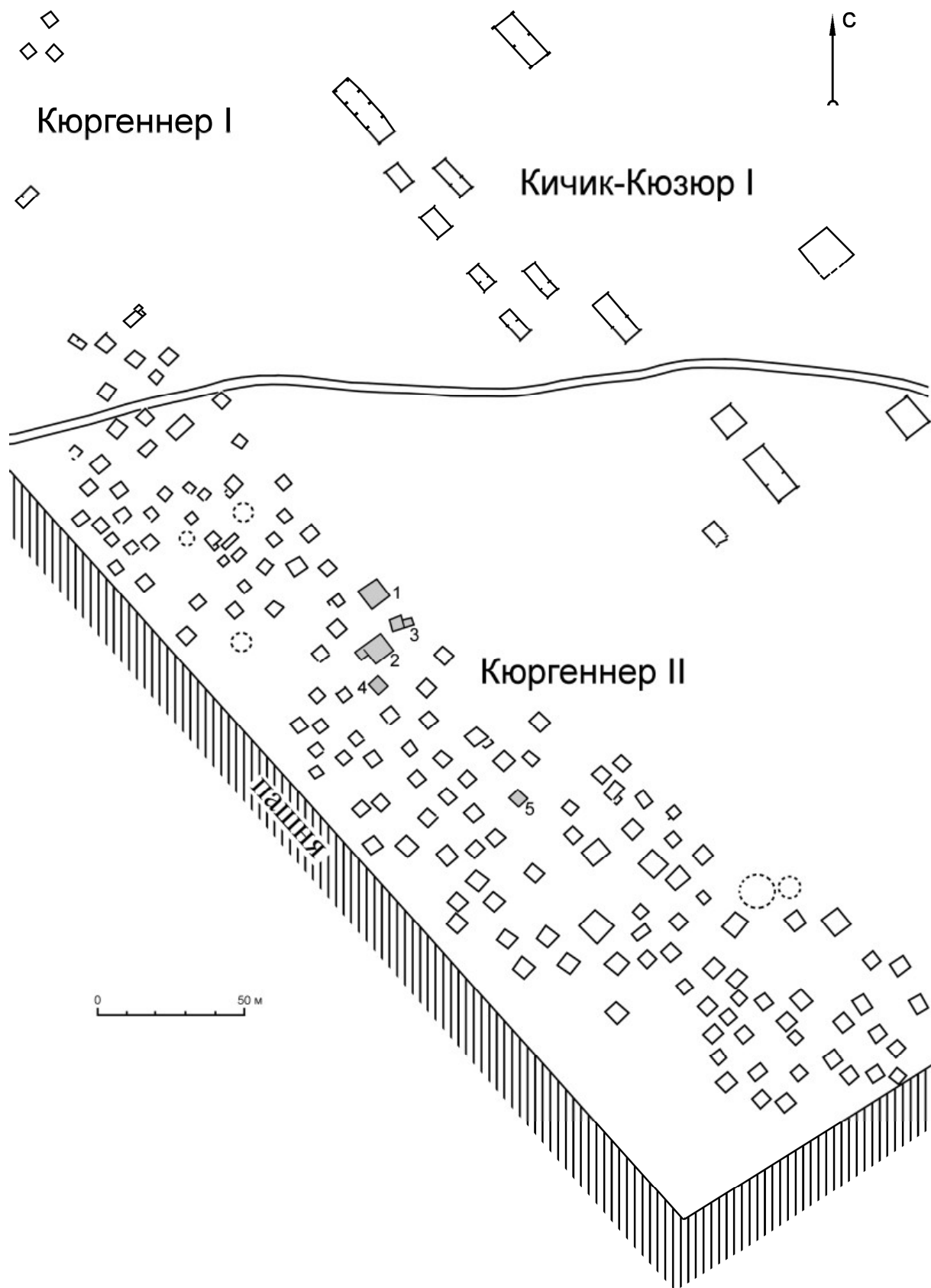

Рис. 41. План могильника Кюргеннер II

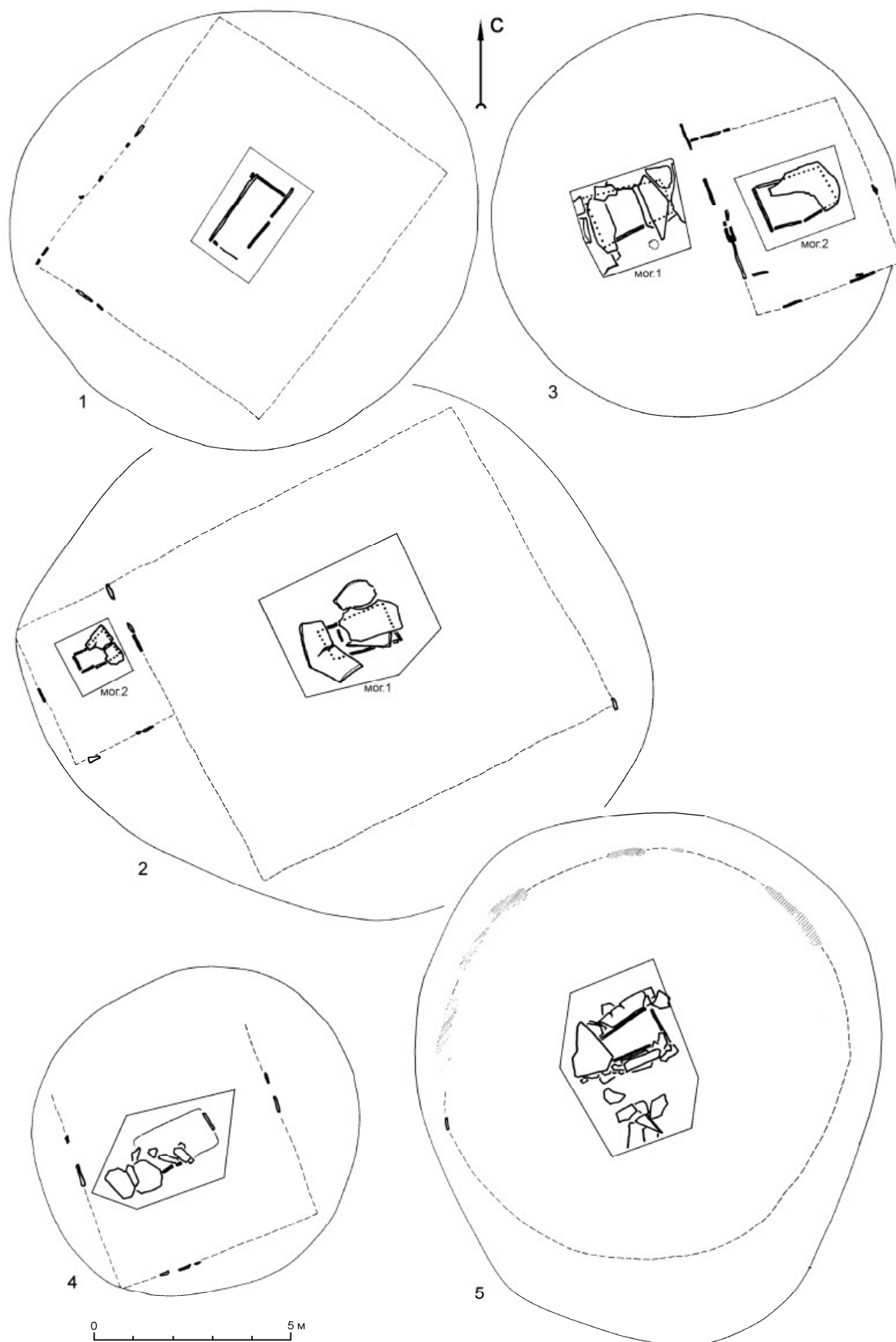

Рис. 42. Чертежи курганов 1—5 могильника Кюргенер II:

1 — к. 1; 2 — к. 2; 3 — к. 3; 4 — к. 4; 5 — к. 5

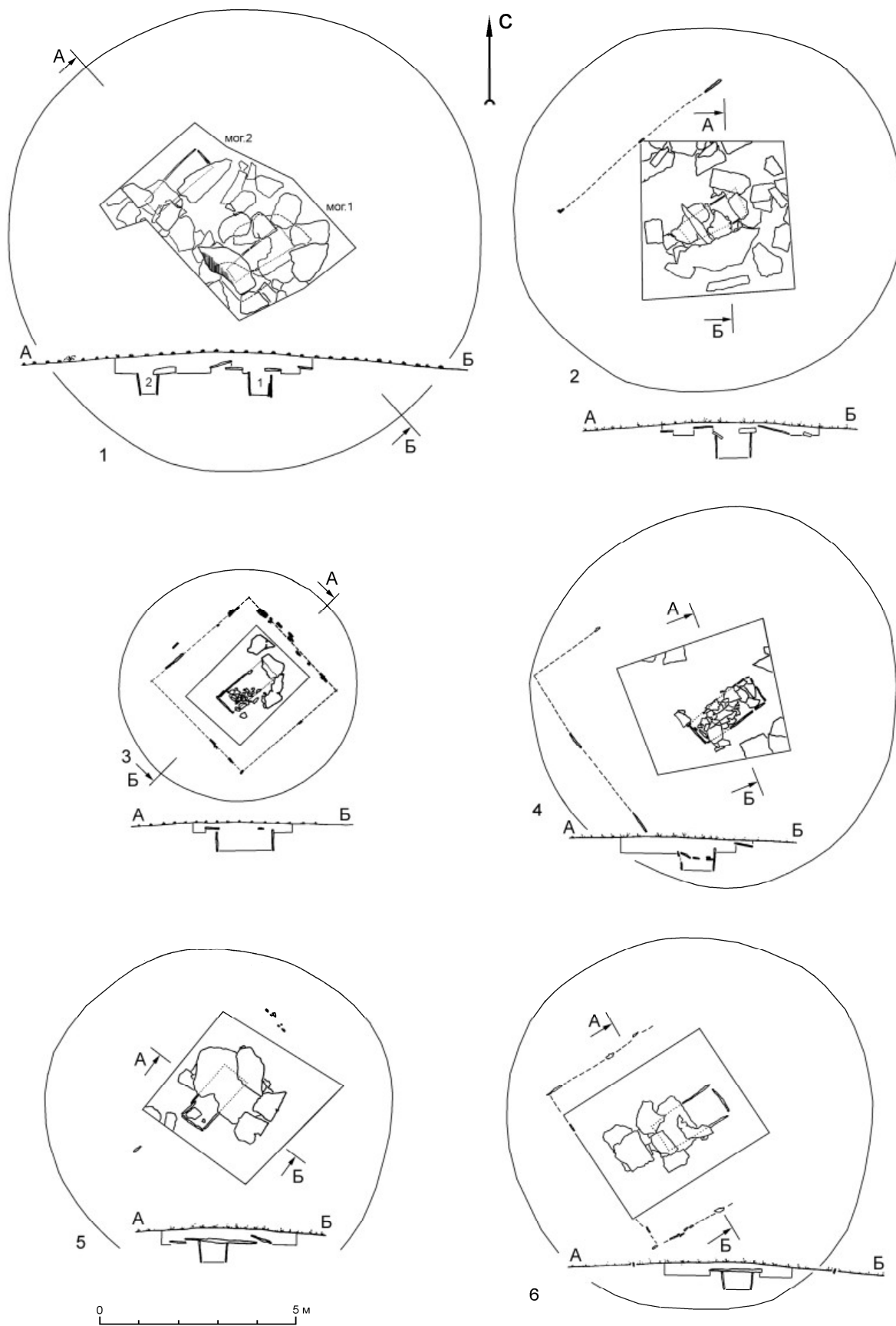

Рис. 43. Чертежи курганов 6—11 могильника Кюргеннер II:

1 — к. 6; 2 — к. 7; 3 — к. 8; 4 — к. 9; 5 — к. 10; 6 — к. 11

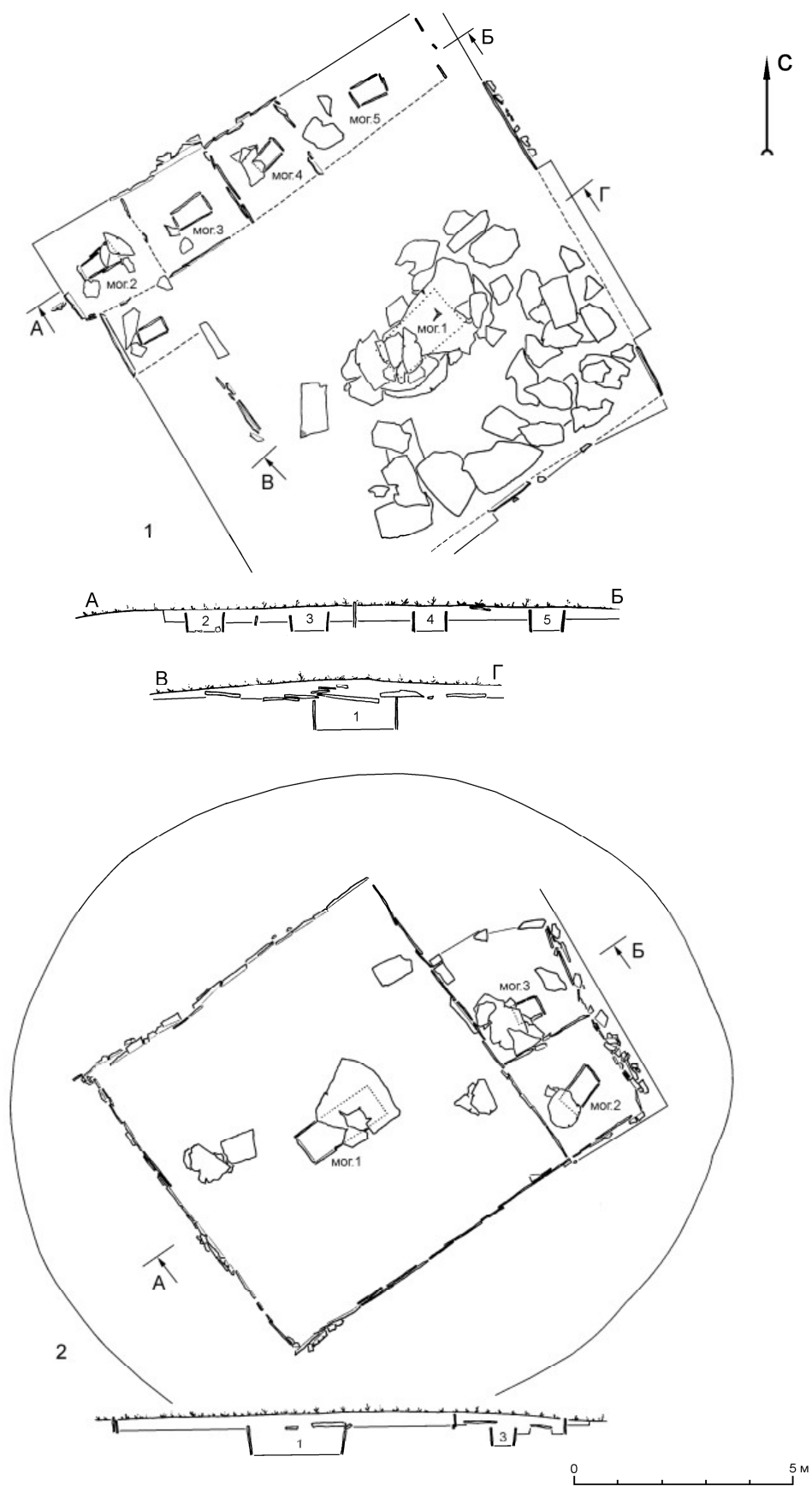

Рис. 44. Чертежи курганов 12—13 могильника Кюргеннер II:
1 — к. 12; 2 — к. 13

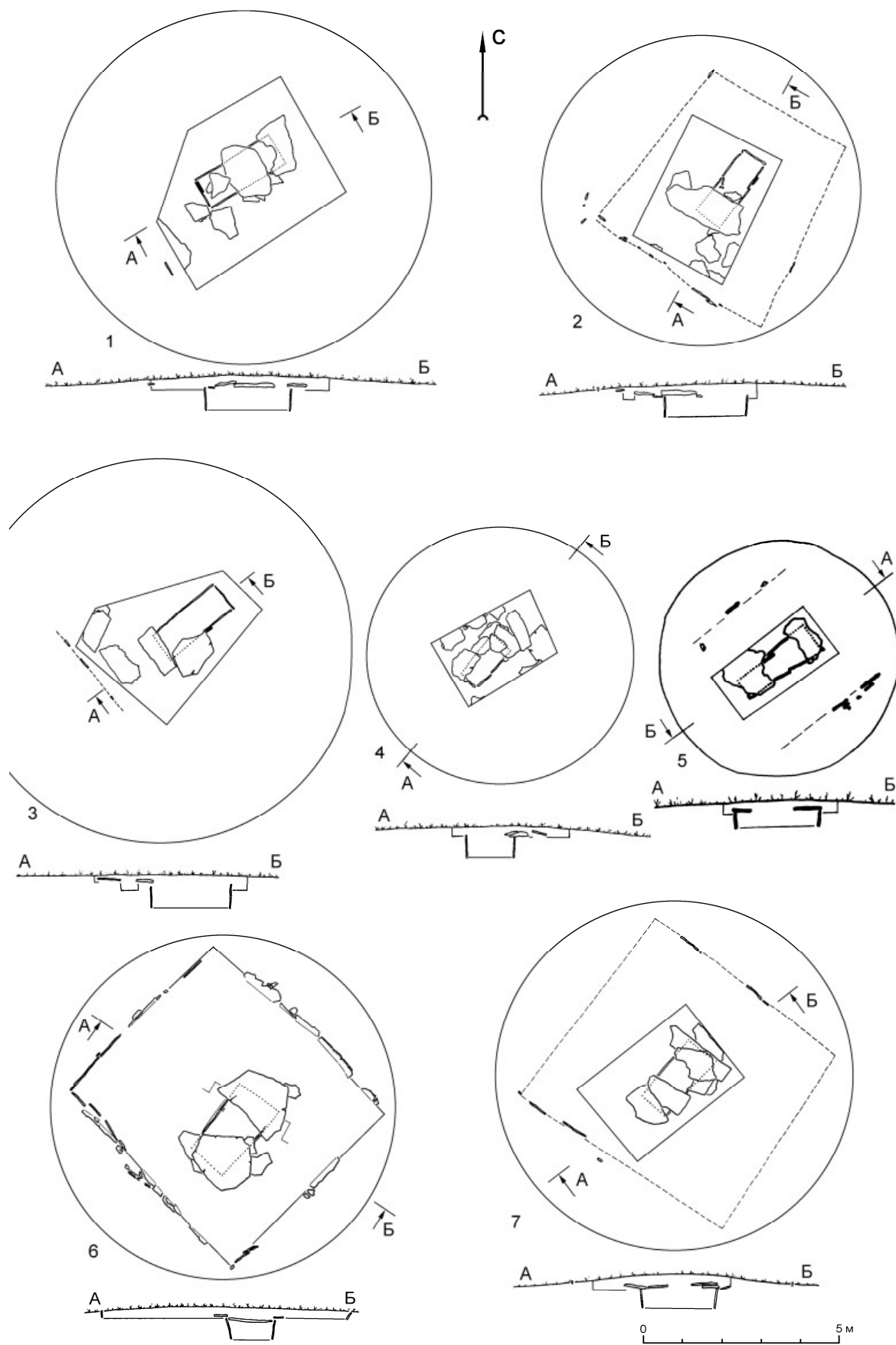

Рис. 45. Чертежи курганов 14—20 могильника Кюргеннер II:
 1 — к. 14; 2 — к. 15; 3 — к. 16; 4 — к. 17; 5 — к. 18; 6 — к. 19; 7 — к. 20

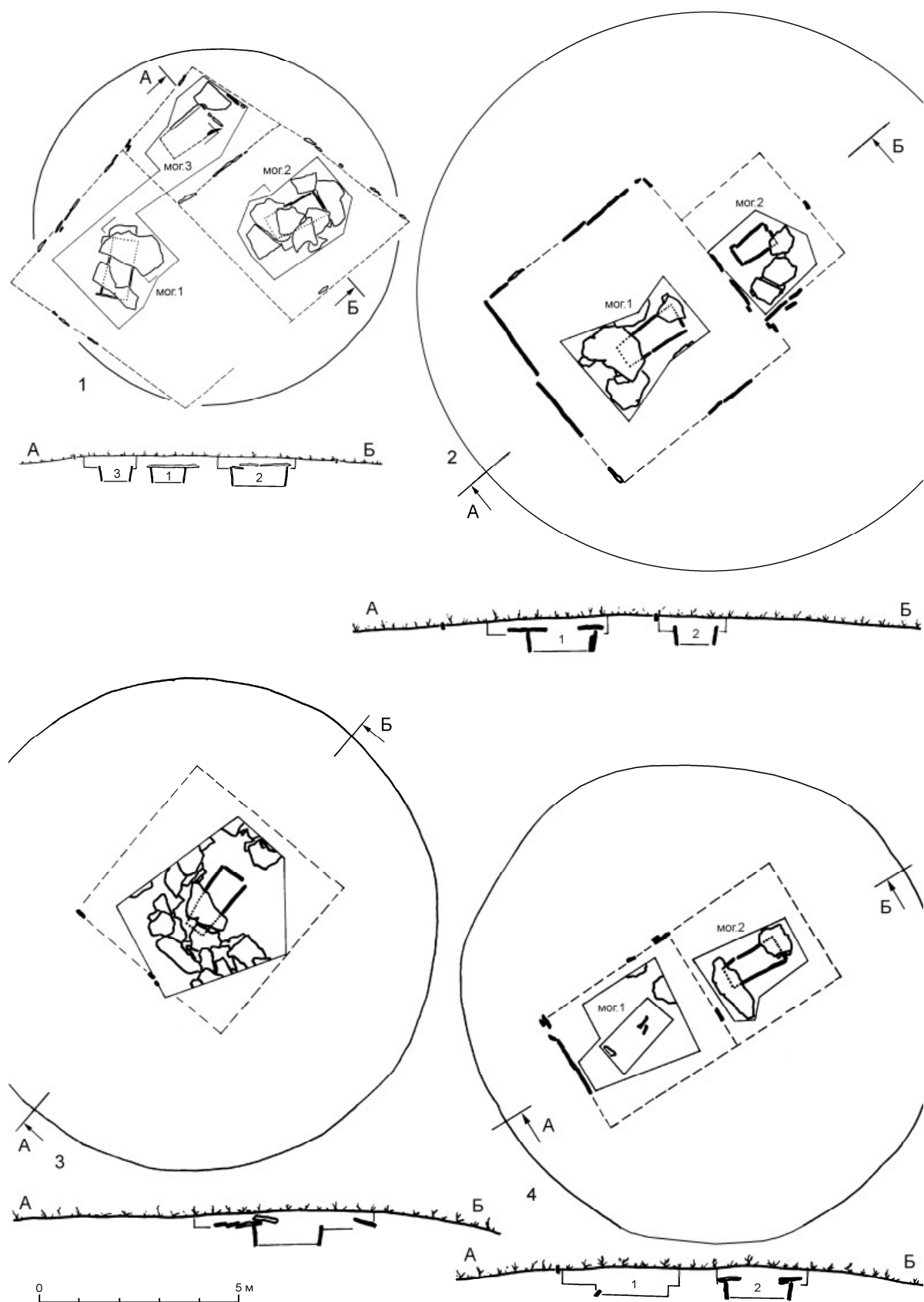

Рис. 46. Чертежи курганов 21—24 могильника Кюргеннер II:
 1 — к. 21; 2 — к. 22; 3 — к. 23; 4 — к. 24

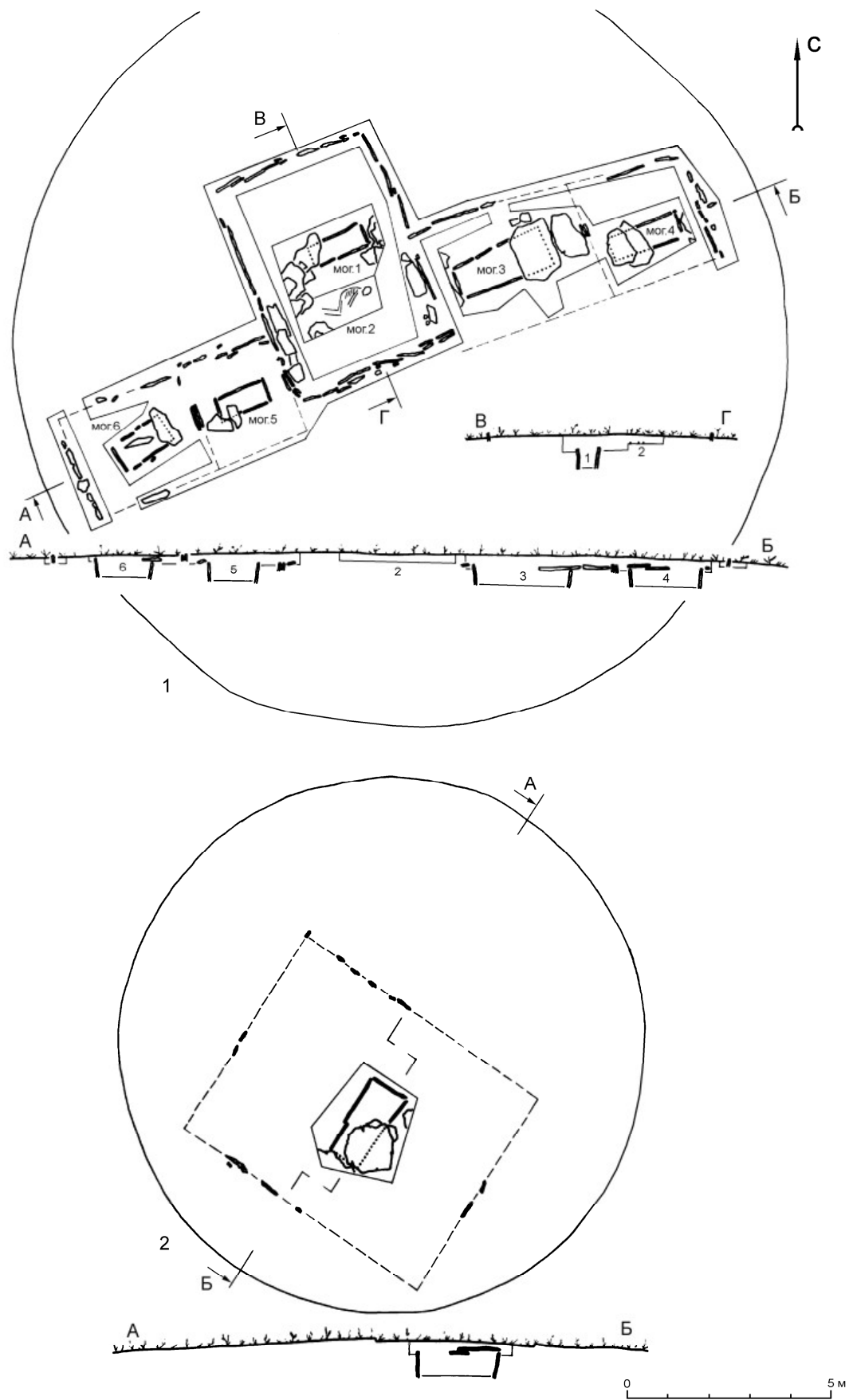

Рис. 47. Чертежи курганов 25—26 могильника Кюргеннер II:

1 — к. 25; 2 — к. 26

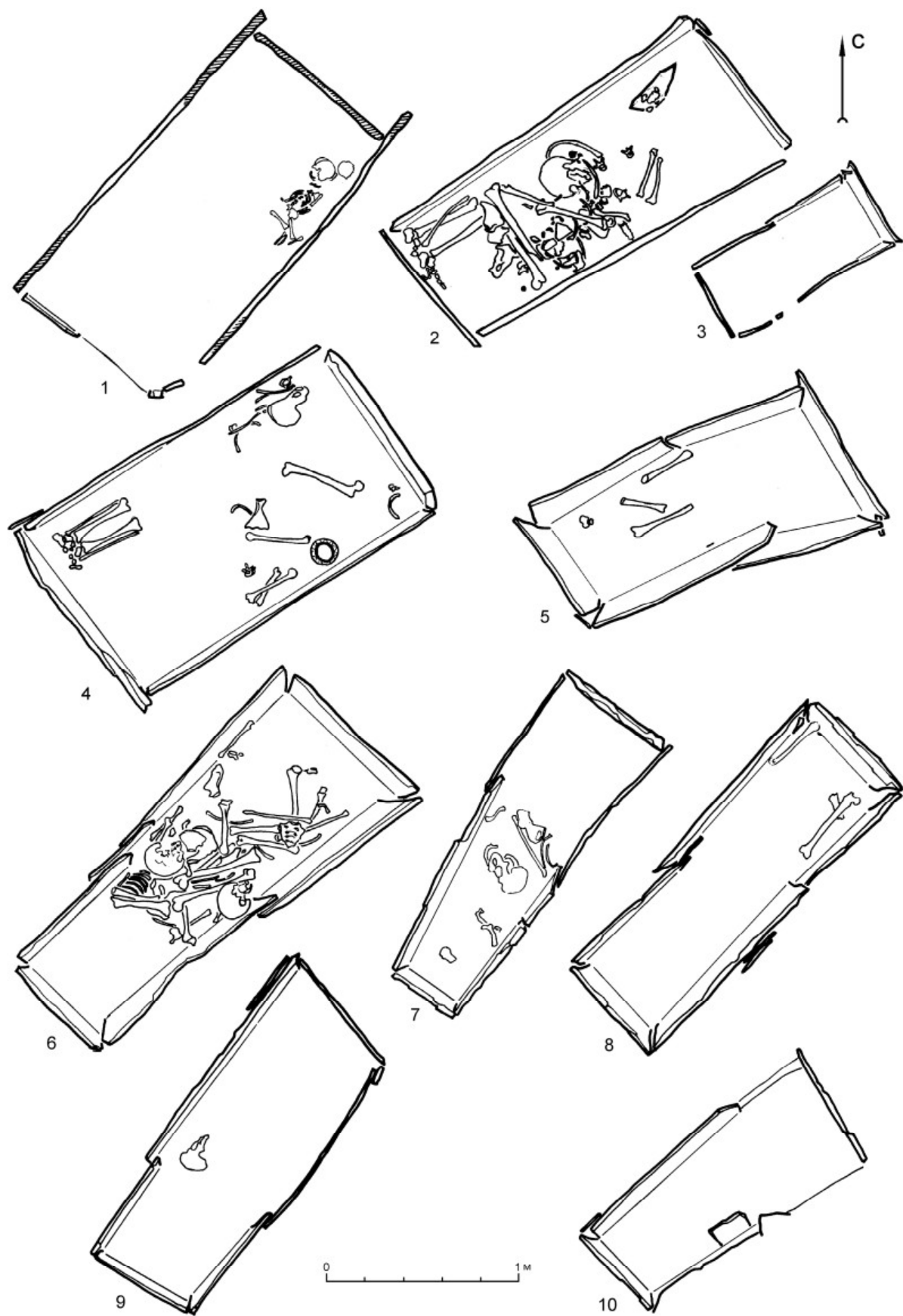

Рис. 48. Чертежи могил из курганов 1—3, 5—8 могильника Кюргеннер II:

1 — к. 1; 2 — к. 2, м. 1; 3 — к. 2, м. 2; 4 — к. 3, м. 1; 5 — к. 3, м. 2; 6 — к. 5; 7 — к. 6, м. 1; 8 — к. 6, м. 2; 9 — к. 7; 10 — к. 8

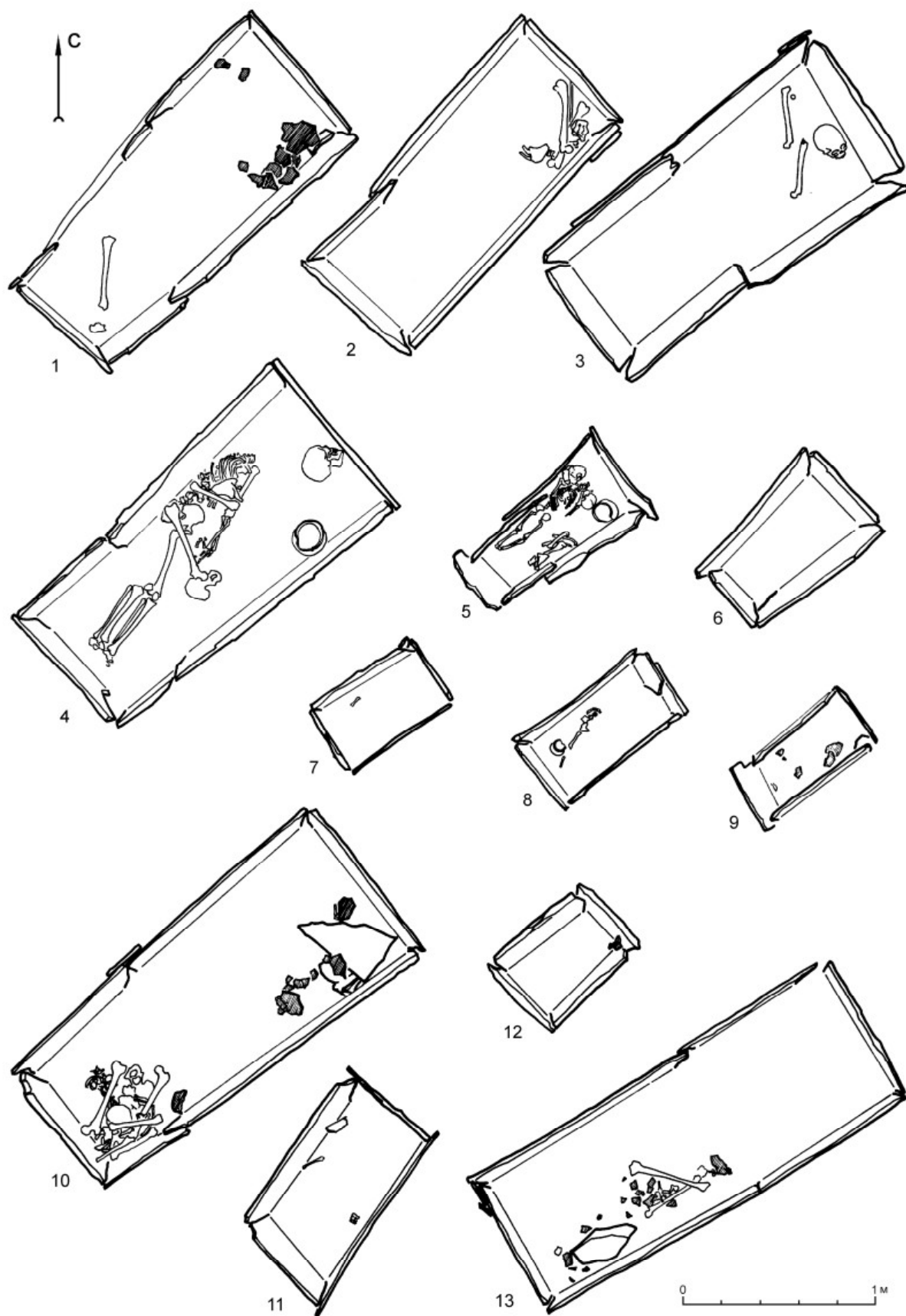

Рис. 49. Чертежи могил из курганов 9—14 могильника Кюргеннер II:

1 — к. 9; 2 — к. 10; 3 — к. 11; 4 — к. 12, м. 1; 5 — к. 12, м. 2; 6 — к. 12, м. 3; 7 — к. 12, м. 4; 8 — к. 12, м. 5; 9 — к. 12, м. 6; 10 — к. 13, м. 1;
11 — к. 13, м. 2; 12 — к. 13, м. 3; 13 — к. 14

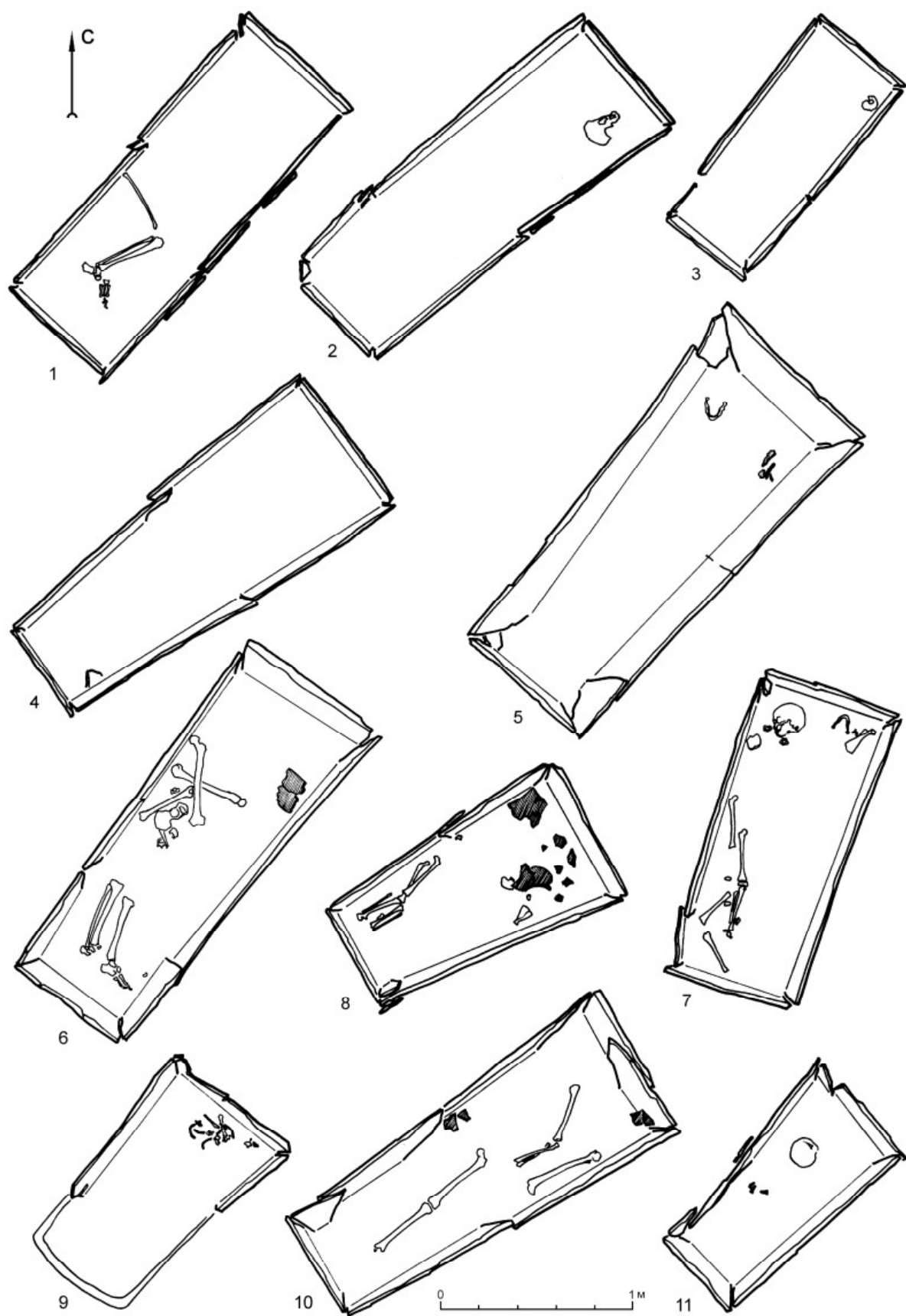

Рис. 50. Чертежи могил из курганов 15—22 могильника Кюргенер II:

1 — к. 15; 2 — к. 16; 3 — к. 17; 4 — к. 18; 5 — к. 19; 6 — к. 20; 7 — к. 21, м. 1; 8 — к. 21, м. 2; 9 — к. 21, м. 3; 10 — к. 22, м. 1;
11 — к. 22, м. 2

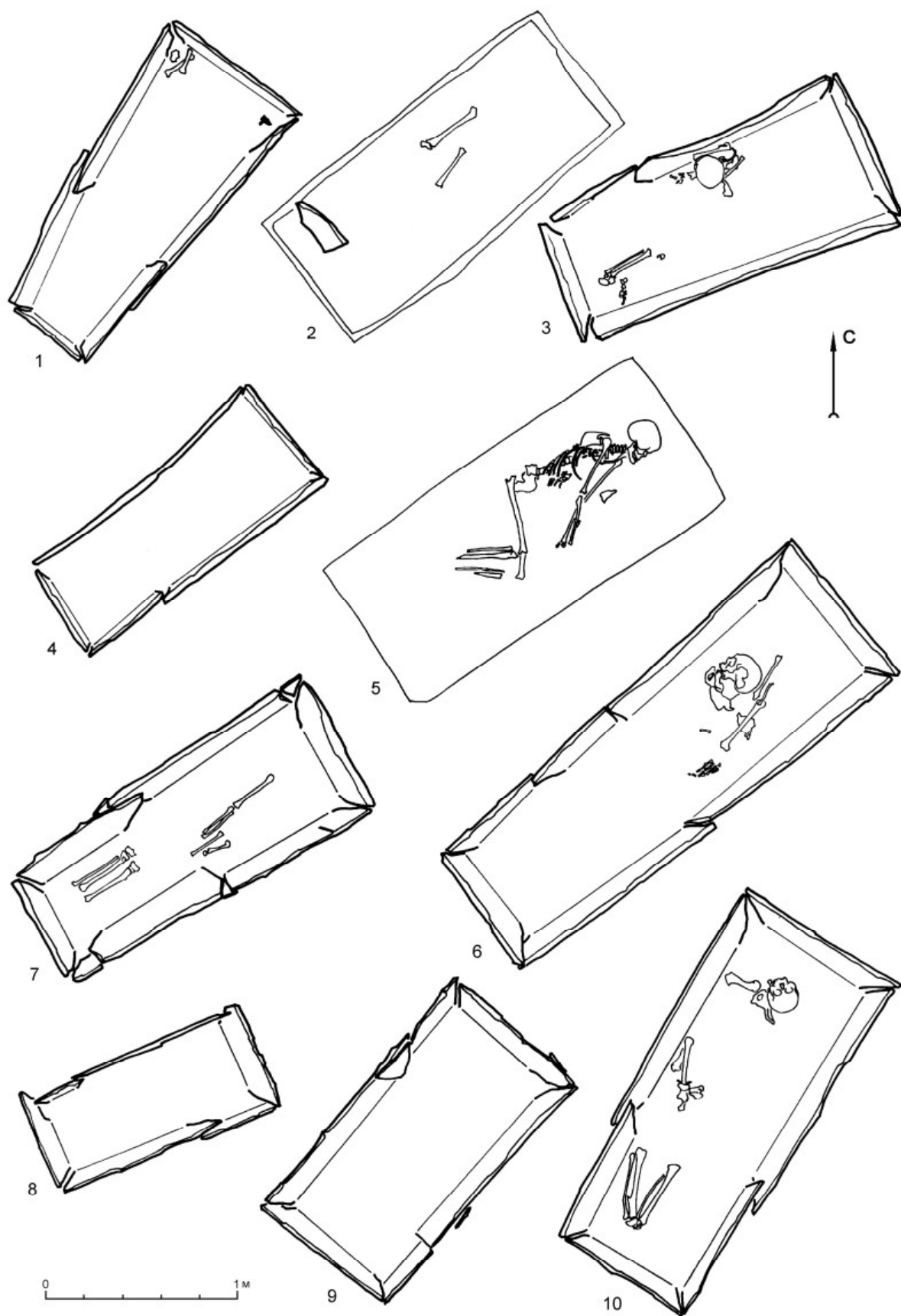

Рис. 51. Чертежи могил из курганов 23—26 могильника Кюргеннер II:

1 — к. 23; 2 — к. 24, м. 1; 3 — к. 24, м. 2; 4 — к. 25, м. 1; 5 — к. 25, м. 2; 6 — к. 25, м. 3; 7 — к. 25, м. 4; 8 — к. 25, м. 5; 9 — к. 25, м. 6; 10 — к. 26

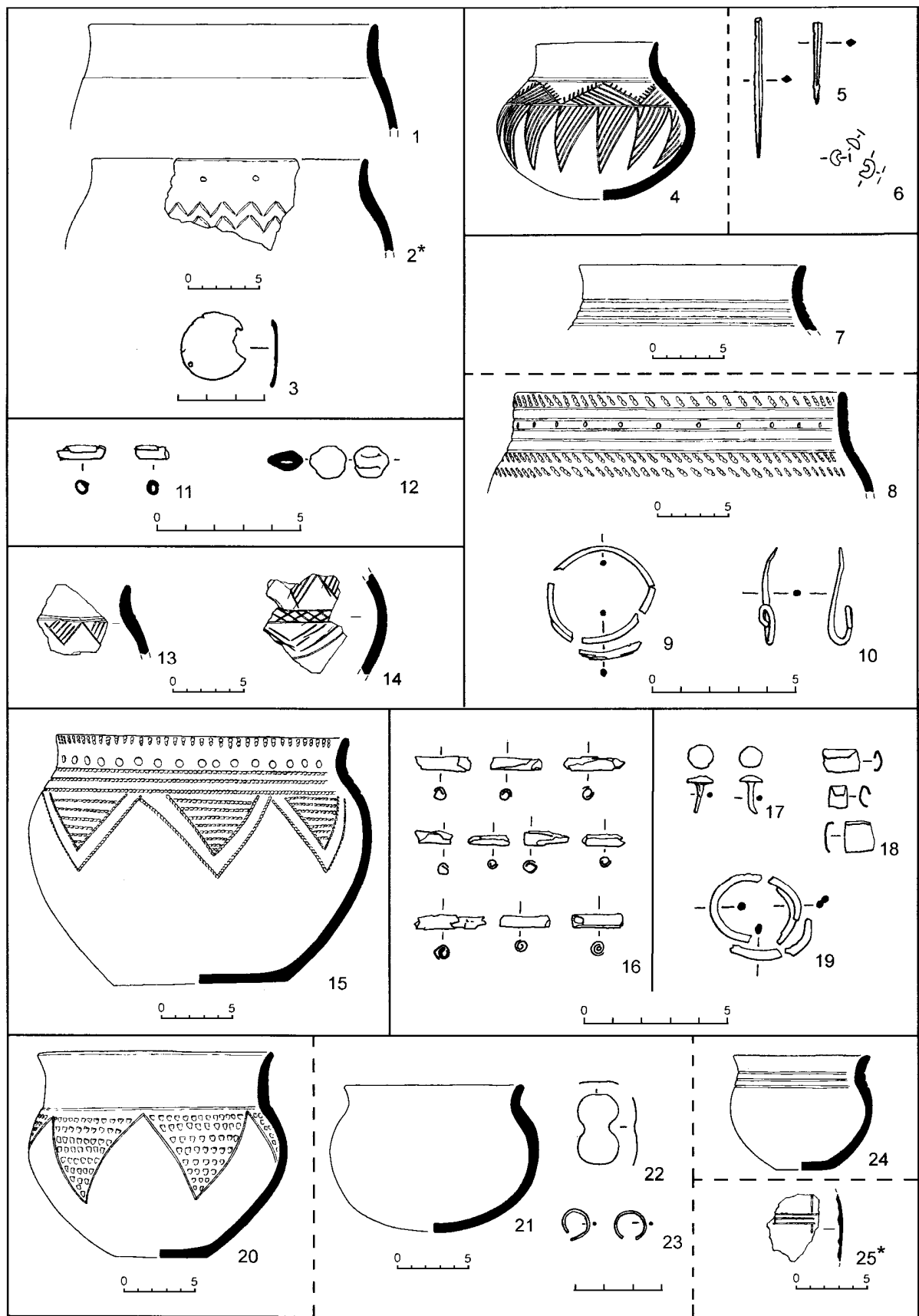

Рис. 52. Инвентарь могил из курганов 2—3, 6—12 могильника Кюргенер II:

1—3 — к. 2, м. 1; 4 — к. 3, м. 1; 5—6 — к. 3, м. 2; 7 — к. 6, м. 1; 8—10 — к. 6, м. 2; 11—12 — к. 7; 13—14 — к. 8; 15 — к. 9; 16 — к. 10; 17—19 — к. 11; 20 — к. 12, м. 1; 21—23 — к. 12, м. 2; 24 — к. 12, м. 5; 25 — к. 12

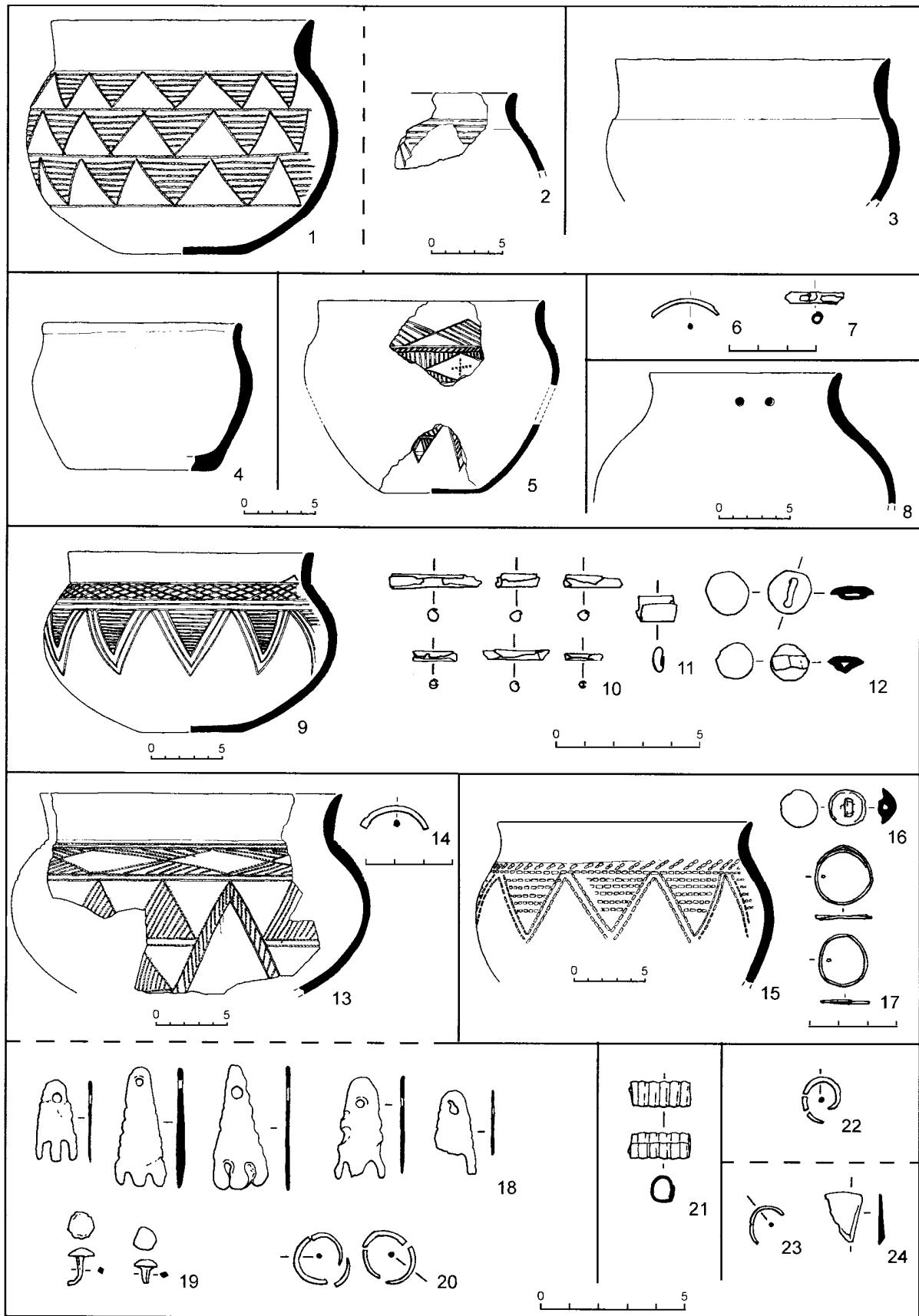

Рис. 53. Инвентарь могил из курганов 13—17, 19—23, 25 могильника Кюргеннер II:
 1 — к. 13, м. 1; 2 — к. 13, м. 3; 3 — к. 14; 4 — к. 15; 5 — к. 16; 6—7 — к. 17; 8 — к. 19; 9—12 — к. 20; 13—14 — к. 22, м. 1;
 15—17 — к. 21, м. 2; 18—20 — к. 22, м. 2; 21 — к. 23; 22 — к. 25, м. 3; 23—24 — к. 25, м. 5

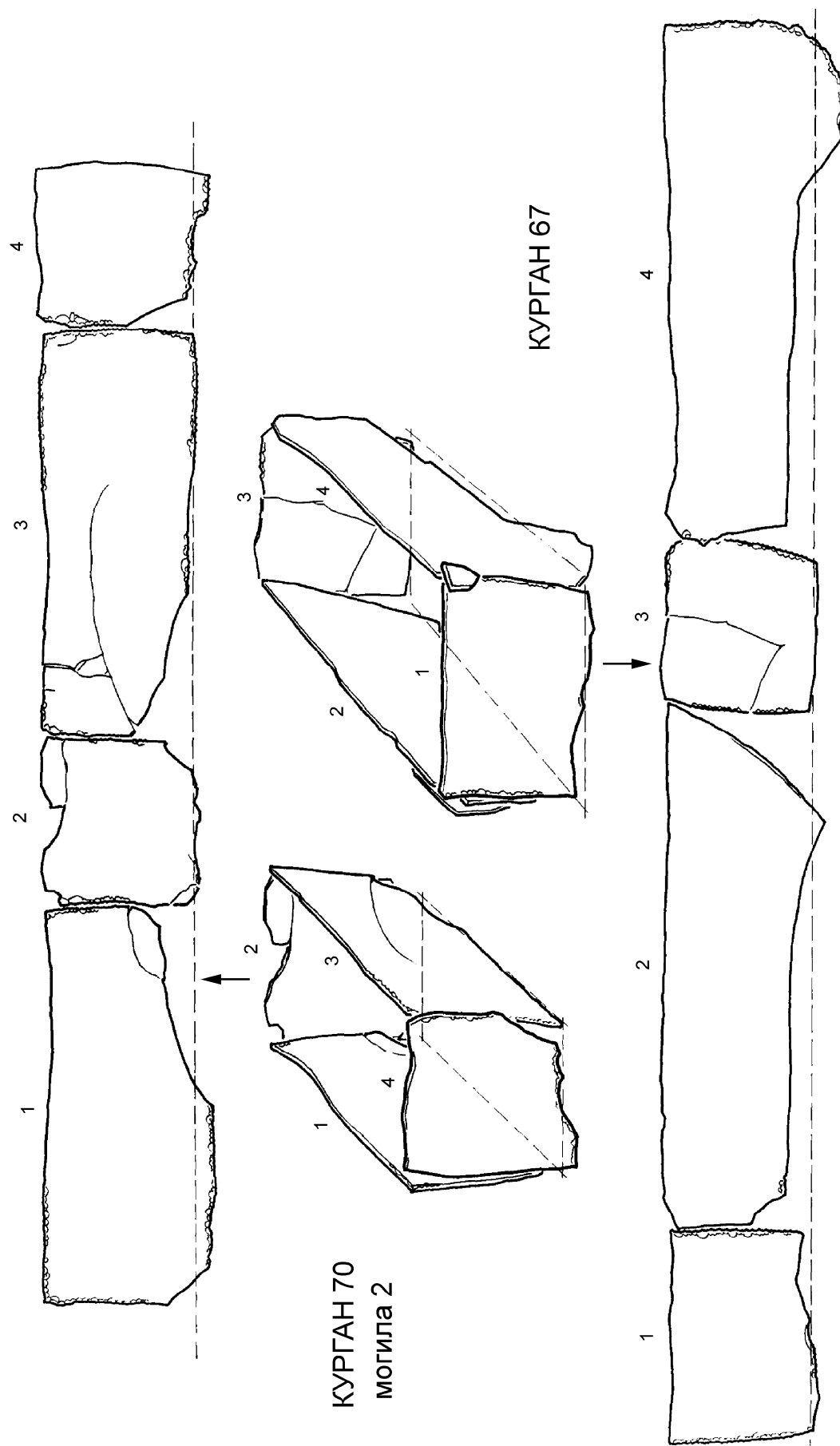

Рис. 54. Развёртка конструкций ящиков из кургана 67 и кургана 70, могилы 2 могильника Кюргеннер I

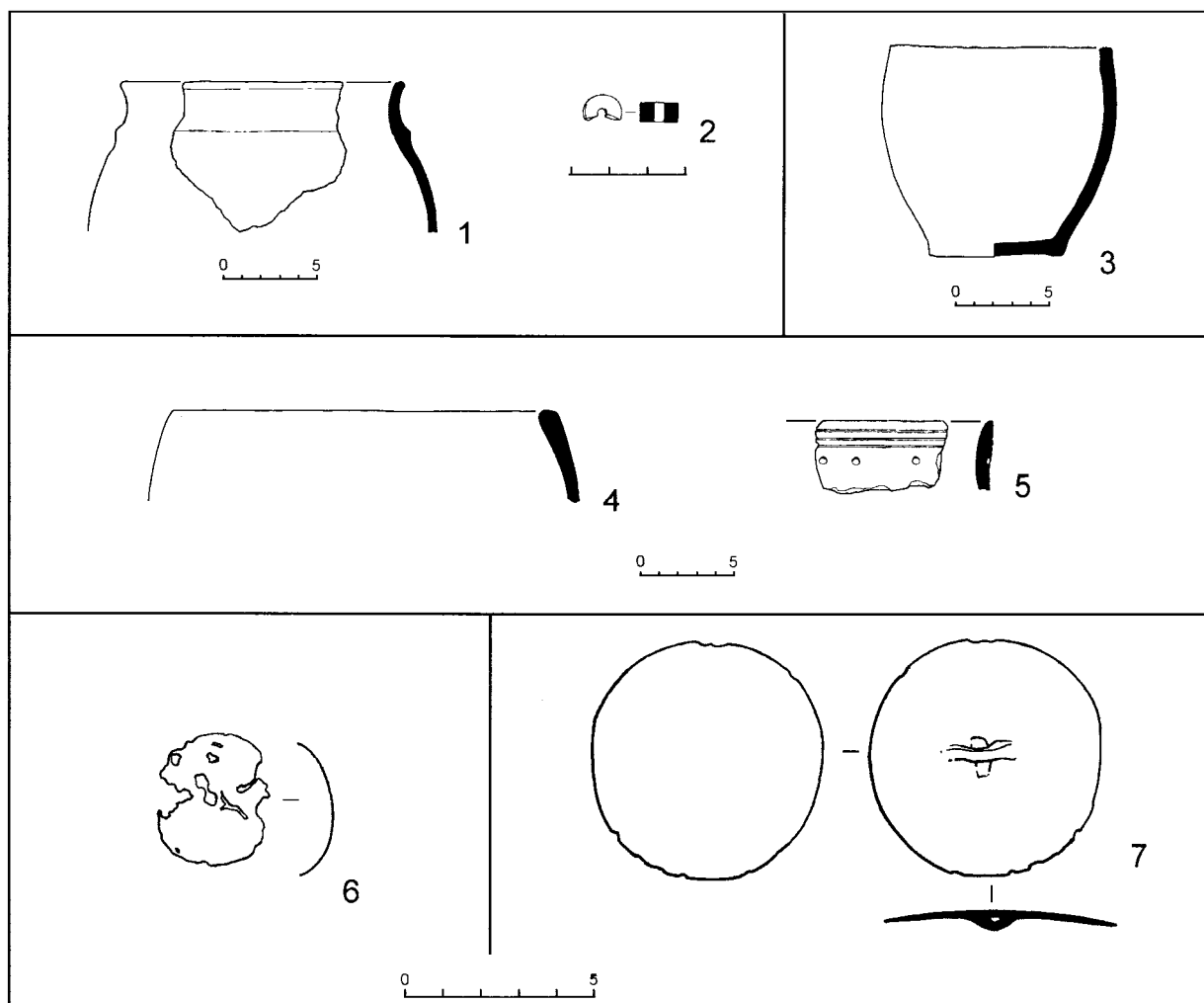

Рис. 55. Инокультурный инвентарь могильников Кюргеннер I и II:
 1—2 — Кюргеннер I, к. 6; 3 — Кюргеннер I, к. 66; 4—5 — Кюргеннер II, к. 4; 6 — Кюргеннер II, к. 5;
 7 — Кюргеннер I между курганами 43 и 45

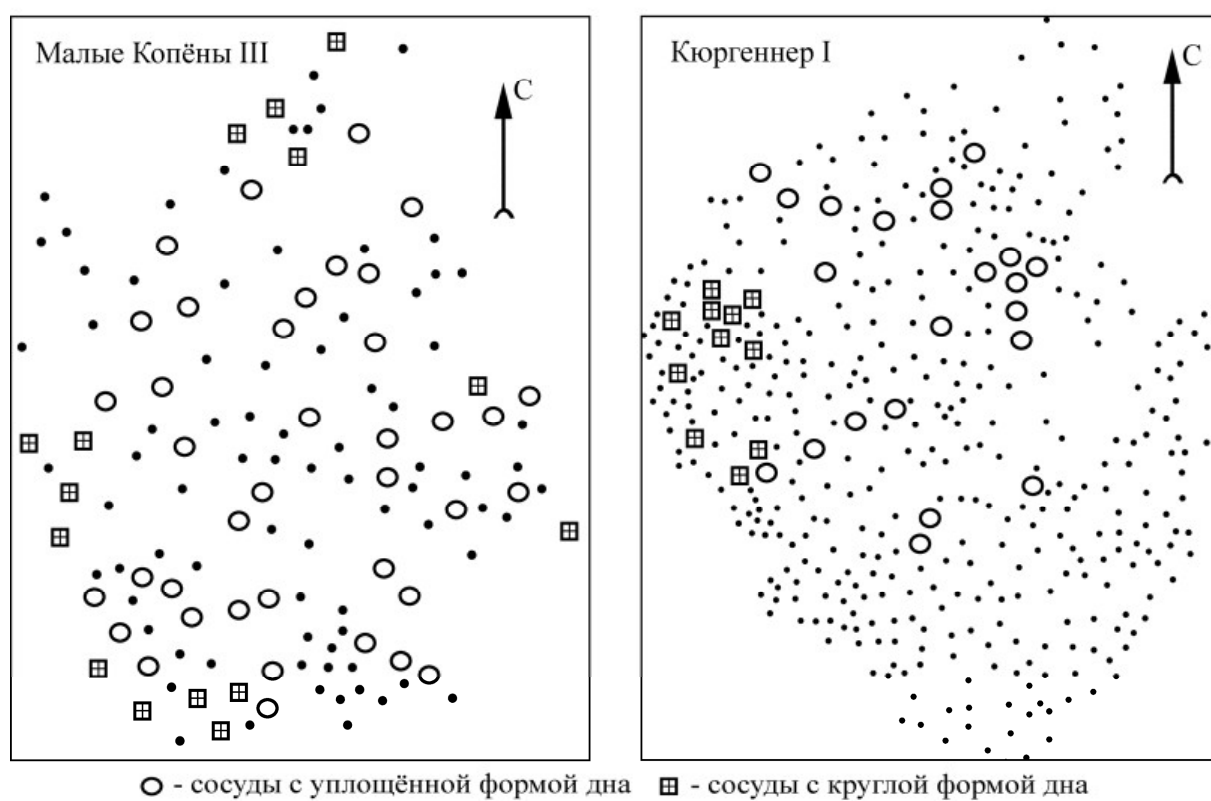
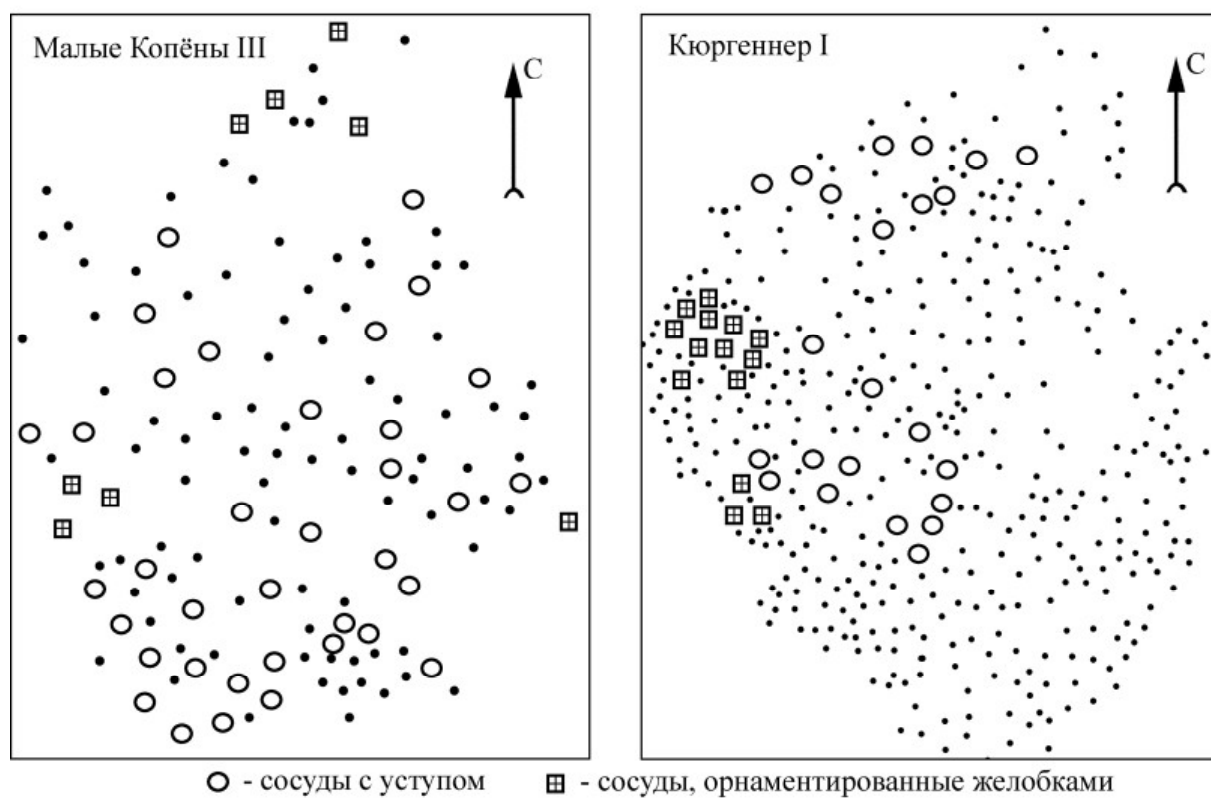

Рис. 56. Распределение ключевых признаков сосудов на планах могильников Малые Копёны III и Кюргеннер I

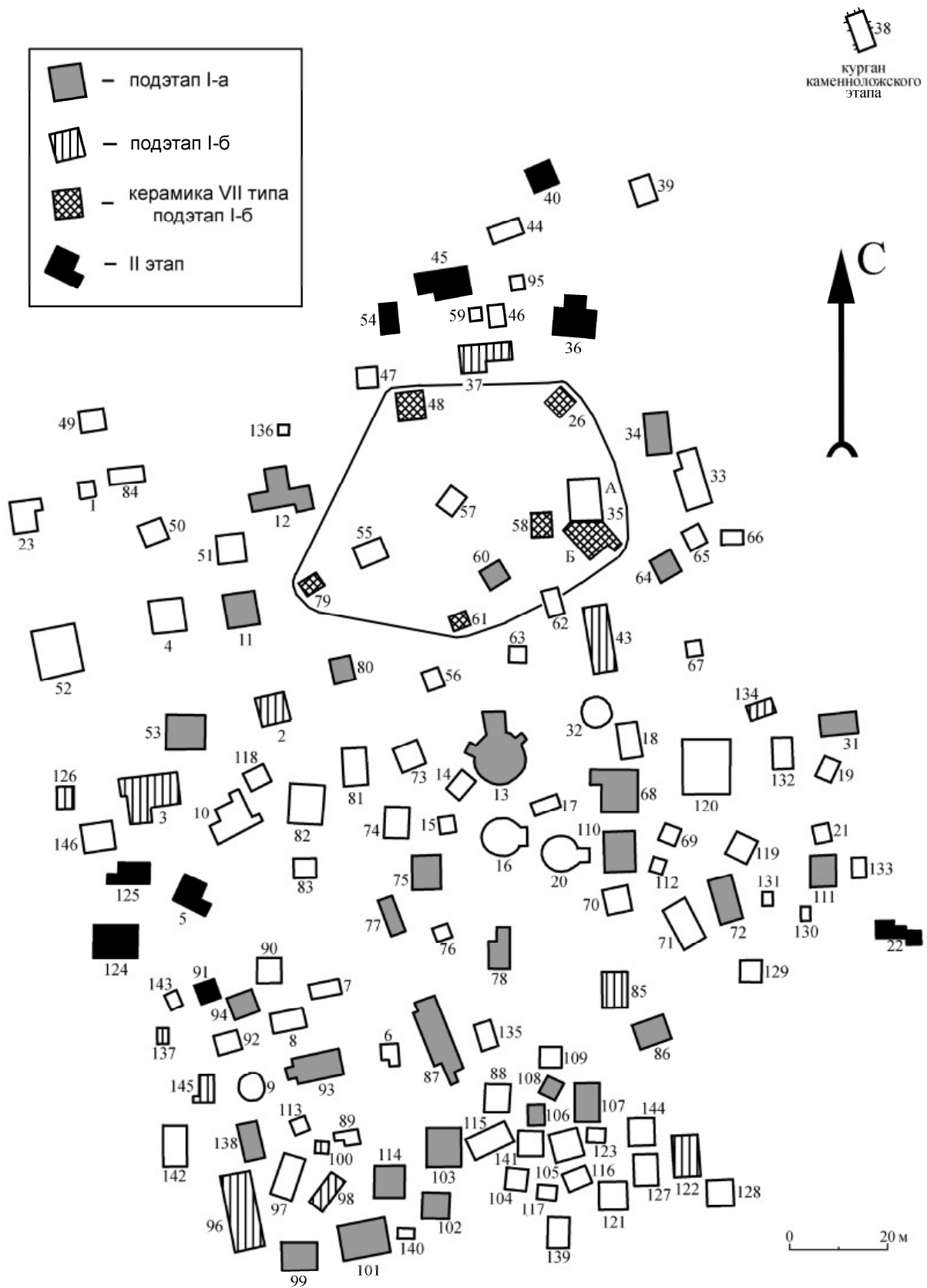
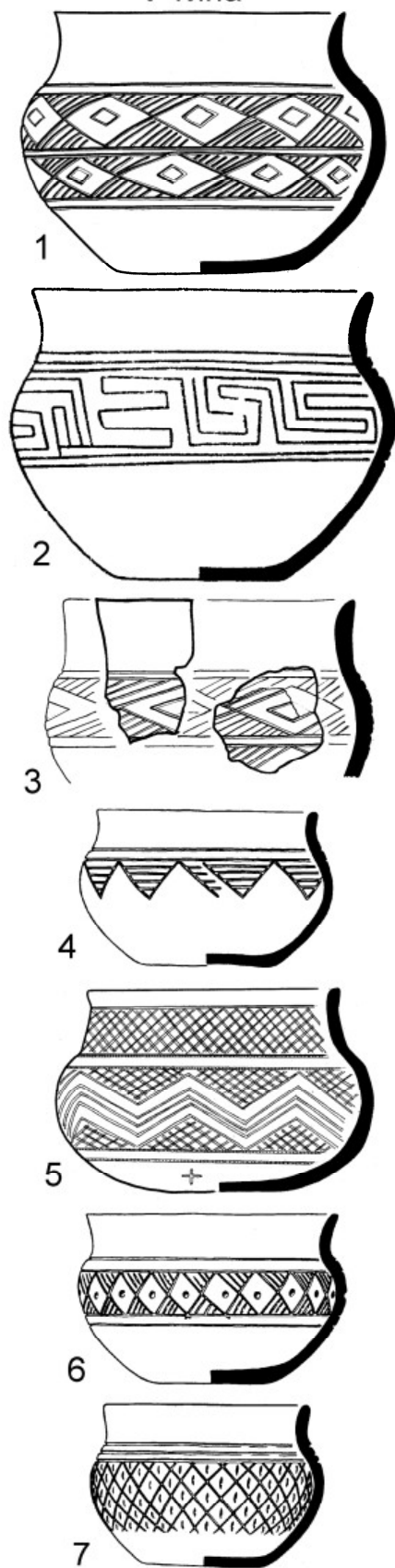

Рис. 57. Распределение керамики различных типов на плане могильника Малые Копёны III

Рис. 58. Распределение керамики различных типов на плане могильника Кюргеннер I

Карасукская керамика
V типа

Могильник Еловский I, курганы 21 и 32
(по: [Матющенко, 2001])

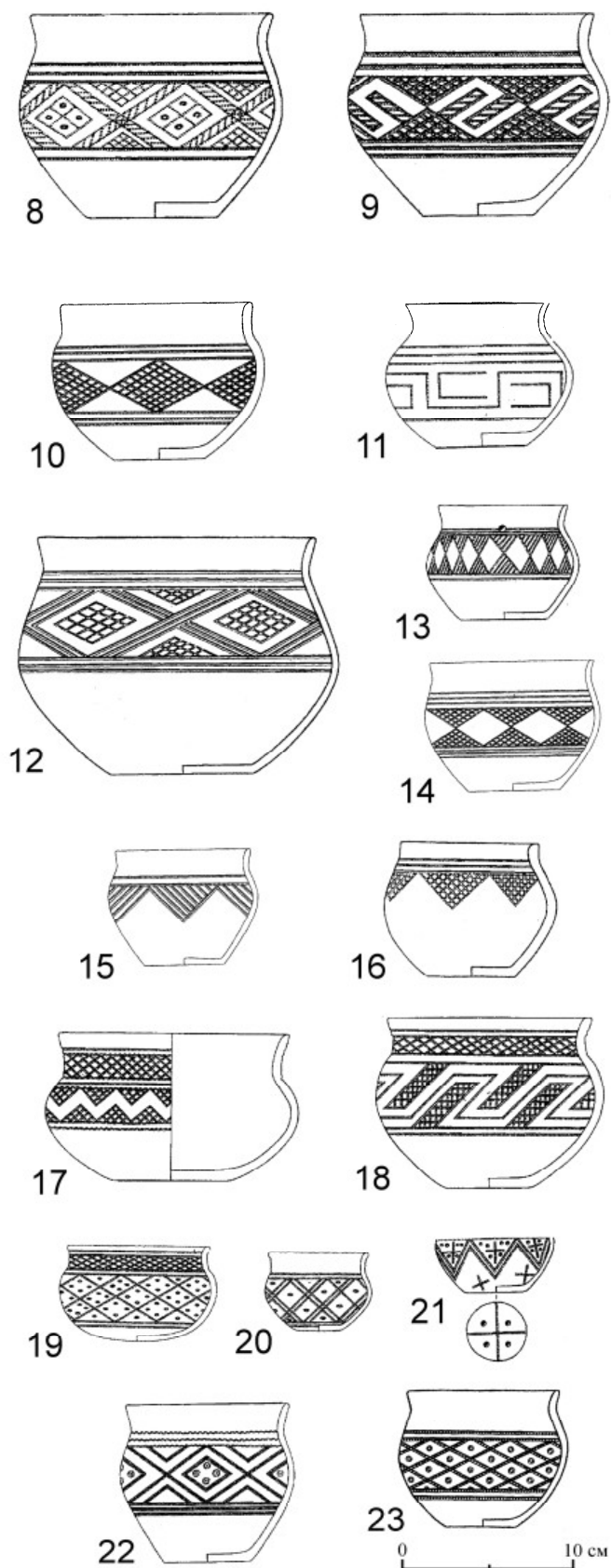
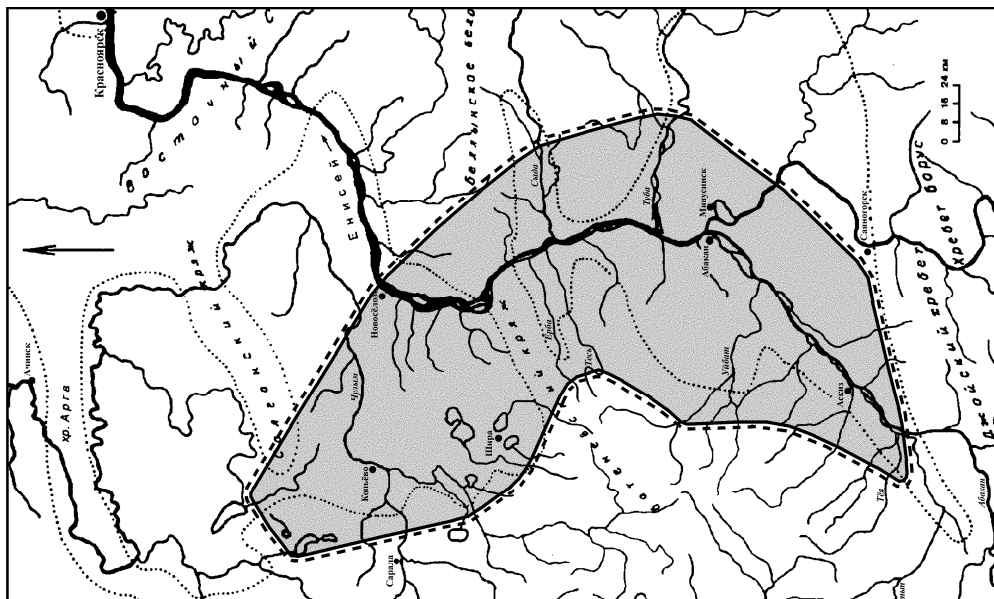
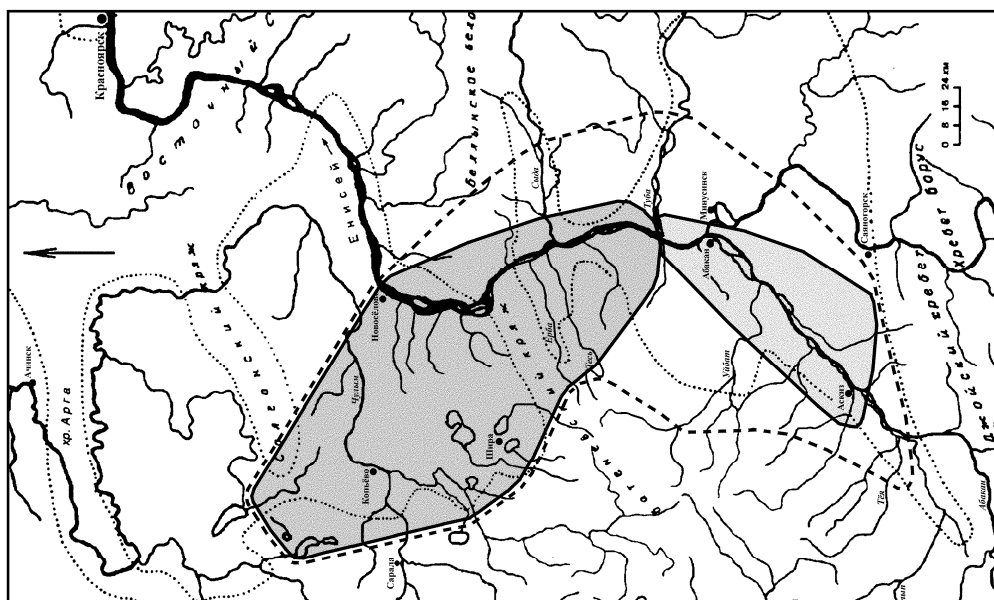

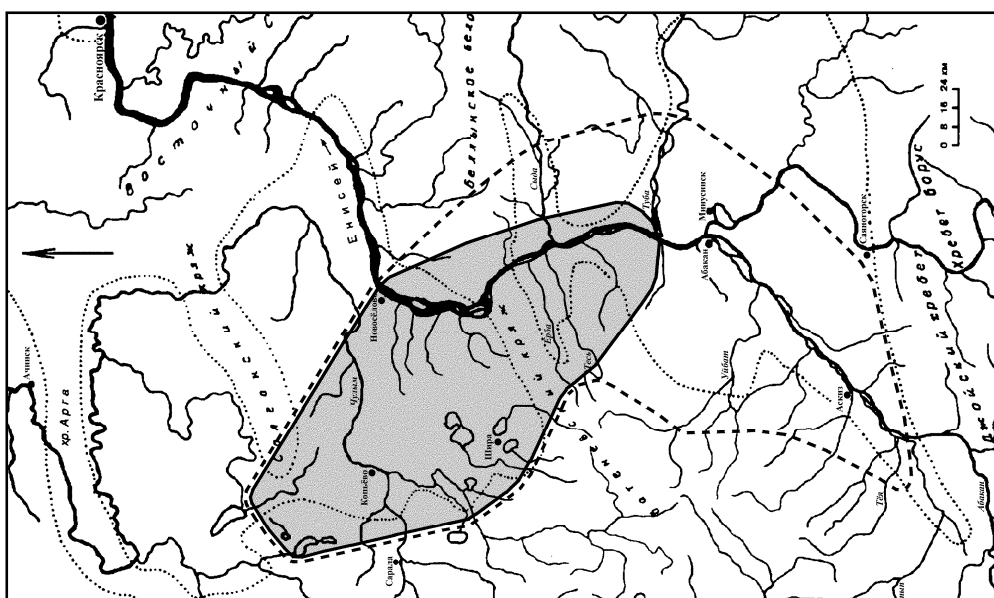
Рис. 59. Сопоставление карасукской керамики V типа и материалов курганов 21 и 32 могильника Еловский I

Этап II

Подэтап I-б

Подэтап I-а

Рис. 60. Изменение ареала распространения карасукских памятников на ранних этапах развития традиции

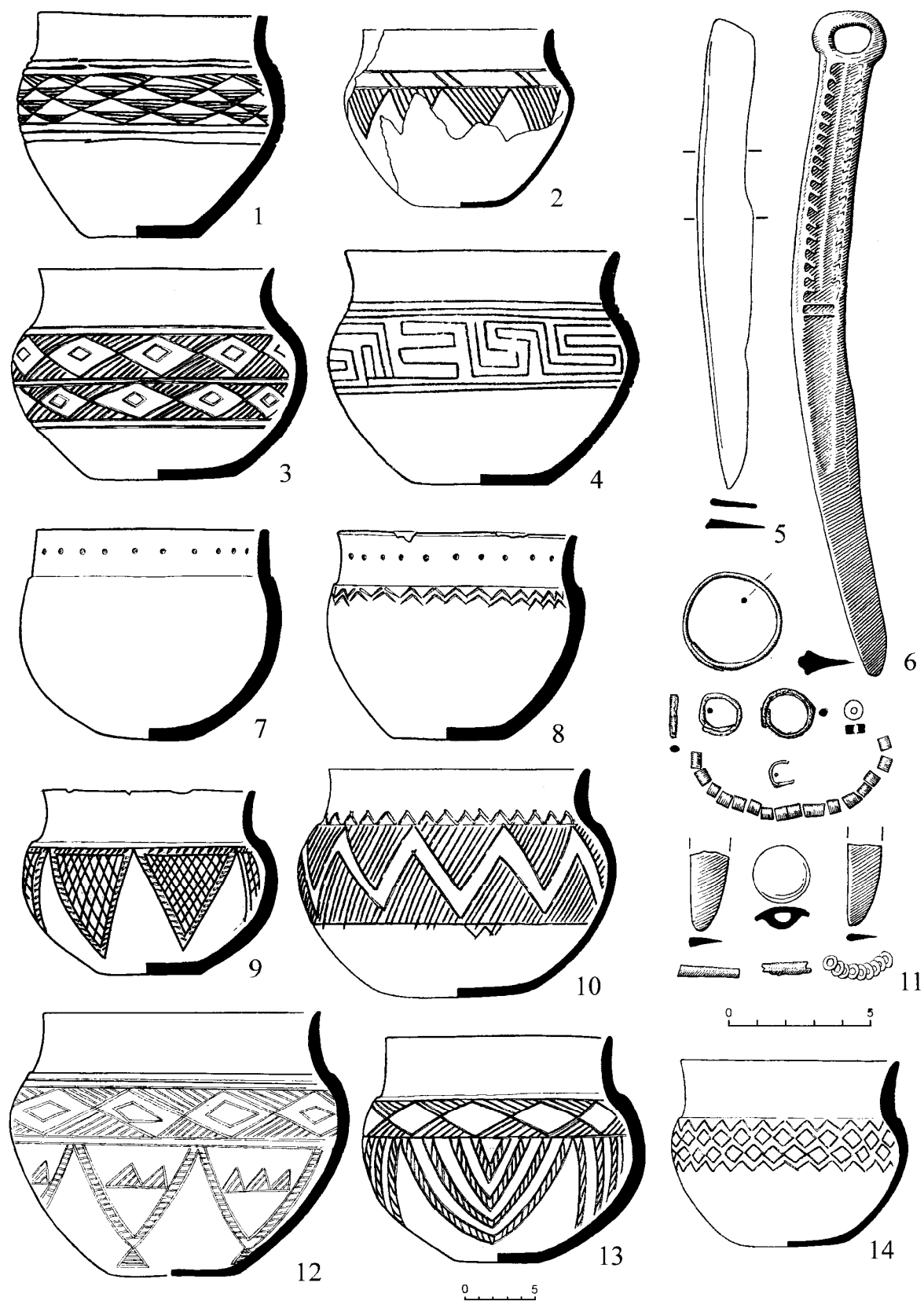

Рис. 62. Инвентарь погребений подэтапа I-a:

1 — СО II, к. 141, м. 11; 2 — МК III, к. 132, м. 1; 3 — СО II, к. 248а; 4 — МК III, к. 31, м. 1; 5 — Орак у Болота, м. 4; 6 — СО II, к. 349, м. 1; 7 — СО II, к. 142, м. 7; 8 — СО II, к. 141, м. 12; 9 — СО II, к. 81, м. 3; 10 — МК III, к. 87, м. 2; 11 — СО II; 12 — СО II, к. 120; 13 — СО II, к. 163, м. 3; 14 — МК III, к. 111, м. 4

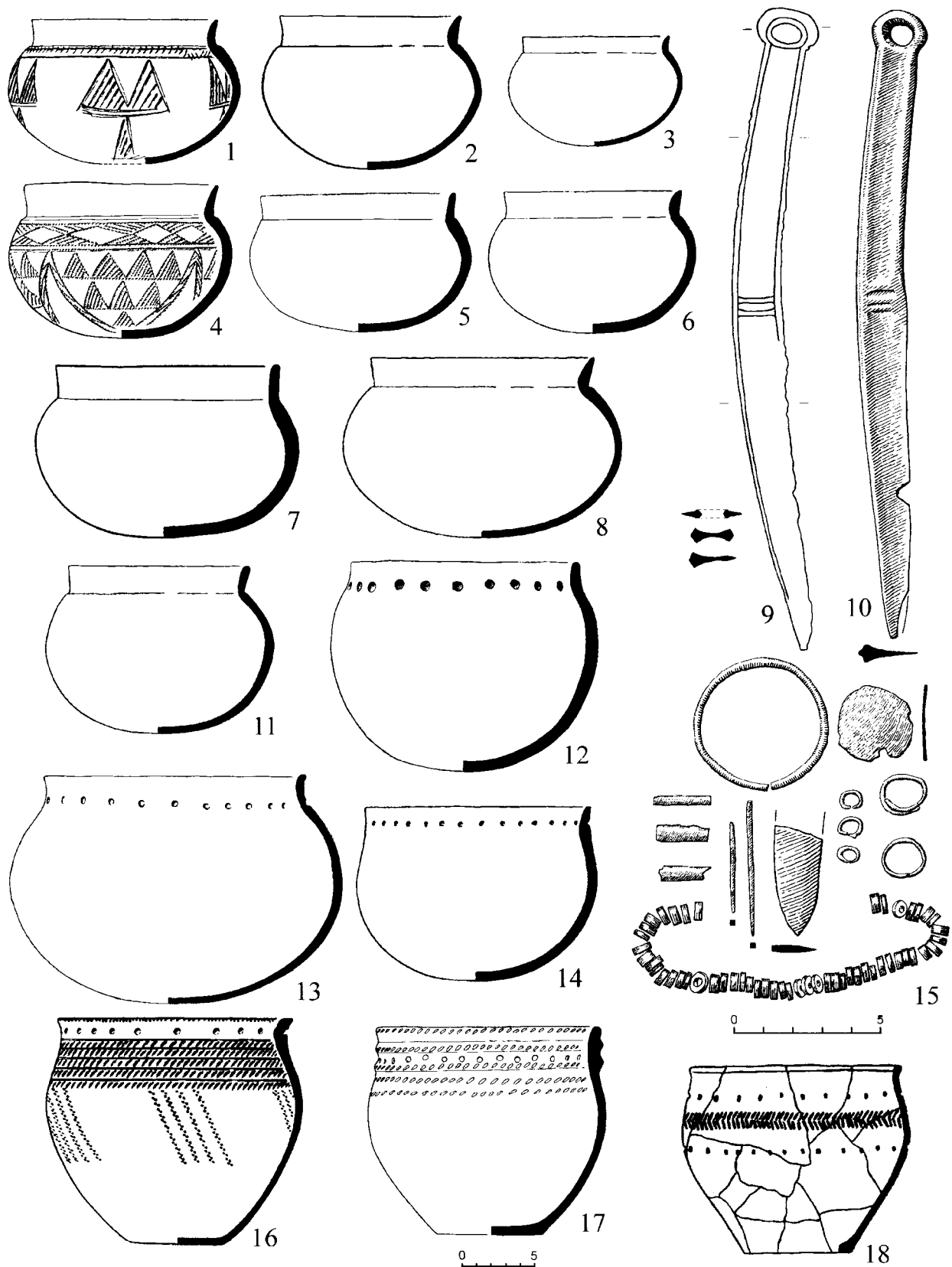

Рис. 63. Инвентарь погребений подэтапа I-б:

1 — МК III, к. 86, м. 4; 2 — МК III, к. 2, м. 4; 3 — МК III, к. 114, м. 3; 4 — СО II, к. 71; 5 — Варча I, м. 1; 6 — МК III, к. 94, м. 1; 7 — СО II, к. 271, м. 2; 8 — МК III, к. 5, м. 1; 9 — Окунев Улус I, м. 12; 10 — СО II, к. 252, м. 4; 11 — МК III, к. 45, м. 1; 12 — СО II, к. 337, м. 3; 13 — Варча I, к. 11, м. 1; 14 — МК III, к. 43, м. 3; 15 — СО II; 16 — МК III, к. 48; 17 — Кюргеннер I, к. 88; 18 — Ужур, к. 3, м. 2

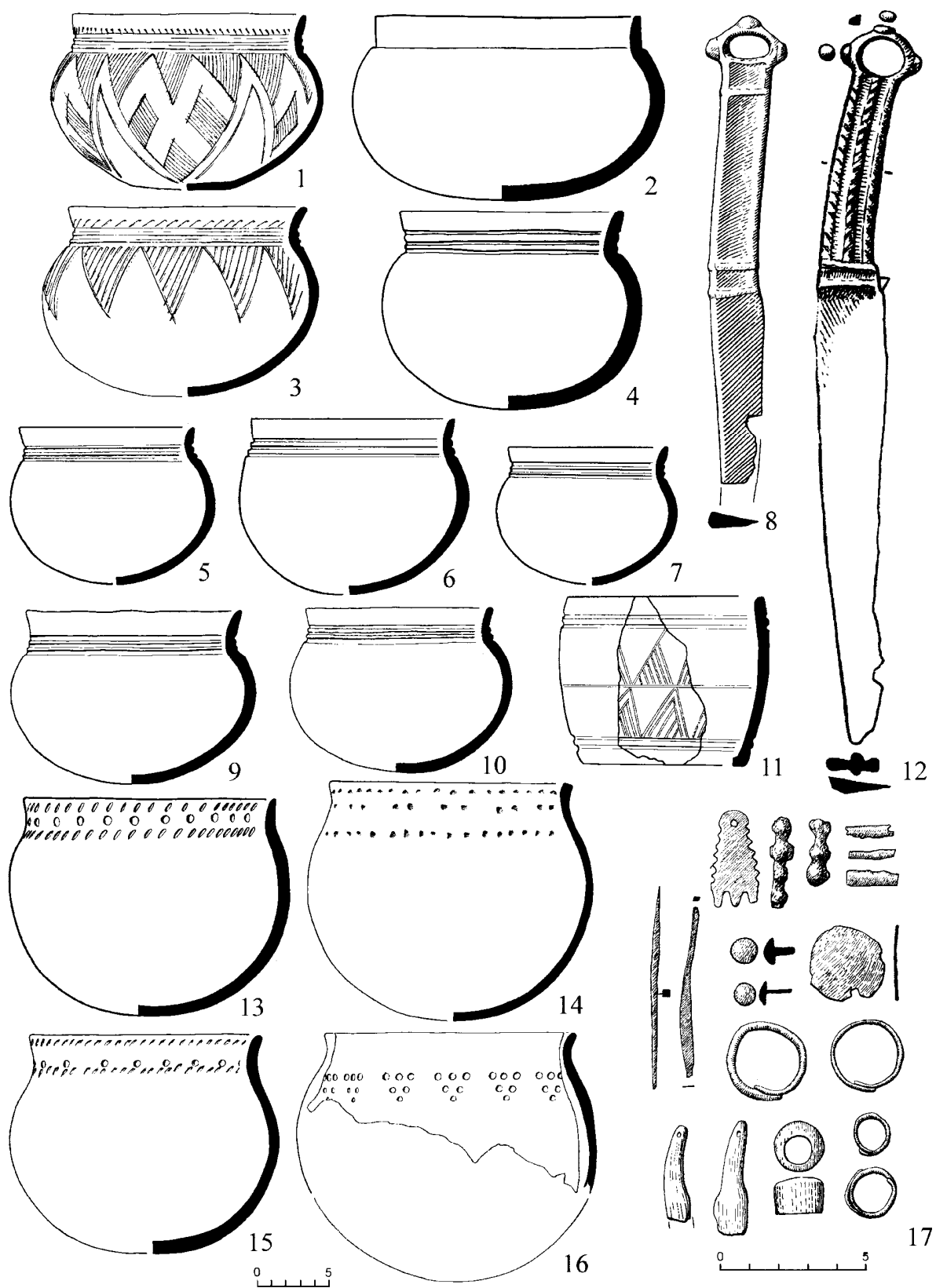

Рис. 64. Инвентарь погребений II этапа — северная группа:

1 — К I, к. 28, м. 1; 2 — СО II, к. 21; 3 — К I, к. 54, м. 1; 4 — СО II, к. 37, м. 1; 5, 6 — СО II, к. 325, м. 2; 7 — СО II, к. 325, м. 5; 8 — СО II, к. 381, м. 2; 9 — СО II, к. 427, м. 2; 10 — СО II, к. 375, м. 1; 11 — СО II, к. 247, м. 1; 12 — Бея, м. 3; 13 — СО II, к. 493, м. 2; 14 — Разлив VI, огр. 33, м. 5; 15 — К I, к. 31, м. 1; 16 — К I, к. 42, м. 4; 17 — СО II

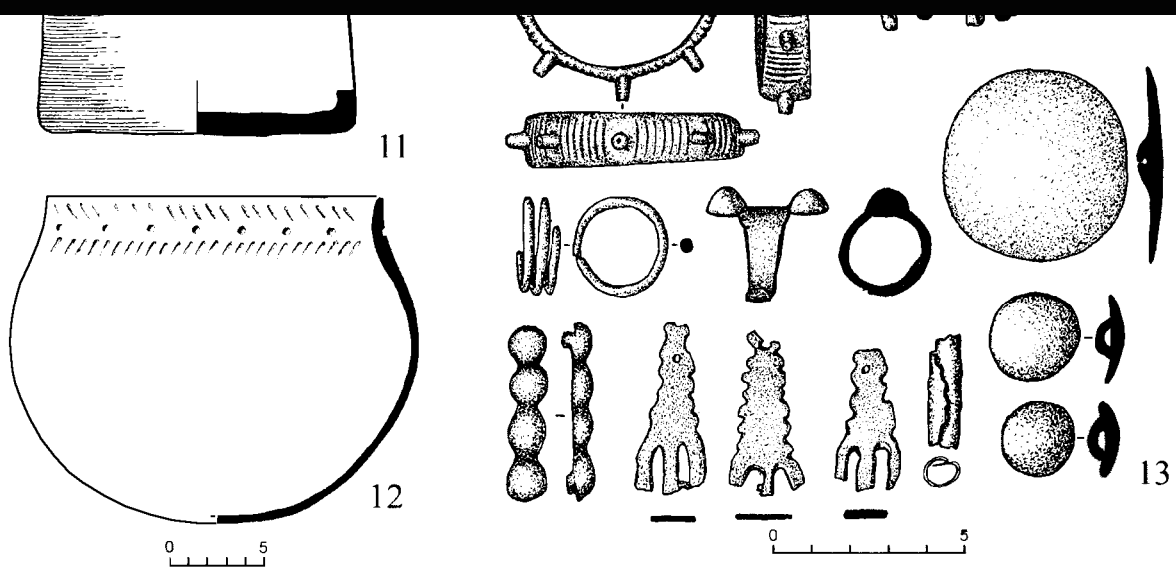
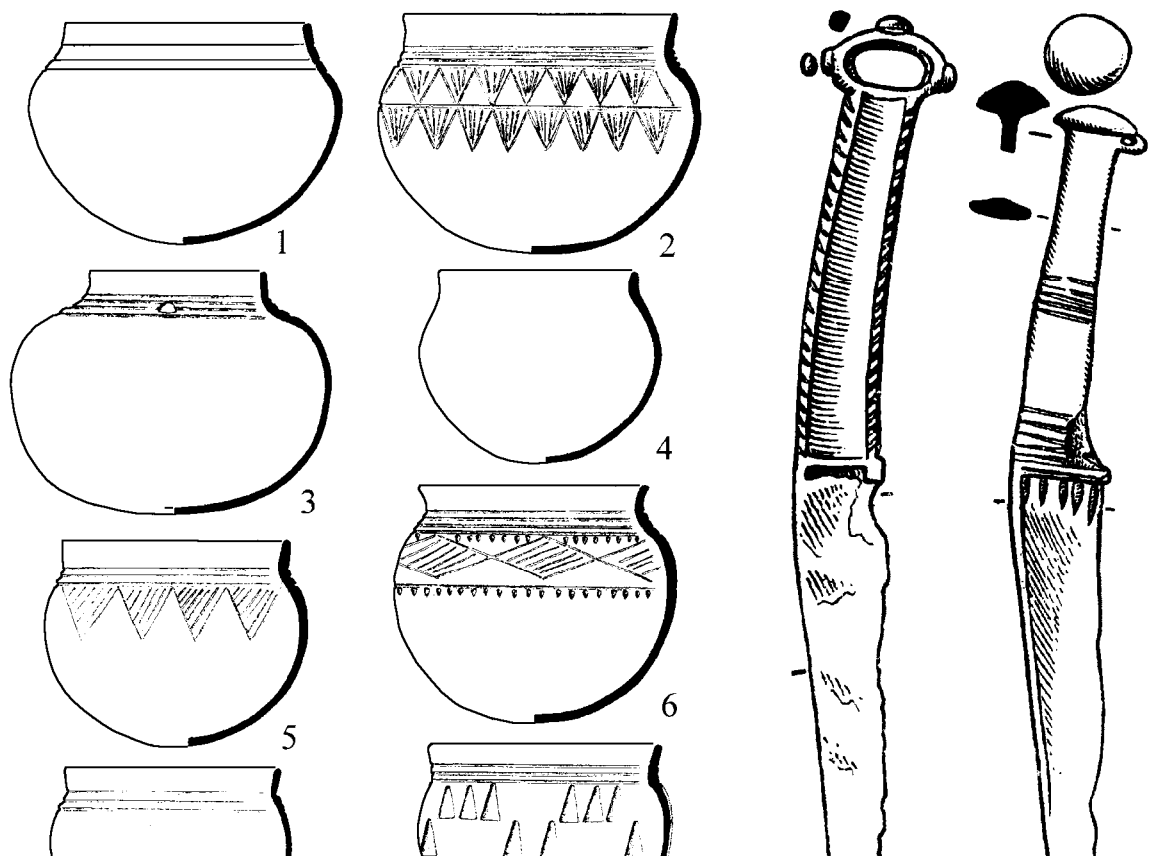

Рис. 65. Инвентарь погребений II этапа — центральная группа:

1 — Быстрая II, м. 1; 2 — Быстрая II, м. 2; 3, 4, 5 — Быстрая II, м. 3в; 6, 7 — Быстрая II, м. 5; 8 — Быстрая II, м. 7; 9 — Абакан I, погр. 15; 10, 11 — Абакан I, погр. 21; 12 — Кривинское, м. 4; 13 — Белый Яр V

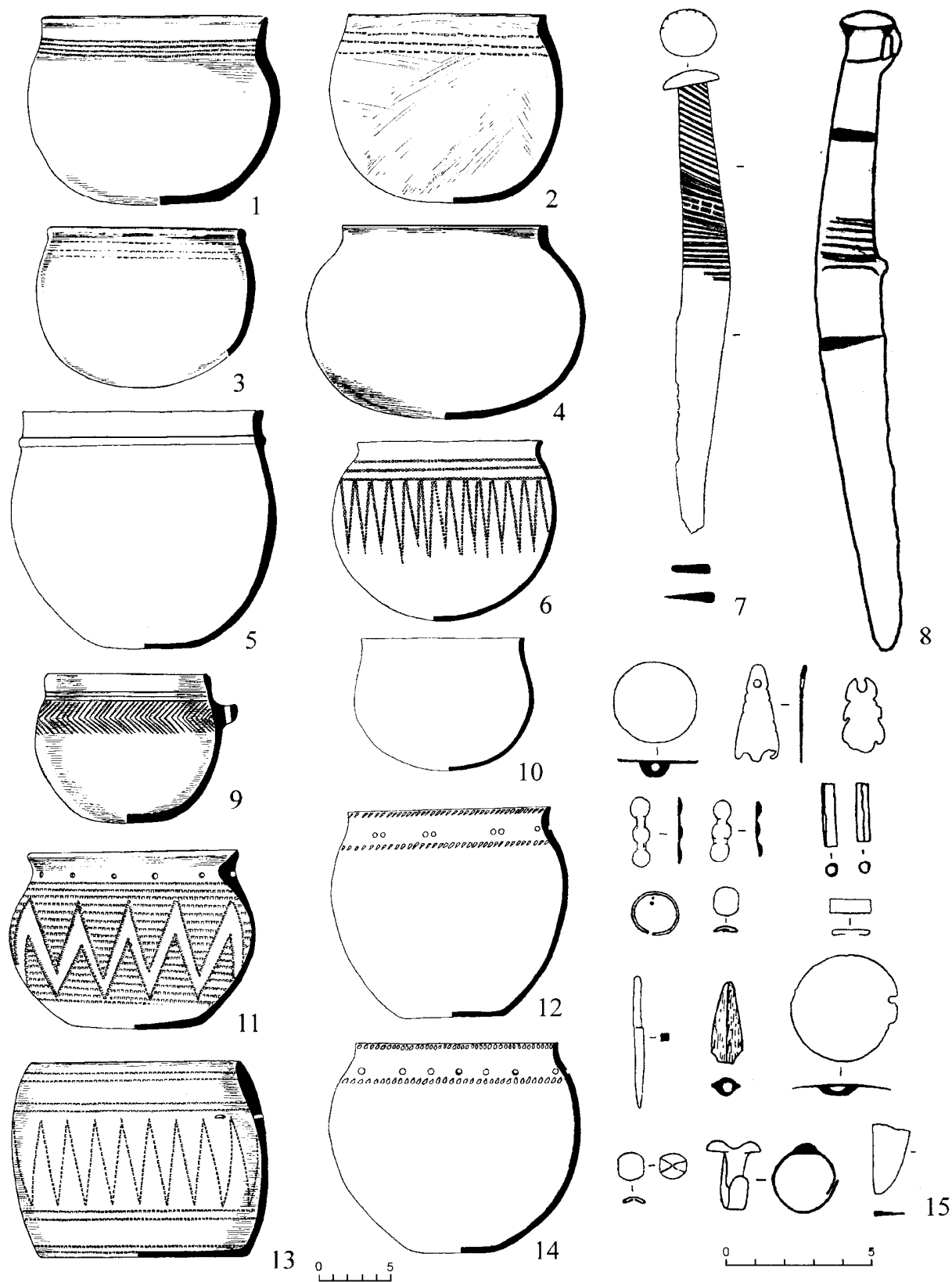

Рис. 66. Инвентарь погребений II этапа — юго-западная группа:

1 — Арбан I, м. 48; 2 — Арбан I, м. 26; 3 — Арбан I, м. 18; 4 — Арбан I, м. 9; 5 — Терт-Аба, к. 63; 6 — Терт-Аба, к. 19; 7 — Терт-Аба, к. 18, м. 1; 8 — Хара-Хая, погр. 33; 9 — Арбан I, м. 17; 10 — Терт-Аба, к. 36; 11 — Арбан I, м. 6; 12 — Терт-Аба, к. 43, м. 2; 13 — Арбан I, м. 35; 14 — Терт-Аба, к. 41, м. 2; 15 — Терт-Аба

Памятники	Андроновская культура	I этап		II этап	III этап
		А	Б		А
Орак I-III		[Хatched pattern across all stages]			
Ужур		[Хatched pattern across all stages]			
Сухое Озеро II		[Хatched pattern across all stages]			
Усть-Ерба		[Хatched pattern across all stages]			
Кюргенер I-II		[Хatched pattern in stages A and B]			
М. Копёны III		[Хatched pattern in stages A and B]			
Варча I			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Карасук I			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Барсучиха I			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Быстрая I-III			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Окунев Улус			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Сабинка II			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Терт-Аба			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Белоярск II			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Усть-Сыда			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Абакан I-VIII			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Лысуха I			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Абакан I-VIII			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Белый Яр V			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Хара-Хая			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Анчил-Чон			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		
Арбан I			[Хatched pattern in stages B, II, and III]		

Рис. 67. Относительная хронология ключевых памятников ранних этапов эпохи поздней бронзы Среднего Енисея

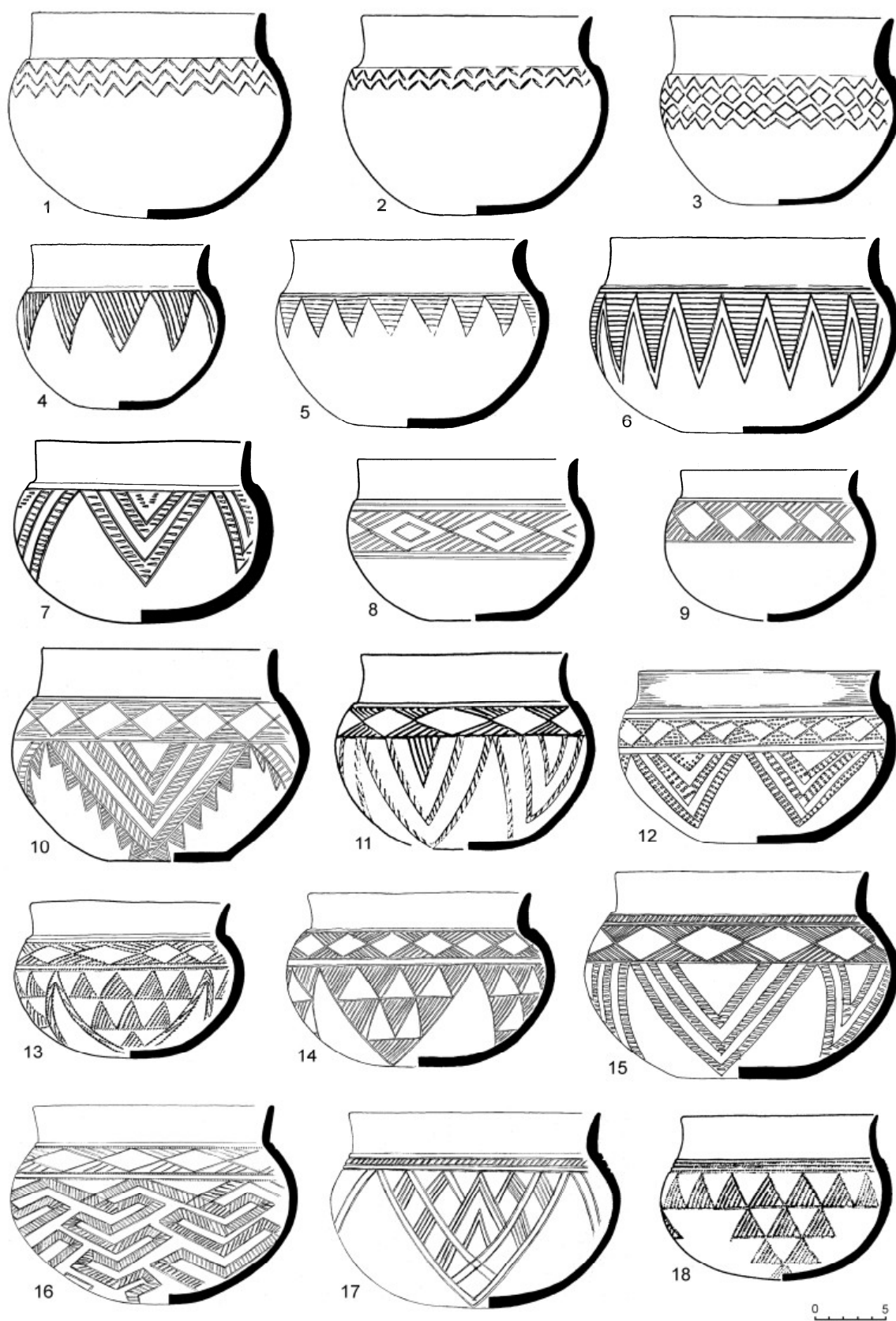

Рис. 68. Карасукская керамика, тип I-a:

1 — МК III, к. 12, м. 2; 2 — МК III, к. 101, м. 5; 3 — МК III, к. 111, м. 4; 4 — МК III, к. 13, м. 4; 5 — МК III, к. 80; 6 — МК III, к. 102;
 7 — СО II, к. 68, м. 1; 8 — СО II, к. 217; 9 — СО II, к. 215, м. 2; 10 — СО II, к. 110; 11 — Мара, к. 1, м. 1; 12 — Арбан I, м. 20;
 13 — СО II, к. 71; 14 — Тюрим, к. 1, м. 2; 15 — Тюрим, к. 1, м. 10; 16 — Орак III, м. 4; 17 — Первомайское, м. 26; 18 — Мара, к. 1, м. 1

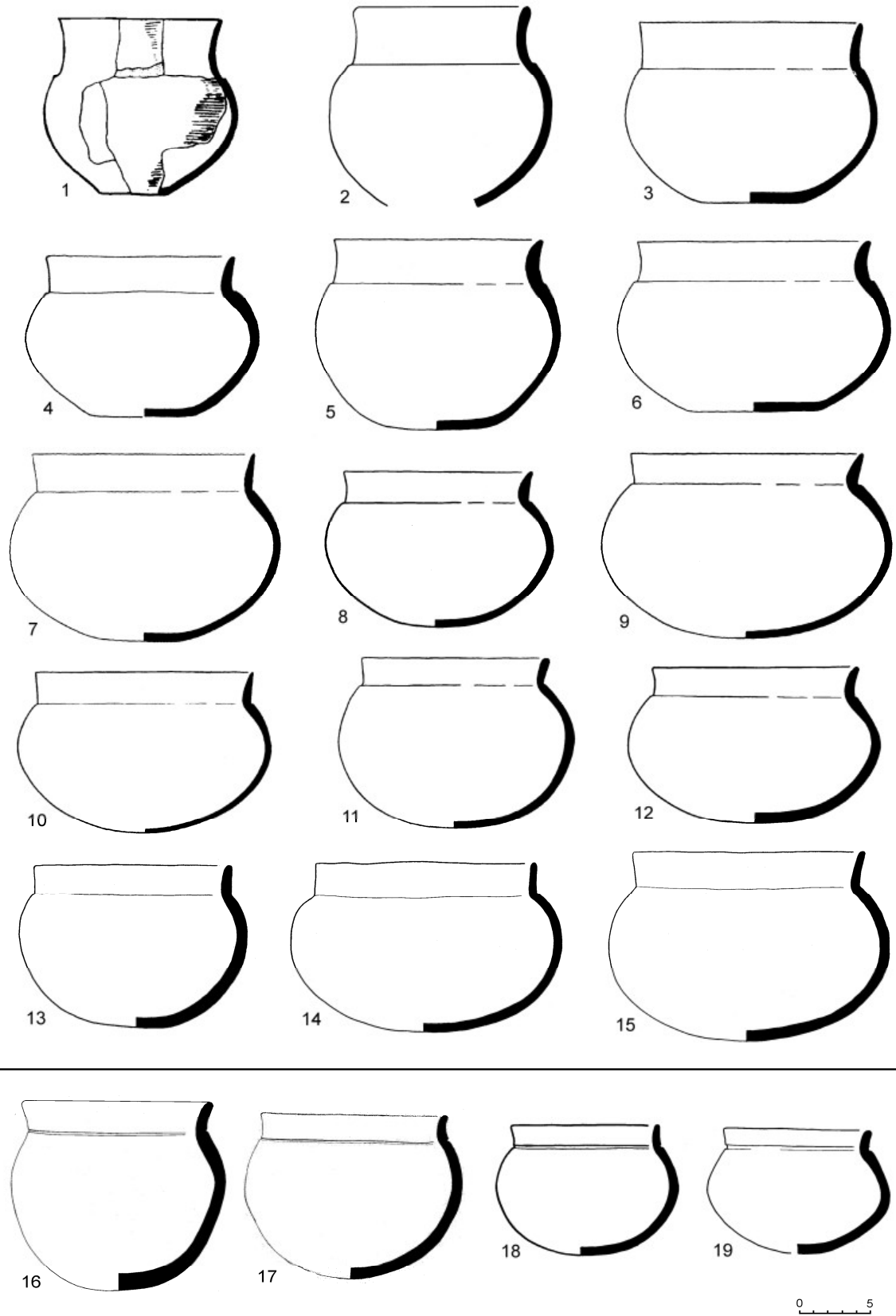

Рис. 69. Карасукская керамика, типы I-б (1—15) и I-в (16—19):

1 — Ужур, к. 3, м. 1; 2 — СО II, к. 145, м. 3; 3 — МК III, к. 2 м. 1; 4 — Тюрим, к. 1, м. 10; 5 — МК III, к. 85, м. 1; 6 — МК III, к. 87, м. 2; 7 — МК III, к. 12, м. 1; 8 — МК III, к. 2, м. 4; 9 — МК III, к. 5, м. 1; 10 — МК III, к. 43, м. 3; 11 — МК III, к. 45, м. 1; 12 — МК III, к. 101, м. 3; 13 — СО II, к. 337, м. 4; 14, 15 — СО II, к. 345, м. 1; 16 — Быстрая II, к. 4, м. 1; 17 — Быстрая II, к. 4, м. 2; 18 — СО II, к. 493, м. 3; 19 — Карасук I, к. 40

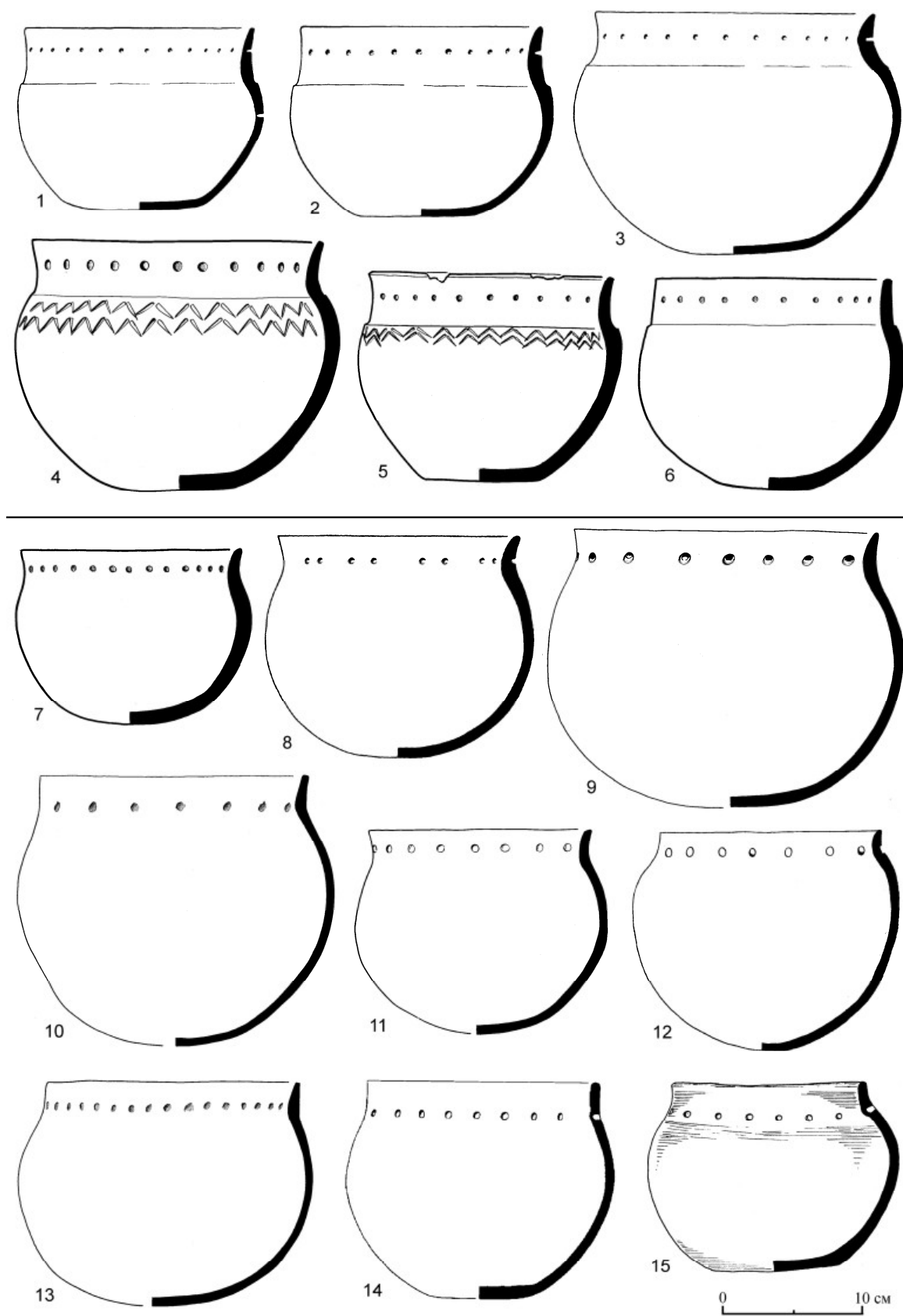

Рис. 70. Карасукская керамика, тип II-а (1—6) и II-б (7—15):

1 — МК III, к. 107, м. 2; 2 — МК III, к. 110, м. 1; 3 — МК III, к. 122, м. 1; 4 — СО II, к. 83; 5 — СО II, к. 141, м. 12; 6 — СО II, к. 142, м. 7;
 7 — СО II, к. 331, м. 2; 8 — МК III, к. 45, м. 2; 9 — Карасук I, к. 31, м. 3; 10 — Разлив VI, огр. 11, м. 1; 11 — Карасук I, к. 35, м. 2;
 12 — Терт-Аба, к. 4; 13 — Разлив VI, огр. 27, м. 2; 14 — Анчил-Чон, к. 1, м. 8; 15 — Арбан I, м. 46

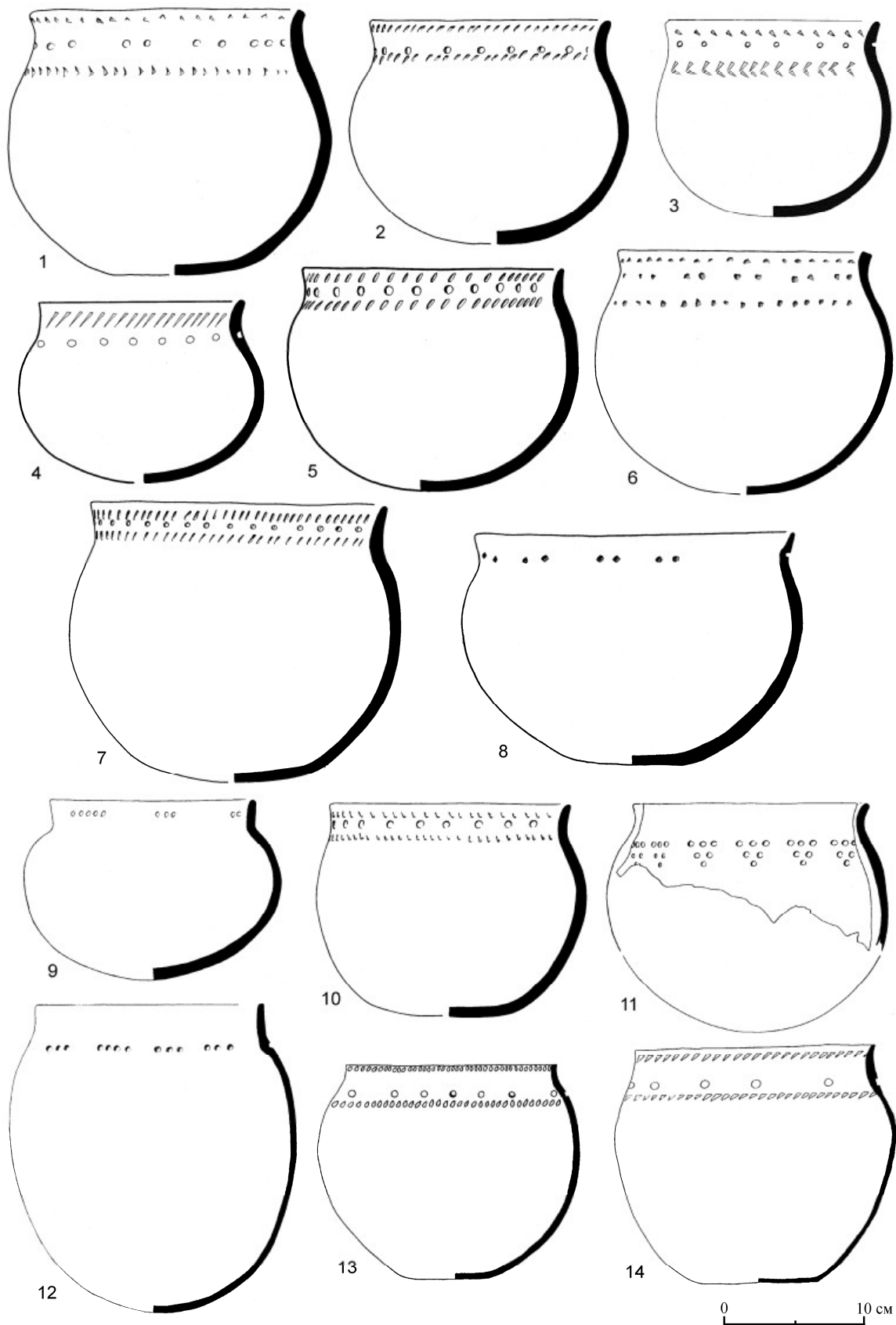

Рис. 71. Карасукская керамика, тип II-в:

1 — Карасук I, к. 25, м. 4; 2 — Карасук I, к. 31, м. 1; 3 — Барсучиха I, к. 2, м. 3; 4 — СО II, к. 493, м. 3; 5 — СО II, к. 493, м. 2;
 6 — Разлив VI, огр. 33, м. 5; 7 — Карасук I, к. 33, м. 1; 8 — Варча I, к. 27, м. 2; 9 — Усть-Сыда, к. 1, м. 1в; 10 — Карасук I, к. 48, м. 6;
 11 — Карасук I, к. 42, м. 4; 12 — Кривинское, м. 9; 13 — Терт-Аба, к. 41, м. 2; 14 — Терт-Аба, к. 43, м. 1

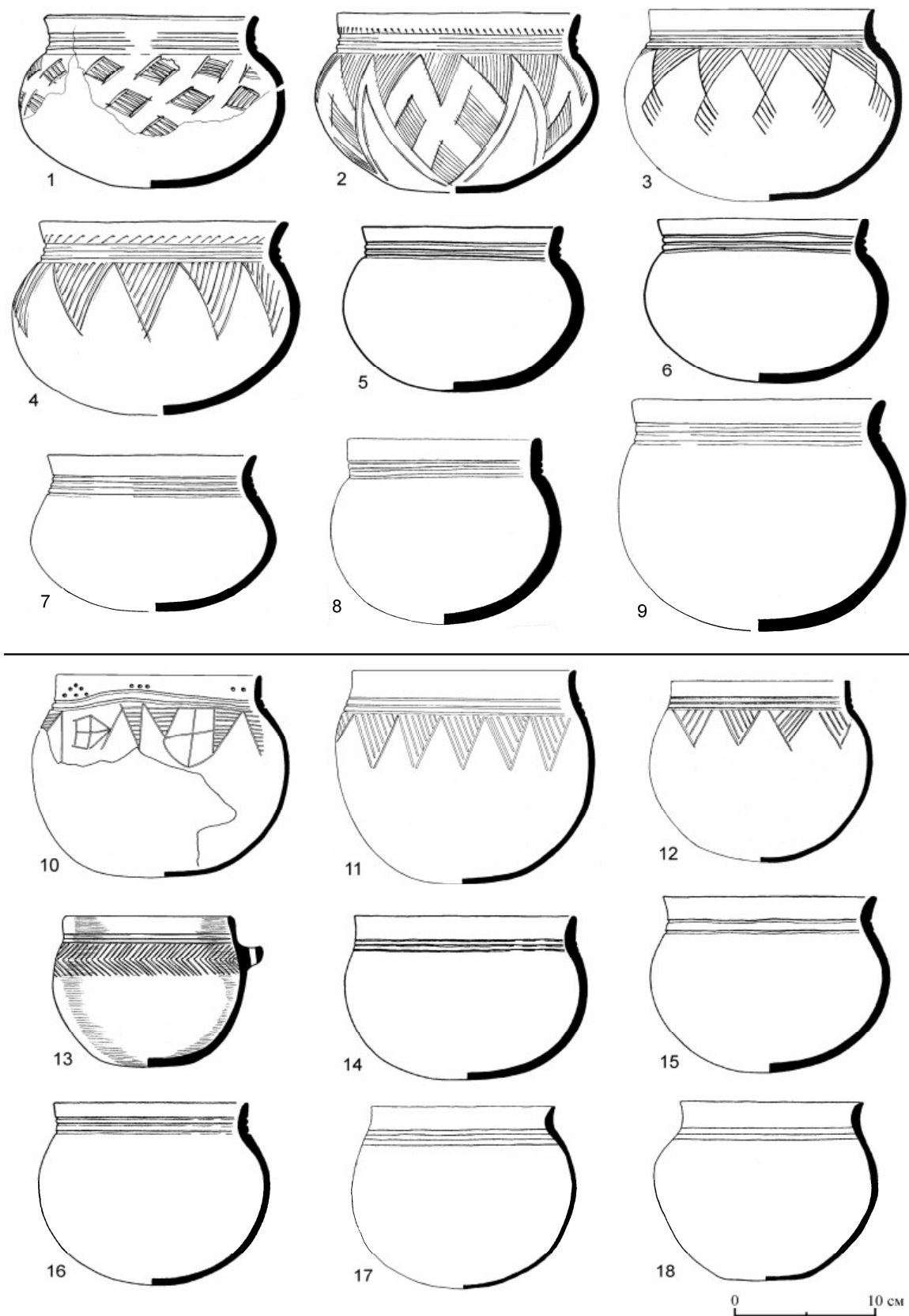

Рис. 72. Карасукская керамика, тип III-1 (1—9) и III-2 (10—18):

1 — СО II, к. 323; 2 — Карасук I, к. 28, м. 1; 3 — Барсучиха I, к. 2, м. 16; 4 — Карасук I, к. 54, м. 1; 5, 6 — СО II, к. 525, м. 3; 7 — Карасук I, к. 28, м. 2; 8 — Усть-Сыда, к. 4, м. 1; 9 — Карасук I, к. 49, м. 3; 10 — Окунев Улус I, м. 9; 11 — Окунев Улус I, м. 23; 12 — Кривинское, м. 8; 13 — Арбан I, м. 17; 14 — МК III, к. 45, м. 1; 15 — МК III, к. 40, м. 2; 16 — МК III, к. 124, м. 2; 17 — Терт-Аба, к. 44, м. 1; 18 — Терт-Аба, к. 59, м. 1

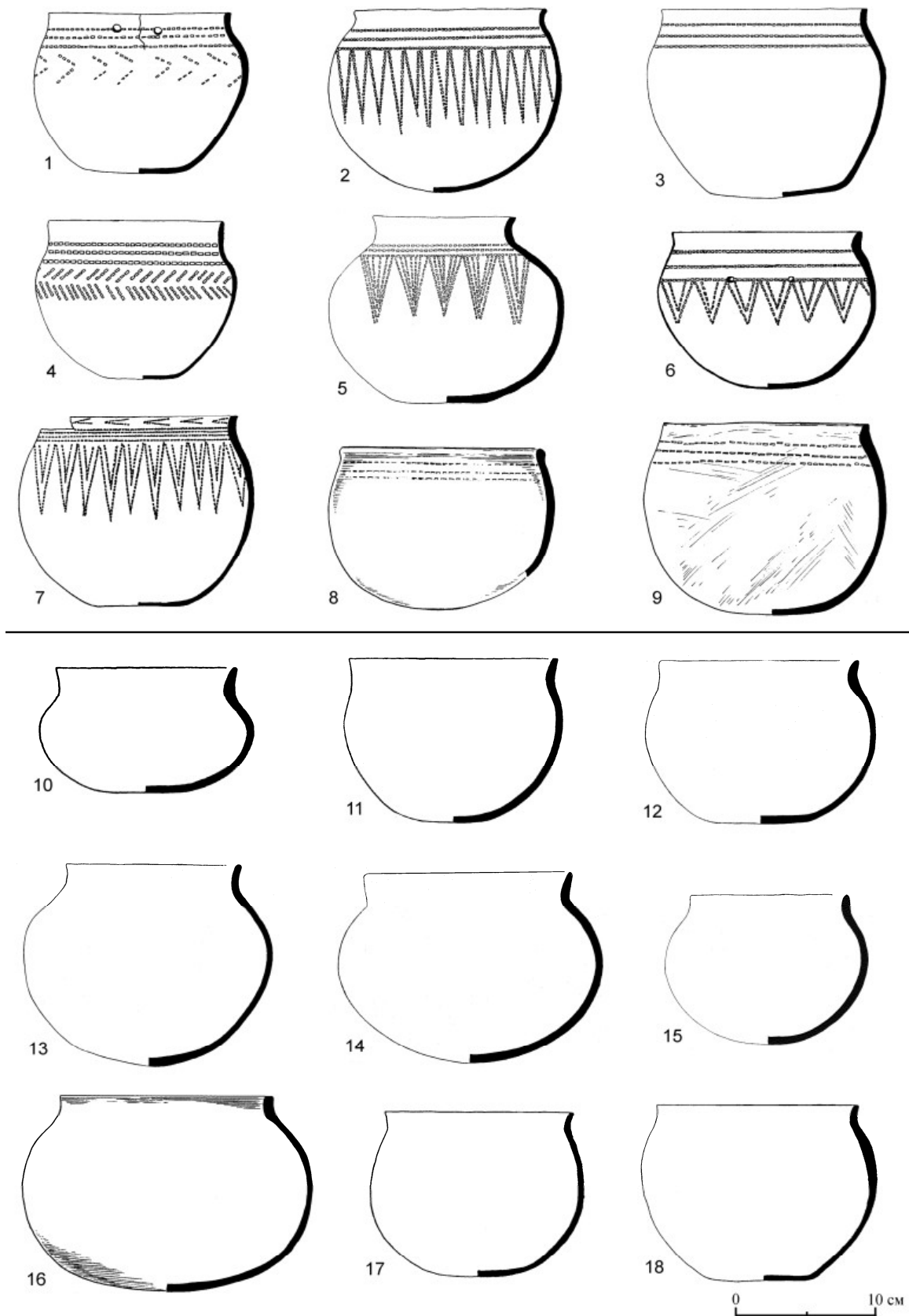

Рис. 73. Карасукская керамика, тип III-3 (1—9) и IV (10—18):

1 — Терт-Аба, к. 5, м. 1; 2 — Терт-Аба, к. 19; 3 — Терт-Аба, к. 20, м. 1; 4 — Терт-Аба, к. 21, м. 1; 5 — Терт-Аба, к. 21, м. 2;
 6 — Терт-Аба, к. 47; 7 — Терт-Аба, к. 61, м. 2; 8 — Арбан I, м. 18; 9 — Арбан I, м. 26; 10 — МК III, к. 8, м. 1; 11 — МК III, к. 70, м. 1;
 12, 13 — Первомайское, м. 32; 14 — Карасук I, к. 23, м. 2; 15 — Карасук I, к. 2, м. 12; 16 — Арбан I, м. 9; 17 — Терт-Аба, к. 10, м. 4;
 18 — Терт-Аба, к. 16, м. 1

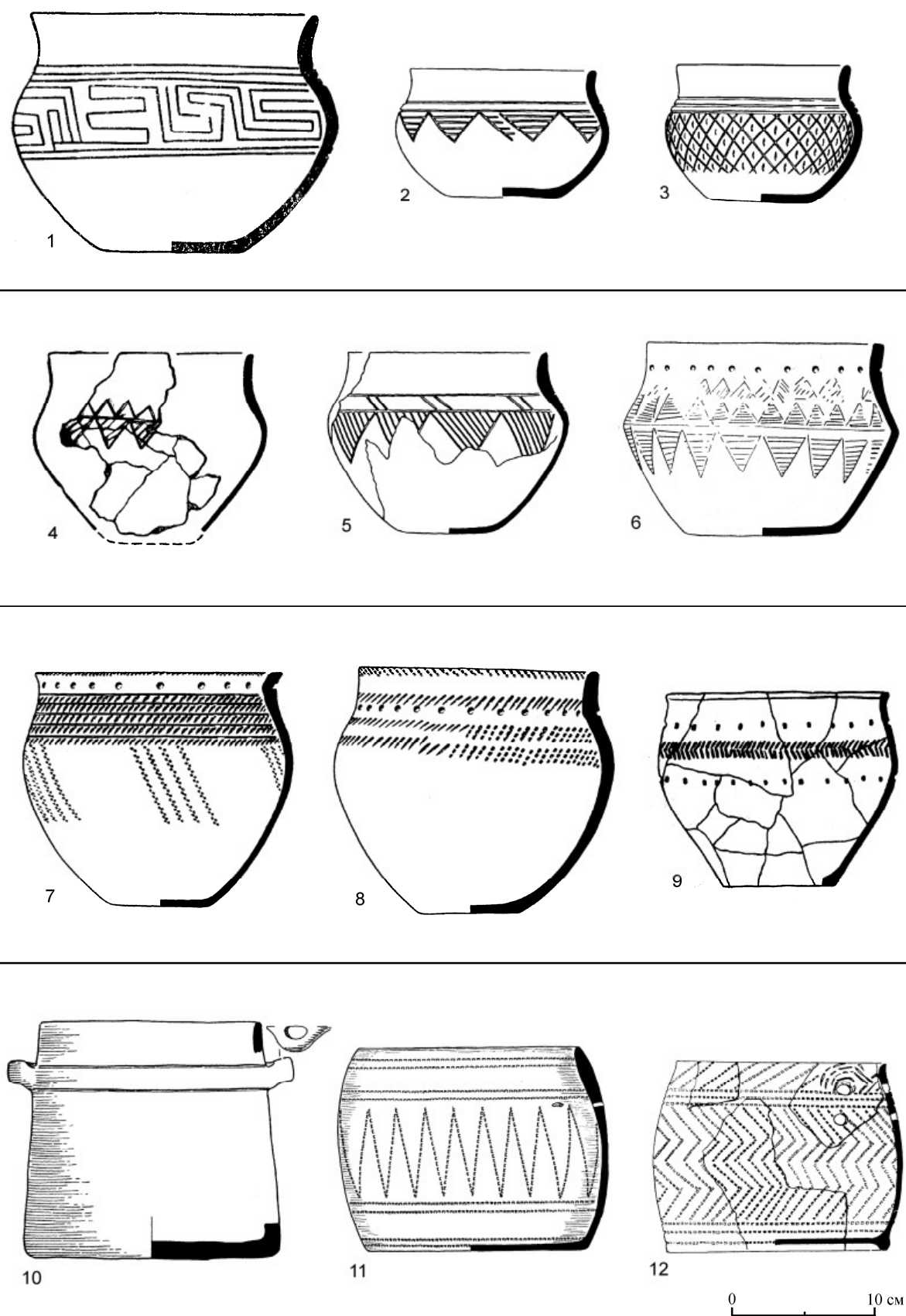

Рис. 74. Карасукская керамика, типы V (1—3), VI (4—6), VII (7—9) и VIII (10—12):

1 — МК III, к. 31, м. 1; 2 — МК III, к. 77, м. 2; 3 — МК III, к. 75, м. 1; 4 — МК III, к. 34, м. 1; 5 — МК III, к. 132, м. 1; 6 — Тепсей V, огр. 3;
7 — МК III, к. 48; 8 — МК III, к. 61; 9 — Ужур, к. 3, м. 2; 10 — Абакан, м. 21; 11 — Арбан I, м. 35; 12 — поселение Торгажак

	V, VI	I-a	II-a	I-б	II-б	VII	III	II-в	IV	I-в	VIII
V, VI	1	Группа I-a									
I-a	5	13									
II-a	1		1								
I-б	1	9	1	23	Группа I-б						
II-б		1	1	7	4						
VII				2	1	3					
III				10	11		89		Группа II		
II-в				4	3		34	6			
IV				2			32	9	12		
I-в							16	5	3	1	
VIII							1	3			

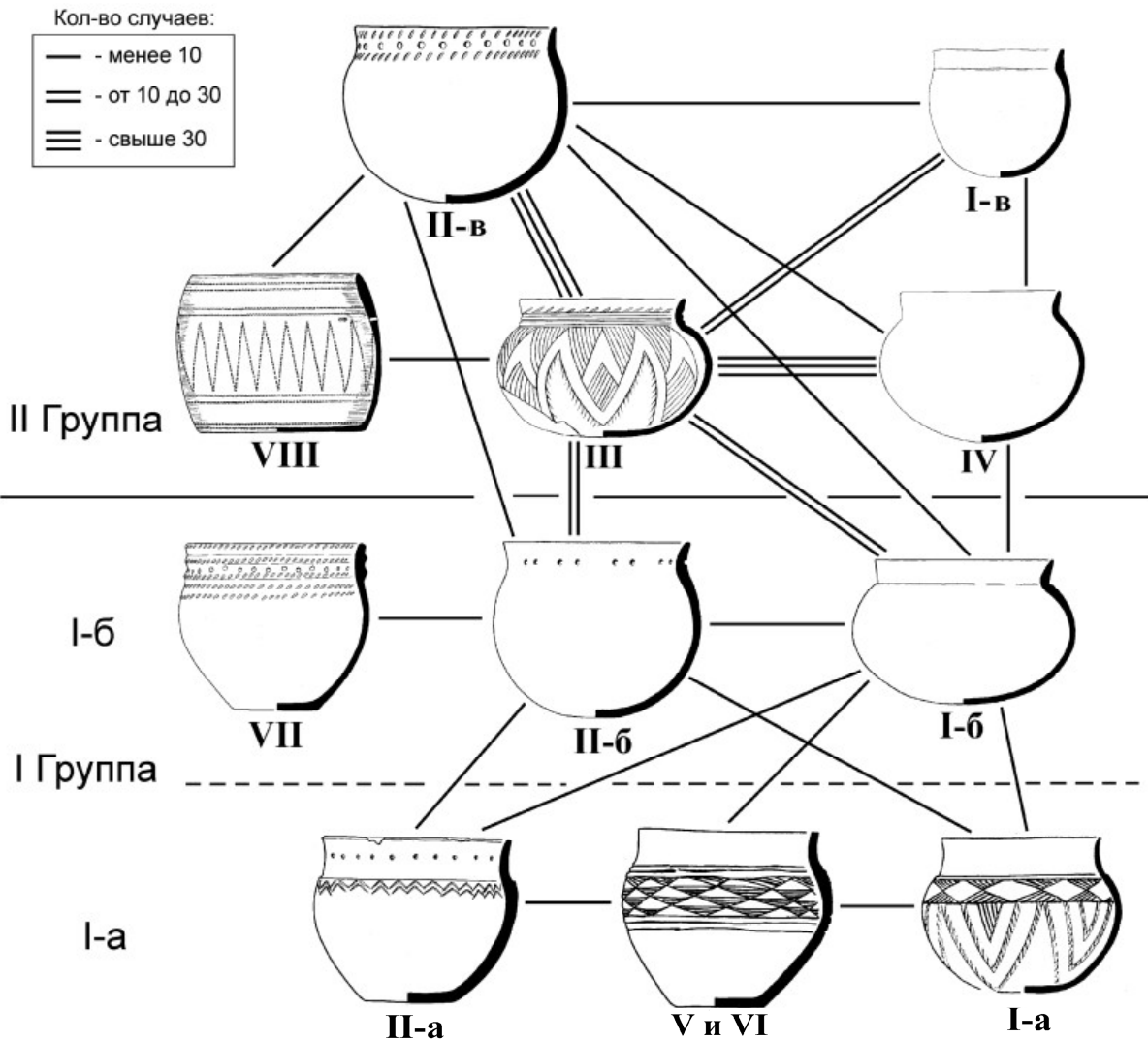

Рис. 75. Статистика взаимовстречаемости в могилах сосудов разных типов

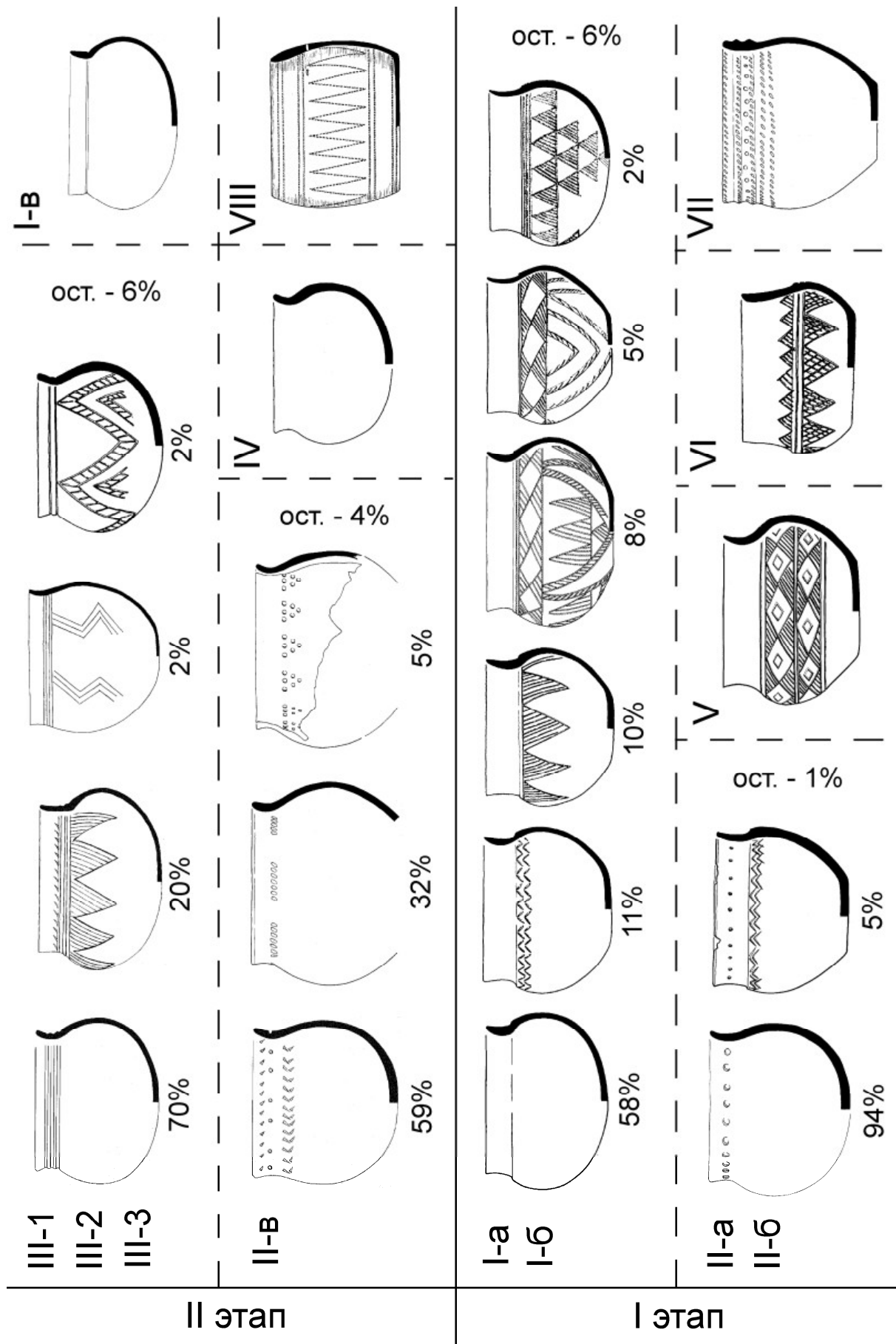

Рис. 76. Соотношение ключевых мотивов орнаментов на сосудах разных типов

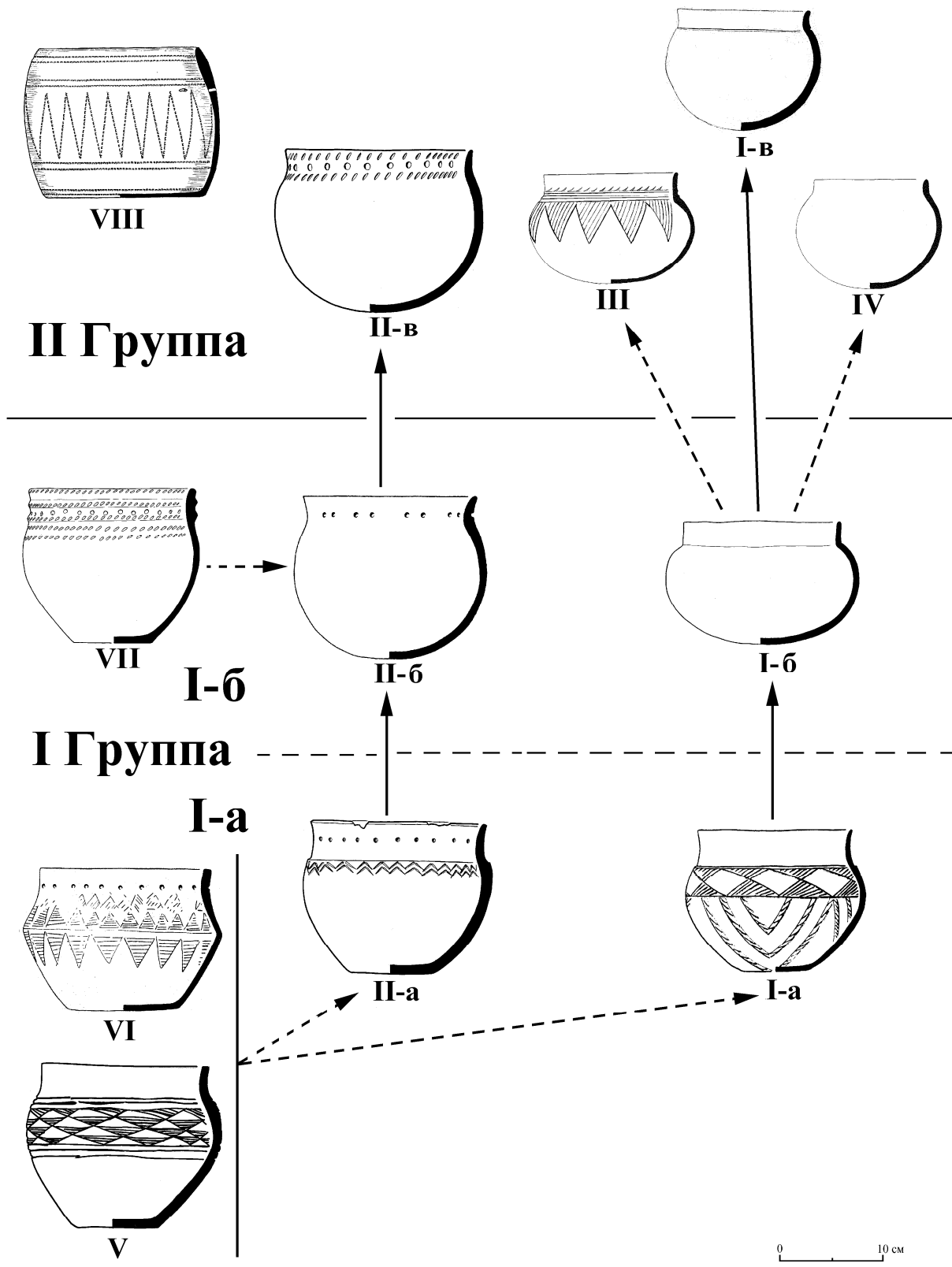

Рис. 77. Схема взаимосвязи карасукских сосудов разных типов

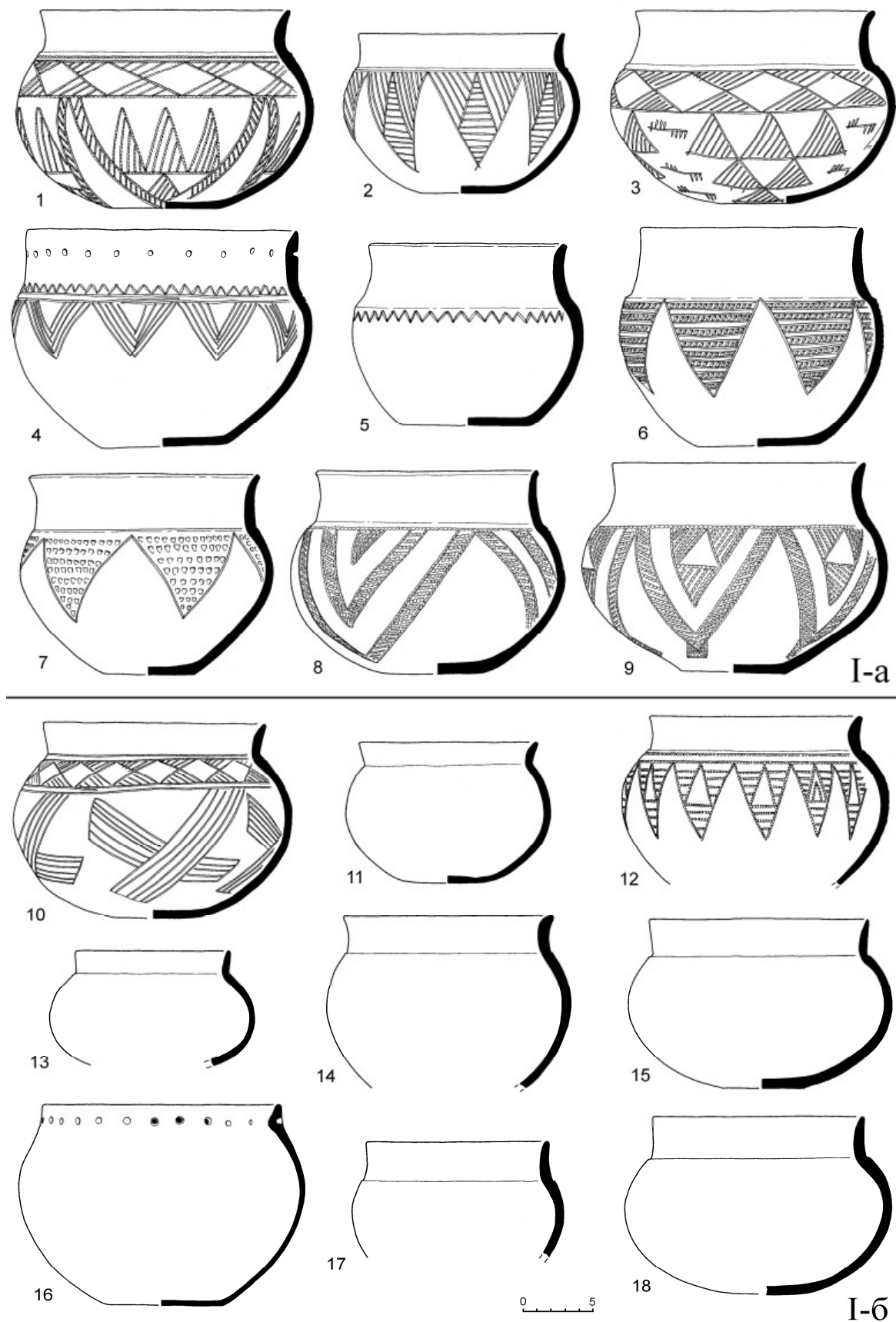

Рис. 78. Керамика I этапа из материалов могильников Кюргеннер I и II:

1 — к. 2, м. 2; 2, 3 — к. 2, м. 2; 4 — к. 26; 5 — к. 75, м. 2; 6 — к. 81; 7 — К II, к. 12, м. 1; 8 — к. 29, м. 1; 9 — к. 31, м. 1; 10, 11 — к. 19; 12 — к. 23, м. 1; 13 — к. 28, м. 2; 14 — к. 23, м. 2; 15 — к. 69, м. 2; 16, 17 — к. 33, м. 1; 18 — к. 84

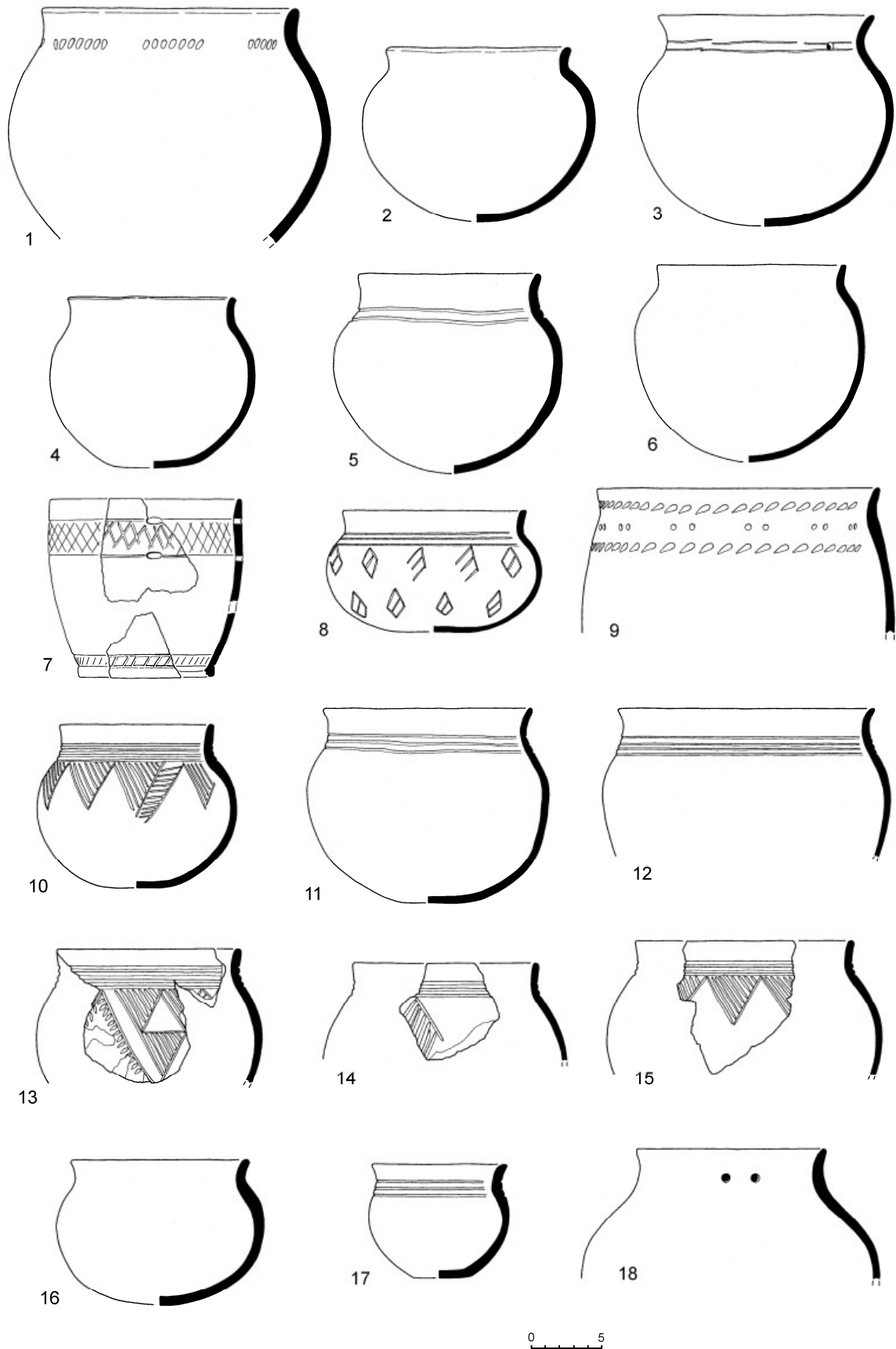

Рис. 79. Керамика II этапа из материалов могильников Кюргеннер I и II:

1, 2 — к. 12, м. 1; 3 — к. 10; 4—6 — к. 25, м. 3; 7 — к. 43, м. 2; 8 — к. 43, м. 3; 9 — к. 45; 10 — к. 47, м. 3; 11, 12 — к. 50, м. 2; 13 — к. 52, м. 2; 14, 15 — к. 52, м. 3; 16 — К II, к. 12, м. 2; 17 — К II, к. 12, м. 5; 18 — К II, к. 19

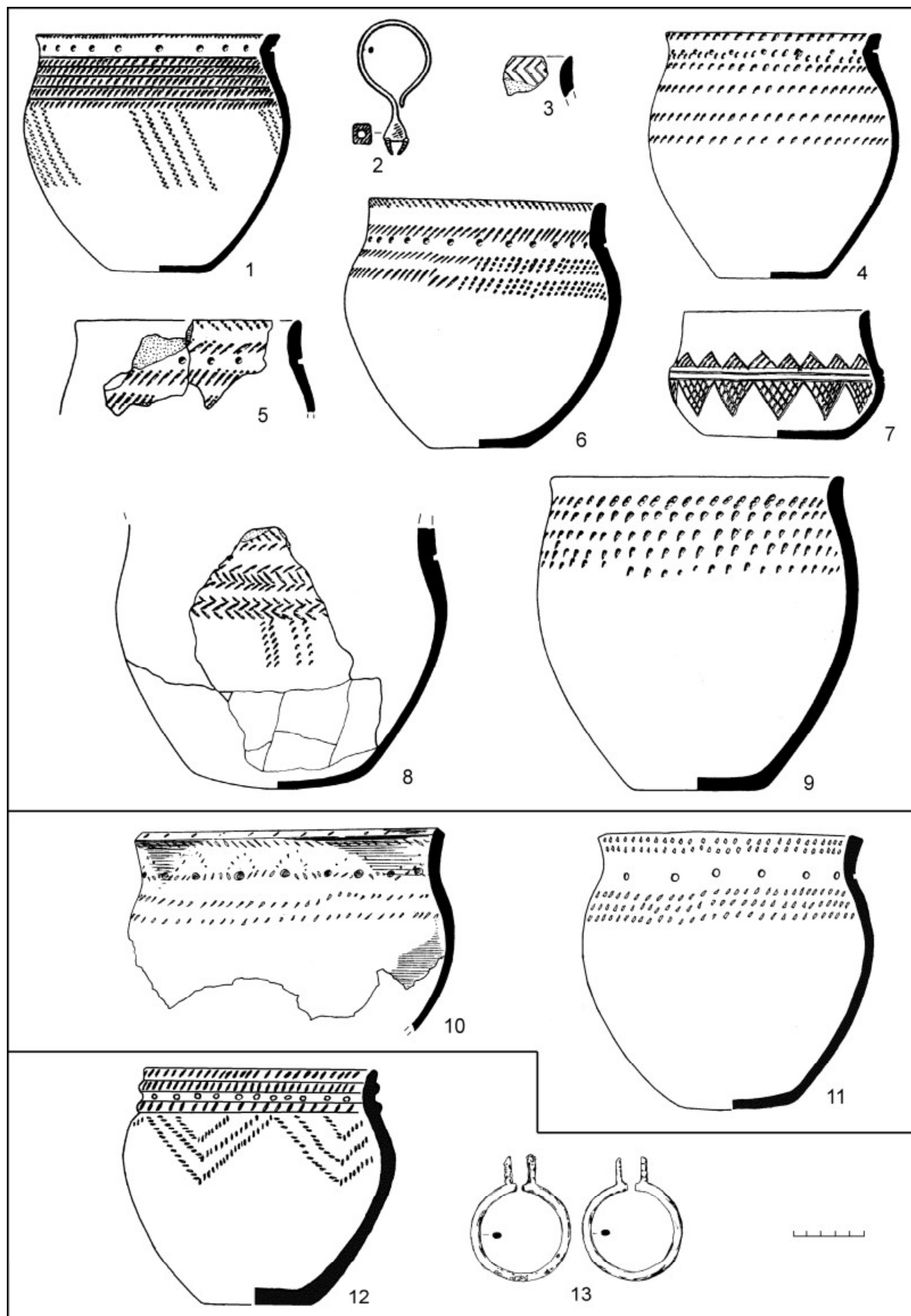

Рис. 80. Инвентарь атипичных погребений из карасукских могильников:

Малые Копёны III: 1, 2 — к. 48; 3 — к. 26; 4, 5 — к. 79; 6 — к. 61; 7 — к. 60; 8 — к. 35-Б, м. 2; 9 — к. 58; Арбан I: 10, 11 — м. 27; Потрошилово II: 12, 13 — к. 3; 1, 3—12 — керамика, 2, 12 — бронза

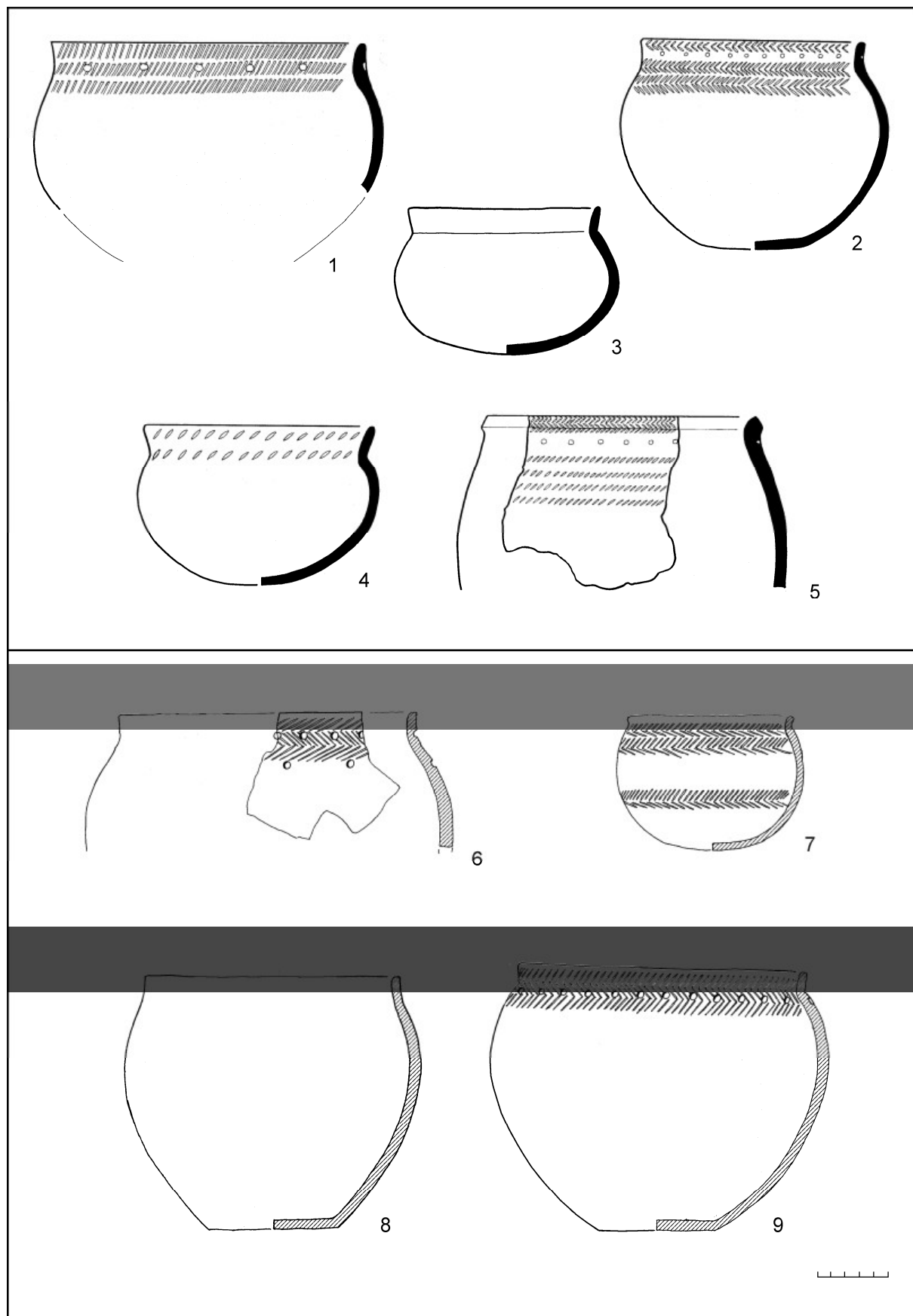

Рис. 81. Инвентарь атипичных погребений из карасукских могильников:

Сухое Озеро II: 1 — к. 240; 2, 3 — к. 263, м. 2; 4, 5 — к. 298, м. 2; Тюрим: 6 — к. 1, м. 8; 7 — к. 1, м. 5; 8 — к. 1, м. 13; 9 — к. 2, м. 1

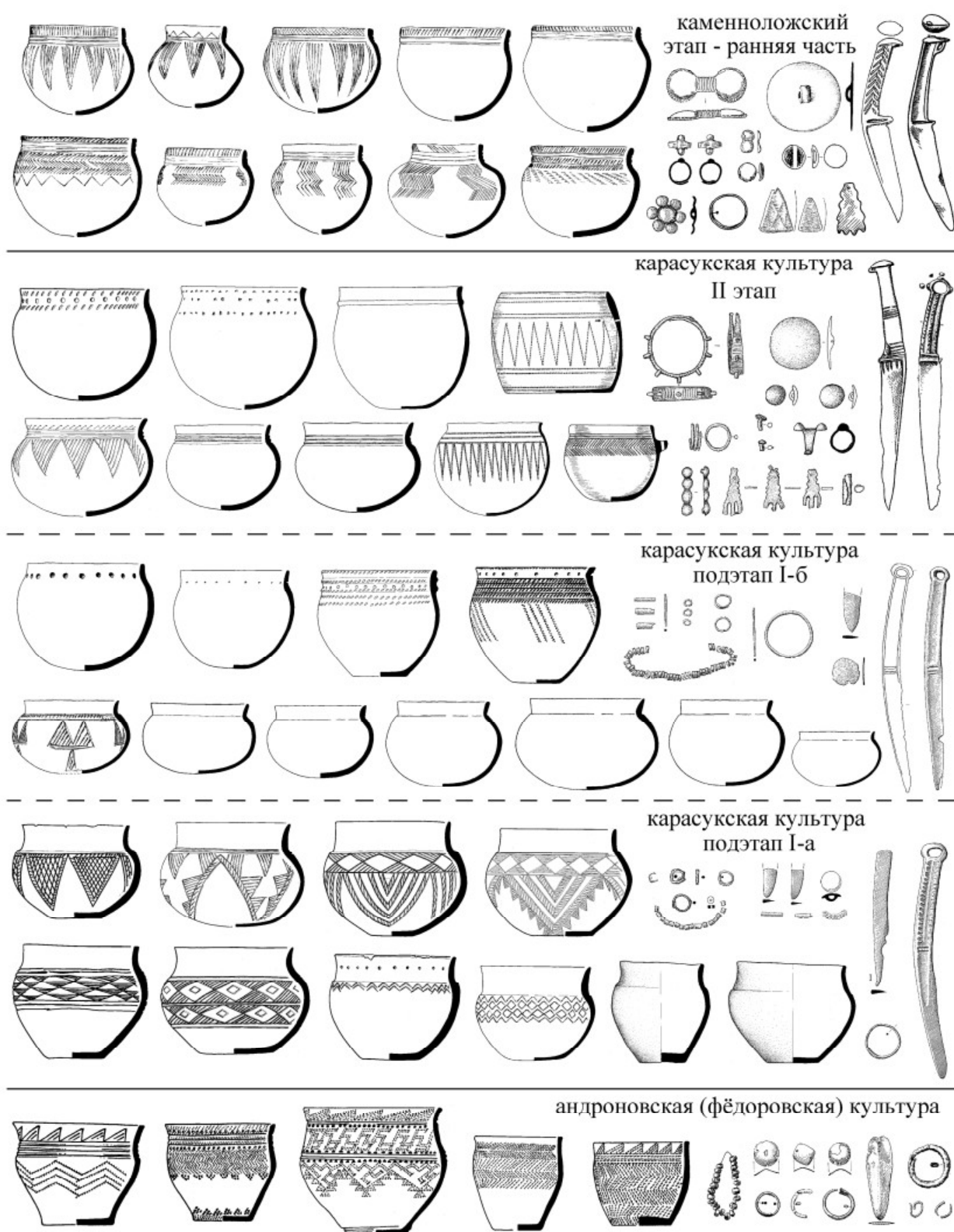

Рис. 82. Схема развития инвентаря погребений эпохи поздней бронзы на территории Среднего Енисея

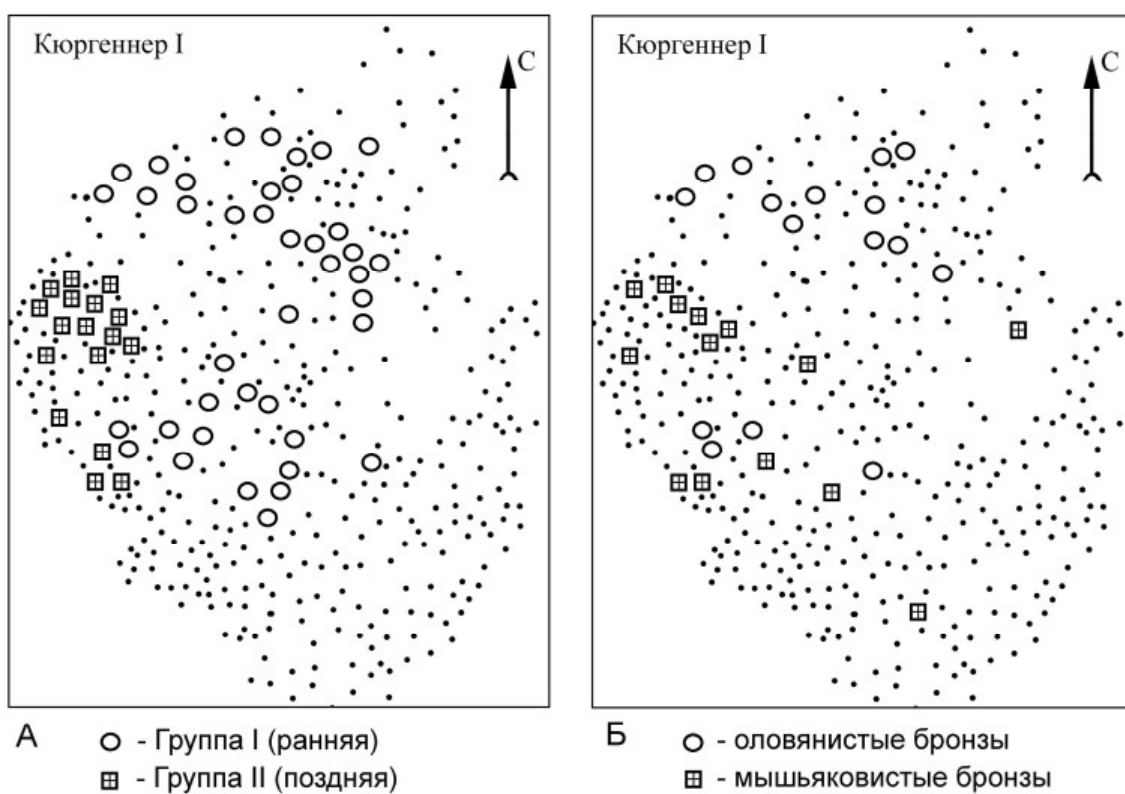

Рис. 83. Размещение на плане могильника Кюргеннер I погребений с различными признаками:
А — хронологические группы керамики; Б — тип сплава

SUMMARY

This volume represents a collective monograph, based on the materials of the Kyurghenner cemetery, situated on the Middle Yenisei in the northern part of the Minusinsk depression (Republic of Khakassia, Russian Federation). The site was studied by M. P. Gryaznov and M. N. Komarova in the course of the salvation excavations carried out by the Krasnoyarsk Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology in the flooding area of the Krasnoyarsk water power plant in 1965—1966. In two years the researchers studied 126 barrows and obtained valuable and in some instances unique materials, dated to the “classical” stage of the Karasuk culture (Late Bronze Age, XIII—XI cc. BC). They were immediately passed for storage to the State Hermitage, but due to various circumstances, which did not depend on the excavators’ will, remained unpublished. The present volume contains both the description of the evidence obtained during the field works and detailed analysis of these materials. It consists of five chapters and three appendixes.

The first chapter is based on M. P. Gryaznov’s and M. N. Komarova’s field reports, and on field notes taken by the participants of the expedition. In addition, it presents some of Gryaznov’s preliminary conclusions contained in his reports and brief publications. The illustrations include all the available plans and sections of the cemetery, as well as numerous drawings of finds stored in the Hermitage.

Three next chapters are written by A. V. Polyakov. They are devoted to the thorough analysis of the site. Chapter 2 gives a careful consideration of the complex of traits associated with the funerary rite. The analogies are sought for both within the Karasuk culture itself and among the Late Bronze Age sites of the adjacent regions. The chapter is concluded with the general characteristic of the cemetery materials. Chapter 3 is devoted to the position the cemetery within the frameworks of the current views on the relative chronology of the Late Bronze Age in the Middle Yenisei region. The example of Kyurghenner is used to illustrate the existence of two independent chronological horizons within the limits of the “classical” stage of the Karasuk culture. A new typology of the pottery coming from the burials of this stage is proposed in chapter 4.

Chapter 5, written by I. P. Lazarev, is devoted to the study of the group of atypical interments of Kyurghenner. The author offers a new vision of the process of formation of the later Kamennyi Log stage of the Karasuk culture. The appendixes include the list of the archive sources used by the authors, statistical tables, and the work by S. V. Khavrin, who analyzed the chemical composition of the bronze artifacts from Kyurghenner.

The monograph is intended for archaeologists, physical anthropologists, and ethnographers, but can also be of interest for numerous amateurs of history.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова, 1991: *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Бехтер, Хаврин, 2002: *Бехтер А. В., Хаврин С. В.* Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // *Центральная Азия и Прибайкалье в древности.* Улан-Удэ; Чита, 2002. С. 73—78.
- Бобров, 1992: *Бобров В. В.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.
- Бобров, 2003: *Бобров В. В.* Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // *Археология Южной Сибири.* Новосибирск, 2003. С. 11—17.
- Боковенко, Сорокин, 1995: *Боковенко Н. А., Сорокин П. И.* Новые погребальные памятники начала I тысячелетия до н. э. на юге Хакасии // *Археологические изыскания.* № 24. СПб., 1995. С. 76—84.
- Боковенко, Смирнов, 1998: *Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А.* Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998. С. 39—65.
- Бурув, 1987: Бурув В. Ф. Новые археологические находки у с. Краснополье // *Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1987. С. 76—78.
- Вадецкая, 1986: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980: *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Варёнов, 1984: *Варёнов А. В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // *Новое в археологии Китая, исследования и проблемы.* Новосибирск, 1984. С. 42—51.
- Варёнов, 1997: *Варёнов А. В.* «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Т. III. Новосибирск, 1997. С. 170—175.
- Варёнов, 2005: *Варёнов А. В.* К датировке северокитайских памятников цинлунского типа с «карасукскими» ножами // *Теория и практика археологических исследований.* Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 162—166.
- Варфоломеев, 1987: *Варфоломеев В. В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана.* Караганда, 1987. С. 56—68.
- Волков, 1981: Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Гришин, 1962: *Гришин Ю. С.* Древние памятники среднего течения р. Онона // *Монгольский археологический сборник.* М., 1962. С. 75—110.
- Гришин, 1975: *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный век Забайкалья. М., 1975.
- Громов, 1995: *Громов А. В.* Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // *Антропология сегодня.* 1995. Вып. 1. С. 130—150.
- Громов, 2002: *Громов А. В.* Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Грязнов, 1965: *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции // *КСИА.* 1965. Вып. 100. С. 62—71.
- Грязнов, 1966: *Грязнов М. П.* О чернолощёной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // *КСИА.* 1966. Вып. 108. С. 31—34.
- Грязнов, 1979: *Грязнов М. П.* Вступление. Карасукская культура // *Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее.* Новосибирск, 1979. С. 29—39.
- Грязнов, 1999: *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.
- Грязнов, Комарова, 1966: *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки могильников в Западной Сибири // *АО 1965 года.* М., 1966. С. 12—15.
- Грязнов, Комарова, 1967: *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Карасукский могильник Кюргеннер // *АО 1966 года.* М., 1967. С. 137—138.
- Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968: *Грязнов М. П., Пяткин Б. Н., Максименков Г. А.* Карасукская культура // *История Сибири.* Л., 1968. Т. 1. С. 180—187.
- Демин, Ситников, 1998: *Демин М. А., Ситников С. М.* Поселение Чекановский Лог-1 — новый памятник эпохи поздней бронзы Юго-Западного Алтая // *Древности Алтая.* Известия лаборатории археологии № 3. Горно-Алтайск, 1998. С. 43—54.
- Демин, Ситников, 2002: *Демин М. А., Ситников С. М.* Поселение Чекановский Лог-1 в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей // *Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура.* Барнаул, 2002. С. 29—36.
- Дэвлет, 1973: *Дэвлет М. А.* Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Тодже (Восточные Саяны) // *Проблемы археологии Урала и Сибири.* М., 1973. С. 74—84.
- Евдокимов, 1975: *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения // *СА.* 1975. № 4. С. 163—172.
- Евдокимов, 1983: *Евдокимов В. В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск, 1983. С. 35—47.
- Заднепровский, 1992: *Заднепровский Ю. А.* Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // *Древности.* № 3. М., 1992. С. 115—127.
- Завитухина, Морозов, 2003: *Завитухина М. Н., Морозов С. В.* Тагарский могильник Кичик Кюзюр I в Хакасии (раскопки 1965—1967 гг.) // *Государственный Эрмитаж. Археологический сборник.* СПб., 2003. № 36. С. 100—116.
- Зданович, 1979: *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

- Зданович, 1983: *Зданович С. Я.* Происхождение саргагинской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 69—80.
- Зданович, 1988: *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зиеп Динь Хоа, 1966: *Зиеп Динь Хоа.* Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.
- Зяблин, 1977: *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копёны III. М., 1977.
- Иванов, 1989: *Иванов Г. Е.* Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне Алтайских ленточных боров // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 23—26.
- Иванов, 1993: *Иванов Г. Е.* Два поселения эпохи поздней бронзы в Степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 132—146.
- Иванов, 2004: *Иванов Г. Е.* Керамический комплекс поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 49—56.
- Леонтьев, Капелько, Есин, 2006: *Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Кирюшин, Шамшин, 1987: *Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б.* Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья. Барнаул, 1987. С. 137—158.
- Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990: *Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Удодов В. С.* Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104—128.
- Киселёв, 1949: *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.
- Киселёв, 1951: *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Ковалёв, 1997: *Ковалёв А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 80—112.
- Кожин, 1969: *Кожин П. М.* К вопросу о происхождении иньских колесниц // Сборник МАЭ. Т. XXV. Л., 1969.
- Козинцев, 1977: *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Комарова, 1975: *Комарова М. Н.* Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 85—94.
- Кучера, 1988: *Кучера С.* Новое достижение археологов и антропологов КНР. Краниологическая серия Гумугоу // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1988. С. 3—14.
- Кызласов, 1971: *Кызласов Л. Р.* Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170—188.
- Кызласов, 1979: *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.
- Лазаретов, 1991: *Лазаретов И. П.* Относительная хронология каменоложских памятников юга Хакасии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 105—107.
- Лазаретов, 1993: *Лазаретов И. П.* К вопросу о валиковой керамике Южной Сибири // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 129—132.
- Лазаретов, 1995: *Лазаретов И. П.* Каменоложские погребения могильника Арбан I // Археологические изыскания. 1995. № 24. С. 39—46.
- Лазаретов, 1996: *Лазаретов И. П.* Керамика поселения Торгажак // Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак; Санкт-Петербург, 1996. С. 33—37.
- Лазаретов, 1997: *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 19—64.
- Лазаретов, 2001: *Лазаретов И. П.* Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 103—107.
- Лазаретов, 2006: *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Лазаретов, 2007: *Лазаретов И. П.* Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. 2007. № 14. С. 93—105.
- Лазаретов, 2008: *Лазаретов И. П.* Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. 2008. № 15. С. 37—54.
- Липский, 1949: *Липский А. Н.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 75—86.
- Липский, 1956: *Липский А. Н.* Карасукские погребения (1200—700 гг. до н. э.) в городе Абакане // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. № 1. С. 93—157.
- Липский, 1963: *Липский А. Н.* Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 57—89.
- Ломан, 1987: *Ломан В. Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115—129.
- Максименков, 1964: *Максименков Г. А.* Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 19—23.
- Максименков, 1969: *Максименков Г. А.* Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине? // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 159—161.
- Максименков, 1975: *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48—58.
- Максименков, 1978: *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Максименков, 1980: *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3—26.
- Максименков, 2003: *Максименков Г. А.* Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003.
- Матвеев, 1993: *Матвеев А. В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.
- Матющенко, 2001: *Матющенко В. И.* Еловский археологический комплекс. Ч. 1: Еловский I курганный могильник. Омск, 2001.
- Матющенко, 2004: *Матющенко В. И.* Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.
- Матющенко, Сотникова, 1984: *Матющенко В. И., Сотникова С. В.* О природе культурно-исторических связей населения томского Приобья в эпоху бронзы // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 35—53.
- Маргулан, 1979: *Маргулан Д. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

- Мосин, Григорьев, 2000: *Мосин В. С., Григорьев С. А.* Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы // Этногенез уральских народов. Челябинск, 2000. Т. 1.
- Новгородова, 1970: *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Новгородова, 1989: *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М., 1989.
- Павлов, 1995: *Павлов П. Г.* К реконструкции карасукского погребального костюма // Археологические изыскания. 1995. № 24. С. 47—56.
- Павлов, 1999: *Павлов П. Г.* Карасукский могильник Терт-Аба. СПб., 1999.
- Паульс, 2000: *Паульс Е. Д.* Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 104—118.
- Поляков, 2002: *Поляков А. В.* Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб., 2002. С. 209—213.
- Поляков, 2005: *Поляков А. В.* Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 102—111.
- Поляков, 2006а: *Поляков А. В.* Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. 2006. № 13. С. 82—101.
- Поляков, 2006б: *Поляков А. В.* Периодизация классического этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Поляков, 2006в: *Поляков А. В.* О соотношении материалов карасукской и ирменской культур // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск, 2006. С. 449—451.
- Поляков, Хаврин, 2007: *Поляков А. В., Хаврин С. В.* Горизонтальная стратиграфия могильника Кюргеннер I (Хакасия) // Алтае-Саянская горная страна и история её освоения кочевниками. Барнаул, 2007. С. 206—209.
- Потёмкина, 1975: *Потёмкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. 1975. № 1. С. 53—64.
- Пшеницына, 1966: *Пшеницына М. Н.* Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее. АО 1965 года. М., 1966. С. 18—19.
- Пшеницына, 1967: *Пшеницына М. Н.* Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее. АО 1966 года. М., 1967. С. 143—145.
- Пяткин, 1967: *Пяткин Б. Н.* Датировка карасукских изогнутых ножей // ИЛАИ. 1967. С. 53—59.
- Пяткин, 1977: *Пяткин Б. Н.* Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 22—33.
- Рыкушина, 1976: *Рыкушина Г. В.* Антропология эпохи энеолита — бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976. С. 187—201.
- Рыкушина, 1977: *Рыкушина Г. В.* Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 57. С. 143—154.
- Рыкушина, 1979: *Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Рыкушина, 1980: *Рыкушина Г. В.* Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху // Палеоантропология Сибири. Новосибирск, 1980. С. 47—63.
- Рыкушина, 2007: *Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры. М., 2007.
- Савинов, 1995: *Савинов Д. Г.* ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 57—66.
- Савинов, 1996: *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
- Савинов, 2005: *Савинов Д. Г.* К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 28—34.
- Савинов, Поляков, 2007: *Савинов Д. Г., Поляков А. В.* Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. М., 2007. № 14. С. 62—92.
- Ситников, 1998: *Ситников С. М.* Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 71—84.
- Ситников, 2004: *Ситников С. М.* Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения и культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 125—144.
- Теплоухов, 1927: *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3, вып. 2. С. 91—108.
- Теплоухов, 1929: *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41—62.
- Удодов, 1994: *Удодов В. С.* Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994.
- Филиппова, 1980: *Филиппова Е. Е.* Новые находки в карасукском комплексе Хара-Хая // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 85—102.
- Филиппова, 1982: *Филиппова Е. Е.* Племена Хакасско-Минусинской котловины в эпоху поздней бронзы (погребальный обряд как исторический источник) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
- Хаврин, 1992: *Хаврин С. В.* Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 45—46.
- Хаврин, 1994: *Хаврин С. В.* Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. № 8. СПб., 1994. С. 104—113.
- Хаврин, 1999: *Хаврин С. В.* Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. LVIII. СПб., 1999. С. 32—35.
- Хаврин, 2001: *Хаврин С. В.* Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак — Арбан — Фёдоров Улус) // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 117—125.
- Хлобыстина, 1962: *Хлобыстина М. Д.* Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962.
- Хлобыстина, 1970а: *Хлобыстина М. Д.* Каменский могильник на Енисее и Усть-ербинская группа памятников // СА. 1970. № 1. С. 121—129.
- Хлобыстина, 1970б: *Хлобыстина М. Д.* К изучению минусинских культовых древностей // СА. 1970. № 3.
- Худяков, 1987: *Худяков Ю. С.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136—162.
- Черников, 1960: *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.

- Черных, 1983: *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1983. С. 81—99.
- Черных, Кузьминых, 1989: *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Членова, 1964: *Членова Н. Л.* Карасукская культура в Южной Сибири // *Материалы по древней истории Сибири (Древняя Сибирь. I том)*. Улан-Удэ, 1964. С. 263—279.
- Членова, 1966: *Членова Н. Л.* Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // *Древняя Сибирь*. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 212—228.
- Членова, 1972: *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова, 1977: *Членова Н. Л.* Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами // *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. М., 1977. С. 96—112.
- Членова, 1992: *Членова Н. Л.* К реконструкции культурно-этнического состава населения Минусинской котловины в карасукскую эпоху (анашевский тип керамики) // *Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова (часть первая)*. Омск, 1992. С. 73—75.
- Членова, 1994: *Членова Н. Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.
- Членова, 1998: *Членова Н. Л.* Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // *Сибирь в панораме тысячелетий*. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 670—683.
- Членова, Бобров, 1991: *Членова Н. Л., Бобров В. В.* Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // *Проблемы археологии Евразии*. М., 1991. С. 143—180.
- Чуев, Китов, 2007: *Чуев Н. И., Китов Е. П.* Археолого-антропологическое изучение древнего населения Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // *Вестник антропологии*. Вып. 15, ч. II. М., 2007. С. 284—291.
- Шамшин, 2004: *Шамшин А. Б.* Поселение Фирсово XVII и проблемы формирования корчажнинской культуры на Верхней Оби // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. Барнаул, 2004. С. 155—169.
- Шамшин, 2005а: *Шамшин А. Б.* Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул, 2005. С. 149—155.
- Шамшин, 2005б: *Шамшин А. Б.* Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казённая Заимка в Барнауле // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 28—34.
- Bokovenko, Legrand, 2000: *Bokovenko N. A., Legrand S.* Das karasukzeitliche Gräberfeld Ancil Con in Chakassien // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2000. Band 6. S. 210—248.
- Bunker, Kawami, Linduff, Wu, 1997: *Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En.* Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997.
- Khavrin, 1992: *Khavrin S.* The component analysis of Karasuk Culture // *The International Academic Conference of Archaeological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations*. Hohe-Hot, 1992. T. 2.
- Kotozekov, 2000: *Kotozekov G.* Ein bronzezeitlicher Grabkomplex aus dem Gräberfeld Podkuninskie Gory // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2000. Band 6. S. 281—295.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА — Институт археологии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии (позднее ИИМК РАН)
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ММ — Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова
МЭ — Материалы по этнографии
РАН — Российская Академия наук. М.

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына

МОГИЛЬНИК КЮРГЕННЕР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

ISBN 978-5-85803-427-8

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

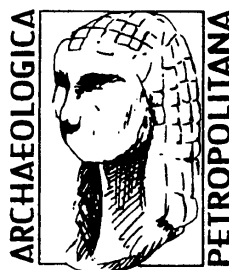
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 09.11.2010
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90^{1/8}. Объем 27, 8 уч.-изд. л
Тираж 500 экз.

Заказ №

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Серия существует с 1996 г. Базовая серия Института истории материальной культуры РАН; белые большеформатные книги этой серии стали своего рода визитной карточкой петербургской археологии. В серии вышли:

С. А. Васильев. Палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1996. 224 с.

Книга содержит полную публикацию материалов группы многослойных палеолитических стоянок, исследованных во время работ на водохранилище Майнской ГЭС на Верхнем Енисее. Дано описание стратиграфии памятников, реконструкция древней природной среды, многочисленных объектов слоев, богатой коллекции каменного и костяного инвентаря, украшений. Особое значение имеет уникальная находка палеолитической глиняной статуэтки.

Д. Г. Савинов. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1996. 112 с.

Поселение Торгажак (относится к позднему этапу карасукской культуры и датируется X—IX вв. до н. э.) — самое крупное из всех известных в настоящее время поселений эпохи поздней бронзы — находится на юге Минусинской котловины. Найдено большое количество (более 150) предметов из бронзы, кости, рога и камня (бронзовые серпы, зернотерки, наконечники стрел, предметы конской упряжи, каменные крышки от сосудов и др.); несколько тысяч фрагментов керамики от 300—400 сосудов. Постройки Торгажака могут одновременно рассматриваться и как самые ранние «храмовые» сооружения древнего населения Южной Сибири.

Н. Н. Гурина. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.

Монография содержит первую подробную публикацию результатов 20-летних исследований Кольской археологической экспедиции. В ходе работ было открыто более четырехсот археологических памятников, целый ряд из них изучен стационарными раскопками. Излагаются данные исследований стоянок эпох мезолита, неолита и раннего металла, а также средневековья. Сведены имеющиеся данные о погребениях каменного века и эпохи раннего металла, предложена типология основных категорий инвентаря каменного века и эпохи раннего металла. Рассмотрены история археологического изучения Кольского полуострова, палеографическая обстановка региона.

М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: Проблемы и источники. Том I. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 464 с.

Публикуемая работа прежде всего раскрывает основные этапы становления культуры Северного Поморья. Поскольку основные культурные новации региона связаны с жизнью посадов и прилежавших к ним окрестностей, в монографии исследуются наиболее важные этапы развития поморских посадов-городов. При этом авторы вводят в научный оборот очень значительный по объему и преимущественно новый по содержанию и составу пласт письменных документов. «Взгляд на Европейскую Арктику» — это не только взгляд на территории, которые можно назвать классической Арктикой, это также и попытка взглянуть на северные земли глазами тех насельников Поморского Севера, которые их и осваивали.

М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Том II. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. 432 с.

Монография продолжает исследования авторов по истории культуры Русского Поморья и является первой сводной публикацией археологических, архитектурно-археологических материалов и письменных документов по истории постсредневековых городов Архангельского Поморья. Второй том монографии посвящен истории наиболее ярких ремесел региона (обработке металлов и кости, иконописи и строительному делу), написан на уникальной источниковедческой базе: полевых археологических исследованиях и наиболее ценного пласта письменных документов по истории городских центров Северного Поморья — писцовых и переписных книгах XVII—XVIII вв.

Э. Б. Вадецкая. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. 300 с.

Книга посвящена сложным этногенетическим процессам, происходившим на территории Южной Сибири в I в. до н. э.—VII в. н. э. В работе дается всесторонний источниковедческий анализ могильников трех этнических групп I—IV и двух — V—VII вв. Производится реконструкция погребальных сооружений, мумий людей с глиняными и гипсовыми масками, кукол, сделанных из кожи и травы, а также гипсовых бюстов, изображающих покойников. Особую ценность представляет публикация минусинских могильников I—VI вв. (таштыкские грунтовые и склепы), исследованных с 1883 по 1991 гг., где значительно преобладают материалы из архивов, музеев (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Минусинск, Абакан) и копии автора.

В. П. Любин. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998.

Монография посвящена анализу и обобщению материалов раннепалеолитических стоянок и местонахождений Кавказа, относимых к ашельской эпохе, длительность которой в этой области по современным данным охватывает период 600—100 тыс. л. н. Основное внимание в монографии уделено шести ненарушенным пещерным стоянкам и богатым находками местонахождениям открытого типа.

Е. В. Беляева. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 216 с.

В каньоне реки Губс (Прикубанье) исследовано уникальное для Северного Кавказа скопление пещерных стоянок и открытых местонахождений мустьерской эпохи. Стратифицированные пещерные стоянки доставили более 60 000 кремневых изделий, кости животных и остатки неандертальского человека. Анализ коллекций каменного инвентаря и естественнонаучных данных (фауна, пыльца, литология отложений) из многослойной Монашеской пещеры позволяет проследить развитие каменной индустрии на фоне динамики природной среды. Сопоставление материалов всех памятников подтверждает единство и локальное своеобразие бытовавшей в каньоне культуры, связанной с более широким кругом мустьерских индустрий Северного Кавказа.

Н. Ф. Лисицын. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 232 с.

В монографии обобщены материалы исследования стоянок эпохи позднего палеолита в междуречье Чулыма и Енисея, наиболее изученного в Южной Сибири археологического региона, а также в сопредельных территориях. Представлен очерк развития природной обстановки, в которой обитал первобытный человек, приводятся данные об абсолютной и относительной хронологии, стратиграфии стоянок позднего палеолита. На основе результатов анализа каменного и костяного инвентаря показано культурное своеобразие памятников, выявлены общие тенденции в развитии синхронных каменных индустрий на территории Северной Азии.

В. П. Любин, Ф. Й. Геде. Палеолит Республики Кот д'Ивуар. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 160 с.

В книге проанализированы и обобщены все доступные материалы по ранней преистории Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). Они рассматриваются на широком фоне преистории сопредельных областей Западной Африки и обширных территорий, выделяемых в науке как «Африка к югу от Сахары». Большая часть описываемых памятников открыта и исследована впервые работавшими в Африке российскими палеолитическими экспедициями (1991, 1993) и ивуарийским археологом Ф. Й. Геде. Основное внимание уделено материалам, полученным в результате раскопок стратифицированных стоянок. Учтены также сборы поверхностных находок, сделанные во всех природных зонах страны.

В. А. Галибин. Состав стекла как археологический источник. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 216 с.

Работа посвящена проблемам изучения и интерпретации химического состава археологических находок из стекла с целью получения данных об их происхождении и времени их изготовления. Предлагается оригинальная методика интерпретации состава на основании учета нескольких сот признаков, для каждого из которых приводится хронологический интервал его использования. Методика интерпретации основывается на изучении состава нескольких тысяч образцов древнего стекла различного происхождения в хронологическом интервале от XXIII в. до н. э. до начала промышленного стеклоделия. Все образцы были подвергнуты автором количественному спектральному анализу, результаты его представлены в приложении, где в хронологическом порядке помещены 2774 анализа археологических находок из стекла из нескольких сот памятников, практически со всей территории бывшего Советского Союза и других стран, большинство из них публикуются впервые.

А. Е. Мусин. Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. 272 с.

Книга посвящена совместному изучению археологических и письменных памятников, отражающих процесс становления Церкви и Древней Руси и смены язычества христианством в IX—XIV вв. — преимущественно на территории Новгородской земли. Сочетание богословского и историко-археологического образования позволяет автору по-новому взглянуть на проблемы ранней истории русского христианства. Впервые собраны и проанализированы находки, связанные с начальными этапами становления христианства на Руси, предлагается новая интерпретация некоторых известий древнерусских летописей. Археологические памятники анализируются в свете канонического права и литургических текстов. В книге показаны пути христианизации Новгородской земли и этапы становления территории Новгородской епархии.

Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003. 432 с.

Предлагаемое вниманию читателей издание состоит из двух частей и представляет собой самый полный на уровне современного состояния науки свод материалов и исследований, касающихся изучения древнерусских нагрудных крестов-реликварий XI—XIII вв. как созданных на Руси, так и привезенных на Русь и ставших частью ее духовного и культурного наследия. В I части книги впервые публикуется исследование крупнейшего специалиста в области изучения средневекового прикладного искусства Г. Ф. Корзухиной (1906—1974) «Памятники домонгольского медного литья». Эта работа, написанная Г. Ф. Корзухиной в 1949 г., представляет собой монографическое исследование сложнейшего пласта древнерусских культовых древностей — крестов-энколпионов, выполненное на основе изучения 400 предметов и в основном учитывающее почти все известные типы древнерусских энколпионов. Работа содержит самую полную и пока единственную в отечественной историографии систему классификации этой категории древностей, аргументированные датировки и цельную картину развития данной отрасли художественного ремесла в Древней Руси. В полном объеме никогда ранее не издавалась. II часть книги, подготовленная А. А. Песковой, составляет Каталог крестов-энколпионов древней Руси, насчитывающее 1600 предметов.

Г. А. Максименков. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003. 192 с.

Книга посвящена погребальному обряду, материальной культуре, демографии и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея в скифское время, на раннем этапе сложения тагарской культуры. Материалом для комплексного исследования послужили три полностью раскопанных могильника на левом берегу Енисея — Гришкин Лог I, Черновая I и Новая Черная I, которые отражают постепенно складывавшиеся культурные и погребальные традиции. До публикации могильников отдельные вещи и антропологические материалы из них уже использовались некоторыми исследователями.

Вл. А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003. 240 с.

Монография посвящена публикациям материалов могильников Суглуг-Хем I и II и Хайыракан скифского времени в Туве. В ней дана характеристика погребального обряда в коллективных усыпальницах-срубах, каменных ящиках и склепах, разработана типология погребального инвентаря (керамики, наконечников стрел, оружия и т. д.). Все материалы опубликованы по комплексам, выделены хронологические индикаторы, на основании которых синхронизируются другие памятники позднего (озен-ала-белгиского) этапа скифской культуры в Туве и Монголии и памятники сюнну в Забайкалье.

А. В. Курбатов. Кожевенное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам археологических исследований 1993—1997 гг.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 312 с.

Работа посвящена изучению предметов из кожи, найденных при археологических раскопках 1993—1997 гг. на территории Тверского кремля. Впервые монографически рассматривается исключительное по объему собрание кожаных предметов, полученных в результате многолетних раскопок в кремле древнерусского города. Материалы охватывают период с 80-х гг. XIII в. по середину XV в. и отражают особенности средневекового городского кожевенного ремесла Великого Тверского княжества (1247—1485 гг.). Объем коллекции — более 82 тыс. единиц, включая все отходы кожевенного ремесла.

Е. В. Беляева, В. П. Любин. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 232 с.

Книга является монографическим изданием археологических материалов, полученных при исследовании высокогорной пещеры Кударо I (Центральный Кавказ), которая в раннем палеолите служила долговременной стоянкой древнейших обитателей региона — Homo erectus. Основу книги составляет подробный технико-морфологический и типологический анализ свыше 5,5 тыс. каменных изделий, принадлежащих к единой ашельской индустрии.

С. А. Васильев. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 144 с.

Монография содержит обзор новейших данных по ранним палеоиндейским культурам североамериканского континента на фоне развития природной среды в финале плейстоцена (10-12 тыс. лет назад). Обсуждаются проблемы первоначально заселения человеком Нового Света и соотношение древних культур Сибири и Северной Америки.

Издание рассчитано на специалистов: археологов, этнографов, антропологов, геологов, палеогеографов и палеонтологов, а также может быть использовано преподавателями и студентами кафедр археологии и этнографии университетов.

Е. В. Беляева, В. П. Любин. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. 108 с.

Книга посвящена ранней преистории Кавказа, периодом нижнего и среднего палеолита, когда территорию региона заселяли предшественники современного человека — архантропы и палеоантропы (неандертальцы). Заселение Кавказа, начиная с первого проникновения сюда ранних людей в самом начале плейстоценового периода, около 1,8 млн. лет назад, рассматривается в тесной связи с глобальными и региональными изменениями природной обстановки и доступностью природных ресурсов.

Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света / Под ред. Х. А. Амирханова, С. А. Васильева, Е. В. Беляевой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 224 с.

Подготовленный к 90-летию старейшего российского палеолитоведа профессора В. П. Любина сборник включает статьи ведущих специалистов по древнекаменному веку из России, Украины, Германии, Франции и Канады. Публикуются новые материалы по ранним памятникам Кавказа, Русской равнины, Ближнего Востока, Сибири.

С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов, др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

Словарь-справочник включает несколько тысяч терминов, используемых в археологии палеолита, с их английскими, французскими и немецкими эквивалентами. Кроме списков терминов, книга включает толкования понятий и снабжена иллюстрациями.

Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 232 с.

В работе использованы коллекции более чем 200 памятников эпохи мезолита и неолита крайнего Европейского Северо-Востока, в основном опубликованных, хранящихся в фондах музеев Москвы, Петербурга, Сыктывкара, Архангельска, Воркуты и других городов. В научный оборот вводятся материалы 15 стоянок, исследованных под руководством И. В. Верещагиной в бассейне Северной Двины.

Особое значение имеет свод всех зафиксированных ко времени написания работы памятников каменного века этой территории. Обширный иллюстративный материал и таблицы позволяют всем желающим проверить построения автора и включиться в продолжение разработки этой проблематики.

Книга рассчитана на специалистов-археологов, этнографов, палеогеографов, геологов, историков.

Заказывайте в электронном магазине книжной торговли:

<http://ozon.ru>